

**Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов»**

На правах рукописи

Гузеева Ольга Сергеевна

**СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ
УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ**

5.1.4 Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора юридических наук

научный консультант:

доктор юридических наук, профессор

Ястребов О.А.

Москва, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Механизм конституционализации российского уголовного права	24
§ 1. Онтология понятий и элементов процесса конституционализации уголовного права	24
§ 2. Механизм конституционализации уголовного права как динамическая система	51
§ 3. Реализация конституционных положений в уголовном праве: генетико-функциональные связи	79
Глава 2. Конституционная концепция уголовно-правовых отношений	104
§ 1. Взаимосвязь конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений	104
§ 2. Статус государства в уголовно-правовых отношениях	126
§ 3. Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях	159
Глава 3. Конституционные требования к противоправности преступного деяния	184
§ 1. Неправомерность деяния как конституционный критерий криминализации и признак преступления	184
§ 3. Уголовная ответственность за злоупотребление правами и свободами	216
§ 3. Уголовная ответственность за нарушение предписаний регулятивного законодательства	251
Глава 4. Конституционные основы оценки общественной опасности преступления	285
§ 1. Конституционно-правовое понимание общественной опасности преступления	285

§ 2. Общественная опасность преступления в контексте проблем иерархии конституционных ценностей	323
§ 3. Уголовно-правовой запрет и ограничение прав и свобод человека: проблемы соотношения	346
Глава 5. Институт уголовного наказания в конституционном измерении	374
§ 1. Конституционные основы понимания уголовного наказания в системе мер противодействия преступлениям	374
§ 2. Уголовное наказание как ограничение прав и свобод человека: цели и содержание	414
§ 3. Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания	452
Заключение	489
Список использованной литературы	498
Приложение	562

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Развитие и применение уголовного законодательства, которое по своей природе является крайним средством реагирования государства на общественно опасное поведение, должно осуществляться на основе строгого соблюдения конституционных стандартов, определяющих содержание прав человека и пределы действий государства по их ограничению в интересах обеспечения безопасности значимых социальных ценностей. Будучи подтвержденным Конституционным судом РФ, это требование призвано определять содержание правотворческой и правоприменительной практики, выступая одновременно условием и показателем качества уголовного закона. Его последовательное выполнение предполагает не только теоретическое уяснение и раскрытие содержания конституционных принципов регулирования уголовно-правовых отношений, но и воплощение в реальных правовых отношениях, а также постоянный мониторинг текущей работы законодательных и судебных органов на предмет соблюдения конституционных стандартов и наличие эффективно действующего механизма выявления и устранения любых отклонений от него.

Для обозначения целостного комплекса вопросов, связанных с организацией процесса реализации конституционных начал в отраслевом правовом регулировании, характеристики и оценки его результатов в правовой доктрине используется термин «конституционализация права».

Конституционализация уголовного права, будучи сама по себе важным правовым процессом, обеспечивающим условия легитимации отрасли, призвана решить ряд текущих проблем, обсуждение которых позволяет специалистам делать вывод о кризисном состоянии уголовного права: гарантировать соблюдение системных начал уголовно-правового регулирования, исключить внутриотраслевые и межотраслевые противоречия уголовного закона, обеспечить дозированное, минимально необходимое для

безопасного функционирования общества применение уголовно-правовых средств, способствовать повышению уровня правовой определенности уголовного закона, преодолеть противоречия правотворческого и правоприменительного уровней реализации уголовно-правовой политики, служить препятствием на пути неоправданного ограничения прав и свобод человека, раскрыть гуманитарный и гуманистический потенциал уголовного права.

При всей непреходящей ценности феномена конституционализации уголовного права приходится с сожалением констатировать, что он еще не в полной мере приобрел статус приоритетного направления научных исследований: опубликовано откровенно мало научных работ, посвященных этой теме, не разработан и не исследован механизм конституционализации уголовного права, в целом не сложился устойчивый научный дискурс, связанный с обсуждением вопросов соответствия уголовного закона основным конституционным началам регулирования уголовно-правовых отношений.

Между тем к сегодняшнему дню накоплен богатый опыт конституционной экспертизы отдельных положений уголовного закона Конституционным судом РФ, на нормативном и правоприменительном уровне определено значение Конституции РФ, международных актов гуманитарного права, решений органов конституционной и международной юстиции для формирования и применения уголовно-правовых норм. Этот опыт требует анализа, обобщения, систематизации, создает надежный эмпирический фундамент необходимых теоретических исследований.

Представляется, с учетом сказанного, что исследование целостного комплекса проблем, связанных с воплощением в уголовно-правовых нормах и институтах принципов и ценностей конституции, должно стать актуальной задачей уголовно-правовой науки на современном этапе ее развития. Конституционализация уголовного права должна стать центром уголовно-политических и уголовно-правовых дискуссий, основой научного и

широкого общественного диалога о состоянии и перспективах уголовно-правового регулирования.

Степень разработанности темы. Развитие конституционных положений в уголовном законе и соответствие уголовно-правовых норм предписаниям конституции страны в той или иной степени всегда привлекали внимание отечественных специалистов. Но только в 2006 году состоявшийся в МГУ им. М.В. Ломоносова I Всероссийский конгресс по уголовному праву, специально посвященный конституционным основам отрасли, возвел проблему конституционализации уголовно-правовых норм в ранг самостоятельной и актуальной темы¹. Состоявшееся здесь обсуждение выявило целый ряд значимых, но по преимуществу частных вопросов, к тому же пути и механизм их решения были по большей части лишь обозначены в качестве перспективы. В качестве глобальной темы проблема инструментального раскрытия нормативного предписания ч. 2 ст. 1 УК РФ о том, что Уголовный кодекс основывается на Конституции РФ, была сформулирована А.Э. Жалинским в 2009 году². Однако за прошедшее время опубликовано лишь две монографические работы, которые могут претендовать на статус обобщающих научных исследований конституционализации уголовного права – С.А. Антипова и А.В. Елинского³.

Анализ показывает, что основные усилия специалистов сосредоточены по преимуществу на изучении, безусловно, важных, но отдельных, частных аспектов отраслевой конституционализации уголовного права. Связь Конституции РФ и уголовно-правового регулирования исследуется в аспекте понимания предмета и метода уголовного права (Н.В. Генрих), пределов осуществления права государства на наказание (Т.Г. Понятовская), источников уголовного права (К.В. Ображиев), его межотраслевых связей (Н.И. Пикуров), криминализации (Ю.Е. Пудовочкин), а также некоторых

¹ Конституционные основы уголовного права: материалы I Всерос. конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006.

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 352 – 363.

³ Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012; Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении. – М.: Юрлитинформ, 2012.

уголовно-правовых институтов и конструкций, например: административной преюдиции (Н.А. Лопашенко), освобождения от уголовной ответственности (А.В. Ендольцева), ответственности за экономические преступления (Г.А. Русанов) и др. Такой подход к организации научных исследований, вне сомнений, способствует решению текущих проблем уголовно-правового регулирования, сосредотачивая внимание на наиболее проблемных его участках. Однако нельзя не признать, что он реализуется, с одной стороны, несистемно, а с другой стороны, в определенном теоретическом вакууме, связанном с отсутствием общей теории конституционализации уголовного права. Ее построение предполагает необходимость разработки таких недостаточно и неполно изученных в науке вопросов, как понятие и механизм конституционализации уголовного права, конституционный статус государства и личности как субъектов уголовно-правовых отношений, конституционные требования к конструированию и применению двух базовых, фундаментальных институтов уголовного права – преступления и наказания. Потребность в их обсуждении и разработке на этой основе общих подходов к конституционализации уголовного права служат дополнительным фактором, актуализирующим выбор темы исследования и определяющим его основные направления.

Объект диссертационного исследования составляют общественные отношения, в рамках и посредством которых обеспечивается воплощение конституционных основ уголовно-правового регулирования в процессе создания и применения уголовно-правовых норм.

Предмет диссертации – механизм конституционализации уголовного права, его отражение в нормах и практиках российского уголовного и конституционного права, а также результаты функционирования в современном российском политико-правовом пространстве. Рамки предмета сознательно ограничены концептуальным уровнем анализа, предполагая обсуждение и интерпретацию конституционных требований к статусу субъектов уголовно-правовых отношений, определению общих,

категориальных признаков преступления и наказания. Направленность работы не предполагает включение в орбиту анализа множества вопросов, которые условно можно назвать «частными» вопросами теории преступления и наказания. Речь идет о проблемах соучастия, множественности преступлений, неоконченного преступления, отдельных видов наказаний и правил их назначения. Исследование проблем конституционализации этих предписаний уголовного закона может составить перспективные направления последующих разработок.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке и аргументации фундаментальных положений концепции, определяющей содержание и механизмы конституционализации уголовного права.

Задачи диссертационного исследования, последовательное решение которых позволило достичь заявленной цели, состоят в следующем:

- конкретизировать и адаптировать для целей уголовного права, с учетом его специфики, общее учение о конституционализации права;
- исследовать институциональные и системные характеристики механизма конституционализации уголовного права;
- проанализировать функциональные аспекты механизма реализации конституционных положений в уголовном праве;
- раскрыть содержательную генетико-функциональную связь уголовно-правовых и конституционно-правовых отношений;
- проанализировать конституционные основы правового статуса государства и личности как субъектов уголовно-правовых отношений;
- детализировать содержание конституционных требований к пониманию признака противоправности преступления;
- обосновать особенности установления уголовной ответственности за деяния, связанные со злоупотреблением правом и нарушением норм регулятивного законодательства;

– конкретизировать конституционные представления об общественной опасности преступления в контексте анализа содержания и иерархии конституционных ценностей;

– оценить конструкцию уголовно-правового запрета в контексте конституционных положений об основаниях и пределах ограничения прав и свобод граждан;

– конкретизировать содержание конституционных требований к конструированию и применению уголовных наказаний;

– обосновать наличие конституционно обусловленной специфики уголовного наказания в системе мер противодействия преступлениям;

– обосновать перспективные решения в области установления и реализации уголовно-правовых запретов с позиций конституционно допустимого ограничения прав и свобод человека.

Методологическая основа диссертационного исследования образована совокупностью философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания, обеспечивающих объективность и всесторонность в изучении проблем конституционализации уголовного права. Философскую базу диссертации составили категории и принципы диалектики, предъявляющей к процессу исследования социальных явлений требования логической определенности, исторической конкретности, связи теории с практикой.

Методологическая основа исследования предопределена междисциплинарными познавательными возможностями конституционного правопонимания и состоятельностью его гносеологического и аксиологического потенциала.

В основу исследования положены системный и структурно-функциональный методы познания. Их постулаты и важнейшие понятия («модель», «структура», «функция», «система», «элемент», «оптимальность» и др.) позволили рассмотреть механизм конституционализации уголовного права в единстве образующих его компонентов и в качестве элемента общего

механизма правового регулирования общественных отношений. Для раскрытия отдельных аспектов темы использованы возможности рискологического анализа.

В процессе подготовки работы использованы общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация) и частно-научные методы уголовно-правовых исследований (логико-юридический, сравнительно-правовой, статистический, метод анализа документов, экспертный опрос).

Нормативную основу диссертации образуют:

– Конституция РФ, устанавливающая основы уголовно-правового регулирования, определяющая основания и пределы ограничения прав и свобод человека в интересах обеспечения безопасности;

– документы международного права, определяющие основание и пределы ограничения прав и свобод граждан (Всеобщая декларация прав человека (1948), Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (1950), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) и др.);

– Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ, иные федеральные законы, содержащие предписания об ограничении прав и свобод человека, совершившего преступления;

– документы, регламентирующие законотворческую деятельность, включая регламенты Государственной Думы и Совета Федерации, Закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и др.

В сравнительно-правовом аспекте были изучены конституционные и уголовно-правовые акты ряда зарубежных стран (Австрии, Беларуси, Бельгии, Великобритании, Венесуэлы, Германии, Греции, Дании, Ирана, Испании, Италии, Китая, Кубы, Мексики, Португалии, Турции, Франции, Швеции, Швейцарии).

Эмпирическая база диссертационного исследования включает в себя:

– итоги изучения правовых позиций Конституционного суда РФ по вопросам конституционного толкования правовых норм (прежде всего, норм УК РФ), устанавливающих основание и содержание ограничения прав и свобод человека, включая постановления Конституционного суда РФ (115 документов) и определения Конституционного суда РФ (187 документов), принятых в период с 1992 по 2020 год;

– результаты анализа правовых позиций Европейского суда по правам человека по вопросам, связанным с соблюдением прав человека в процессе уголовно-правового регулирования (22 документа);

– итоги обобщения правовых позиций Верховного суда РФ, раскрывающих общеобязательное содержание уголовно-правовых норм и правила их применения (10 документов);

– материалы изучения документов, отражающих процесс законотворческой деятельности (законопроекты, пояснительные записки к законопроектам (123 документа), заключения профильных комитетов Государственной Думы (116 документов), профильных комитетов и Правового управления Аппарата Совета Федерации (80 документов), отзывы на законопроекты о внесении изменений и дополнений в УК РФ (50 документов), размещенных в сети Интернет на официальном сайте Государственной Думы и Федерального Собрания РФ;

– итоги изучения особых мнений судей Конституционного суда РФ по отдельным решениям Конституционного суда РФ (10 документов);

– материалы научных конференций, посвященных проблемам конституционализации уголовного права, обеспечения качества и эффективности уголовного закона («Конституционные основы уголовного права», 2006; «Системность в уголовном праве», 2007; «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели», 2012 и др.);

– данные, полученные в процессе анкетирования работников научных и образовательных организаций высшего образования, представляющих специальности конституционного и уголовного права (163 человека), которое было проведено в 2020 – 2021 годах;

– результаты неформализованных интервью с экспертами в области уголовного права (докторами юридических наук), проводимых соискателем на всероссийских научных конференциях в 2019 – 2021 гг.

Теоретическая основа диссертации представлена:

– базовыми положениями конституционной теории, включая учение о конституционализации (В.Д. Зорькин, В.И. Крусс, Т.Я. Хабриева и др.), конституционном правопонимании (О.Е. Кутафин, В.С. Нерсисянц, Б.С. Эбзеев и др.), конституционной аксиологии (Н.С. Бондарь, В.А. Кряжков, С.П. Маврин и др.), применении Конституции РФ (М.В. Баглай, В.В. Ершов и др.), конституционном статусе личности (Н.В. Витрук и др.);

– общей теорией уголовной политики, сложившейся под влиянием работ М.М. Бабаева, С.С. Босколова, А.И. Бойко, А.И. Герцензона, Н.И. Загородникова, А.И. Коробеева, Г.Ю. Лесникова, Н.А. Лопашенко, Л.М. Прокументова, А.А. Тер-Акопова, В.Д. Филимонова и др.;

– учением о предмете, методе и источниках уголовного права, которое было заложено и развито в трудах Н.В. Генрих, Ю.В. Голика, А.Э. Жалинского, И.Э. Звечаровского, М.А. Кауфмана, Т.В. Кленовой, М.И. Ковалева, В.П. Коняхина, Н.М. Кропачева, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, Т.Г. Понятовской, Н.И. Пикурова, Ю.Е. Пудовочкина и др.;

– учением о преступлении, которое сложилось в работах Н.Д. Дурманова, Н.Г. Иванова, А.П. Козлова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, Ю.И. Ляпунова, В.В. Мальцева, А.А. Пионтковского, А.И. Рарога, Е.Н. Рахмановой, П.А. Фефелова и др.;

– учением о наказании, которое было сформировано в трудах А.А. Арямова, А.В. Бриллиантова, И.М. Гальперина, В.К. Дуюнова,

И.И. Карпеца, В.Е. Квашиса, С.И. Курганова, А.Ф. Мицкевича, И.С. Ноя, А.А. Толкаченко, М.Д. Шаргородского и др.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней на основе методологии конституционного правопонимания и с учетом научно обоснованного концепта конституционализации отраслей российского права разработана и обоснована концепция конституционализации уголовного права Российской Федерации. В рамках данной концепции:

– определены направления и цели конституционализации уголовного права как процесса воплощения в уголовном законодательстве конституционных стандартов ограничения и защиты прав человека;

– представлены результаты структурно-функционального анализа механизма конституционализации уголовного права, его объекта, субъектов и способов их взаимодействия;

– установлено функциональное тождество конституционализации уголовного права и процесса применения Конституции РФ субъектами регулирования уголовно-правовых отношений на нормативном и индивидуальном уровнях, конкретизированы формы реализации конституционных норм;

– дана развернутая характеристика взаимосвязи конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений с использованием концепта «правовой статус участника правоотношения», определено содержание уголовно-правового статуса государства и личности;

– выявлена и проанализирована структура противоправности преступления, определены роль и значение элементов этой структуры в механизме криминализации общественно опасных деяний и в инфраструктурном обеспечении принципа законности;

– определены особенности механизма установления уголовной ответственности за неправомерные деяния, связанные со злоупотреблением правом со стороны представителей государства и частных лиц;

– сформулированы правила инструментального учета межотраслевых связей уголовного права, обеспечивающие конституционную легитимность конструирования и применения уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией;

– раскрыт потенциал методологии рискологического анализа для инструментальной оценки общественной опасности в качестве производной от обратной пропорциональной зависимости значимости охраняемых конституционных ценностей от величины угрозы причинений ей вреда неправомерным поведением субъекта;

– установлены конституционно значимые признаки уголовного наказания, качественно отличающие его от иных правоограничительных мер, направленных на предупреждение преступлений и обеспечивающих его самостоятельную природу;

– представлен содержательный анализ института уголовного наказания с позиций соблюдения при его конструировании конституционных стандартов ограничения прав и свобод человека.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Конституционализация уголовного права представляет собой процесс воплощения в содержании уголовного законодательства и в практике его применения конституционных стандартов регулирования уголовно-правовых отношений в целях достижения в обществе оптимального баланса свободы и безопасности. Перманентность этого процесса предопределена трансформационной динамикой уголовно-правовых норм как объекта конституционализации, конституционных норм как идеала их соответствия, социально-политической и культурно-исторической обстановки как условий, в которых протекает толкование и применение правовых норм.

2. Механизм конституционализации уголовного права в единстве его структурных и функциональных характеристик представляет собой систему действий, отражающих предопределенную разделением властей роль субъектов конституционализации, и систему их взаимодействия в общем

процессе применения государством конституционных норм для регулирования уголовно-правовых отношений. Каждый структурный элемент этого механизма (парламент, президент, суды) обладает самостоятельной функцией, компетенцией и технологиями в деле воплощения конституционных стандартов в уголовно-правовом регулировании. Взаимодействие же субъектов развивается постоянно и циклически, следуя логике опровержения презумпции конституционности деятельности государственных органов на этапах правотворчества и правоприменения, притом замыкает цикл Конституционный суд РФ как единственный орган, наделенный полномочиями по подтверждению или опровержению конституционности уголовно-правовых норм.

3. Каждый из этапов правового регулирования предполагает свои приемы конституционализации уголовного права. На этапе правотворчества (общего правового регулирования) конституционализация осуществляется посредством конкретизации конституционных норм в уголовном законодательстве; поскольку пределы конкретизации права заданы исключительно нормативным уровнем правового регулирования, субъектом конкретизации уголовного закона выступает исключительно парламент. На этапе правоприменения (индивидуального правового регулирования) конституционализация уголовного права обеспечивается конституционным толкованием подлежащих применению или примененных уголовно-правовых норм; субъектом конституционализации здесь выступает суд. Конкретизация и толкование права – последовательно разворачивающиеся и постоянно повторяющиеся процессы, в своей совокупности обеспечивающие достижение цели конституционализации уголовного права.

4. Взаимосвязь государства и личности, в рамках которой государство обладает правом на издание уголовного закона, а граждане наделены обязанностью следовать его предписаниям, не может рассматриваться ни как часть предмета конституционного права, ни как часть предмета уголовного права. Познавательные и объясняющие возможности концепций

основополагающих конституционных и общерегулятивных уголовно-правовых отношений в данном случае не представляются эффективными. Соответствующие права государства и обязанности личности выступают элементами предустановленного на конституционном уровне правового статуса участников уголовно-правового отношения, обусловлены социальной природой субъектов и неотчуждаемы от них. Они образуют не содержание каких-либо особых правовых отношений, но выступают необходимой предпосылкой возникновения классических охранительных уголовно-правовых отношений.

5. Субъектами уголовно-правового отношения выступают государство и все лица, совершившие предусмотренное уголовным законом деяние, вне зависимости от их способности нести уголовную ответственность. В конституционном и доктринальном позиционировании уголовно-правового статуса этих субъектов до сих пор присутствует сильное влияние правовой концепции властеотношений, при которой государство в большей степени выступает как источник обязанностей личности, нежели гарант ее прав. Конкретизация уголовно-правового статуса государства и личности в результатах правотолковательной деятельности Конституционного суда РФ заставляет переосмыслить эту ситуацию. Конституционная специфика статуса государства состоит в том, что он воплощается по преимуществу в обязанностях государства, тогда как статус личности как слабой стороны отношения конкретизирован в ее правах. При этом правовой статус государства и личности в уголовно-правовых отношениях должен восприниматься как категория развивающаяся, общие контуры которой уточняются по мере развития права и утверждения правовой доминанты в функционировании государства.

6. Противоправность преступного деяния как его конститутивный признак обладает собственной структурой, которую образуют две самостоятельные характеристики, отражающие на первом уровне – свойства деяния, подлежащего криминализации (его неправомерность), а на втором –

результат криминализации (предусмотренность преступления в уголовном законе). Неправомерность подлежащего криминализации деяния выражает системные свойства права и акцессорную роль уголовного закона в процессе реагирования на два вида неправомерного поведения: злоупотребление правом и нарушение предписаний регулятивных норм. Только изначально неправомерное деяние может быть предусмотрено в законе в качестве преступления. В свою очередь, предусмотренность в законе воплощает требования принципа законности и включает в себя три компонента: описание преступления в федеральном кодифицированном законе, соответствующем конституции страны; соблюдение стандартов правовой определенности при конструировании состава преступления; исключительно уголовно-правовой характер санкции. Каждая из этих характеристик наполнена самостоятельным смыслом и обеспечивает гарантии прав человека в процессе уголовно-правового регулирования.

7. В процессе установления и реализации ответственности за злоупотребление правом следует предварительно определить содержание и пределы субъективных прав граждан, а затем, руководствуясь доктриной приоритета содержания над формой поведения субъекта, конструировать и применять состав преступления при условии, что вред от злоупотребления причиняется прямо или опосредованно правам и свободам граждан, поскольку криминализация злоупотребления правом, при котором вред причиняется исключительно интересам государства, конституционно недопустима. Отражение концепции злоупотребления правом в сфере уголовно-правовых отношений позволяет реализовать индивидуальную ответственность представителей государства за реализацию неправомерной политики нарушения прав человека, за нарушение прав человека представителями государства в процессе применения правовых законов, за злоупотребление правом со стороны граждан в качестве способа и содержания преступного деяния.

8. Установление уголовной ответственности за нарушение регулятивных норм, определяющих порядок реализации субъективных прав и его пределы с использованием приема бланкетного описания признаков состава преступления, избавляет правоприменителя от необходимости устанавливать объем и содержание этих прав и в этом отношении обладает сравнительно большим уровнем правовой определенности. Конституционная легитимность бланкетной диспозиции обеспечивается: отказом от признания нормы бланкетной, если регулятивное законодательство не знает легальных форм описанного в ней «незаконного» поведения; допустимостью ссылок лишь на общеобязательные регулятивные предписания; системным, иерархическим, непротиворечивым и подконституционным содержанием федеральных и региональных регулятивных норм; обеспечением равенства граждан за счет включения в состав преступления признаков, позволяющих универсализировать основание ответственности.

9. Перспективным направлением теоретического исследования и уголовно-правовой инструментализации общественной опасности в качестве признака преступления должна стать ее оценка не с позиций причиненного преступлением вреда, а с точки зрения вероятности причинения вреда конституционно значимым ценностям, что предполагает подключение потенциала методологии рискологического анализа для познания общественной опасности. Криминальную общественную опасность, необходимую и достаточную для установления уголовной ответственности, следует позиционировать как производную функции обратной пропорциональной зависимости между такими переменными, как значимость охраняемой ценности и величина угрозы причинения ей вреда: чем более значима конституционная ценность, тем меньшей будет выраженность угрозы, наличие которой дает основание для признания посягательства преступным. В соответствии с постулатами рискологии следует дополнительно отметить, что на оценку общественной опасности

преступления непосредственно влияют также свойства субъекта оценки, в том числе уровень его правовой и конституционной культуры.

10. Уголовно-правовая оценка общественной опасности преступления требует подключение теории конституционных ценностей к исследованию объекта преступления. В отсутствие предустановленной иерархии конституционных ценностей и признания их равнозначимыми все объекты преступления, будучи по природе своей конституционно значимыми ценностями, являются равновеликими и не могут сопоставляться друг с другом по шкале от менее ценных к более ценным, в связи с чем сопоставление опасности преступлений только на основе характера общественной опасности неоправданно. В основе оценки опасности преступлений должен лежать не сам по себе объект преступления, а степень его повреждения, вероятные и реальные последствия и иные обстоятельства. Сравнительная оценка конституционных ценностей, не позволяя выстроить их иерархию, тем не менее дает возможность соотнести между собой в каждой конкретной ситуации конкурирующие ценности в целях достижения между ними баланса в процессе криминализации деяний и применения уголовного закона.

11. Описание в диспозиции уголовно-правовой нормы тех или иных видов поведения, изначально обладающих свойством опасности и неправомерности, не может рассматриваться как проявление уголовно-правового ограничения прав и свобод человека. Напротив, поскольку некоторые виды поведения, причиняющие вред основным правам и свободам граждан, справедливо рассматривать в качестве формы нарушения прав человека, отсутствие уголовно-правового запрета на такое поведение или его неэффективность должны оцениваться как непризнание и нарушение прав человека со стороны государства.

12. С точки зрения конституционных стандартов прав человека уголовное наказание представляет собой относящееся к исключительному ведению и усмотрению федерального законодателя временное, не

подлежащее расширительному толкованию и произвольному применению, «позитивное», подлежащее двойному санкционированию на конституционном и законодательном уровне, соразмерное, пропорциональное, минимально необходимое, адекватное, обладающее свойством правовой определенности и преследующее цели достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов, ограничение прав и свобод человека, имеющее такое же естественное происхождение, как сами права и свободы.

13. Конституционно значимые признаки уголовного наказания, качественно отличающие его от иных правоограничительных мер, направленных на предупреждение преступлений и обеспечивающие его самостоятельную природу, состоят в том, что только наказание, сущностно определяемое виной лица, совершившего преступления, выражает собой его осуждение, морально-политическое порицание и содержит в себе нравственный упрек. Это обстоятельство актуализирует необходимость разграничения: а) правоограничительного содержания наказания – «ограничения или лишения прав и свобод», которое легитимировано конституционно предустановленной целью предупреждения преступлений, и б) исправительного содержания наказания, обеспечиваемого воспитательно-реабилитационными и социально-реинтеграционными пенитенциарными практиками, цель которых – исправление осужденного – выходит за пределы конституционно допустимых целей ограничения прав человека.

14. Система правоограничений, реализуемых в отношении лица, совершившего преступление, включает в себя: правоограничения, составляющие суть и содержание наказания или иной меры уголовно-правового характера; правоограничения, свойственные режиму исполнения или отбывания наказания или мер уголовно-правового характера; иные правовые последствия, реализуемые за рамками уголовно-правовых отношений. Ограничения прав и свобод, составляющие сущность уголовного наказания, могут определяться исключительно в уголовном законе и при

этом не должны касаться «сути личности», приводить к ситуации, в которой сами эти права и свободы утрачивают смысл, не должны быть жестокими или унижать человеческое достоинство. Исходя из этого, не должны подлежать ограничению в качестве уголовного наказания право человека на жизнь, равенство, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, право пользования родным языком, свобода убеждений, совести и вероисповедания, свобода мысли и слова, право на образование, государственную защиту и некоторые иные. Рациональным и достаточным для конструирования наказания следует признать лишение или ограничение трех конституционных благ: физической свободы, собственности и прав за занятие отдельными видами деятельности.

15. Конституционное требование соразмерности уголовного наказания ограничивает свободу усмотрения законодателя в его конструировании и применении. Таковыми ограничениями выступают: запрет жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов наказаний (в том числе телесных наказаний, пожизненного лишения свободы без права на досрочное освобождение и смертной казни); ограничение карательного воздействия на лицо, совершившее преступление, исключительно рамками уголовной ответственности и недопустимость кары за пределами уголовно-правовых отношений; обязательная дифференциация уголовного наказания и правил его назначения; пропорциональность установленного и назначенного наказания основаниям применения мер уголовной ответственности и его способность обеспечить достижение целей уголовно-правового воздействия.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке и обосновании концепции, способной служить методологической основой для дальнейшей конкретизации конституционных принципов в уголовном праве. Исследование подтвердило познавательную ценность методологического подхода, базирующегося на принципах конституционного правопонимания. Предложенное понимание механизма конституционализации уголовного права уточняет сложившиеся представления о его межотраслевых связях,

развивает теоретическое знание о порядке принятия и применения уголовного закона. Выводы относительно содержания и результатов процесса конституционализации уголовного права позволяют совершенствовать теоретические правила конструирования диспозиций и санкций уголовно-правовых норм. Установленные исследованием конституционные начала понимания преступления и наказания способствуют приращению научного знания о криминализации и пенализации общественно опасных деяний. Положения диссертации, связанные с разработкой конституционного статуса субъектов уголовно-правовых отношений, вносят свой вклад в актуальную дискуссию о соотношении свободы и безопасности. В целом работа углубляет и развивает такие разделы отраслевой правовой доктрины, как источники уголовного права, учение о преступлении, о мерах уголовно-правового характера, о задачах и функциях уголовного права; тем самым проведенное исследование способствует развитию уголовно-правовой науки в целом.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что сформулированные в ней выводы, предложения и рекомендации создают теоретическую основу укрепления гарантий прав и свобод человека в процессе конструирования и применения уголовно-правовых норм. Разработанная концепция, обоснованные методологические подходы и конструктивные решения позволяют использовать сформулированные выводы для целей конституционной модернизации уголовно-правовой системы России. В данном качестве положения диссертации могут служить исходной теоретической предпосылкой в законотворческой деятельности по совершенствованию УК РФ, в методологическом обеспечении законопроектной деятельности при обосновании решений о криминализации тех или иных общественно опасных деяний, а также в работе по оптимизации системы уголовно-правовых и иных правовых последствий преступлений. Выводы и предложения, обоснованные в диссертации, могут выступать основой для толкования уголовно-правовых норм Верховным судом РФ, а

также базой для разрешения ряда актуальных и сложных проблем практики применения уголовного закона в части характеристики объективных и субъективных признаков отдельных преступлений, оценки их общественной опасности, мотивировании судебных решений о выборе оптимальной меры уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступное деяние. Положения работы могут быть использованы также в учебном процессе при преподавании курса уголовного права студентам юридических вузов, в работе по повышению квалификации сотрудников судебной и правоохранительной системы, а также в научно-исследовательской деятельности при дальнейшей разработке проблем конституционализации уголовного права и его отдельных правовых институтов, и норм.

Апробация результатов и основных выводов исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в 48 научных публикациях, в том числе в 4 монографиях, в 18 статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России и в Перечень, утвержденный для публикации основных результатов диссертационных исследований, представляемых в защите в диссертационных советах РУДН, 4 статьи опубликованы в изданиях, индексируемых в международных научных базах. Сформулированные концептуальные положения стали предметом обсуждения на шести международных и иных научно-практических конференциях. Материалы исследования используются в научно-исследовательской работе юридического факультета ФГАОУ «Российский университет дружбы народов», ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», а также внедрены в практическую деятельность Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Структура работы определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 15 параграфов, заключения, списка литературы, приложения.

Глава 1.

МЕХАНИЗМ КОНСТИТУАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Онтология понятий и элементов процесса конституционализации уголовного права

Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году ознаменовало собой начало нового этапа в развитии правовой системы страны. При этом одной из базовых, ведущих его характеристик, вне сомнений, надо признать отчетливую тенденцию конституционализации всех правовых институтов, а также придание конституционного характера всем правотворческим и правоприменительным процессам и явлениям. Тенденция эта задана основополагающими предписаниями о роли Конституции в правовой системе страны. Согласно Конституции РФ, Россия есть правовое государство (ч. 1 ст. 1); Конституция РФ имеет верховенство на всей территории России (ч. 2 ст. 4); Конституция РФ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории России; законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15). В ответ на эти основополагающие положения, едва ли не все нормативные правовые акты России закрепляют в ряду первых своих предписаний тезис о том, что они основываются на Конституции страны. Уголовный кодекс РФ в этом отношении не является исключением. В ч. 2 ст. 1 УК РФ закреплено: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права».

Такое «двустороннее» (как в самой Конституции, так и в УК РФ) признание Конституции основой отраслевого законодательства отражает важный политико-правовой консенсус многонационального народа РФ как единственного источника власти в стране (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ) и

федерального законодателя как эксклюзивного субъекта уголовно-правового нормотворчества (п. «о» ч. 1 ст. 71 Конституции РФ). Но консенсус этот следует рассматривать не как итог развития правовых отношений в стране, а как исходную и, вместе с тем, финальную точку в конструировании, применении, проверке и оценке уголовного закона. Базирование уголовно-правовых норм и практики их применения на предписаниях Конституции РФ должно мыслиться в качестве идеальной ситуации, обеспечивающей легитимность уголовно-правовых запретов. Но идеальной не в смысле идеалистически недостижимой и выступающей лишь в качестве цели развития права, а идеальной в смысле самым надлежащим образом воплощаемой в правовой реальности. Этот процесс воплощения, утверждения, закрепления и развития конституционных начал в уголовном праве в самом первом приближении и может быть назван конституционализацией отрасли¹.

Приступая к его непосредственному анализу, представляется важным отметить, что при всей безусловной новизне концепции конституционализации уголовного права, проблематика, составляющая суть ее, не является для отечественной правовой науки чем-то совершенно неизвестным. Корни этой проблемы с определенной уверенностью можно усматривать в известном теоретическом споре о соотношении права и закона, который для российской правовой традиции, по преимуществу выдержанной в русле нормативизма, имеет большое значение. Как известно, впервые наиболее полно и зрело соответствующие рассуждения были оформлены в либертарной концепции права В.С. Нерсесянца, который последовательно различал право и закон, противопоставляя произвольные, субъективно-властные веления суверена объективным, выражающим сущность права

¹ В настоящем параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права как процесс // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 219 – 225; Гузеева О.С. О понятии и целях конституционализации уголовного права // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 3. – С. 109 – 112.

решениям¹. И хотя сам В.С. Нерсесянц не считал свою теорию естественно-правовой, специалисты вполне обоснованно, на наш взгляд, полагают, что его идеи являются современным прочтением теории естественного права². Однако при том, что дискуссии на тему соотношения естественного и позитивного права, права и закона, в теории права тему ведутся достаточно давно, отраслевая уголовно-правовая наука, по большому счету, оказалась к ним равнодушной. Едва ли не единственная попытка сформулировать правовые основы уголовного закона с прямым использованием термина «естественное уголовное право», осталась, по большому счету, незавершенной и не получила должного развития³.

Между тем, как верно отмечается в литературе, «провозглашение Российской Федерации правовым государством, означает не просто признание верховенства права и законодательства над какими-либо иными постулатами и догмами идеологического, религиозного и иного характера, способными подрывать установленный законодательством правопорядок, а доминирование идеи права как социальной ценности в обществе, без преувеличения конечно же его роли и абсолютизации, во избежание иной крайности – правового идеализма»⁴.

Допускаемые нами параллели между приданием уголовному закону правового характера и конституционализацией уголовного права, даже отождествление этих процессов, основаны на признании безоговорочно правового характера самой Конституции. Как верно пишет В.И. Крусс, «для правового суждения базового, основополагающего порядка условие легитимности логически дезавуируется, легитимность же вырастает для

¹ Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. – М.: Рос. право, 1992; Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996; Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М.: Норма, Инфра-М., 2002.

² Архипов С.И. Либертарная теория права В.С. Нерсесянца: достоинства и недостатки // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2015. – № 5. – С. 8. Режим доступа: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/517> (дата обращения: 01.12.2019 г.).

³ См.: Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовые основы уголовной политики // Российское правосудие. – 2013. – № 5 (85).

⁴ Авдеев Д.А. Конституционализация правовой политики в современной России // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 26.

уровня выражения (снятия) народного суверенитета». И далее: «Современная национальная Конституция (Конституция РФ, в частности) есть безоговорочное право как таковое; право, призванное обеспечивать все актуализируемые жизнью общественные отношения в нормативном упорядочении отношений и разрешении социальных конфликтов»¹. Если Конституция и есть «право», то **конституционализация и придание правового характера уголовному закону – суть один и тот же процесс** (это утверждение поддержано двумя третями опрошенных нами специалистов в области уголовного и конституционного права).

Такое понимание призвано предостеречь от подчеркнуто формального, и потому уже поверхностного взгляда на проблему соотношения УК РФ и Конституции РФ как на проблему соотношения иерархически соподчиненных нормативных правовых актов, имеющих, тем не менее, принципиально различную предметную сферу регулирования. Роль Конституции не сводится к восполнению пробелов в отраслевом регулировании (в силу наличия у нее всеохватывающего объекта правовой регламентации) и разрешению правовых коллизий (в силу обладания высшей юридической силой). Она несомненно богаче содержательно и принципиально важнее сущностно. Роль эта состоит в правовой легитимации уголовного закона и основанной на нем правоприменительной практики. Отсюда – и суть процесса конституционализации определяется не как обеспечение соответствия нижестоящего в иерархии закона вышестоящему закону, а как обеспечение соответствия закону праву².

Такой взгляд с необходимостью предполагает обращение к вопросам правопонимания и уяснению сути самого феномена права. Не имея целью детально исследовать этот вопрос, согласимся с распространенным и в

¹ Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. – С. 33.

² Параллельно заметим, что различие понятий «соответствие закону» и «соответствие Конституции», «законности» и «конституционности» свойственно и практике Конституционного Суда РФ. См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации».

основе своей верным определением, согласно которому право являет собой меру свободы, равенства, справедливости и ответственности; оно есть «математика свободы», нормы, справедливо определяющие меру свободы на основе равенства¹.

В социально-политических, социально-экономических, социально-психологических отношениях, составляющих сферу действия права такая «математика» означает, прежде всего, баланс интересов участников общественной жизни, при котором в рамках наличных у общества полноценная реализация возможностей одних субъектов обеспечивается без ущемления прав иных лиц, равно как допускаемые в государстве правоограничения подчиняются этой же идее обеспечения справедливого баланса интересов участников правового конфликта.

Не случайно в современной науке цель конституционализации отраслей права и законодательства определяется как достижение состояния оптимальной обеспеченности основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в стратегически выверенном (взвешенном) балансе всех конституционных ценностей², как «оптимальный баланс конституционных прав и обязанностей между всеми субъектами правопользования»³.

С точки зрения исследуемой нами отраслевой проблематики, цель конституционализации уголовного права (не артикулированная по сегодняшний день в литературе) может быть конкретизирована. По нашему убеждению, она заключается в последовательном и развернутом воплощении в тексте уголовного закона, прежде всего, предписаний ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, согласно которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

¹ Нерсисянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристъ, 1996.

² Крусс В.И. Перспективы и проблемы конституционализации российского законодательства // Юридический вестник ДГУ. – 2013. – № 4. – С. 70.

³ Углов А.С. Некоторые аспекты конституционализации трудового законодательства Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2013. – Выпуск 36. – С. 247.

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». В теоретической интерпретации можно уверенно (с учетом мнений почти половины опрошенных экспертов) утверждать, что **цель конституционализации уголовного права состоит в достижении оптимального баланса ценностей свободы и безопасности в процессе противодействия преступности.**

Соответственно, сама конституционализация должна пониматься как весьма широкое явление подлинной юрисдикции уголовно-правовых отношений и вызванных преступлением социальных конфликтов¹. При этом важно, что в имеющихся определениях конституционализация не рассматривается как некая разовая акция или процесс, завершающийся раз и навсегда данным результатом. Она есть:

- соответствующий национальной конституционной модели суверенный процесс институционального и нормативного усовершенствования (развития, обновления) государства и права², «перманентный процесс надлежащего качественного объективирования и оформления национальной правовой материи во всех конституционно признанных и допустимых для нее первичных (спекулятивно-умозрительных) и вторичных (материально-письменных) формах³;

¹ Специалисты отмечают, что феномен конституционализации может иметь широкое и узкое толкование. Узкое толкование применяется в современном конституционном праве, где под конституционализацией права понимается возведение правовой нормы в ранг конституционного положения (Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). – М.-Новосибирск: ООО «Изд-во ЮКЭА», 2002. – С. 153 – 154), как «включение в Конституцию основных принципов и статусов тех или иных субъектов конституционно-правовых отношений, в результате чего их правовое положение определяется законом достаточно детально (Кузьмин А.Г. Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 14 – 20). В широком контексте конституционализация – «сложный, объективный, многомерный и динамичный процесс приведения в соответствие с Конституцией не только текста, но и смысла норм, принципов, институтов права, правоприменительного толкования, что обеспечивает единство правового регулирования, а также стабильность экономического развития» (Подорожная Т.С. Конституционализация системы законодательства Украины: основные требования принципа конституционности и обеспечение правового порядка // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2015. – № 1. – С. 88). В рамках настоящей работы, учитывая ее цели и направленность, конституционализация будет пониматься именно в этом втором, широком аспекте.

² Кресс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. – С. 16.

³ Кресс В.И. Перспективы и проблемы конституционализации российского законодательства // Юридический вестник ДГУ. – 2013. – № 4. – С. 71.

- динамичное правовое развитие социально-экономических процессов на основе и в соответствии с ценностями современного конституционализма¹;

- продолжающийся процесс конкретизации начал, освоения конституционных ценностей и норм в действующем законодательстве².

Взгляд на конституционализацию как на процесс предполагает ее оценку, как минимум, с двух сторон.

Во-первых, в силу «живого характера» Конституции, в силу содержательной трансформации некоторых ее положений, теоретически допустимой и оправданной динамикой социальных отношений, в силу потенциально неисключенной трансформации самого текста Конституции, сверка отраслевого (в частности, уголовного) законодательства с конституционными стандартами будет продолжаться до тех пор, пока существует УК РФ и Конституция как эталон для его оценки³. Условно этот процесс можно обозначить в качестве эволюционной (исторически обусловленной) конституционализации.

Во-вторых, сама сверка положений уголовного законодательства с Конституцией и воплощения положений Конституции в УК РФ также может быть рассматриваема как некий процесс, который, опять же условно, может быть назван содержательной, актуальной конституционализацией. Представляется, что в первом случае конституционализация в большей степени составляет предмет интереса конституционного права, а также специалистов в области истории права, правовой антропологии и правовой

¹ Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). – М.: Вектор-Медиа, 2006.

² Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 6. – С. 25 – 30; Кузьмин А.Г. Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий // Российский судья. – 2014. – № 9. – С. 14 – 20.

³ Только с этих позиций можно согласиться с мнением Т.С. Подорожной о том, что процесс конституционализации предполагает три этапа: а) разработку и принятие основополагающего акта, имеющего название «Конституция»; б) воплощение закрепленных в ней положений во все структуры правовой системы; в) обеспечение приоритета конституционных положений над всеми другими правовыми явлениями и строгое соблюдение их в повседневной деятельности государственными органами и гражданами. См.: Подорожная Т.С. Конституционализация системы законодательства Украины: основные требования принципа конституционности и обеспечение правового порядка // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2015. – № 1. – С. 88.

культурологии. Во втором случае проблематика конституционализации уголовного закона может рассматриваться как предмет совместного анализа конституционалистов и криминалистов, и именно в этом аспекте (по преимуществу) процесс конституционализации уголовного закона будет рассмотрен нами далее.

Представляется, что оптимальному познанию конституционализации уголовного права как процесса будет способствовать применение методологических возможностей структурно-функционального анализа, ибо фундаментальные вопросы «что?», «кто?» и «как?» конституционализует в сфере уголовного права остаются на сегодняшний день в отраслевой науке принципиально неисследованными.

Надо признать, что в области конституционного права эти вопросы также не получили развернутого анализа и в любом случае не имеют однозначного решения. Тем не менее, здесь высказаны весьма важные тезисы, отталкиваясь от которых процесс конституционализации уголовного права может быть рассмотрен как относительно самостоятельное направление отраслевой конституционализации в единстве образующих его, порой специфичных, структурных и функциональных характеристик.

Так, в конституционно-правовой науке объект конституционализации описывается как полисоставной и многоохватный феномен. В.И. Крусс признает таковым все компоненты правовой системы общества: правовое сознание, систему права, юридические практики¹. О.Н. Шупицкая, вслед за ним, отмечает, что понятие конституционализации права распространяется не только на законодательство, но и на юридическую практику, правовое сознание и правовую культуру². Не оспаривая этих суждений, признаем, что применительно к проблематике конституционализации уголовного права они требуют некоторых ограничений и уточнений. Должно быть очевидно, что

¹ Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. – С. 16.

² Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. – Т. 28. – 2018. – № 4. – С. 106.

правовая культура и правовое сознание, как не имеющие отраслевой специфики феномены, не могут быть предметом специальной деятельности по конституционализации уголовного права. Другое дело – законодательство и юридическая практика. Их намеренная конституционализация обеспечит не только правовой характер уголовного-правовой деятельности, но и содержательное наполнение социально-психологических и культурологических компонентов права.

Однако в понимании уголовного законодательства и уголовно-правовой практики в нашей отраслевой науке, как известно, также нет единого подхода. Не углубляясь на данном этапе исследования в детальное обсуждение этих вопросов, обозначим лишь кратко свою исходную позицию по данному вопросу.

Во-первых, выразим солидарность с теми специалистами, которые трактуя понятие «уголовное законодательство», не ограничивают его объем исключительно УК РФ, но признают полиисточниковый характер отрасли уголовного права¹. В принципе, любой источник уголовного права (чтобы под ним не понимать), поскольку он по определению содержит отраслевые правовые нормы, должен отражать, поддерживать и развивать конституционные установления, имеющие отношение к вопросам уголовно-правового регулирования. Некоторые теоретические сложности могут возникнуть в связи с тем, однако, что не все источники уголовного права могут подлежать конституционному нормоконтролю со стороны Конституционного Суда РФ, как одного из главных субъектов конституционализации права², тогда как вопрос о проверке законности иных

¹ См., например: Пудовочкин Ю.Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. – 2003. – № 5; Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005; Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект). – Саратов: ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2007; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015 и др.

² Например, как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ (определения от 25 января 2018 года № 224-О, от 27 февраля 2018 года № 275-О, от 27 марта 2018 года № 599-О и № 836-О и др.), постановления Пленума Верховного Суда РФ, как акты толкования закона, в силу статьи 125 (часть 4) Конституции РФ и п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не могут выступать самостоятельным предметом проверки Конституционного Суда

источников, напротив, не может быть разрешен в общем судебном порядке и требует обязательного обращения в Конституционный Суд РФ¹. Проблема эта, разумеется, в большей степени касается компетенции Конституционного Суда РФ, которая, кстати, существенно расширилась после фундаментальных изменений самой Конституции РФ и Закона «О Конституционном суде Российской Федерации» в 2020 году². Применительно к нашей теме полагаем достаточным указать, что в любом случае, даже если какой-то источник уголовного права не может составлять предмет конституционного обжалования сам по себе, он по причине наличия прямой нормативной связи непосредственно с текстом УК РФ (который только и определяет преступность и наказуемость общественно опасных деяний) может быть вовлечен в орбиту конституционной оценки, поскольку предопределяет практику применения самого уголовного закона, проверка конституционности которого, в свою очередь, не может быть осуществлена без учета смысла, приданного ему иным источником уголовного права. Таким образом, можем констатировать (принимая во внимание мнение 60% опрошенных респондентов), что **объектом конституционализации в сфере уголовного права могут и должны выступать все без исключения отраслевые источники**, что однако не исключает различий и особенностей в самом механизме их конституционализации.

Во-вторых, что касается юридической практики в области уголовного права (или уголовно-правовой практики). Заметим, что само это понятие и

РФ. Эта позиция была подтверждена неоднократно, см., например: Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2745-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 271, пунктом 1 части второй статьи 4018, статьей 40117 и пунктом 1 части второй статьи 4125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

¹ Речь идет, в частности, о постановлениях Правительства РФ, принимаемых в развитие отраслевого законодательства, в том числе в порядке делегированного законодательства. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации».

² См.: Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №. 46. – Ст. 7196.

скрывающийся за ним феномен относится к числу совершенно малоразработанных в науке, хотя и имеет большой эвристический потенциал. Касаясь его лишь косвенно, в связи с темой настоящего исследования, заметим, что в отраслевом аспекте конституционализация уголовно-правовой практики требует существенно ограничительного толкования.

Юридическая практика в области уголовного права, как известно, может быть правотворческой и правоприменительной. Субъекты, компетенция, процедуры и результат их деятельности в каждой из этих практических сфер должны соответствовать конституционным установлениям и принципам. При этом очевидно, что из сферы анализа специалистов в области уголовного права, акцентирующих внимание на проблемах отраслевой конституционализации, некоторые важные аспекты юридической практики исключаются.

Так, исключается проблематика конституционализации парламента, судов и органов правоприменения как ключевых субъектов юридической практики¹, несмотря на всю принципиальную важность их легитимности для обеспечения режима конституционной законности в уголовно-правовых отношениях.

Далее: результаты практики в виде нормативных текстов и правоприменительных решений имеют различное отношение к предмету конституционализации. Если первые относятся к нему напрямую, составляя элемент системы источников уголовного права, то вторые, по нашему представлению, априори не могут быть предметом конституционализации, но способны лишь воплощать в себе отраженные в источниках уголовного права конституционные идеи и принципы.

И еще один момент, связанный с процедурой. Общеизвестно, что материальное и процессуальное уголовное право самым тесным образом взаимосвязаны, а практика собственно и представляет собой процессуально

¹ См., например, об этом: Кузьмин А.Г. Конституционализация правосудия и арбитражная судебная практика в Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2016; Ульянов А.Ю. Конституционализация института прокуратуры как закономерный этап развития российской государственности // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 3 (21).

оформленное бытие материально-правовых норм, их единое воплощение в реальности. С этой точки зрения расчленив применение собственно уголовно-правовой и уголовно-процессуальной нормы крайне сложно, если возможно в принципе, а само право в социологическом смысле предстает как результат применения к тем или иным общественным отношениям всего комплекса нормативных предписаний, посвященных упорядочению этого отношения. Вероятно, учитывая этот момент, В.И. Крусс пишет, что «одной из предпосылок конституционализации является отказ от ... признания необходимости внутреннего разделения систем права на отрасли». И далее: «Характер современного права принципиально не согласуется с таким представлением, во многом изжитым в иностранной юридической науке. Критерии отраслевой классификации, сложившиеся в результате дискуссий 30 – 50-х годов, нуждаются в переоценке и не могут служить препятствием для конституционализации. Следствие конституционализации – формирование конституционной, однородной по своему качеству материи, которая нуждается в унификации. При таком подходе вместо умозрительного отраслевого размежевания речь идет уже о конкретизации и актуализации конституционного должного»; «в конституционализации праву нужно избавиться от сдавливающих и деформирующих пут формальной определенности, превращающей материальные нормы в жупел, а процессуальные – в мертвый инструментарий. Важнейшими первичными элементами системы права, поэтому должны утвердиться не нормы (в строгом значении логической структуры), а принципы, ценности, интересы, цели»¹.

Оценивая эти высказывания, надо, с одной стороны, признать их правоту. Не случайно, проверяя конституционность тех или иных положений уголовного закона, Конституционный Суд РФ, как правило, смотрит на них в единстве с предписаниями процессуального закона, устанавливающими

¹ Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017. – С. 43, 52 – 53.

порядок применения норм УК РФ, а также в единстве с предписаниями иных отраслей права, определяющими в ряде случаев содержание уголовно-правового запрета. Однако с другой стороны, это не дает, на наш взгляд, оснований для жесткой критики устоявшегося отраслевого деления национального права (да и вывод об отказе иностранных государств от отраслевизации права представляется не вполне правильным). Между необходимостью всесторонней оценки конституционности уголовного права и отраслевым делением права нет принципиальных противоречий. Более того, в инструментальном плане оно полезно, поскольку позволяет точно, адресно выявлять конституционные дефекты в том или ином конкретном нормативном акте, в том числе разграничивать вопросы конституционности материально-правовых оснований уголовно-правового запрета и процедуры его реализации.

С учетом изложенного, можно констатировать, что феномен уголовно-правовой практики как элемент объекта конституционализации уголовного права в отраслевых исследованиях вполне отчетливо ограничивается, исключая из своего объема институциональные и процедурные характеристики практики, и оставляя лишь ее результаты в виде содержания, толкования и смысла созданных парламентом и примененных судом в том или ином конкретном деле уголовно-правовых норм.

Отсюда можно сделать первый обобщенный вывод о том, что с точки зрения организации отраслевого, уголовно-правового исследования проблемы конституционализации уголовного права, **объектом конституционализации могут выступать лишь сами уголовно-правовые нормы, выраженные в источниках права и примененные (или подлежащие применению) судом.**

Здесь важно уточнить, что речь идет об объекте конституционализации как объекте реального, фактического процесса. Оценивать конституционность уголовно-правовых норм и практик можно, безусловно, отвлеченно от той или иной реальной ситуации. Но такая оценка будет

подчеркнуто теоретической, результаты ее будут иметь лишь доктринальное значение, мало отражаясь в практике. С позиции совершенствования правовой системы важнее смотреть на конституционализацию как на реальный процесс, близкий по своему характеру правовому регулированию. И здесь объектом конституционализации будет выступать именно реальная, фактическая ситуация.

Такое понимание объекта предопределяет решение взаимосвязанных вопросов, связанных с установлением круга субъектов и форм конституционализации уголовного права.

Полагаем самоочевидным тот факт, что конституционализация уголовно-правовых норм и практик требует в предварительном порядке, чтобы подлежащие отражению в них конституционные нормы, принципы, ценности, смыслы были, во-первых, названы, а во-вторых, содержательно «развернуты» и облечены в вербальные конструкты. Но тут возникает принципиальный вопрос о том, кто наделен правом интерпретации конституционных норм в разрезе регулирования тех или иных отраслевых (в частности, уголовно-правовых) отношений. Он особенно важен в связи с тем, что уголовное законодательство находится в ведении федерального законодателя (парламента), а применение уголовного закона, равно как и иных источников уголовного права, а также Конституции РФ в силу ее прямого действия, – в компетенции суда.

Парламент, по определению, должен реализовывать в принимаемых им нормативных правовых актах конституционные идеи. Это вытекает из его конституционного предназначения и правила всеобщности действия Конституции страны. Тезис этот подтверждается и конституционными презумпциями деятельности парламента, в частности:

- презумпцией конституционности положений федерального законодательства¹,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2001 № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Поволжском федеральном округе об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу

- презумпцией, в силу которой любой официально-властный акт уполномоченного публично-правового субъекта отвечает требованиям законности¹,

- презумпцией добросовестности и разумности действий конституционных органов²,

- презумпцией добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам³.

В силу этого уже на этапе разработки и принятия уголовно-правовых норм вопрос об их соответствии Конституции РФ должен быть не просто поставлен, но и всесторонне проанализирован. Отсюда надо признать, что **парламент есть субъект, ответственный за конституционный характер уголовно-правовых норм**, иными словами – субъект конституционализации отрасли уголовного права.

Согласимся в этой связи с О.Н. Шупицкой, которая отмечает, что конституционализация законодательства на этапе его создания призвана решить несколько задач. Во-первых, это правильное понимание законодателем конституционных принципов и норм, которые должны ложиться в основу издаваемых текстов нормативных правовых актов. Во-вторых, это строгое соблюдение конституционно-правовых принципов и норм при создании нормативных правовых актов. В-третьих, это раскрытие в принимаемых нормативных правовых потенциала конституционно-правовых

группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапанова».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 5.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД "О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 2.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления" и Закона Корякского автономного округа "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе" в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева».

принципов и норм. В-четвертых, это достижение согласованности и соподчиненности конституционно обусловленной системы источников права, совершенствование форм и способов законотворчества, обеспечение его научности¹.

Другое дело, что в силу различных причин (исследование которых выходит за пределы нашего анализа и составляет предмет самостоятельного исследования²) результат деятельности парламента не отражает, не полностью или ошибочно отражает конституционные идеи уголовного права. В подобной ситуации, вне зависимости от того, применяется или не применяется на практике уголовный закон, создается реальная угроза конституционному правопорядку в виде наличия нормы, потенциально неконституционной.

Теоретически и практически существует возможность исключить такую норму из правовой системы страны до момента, когда возникнет потребность или возможность ее применения. Речь идет, в частности, об институте предварительного конституционного контроля парламентских актов. Пример функционирования подобного института демонстрирует правовая Республика Беларусь. Согласно ст. 116 Конституции Республики Беларусь и в соответствии с главой 14 Закона Республики Беларусь от 8.01.2014 г. № 124-3 «О конституционном судопроизводстве»³, Конституционный Суд Беларуси наделен правом проверки конституционности законов, принятых Парламентом Республики Беларусь, в порядке обязательного предварительного контроля. При этом, что важно, проверка конституционности закона, принятого Парламентом Республики Беларусь, в порядке обязательного предварительного контроля не

¹ Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. – Т. 28. - 2018. – № 4. – С. 107.

² Отдельные рассуждения на эту тему см., например: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. – М.: Юрлитинформ, 2020.

³ Закон Республики Беларусь от 08.01.2014 № 124-3 «О конституционном судопроизводстве». Электронный ресурс: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400124> (дата обращения: 03.12.2019 г.).

препятствует проверке конституционности этого закона в порядке последующего контроля после вступления его в силу.

Белорусские специалисты признают, что, осуществляя предварительный конституционный контроль законов, принятых Парламентом, Конституционный Суд не только предупреждает появление в законодательстве норм, противоречащих Основному Закону государства и вступающих в коллизию с иными нормативными правовыми актами, но также излагает правовые позиции, имеющие своей целью выявление конституционно-правового смысла положений рассмотренных законов с точки зрения норм и принципов Конституции, что способствует в дальнейшем единообразному пониманию и применению истолкованных нормативных предписаний¹.

В России, как известно, до 2020 года Конституционный Суд был лишен возможности осуществлять предварительный конституционный контроль. Согласно Закону «О Конституционном Суде Российской Федерации»², он проверял конституционность уголовных законов лишь в двух ситуациях: по жалобам граждан, если он фактически применен в том или ином конкретном деле, или по запросам судов, если он подлежит применению при разрешении дела. Таким образом, в отечественной правовой системе была реализована концепция «последующего конституционного контроля», что не исключало существования «в спящем виде» неконституционных уголовно-правовых норм. Считалось, что до тех пор, пока не возникнет необходимость их применения или же они не будут применены, угроза конституционному порядку существует лишь абстрактно, в потенциальном виде, в силу отмеченных выше презумпций добросовестности и конституционности парламента.

¹ Козырева Л.Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда на правоприменительную практику в экономической сфере // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2012. – № 3. – С. 82; Сеницына А.М. Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в обеспечении конституционализации нормотворчества и правоприменения // Вестник Полоцкого Государственного Университета. Серия D. – 2018. – № 6. – С. 202.

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

Однако в 2020 году ситуация была принципиально изменена. Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"», конкретизируя предписания обновленной Конституции РФ, не только расширил спектр нормативных актов, которые могут быть непосредственно рассмотрены в Конституционном Суде на предмет соответствия Конституции России, но и установил правило, согласно которому Суд, среди прочего, получил полномочия по запросу Президента РФ проверять конституционность проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также законов, принятых в порядке, предусмотренном ч. 2 и 3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции РФ, до их подписания Президентом РФ.

Такое решение законодателя еще не было апробировано на практике, да и в науке не сложилось его детального понимания и оценки (у трети опрошенных нет его однозначной оценки, треть оценивает однозначно положительно, а треть признает законодательное решение излишним). С одной стороны, безусловно, оно создает дополнительные и важные гарантии конституционной законности, подчеркивает конституционную роль Президента РФ в качестве «гаранта Конституции». С другой стороны, оно «втягивает» и Президента, и Конституционный Суд в законодательный процесс, что создает новую конфигурацию воплощения принципа разделения властей; и кроме того, корректирует представления о самом Конституционном Суде РФ как органе правосудия, рассматривающим споры о Конституции РФ. Как бы то ни было, оформившееся решение дает все основания к тому, что Президента РФ включить в круг субъектов конституционализации права, в том числе и уголовного.

Не обсуждая достоинств и недостатков различных моделей организации конституционной юстиции, заметим, что в любом случае абстрактный конституционный контроль не предопределяет конституционности всей последующей правоприменительной практики,

связанной с воплощением предписаний закона, прошедшего предварительную конституционную экспертизу.

В ситуации, связанной с фактическим применением потенциально неконституционной уголовно-правовой нормы (независимо от того, была или не была она предметом проверки на этапе законодательного процесса), «на страже» конституционного порядка стоит судебная система. Согласно ч. 1 ст. 120 Конституции РФ, судьи подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону, а сама Конституция, как уже отмечалось, имеет прямое действие. Однако в силу особенностей строения судебной системы возникает непростой с теоретической точки зрения вопрос о том, какие именно суды и в какой форме выступают и могут ли выступать субъектами конституционализации уголовного права. С одной стороны, в РФ провозглашен принцип единства судебной системы, которая обеспечивается, в том числе посредством применения всеми судами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ (ст. 3 Закона «О судебной системе Российской Федерации»¹); но с другой стороны, решение вопросов о конституционности того или иного акта – исключительная прерогатива Конституционного Суда РФ.

Отсюда – в правовой науке применительно к конституционализации правовой системы через деятельность судов сформировалось два основных подхода. Некоторые специалисты признают две формы конституционализации права: через призму деятельности Конституционного Суда РФ посредством его решений и посредством прямого действия Конституции РФ либо же только посредством проверочной практики Конституционного Суда РФ. Другие же субъектом конституционализации

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

признают только Конституционный Суд РФ. Причем, как показывает анализ, вторая позиция является наиболее распространенной.

«Единственным безоговорочно легитимным субъектом конституционализации национальной правовой системы страны выступает Конституционный Суд РФ, результаты деятельности которого определяют актуальное «приращение» материи позитивного права и решающим образом обеспечивают необходимое для целей правового регулирования ее оформление», - пишет В.И. Крусс¹. «Не может (не вправе) кто-либо кроме Конституционного Суда РФ, решать либо «предрешать» вопрос о конституционности тех или иных правовых установлений, содержание которых всегда предопределено на конституционном уровне»².

Конституционализация законотворчества осуществляется в процессе деятельности Конституционного Суда, который, устанавливая связи между конституционными принципами и нормам и законодательными предписаниями различных отраслей права не только осуществляет жесткий контроль за конституционностью принимаемых нормативных правовых актов, но и корректирует конституционное развитие государства», - вторит ему О.Н. Шупицкая³.

Н.С. Бондарь и А.С. Углов заключают, что конституционализация осуществляется преимущественно сквозь призму воздействия конституционного правосудия на законодательство и все сферы общественной жизни, их конституционной юрисдикции⁴.

К этому же выводу приходят наши отраслевые специалисты Л.В. Головкин⁵ и А.В. Елинский. Последний связывает конституционализацию

¹ Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ: серия «Право». – 2012. – № 19. – С. 104 – 119.

² Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017.- С. 13.

³ Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. – Т. 28. – 2018. – № 4. – С. 108.

⁴ Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). – М.: ООО «Викор-Медиа», 2006. – С. 6 – 8; Углов А.С. Некоторые аспекты конституционализации трудового законодательства Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2013. – Выпуск 36. – С. 241, 243.

⁵ Головкин Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. – 2013. – № 12.

уголовного права с выполнением конкретных решений, принятых Конституционным Судом РФ и обеспечением соответствия УК РФ общим требованиям, которые в этих решениях сформулированы¹.

Признавая качество представленных авторами аргументов, нельзя не заметить, что при таком подходе не учитываются упомянутые предписания о прямом действии Конституции РФ, а также цели уголовного судопроизводства, обозначенные в ст. 6 УПК РФ. Здесь указано: «1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. 2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Защита прав и свобод человека, таким образом, составляют главное назначение, цель деятельности судов при разрешении уголовных дел. И руководствуются суды в достижении этой цели, в первую очередь, предписаниями Конституции страны. Применяя тот или иной закон, суд дает ему развернутое толкование, в том числе системное и аксиологическое, определяя взаимосвязь с иными, в том числе конституционными нормами и выявляя не только буквальное, но и ценностное содержание нормы, ее конституционное назначение. Тем самым **суд очевидным образом включается в число субъектов конституционализации уголовного права** (это подтвердили более 80% специалистов в области права) и его решение, в силу презумпции добросовестности и разумности действий конституционных органов, должно по определению соответствовать конституционным стандартам.

¹ Елинский А.В. Некоторые направления конституционализации российского уголовного законодательства с точки зрения разработки проекта нового Уголовного кодекса // Юридический мир. – 2012. – № 4 (184). – С. 35 – 37.

Ограничивая круг субъектов конституционализации права только и исключительно Конституционным Судом РФ, исследователи, как представляется, не вполне учитывают содержание самого процесса конституционализации. Суть его в том, чтобы принимаемый уголовный закон и его применение в конкретном деле соответствовали конституционным нормам и ценностям. Следовательно, и парламент, и суды общей юрисдикции ответственны за обеспечение конституционного содержания уголовного права. Другое дело, что презумпции добросовестности, разумности, конституционности, соответствия общим принципам права в деятельности и парламента, и судов являются опровержимыми, поскольку в процессе их функционирования могут возникать явления, получившие в науке определение «конституционной деформации». Их справедливо обозначают как недостаток правового регулирования, толкования и применения нормативных правовых актов, приводящий к нарушению или угрозе нарушения конституционных принципов и ценностей¹.

«Это обстоятельство, - замечает В.И. Крусс, - не колеблет положений и следствий презумпций конституционности законотворчества, законодательства и легального создания иных вторичных источников права. Однако оно ведет к необходимой актуализации негативных (исправительных, корректирующих) форм конституционализации систем права и законодательства, осуществляемой посредством практик конституционной юстиции при различных версиях участия иных публично-властных лиц»².

Констатировать наличие конституционных деформаций и опровергнуть изложенные презумпции в исследуемой нами части функционирования

¹ Никитина А.В. Понятие и виды конституционных дефектов // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель, 2017). – Чита: Молодой ученый, 2017. – С. 45. О.Н. Шупицкая определяет конституционные деформации как недостатки правовой системы, в т.ч. правового регулирования, правовой реализации и, в особенности, применения права, правовых институтов и учреждений, правовых взглядов и убеждений, несоответствие их конституционным принципам и конституционным нормам. См.: Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. – Т. 28. – 2018. – № 4. – С. 107.

² Крусс В.И. Перспективы и проблемы конституционализации российского законодательства // Юридический вестник ДГУ. – 2013. – № 4. – С. 71.

государственных органов может только Конституционный Суд РФ. Правом же на сомнение обладают: с одной стороны, суды общей юрисдикции, ставя вопрос о конституционности уголовного закона, подлежащего применению, а с другой стороны, - граждане, жалующься на неконституционный характер примененного к ним уголовного закона.

В итоге создается в целом вполне стройная, логическая схема, соответствующая общим принципам теории разделения властей и современным представлениям о равновеликом статусе человека и государства в их публично-правовых отношениях. Суды «сдерживают» возможность применения принятых парламентом уголовно-правовых норм, которые по их мнению, не обладают конституционными свойствами, а граждане оспаривают конституционность результатов деятельности государственных органов, принявших и применивших в конкретном деле уголовно-правовые нормы, по их мнению, не соответствующие Конституции страны.

Решающее слово в этих спорах, как было отмечено, принадлежит Конституционному Суду РФ. Но это вовсе не снимает с парламента и судов общей юрисдикции обязанности уяснять конституционный смысл создаваемых и применяемых уголовно-правовых норм, не лишает их статуса субъектов конституционализации уголовного права. Напротив, можно утверждать о том, что эти органы выступают «первичными» субъектами конституционализации, тогда как ошибки их деятельности устраняются органом конституционного правосудия.

В зависимости от уровня субъекта конституционализации уголовного права можно выделить две ее основные формы. «Первичные» субъекты осуществляют так называемую перспективную конституционализацию, используя конституционные принципы и нормы для регулирования тех или иных общественных отношений, создавая и применяя, в том числе уголовно-правовые нормы. Конституционный Суд РФ наделен эксклюзивными полномочиями в осуществлении ретроспективной

конституционализации уже продекларированной правовой материи посредством конституционной юстиции.

Это, разумеется, не умаляет роли и значения Конституционного Суда РФ, не сводит его исключительно к проверочной инстанции. Помимо того, Суд наделен правом предварительной проверки конституционности проекта закона, он, формулируя конституционно-правовые положения, связанные с фабулой конкретного разбирательства, Конституционный Суд РФ дает такое толкование конституционных норм и выявляет такой конституционный смысл уголовно-правовых предписаний, который не только сохраняет свое значение для всех иных аналогичных дел (как уже рассмотренных, так и находящихся в стадии рассмотрения и тех, что только будут рассматриваться), но обладает, по сути своей, правоустановительным значением. Речь идет о том, что правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом РФ, выступают ориентиром в правотворчестве и правоприменении. Их значение выходит за рамки казуса, ставшего предметом рассмотрения, а сами позиции распространяются на все аналогичные случаи, т.е. на нормативные правовые акты, содержащие подобные положения, по которым была принята правовая позиция, а также на вновь принимаемые нормативные акты, содержащие подобные положения¹.

В этом специфика конституционализации уголовного права (и иных отраслей), осуществляемой Конституционным Судом РФ. Она, будучи инициированной в ретроспективном отношении, задает направление будущим, потенциально возможным уголовно-правовым нормам, формирует конституционное мировоззрение и правопонимание, необходимые для создания, а равно толкования и оценки действующих (но не проверенных Конституционным Судом РФ) норм. Позиции Конституционного Суда РФ наполняют интеллектуальное и правовое пространство необходимой

¹ См.: Кукушкин А.А. Правовая позиция Конституционного Суда РФ: сущность, юридические признаки и процессуальные формы // Актуальные проблемы Российского права. – 2009. – № 1. – С. 99 – 100.

информацией, восприятие содержания которой является обязанностью субъектов правотворчества и правоприменения, которые, в свою очередь, призваны привести в соответствие с мнением Конституционного Суда РФ свою актуальную и потенциальную деятельность.

Этот правоустанавливающий и формирующий правопонимание аспект деятельности Конституционного Суда РФ, при всей его важности и значимости, тем не менее, остается по большей части на уровне теоретической констатации. Установленные Конституционным Судом РФ конституционные дефекты непосредственно уголовно-правовой нормы или смысла, приданного ей правоприменительной практикой, в соответствии с законодательством должны быть устранены. Устранение это носит, если допустимо так выразиться, «точечный» характер: законодатель обязан внести изменения в уголовный закон, а суды призваны в дальнейшем толковать уголовно-правовую норму в том смысле и значении, которое ей придал Конституционный Суд РФ. Но такая «точечная» корректировка не может гарантировать того, что осуществляя правотворческую или правоприменительную деятельность, государственные органы в иных ситуациях будут соблюдать общие принципы и правила, сформулированные или непосредственно вытекающие из решения Конституционного Суда РФ.

Пожалуй, единичным, но весьма ярким примером такой ситуации может служить практика применения ст. 188 УК РФ, которая до 07.12.2011 г. предусматривала ответственность за контрабанду. Для того чтобы изменить подход правоприменителя к методике определения суммы перемещаемых через границу предметов потребовалось два постановления Конституционного Суда РФ: одно было посвящено вопросам исчисления суммы перемещаемых денежных средств¹, другое – порядку определения стоимости перемещаемых товаров². При том, что подход, который

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4

использовал Конституционный Суд РФ в толковании положений ст. 188 УК РФ был, в принципе, идентичным и состоял в том, что при оценке суммы перемещаемых денежных средств и стоимости перемещаемого товара следует исключать объемы денег и товаров, разрешенных к ввозу в страну без декларирования.

Решений Конституционного Суда РФ, в которых применительно к одной и той же или различным уголовно-правовым нормам было бы констатировано неоднократное допущение законодателем или правоприменителем одних и тех же конституционных дефектов, практически нет. Однако это не исключает потенциальной возможности самой такой ситуации (достаточные основания для такого предположения дает анализ современных научных публикаций по проблемам уголовной политики и качества уголовного законодательства). В этой связи небезынтересна позиция белорусского государства, которое закрепило в своем конституционном законодательстве возможность осуществления Конституционным Судом (а) производства по делу о даче по предложению Президента заключения о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Национального собрания Республики Беларусь Конституции Республики Беларусь; (б) проверки конституционности определенных главой государства направлений нормотворческой деятельности и правоприменительной практики судов, правоохранительных и иных государственных органов. Такой подход, как отмечалось, не в полной мере соответствует российскому варианту реализации принципа разделения властей, но сам по себе представляет интерес как попытка поставить заслон на пути опасной практики принятия парламентом неконституционных нормативных правовых актов, не прибегая к процедуре роспуска парламента и избегая политических кризисов. В российской системе при отсутствии таких конституционных возможностей гарантом конституционализации

статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова».

остаётся авторитет и юридическая сила решений Конституционного Суда РФ и добросовестность субъектом правотворчества и правоприменения.

Парламент, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ в общем деле обеспечения правового, конституционного характера уголовного законодательства и практики его применения выполняют каждый свою роль, predetermined функциональным назначением государственного органа и его компетенцией. Механизм конституционализации уголовного права в каждом из этих сегментов весьма специфичен. Представляется, что в процессе его анализа необходимо четко дифференцировать два основных направления. Первое (назовем его условно – институциональное) предполагает изучение тех приемов и способов, при помощи которых субъекты конституционализации (парламент, суды общей юрисдикции и Конституционный Суд РФ) обеспечивают воплощение в уголовном праве норм и ценностей Конституции страны. Второе (его также условно можно назвать содержательным) предполагает анализ влияния конституционных положений на уголовно-правовые предписания и уголовно-правовые отношения. Каждое из них требует отдельного рассмотрения и станет по необходимости предметом исследования в рамках последующих разделов работы.

Пока же представляется возможным тезисно обозначить следующие основные выводы проведенного исследования общих вопросов конституционализации уголовного права:

- конституционализация уголовного права представляет собой подверженный динамичному влиянию эволюции общества, государства, права и конституционных ценностей, процесс воплощения в уголовном праве актуальных конституционных стандартов взаимоотношения государства и личности в сфере регулирования уголовно-правовых отношений;

- цель конституционализации уголовного права состоит в достижении оптимального баланса ценностей свободы и безопасности в процессе противодействия преступности;

- объектом отраслевой конституционализации выступают уголовно-правовые нормы, выраженные в источниках права и примененные (или подлежащие применению) судом;

- система субъектов конституционализации включает в себя парламент и суды общей юрисдикции, осуществляющие перспективную конституционализацию отрасли, и Конституционный Суд РФ, осуществляющий ретроспективную конституционализацию;

- общий механизм конституционализации, predetermined принципом разделения властей, презумпцией добросовестности действий государственных органов и современными представлениями о взаимоотношениях личности и государства, предполагает, что суды «сдерживают» возможность применения принятых парламентом уголовно-правовых норм, которые по их мнению, не обладают конституционными свойствами, а граждане оспаривают конституционность результатов деятельности государственных органов, принявших и применивших в конкретном деле уголовно-правовые нормы, по их мнению, не соответствующие Конституции страны.

§ 2. Механизм конституализации уголовного права как динамическая система

На институциональном уровне каждый из субъектов конституционализации уголовного права (парламент, суды общей юрисдикции, Конституционный Суд РФ) выполняет задачи воплощения в уголовном праве конституционных стандартов своими специфическими способами и средствами¹.

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Субъекты конституционализации уголовного права // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 2. – С. 170 – 194; Гузеева О.С. О роли парламента в конституционализации уголовного закона // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 2. – С. 146 – 152; Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права Конституционным судом РФ // Законность. – 2020. – № 9. – С. 44 – 48; Гузеева О.С. Суд как субъект конституционализации уголовного права // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 1 (75). – С. 58 – 62; Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права: проблема определения

Парламент – первичный субъект конституционализации, качество работы которого во многом предопределяет, насколько точно и полно в уголовно-правовых нормах будут воплощены конституционные ценности. Оставляя в стороне вопросы, связанные с легитимностью самого парламента, обратимся к вопросу о том, какими средствами в процессе его законотворческой деятельности обеспечивается конституционализация уголовного права.

Исходные посылки к этому определены п.п. «в», «о» ч. 1 ст. 71, п. «ж» ч. 1 ст. 103, ст.ст. 104 – 107 Конституции РФ, а также Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания РФ¹ и Регламентом Совета Федерации Федерального Собрания РФ², которые устанавливают порядок принятия федеральных законов.

Анализ этих документов показывает, что **решение основной задачи по обеспечению соответствия принимаемого уголовного закона Конституции РФ возлагается на Государственную Думу**, которая собственно и принимает уголовные законы. Достигается эта задача посредством выполнения следующих требований к организации законотворческого процесса:

- при внесении законопроекта уголовно-правового содержания в Государственную Думу субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должны быть представлены, среди прочего: а) пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, а также мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта; б) официальные отзывы Правительства РФ и Верховного Суда РФ;

объекта и субъекта правового процесса // Вестник Томского государственного университета. Серия Право. – 2022. – № 43. – С. 41 – 55.

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 15.10.2019) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.

² Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 06.11.2019) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 7. – Ст. 635.

- профильный комитет должен определить соответствие законопроекта требованиям статьи 104 Конституции РФ и ст. 105 Регламента Государственной Думы, а также имеет возможность направить законопроект и материалы к нему в комитеты, комиссии и во фракции, Президенту РФ, в Совет Федерации, Правительство РФ, Счетную палату РФ, Общественную палату, а также в Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ по вопросам их ведения для подготовки и представления отзывов, предложений и замечаний, а также в другие организации для подготовки отзывов, предложений и замечаний и проведения научной экспертизы;

- Правовое управление Аппарата Государственной Думы осуществляет правовую экспертизу законопроекта (на всех стадиях его прохождения) на соответствие Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, основным отраслевым законодательным актам, и готовит заключение, в котором должен быть дан ответ на вопрос, соответствует или не соответствует законопроект Конституции РФ;

- ответственный комитет вправе проводить независимую экспертизу поправок к законам на соответствие Конституции РФ и федеральным конституционным законам.

Надо вместе с тем признать, что в сопровождающих законодательную деятельность документах анализ законопроектов с точки зрения их соответствия Конституции страны в части провозглашенных начал регулирования уголовно-правовых отношений встречается не часто. Анализ заключений комитетов Государственной Думы по проектам законов уголовно-правового характера (было изучено при подготовке работы 116 документов¹) показывает, что только в 14% случаев ответственным комитетом в заключении на законопроект, представленный к первому чтению, была сделана ссылка на положения Конституции РФ или решения

¹ Все документы находятся в свободном доступе и размещены на интернет-портале «Система обеспечения законодательной деятельности» по адресу <https://sozd.duma.gov.ru>

Конституционного Суда РФ. При этом во всех случаях таким заключением комитета было рекомендовано отклонить законопроект.

Так, например, законодатели указывали:

- «недопустимо введение в УК РФ ответственности за геноцид какой-либо отдельной, выделенной по национальному признаку группы. Данные введения будут противоречить Конституции Российской Федерации и вызовут общественный резонанс, международную критику»¹;

- «предлагаемые законопроектом санкции за заведомо ложное сообщение об акте терроризма соизмеримы наказаниям, предусмотренным за более общественно опасные деяния, такие как, убийство (105 УК РФ), террористический акт (205 УК РФ) или бандитизм (209 УК РФ), что не соответствует принципу справедливости, закрепленному в статье 6 УК РФ, на необходимость соблюдения которого неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации»²;

- «установление единого запрета применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания к лицам, совершившим разные по степени тяжести преступления не соответствует уголовно-правовому принципу справедливости и прямо противоречит правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации (Постановление от 26.11.2002 г. № 16-П и определения от 04.11.2004 г. № 342-О, 11.07.2006 г. № 406-О, 04.12.2007 г. № 957-О-О и др.), согласно которой часть 3 статьи 50 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого осужденного за преступление обращаться с просьбой о помиловании или о смягчении наказания»³.

¹ Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 340882-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления ответственности за оправдание геноцида русских».

² Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 483312-7 «О внесении изменений в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации» (по вопросу усиления уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма).

³ Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 29953-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части невозможности применения положений об условно-досрочном

В ситуациях, когда законопроект профильным комитетом поддерживался, ссылка на конституционные положения и принципы в заключениях отсутствовала. Соответствие законопроекта Конституции молчаливо подразумевалось или презюмировалось.

После принятия закона Государственной Думой конституционный фильтр парламента не перестает функционировать. **Совет Федерации выступает дополнительной, «проверочной» инстанцией в деле конституционализации уголовного права.** Вместе с тем, важно обратить внимание, что согласно положениям ст. 106 Конституции РФ, законы по вопросам уголовно-правового регулирования, в принципе, не подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации. Потому, их одобрение верхней палатой парламента осуществляется на основании заключения профильного комитета, которое, среди прочего, должно отражать оценку политико-правовых и социально-экономических последствий реализации федерального закона (ст. 106 Регламента) и учитывать позицию Правового управления Аппарата Совета Федерации по рассматриваемому федеральному закону (ст. 105 Регламента). Изучение заключений профильных комитетов и Правового управления Аппарата Совета Федерации (было исследовано 80 документов) показывает, однако, что они редко содержат углубленный анализ вопроса о соответствии текста принятого Государственной Думой уголовного закона положениям Конституции. Основной массив документов содержит «ритуальное» заключение: «Рассматриваемый Федеральный закон соответствует Конституции Российской Федерации и не подлежит обязательному рассмотрению в Совете Федерации, так как не затрагивает вопросы, предусмотренные статьей 106 Конституции Российской Федерации»¹ или его вариацию: «Федеральный закон соответствует

освобождении от отбывания наказания в отношении лиц, совершивших отдельные виды преступлений, а также невозможности объявления амнистии в отношении таких лиц»

¹ См., например: Заключение Комитета СФ ФС РФ по обороне и безопасности от 28.01.2014 № 3.3-04/109 по Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Заключение Правового управления Аппарата СФ ФС РФ от 24.06.2016 № 5.1-01/1935 по Федеральному закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О

Конституции Российской Федерации, в том числе положениям о правах и свободах человека и гражданина, и согласуется с системой федерального законодательства»¹. Такие выводы содержатся даже в заключениях на законы, которыми в УК РФ были введены ст. 212.1 об ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, ст. 159.4 об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, и которые впоследствии стали предметом пристальной оценки в Конституционном Суде РФ с выявлением заложенного в них неконституционного содержания. В редких случаях, когда у Совета Федерации возникают некоторые сомнения в конституционности закона, последствия этих сомнений не выходят за пределы простой констатации. Так, например, в одном из Заключений комитета указано: «Вводимая статья 200.3 УК РФ представляет собой, по сути, криминализованный состав правонарушения, предусмотренный частью 1 статьи 14.28 КоАП РФ. ... Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации «уголовное законодательство является по своей правовой природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом только с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности» (Постановление от 27 мая 2008 г. № 8-П). При этом данных о невозможности (или затруднении) защиты нарушенных прав и интересов участников правоотношений в сфере долевого строительства

внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности", принятому Государственной Думой 21 июня 2016 года.

¹ См., например: Заключение Правового управления Аппарата СФ ФС РФ от 23.12.2012 № 5.4-2718 по Федеральному закону «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 6 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О судебных приставах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятому Государственной Думой 21 декабря 2012 года; Заключение Правового управления Аппарата СФ ФС РФ от 14.07.2012 № 5.4-1360 по Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», принятому Государственной Думой 13 июля 2012 года.

иными способами, кроме уголовного преследования, не приводится»¹. Несмотря на это, Комитет рекомендовал одобрить этот закон.

Оценка деятельности парламента по обеспечению соответствия принимаемых им уголовных законов конституционным ценностям позволяет заключить, что при всей неоспоримой важности этого компонента законотворческого процесса, ему уделяется в организационном и содержательном отношении явно недостаточно внимание. **Единственное средство, прямо закрепленное в Регламентах палат Федерального Собрания, которое призвано ответить на вопрос о конституционности уголовного закона – правовая экспертиза законопроекта или закона.** Однако проведение этой экспертизы, возложенное на Правовые управления палат, по нашему убеждению, не может быть признано ни удовлетворительным (тем более учитывая, что ее проведение по внесенным в Государственную Думу законопроекта не является всегда обязательным), ни достаточно обеспеченным. Основная причина для такой оценки заключается в отсутствии универсальной методики такой экспертизы, причем с акцентом на выявление конституционности нормативного правового акта. В отличие от проведения антикоррупционной экспертизы, организационно-методические основы проведения которой закреплены на нормативном уровне², проведение правовой экспертизы, ее цели, средства, формы, приемы, методики все еще остаются и неурегулированными, и малоисследованными. Лишь применительно к правовой экспертизе нормативных правовых актов

¹ Заключение Комитета СФ ФС РФ по конституционному законодательству и государственному строительству от 26.04.2016 № 3.1-05/1515 по Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости», принятому Государственной Думой 20 апреля 2016 года.

² Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609; Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084. См. также: Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2019.

субъектов Федерации Министерством юстиции РФ разработаны соответствующие рекомендации¹. Что касается правовой экспертизы проектов федеральных законов, то в настоящее время в практике Правового Управления Аппарата Государственной Думы используется лишь внутренний документ, разработанный сотрудниками самого Аппарата – технологические карты на основные виды выполняемых работ².

Согласно этому документу, при оценке законопроекта к первому и второму чтению, среди прочего, проверяется соответствие законопроекта Конституции РФ, в том числе: ст. 10 – о самостоятельности органов государственной власти; ст. 19 – о соблюдении принципа равенства граждан; ст. 27 – о праве на свободу передвижения, выбора места жительства; ст. 35 – о праве иметь имущество в собственности; ст. 37 – о запрете принудительного труда; ст. 55 – о запрещении издавать законы, отменяющие или умаляющие права граждан; проверяется также соответствие законопроекта актам толкования Конституции РФ, содержащимся в решениях Конституционного Суда РФ и соответствие законопроекта общепризнанным нормам и принципам международного права и международным договорам РФ, в том числе проверяется соответствие законопроекта стандартам Совета Европы и решениям Европейского Суда по правам человека.

Такой уровень регулирования экспертной работы по конституционализации права не отвечает стоящим перед ней задачам. В науке уже давно аргументирована необходимость принятия Федерального закона (его названия – вариативны: «О правовой экспертизе нормативных

¹ Приказ Минюста России от 31.05.2012 № 87 (ред. от 02.10.2019) «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» // Бюллетень Минюста РФ. – 2013. – № 1. См. также: Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах): – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017

² Исаков В.Б. Технологические карты правовой экспертизы законопроектов. Электронный ресурс: https://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208182926/4-42_Yuzhakov.pdf (дата обращения: 06.12.2019 г.).

правых актов и их проектов в Российской Федерации»¹, «Об экспертизе законодательства в Российской Федерации»², «Об экспертной законопроектной деятельности в Российской Федерации»³, «О правовой экспертизе»⁴), в котором необходимо закрепить понятие правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, принципы ее проведения, виды и объекты экспертизы, ее субъектов, правовой статус экспертов (права, обязанности и ответственность), общие для всех нормативных правовых актов и их проектов правила, основы методики проведения правовой экспертизы, единые критерии оценки акта, требования к экспертному заключению, его юридическую силу, меры по приведению проекта нормативного правового акта, нормативного правового акта в соответствие с действующим законодательством, предпринимаемые по результатам осуществления правовой экспертизы.

Всецело присоединяясь к этим предложениям (их поддерживает почти 80% опрошенных специалистов), напомним лишь два немаловажных организационных обстоятельства.

Во-первых, принятие и последующая реализация этого закона должны быть надлежащим образом обеспечены в кадровом отношении. Правовая экспертиза уголовно-правовых законопроектов требует от экспертов глубоких и специальных юридических познаний в области конституционного и уголовного права, криминологии и уголовной политики, международного и гуманитарного права. В связи с чем проблематика кадрового обеспечения аппаратной деятельности парламента должна рассматриваться как один из важнейших компонентов работы по улучшению качества законодательства в

¹ Ким В. А. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в территориальных органах Министерства юстиции Российской Федерации (административно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 252 – 258; Ким А.В. Концепция федерального закона «О правовой экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Российской Федерации» // Административное право и процесс. – 2017. – № 11.

² Короткова О.А. Экспертиза законопроектов и законодательных актов: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 9, 21.

³ Кострицкая М.В. Экспертная законопроектная деятельность: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2009. – С. 11.

⁴ Закиров И.А. Правовая экспертиза: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008. – С. 26.

стране. При необходимости (а по сути, - всегда) профессионализм в проведении экспертизы должен достигаться посредством включения в экспертную работу специалистов из области науки уголовного права.

И второе. Проведение правовой экспертизы законопроекта нельзя воспринимать как однозначное решение о его конституционности. Эксперт не вторгается в компетенцию Конституционного Суда России и не осуществляет официальное толкование конституционных норм¹. Он лишь соотносит текст законопроекта с теми конституционно-правовыми позициями, которые к данному моменту уже выработаны органами конституционной юстиции и внедрены в правовую систему страны. Иными словами, его деятельность, по большому счету, аналитически-констатирующая. Эксперт не может предвидеть ни динамики в официальном толковании конституционных норм, ни возможной специфики в практике применения создаваемых уголовно-правовых предписаний. Это, разумеется, не снимает с него необходимости просчитывать риски в реализации законопроекта, но в известной степени избавляет от ответственности за последующую неконституционную интерпретацию оцениваемого им законопроекта.

Работа парламента по обеспечению конституционализации законов сегодня, как уже было отмечено, существенно дополняется работой Президента РФ, который наделяется правом на сомнение в конституционности принятого закона (в том числе, разумеется, и уголовного) и может обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке его конституционности до момента подписания и обнародования.

После положительной оценки законопроекта и принятия того или иного уголовно-правового закона, ответственность за реализацию в нем конституционных начал несет уже иной субъект, в нашем случае – суды общей юрисдикции, рассматривающие уголовные дела

¹ Журкина Е.В. Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 18.

Суд – важнейший в правовом государстве орган, призванный воплощать идеалы права и конституционные ценности в конкретных правовых ситуациях, которые становятся предметом судебного разбирательства. Рассматривая механизм и процесс конституционализации уголовно-правовых отношений на уровне судов надо учитывать два обстоятельства.

Во-первых, в силу инстанционного строения судебной системы вопросы конституционализации решаются в судах на всех стадиях прохождения уголовного дела – в первой инстанции, в апелляции, в кассации, при рассмотрении дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Тем самым создаются надежные гарантии защиты конституционных прав граждан, включающие проверку и перепроверку правильности применения уголовного закона, включая правильность истолкования его положений на предмет соответствия Конституции РФ.

Во-вторых, в силу принципа единства судебной системы и единства задач, решаемых судом на каждой стадии уголовного процесса, воплощение конституционного смысла уголовно-правовых норм при их применении обеспечивается на каждой стадии процесса едиными способами и средствами.

В современной практике существует **два основных способа обеспечения конституционализации уголовного права судами – прямое действие Конституции РФ и осуществление запроса в Конституционный Суд РФ о проверке конституционности положений УК РФ**. Рассмотрим их подробнее.

Напомним общеизвестное: Конституция РФ – нормативный правовой акт прямого действия, в силу чего применяется всеми судебными (и иными правоприменительными) органами при рассмотрении любых дел непосредственно.

Эта формула, прямо вытекающая из текста Конституции РФ, тем не менее, вызывает серьезные дискуссии в отраслевой науке¹ и существенно эволюционировала в правотолковательной практике Верховного Суда РФ (причем, эволюция эта, как представляется, осталось малооцененной представителями научного сообщества).

Речь идет о постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»² и о тех кардинальных изменениях, которые были в него внесены в 2013 году.

Напомним, что первоначальная редакция документа предусматривала возможность прямого и непосредственного применения судами норм Конституции РФ в случаях:

а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;

б) когда суд придет к выводу, что федеральный закон, действовавший на территории РФ до вступления в силу Конституции РФ, противоречит ей;

в) когда суд придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции РФ, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции.

В 2013 году эти положения были существенно пересмотрены. Согласно позиции высшей судебной инстанции, суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности:

а) когда закрепленные нормой Конституции положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания

¹ См. на эту тему: Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 99 – 123.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

на возможность ее применения при условии принятия федерального закона, регулирующего права, свободы, обязанности человека и гражданина и другие положения;

б) когда Конституционным Судом Российской Федерации выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда Российской Федерации, если они в нем указаны.

Из текста постановления, таким образом, было исключено указание на возможность прямого применения судами общей юрисдикции норм Конституции РФ в случае, если, по мнению суда, подлежащий применению закон (в частности, уголовный) противоречит конституционным установлениям (такие изменения позитивно оцениваются 83% опрошенных специалистов в области права). Такая трансформация стала во многом ответом на постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П, специально посвященного вопросам толкования норм Конституции РФ и ее прямого действия¹.

В этом документе Конституционный Суд РФ сформулировал следующие принципиальные позиции:

- требование о непосредственном применении Конституции РФ обращено ко всем судам, которые в соответствии с гл. 7 Конституции РФ независимо осуществляют судебную власть в пределах своей компетенции и в формах судопроизводства, установленных данной главой;

- Конституция РФ не предполагает проверку судами общей юрисдикции конституционности федеральных законов, правомочием по проверке конституционности указанных нормативных актов наделен только Конституционный Суд РФ;

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации».

- выводы судов общей юрисдикции о неконституционности закона не могут сами по себе послужить основанием для его официального признания не соответствующим Конституции РФ и утрачивающим юридическую силу; в аспекте взаимодействия судов различных видов юрисдикции и разграничения их компетенции по выявлению неконституционных законов исключение последних из числа действующих актов является совокупным результатом реализации, с одной стороны, обязанности общих судов поставить вопрос о конституционности закона перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой – обязанности последнего окончательно разрешить этот вопрос;

- предусмотренное ч. 4 ст. 125 Конституции РФ обращение судов общей юрисдикции в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности примененного или подлежащего применению в конкретном деле закона, если суд приходит к выводу о несоответствии закона Конституции РФ, не может рассматриваться только как его право, - суд обязан обратиться с таким запросом, чтобы не соответствующий Конституции РФ акт был лишен юридической силы в конституционно установленном порядке, что исключило бы его дальнейшее применение;

- обязанность судов в случаях, если они приходят к выводу о неконституционности закона, для официального подтверждения его неконституционности обращаться в Конституционный Суд РФ не ограничивает непосредственное применение ими Конституции РФ, которое призвано обеспечивать реализацию конституционных норм прежде всего при отсутствии их законодательной конкретизации.

Таким образом, **Конституционный Суд РФ, а вслед за ним и Верховный Суд РФ существенным образом ограничили сферу прямого применения судами общей юрисдикции Конституции РФ при рассмотрении уголовных дел¹**. Таковое возможно, по сути, лишь в случаях,

¹ Такое положение вещей не всеми специалистами оценивается положительно. Так, например, А.Б. Богомолов пишет: «любое ограничение или стеснение судов в применении норм Конституции неконституционно в силу положений части 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации и ограничивает

когда речь идет о нормах Конституции РФ, не требующих для своего применения конкретизации в отраслевом уголовном законодательстве. Таких норм, по очевидным причинам в тексте Конституции РФ, крайне немного. К ним уверенно можно отнести положения, закрепленные в частности, в ч. 3 ст. 6 (гражданин РФ не может быть лишен своего гражданства), ч. 4 ст. 15 (если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора), ч. 1 ст. 19 (все равны перед законом и судом), ст. 49 (каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда; неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого), ч. 1 ст. 50 (никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление), ч. 1 ст. 51 (никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга), ст. 54 (закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет; никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон), ч. 1 ст. 61 (гражданин РФ не может быть выслан за пределы РФ или выдан другому государству), ч. 2 ст. 62 (в РФ не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в РФ преступлением).

Не станем вступать сейчас в дискуссию относительно того, являются ли эти нормы собственно уголовно-правовыми или конституционно-правовыми. Отметим одно – они могут быть применены судами РФ

право граждан на судебную защиту, гарантированную статьями 18, 45 и 46 Конституции Российской Федерации. Поскольку подавляющее большинство дел рассматривается именно судами общей юрисдикции, то ограничение их в применении норм Конституции вследствие необходимости обязательного предварительного обращения с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации может породить массовое нарушение прав граждан на доступ к правосудию, что в свете присоединения Российской Федерации к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод неприемлемо по определению». См.: Богомолов А.Б. Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 7 – 8.

непосредственно при разрешении уголовных дел. Другое дело, что действующий УК РФ во многом воспроизводит и развивает эти конституционные предписания, в силу чего потребность в прямом действии Конституции РФ и в непосредственной ссылке на нее в судебных решениях утрачивает актуальность и значимость.

Решения высших судов страны не перечеркивают самой идеи прямого действия Конституции страны в регулировании уголовно-правовых отношений, которая со всей наглядностью проявляет себя на переломных этапах в жизни государства, когда происходит либо смена самой Конституции (при сохранении положений о ее прямом действии), либо отраслевого кодифицированного нормативного акта¹. Примером может служить в данном случае:

- постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации»², определившее особенности судебного контроля над ограничением прав граждан на жилище, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений;

- постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг»³ (в ред. до 2001 года), которое закрепило правило, согласно которому «при обсуждении вопроса о назначении наказания лицам, виновным в изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг, судам необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 20 Конституции Российской Федерации применение смертной казни в качестве исключительной меры наказания допускается лишь за особо тяжкие преступления против жизни и,

¹ В этой связи вряд ли можно в полной мере поддержать суждения Л.В. Головки о том, что Конституция «так и не стала актом прямого действия, по крайней мере, в уголовном судопроизводстве». См.: Головка Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. – 2013. – № 12. – С. 92.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 (ред. от 06.02.2007) «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 3.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Российская газета. – № 131. – 14.07.1994.

следовательно, она не может быть назначена за преступление, предусмотренное ст. 87 УК РСФСР»;

- решения, вынесенные по конкретным уголовным делам, рассматривавшимся в период после принятия Конституции РФ, но до трансформации под ее воздействием предписаний уголовного законодательства (в частности, дела об ответственности за недоносительство, совершенное супругами¹).

В современной практике, когда вопросы противоречия между УК РФ и Конституцией РФ не являются столь очевидными, практика судов также пестрит обращениями к конституционным нормам для разрешения конкретных правоприменительных ситуаций. Весьма востребованной, в частности, конституционной нормой выступает ч. 1 ст. 61 Конституции, не допускающая выдачу иностранным государствам граждан РФ, обвиняемых в совершении преступлений. Непосредственно обращаются суды к положениям Конституции РФ при определении содержания бланкетной части уголовно-правовых норм (например, в ст. 278 УК РФ, предусматривающей ответственность за «действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации»; при квалификации должностных преступлений с применением примечания к ст. 285 УК РФ, согласно которому «под лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, ... понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов»; при исключении ответственности за незаконное пересечение Государственной границы РФ в соответствии с примечанием к ст. 322 УК

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ по делу И. от 28.04.1993 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1993. – № 8. – С. 6 – 7.

РФ, согласно которому «действие настоящей статьи не распространяется на случаи прибытия в Российскую Федерацию с нарушением правил пересечения Государственной границы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства для использования права политического убежища в соответствии с Конституцией Российской Федерации, если в действиях этих лиц не содержится иного состава преступления».)

Таким образом, можно заключить, что **непосредственное применение судами Конституции РФ, пусть и в несколько ограниченном масштабе, сохраняет свое значение в деле конституционализации уголовно-правовых отношений** и выступает своего рода «страховочным механизмом» в ситуациях критической трансформации отраслевого законодательства. В относительно «спокойном», стабильном правовом пространстве потребность в таком прямом действии Конституции страны сокращается в виду повышения качества уголовного законодательства.

Однако и в таких условиях значение судов общей юрисдикции в качестве агентов конституционализации уголовного права не снижается. **За судами остается закрепленная на уровне обязанности необходимость воздерживаться от применения закона, вызывающего сомнения в конституционности, и обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке соответствия его Конституции РФ.**

В случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции подлежащий применению по конкретному делу закон, суд обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности этого закона. Такой запрос в соответствии со ст. 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» может быть сделан судом любой инстанции и в любой стадии рассмотрения дела.

Надо признать, что суды не часто ставят перед органом конституционной юстиции вопрос о конституционности уголовного закона. Обращение к электронной базе данных, содержащей решения

Конституционного Суда РФ на официальном сайте этого органа в сети «Интернет», показывает, что за период с 1993 по 2019 год, Конституционный Суд РФ вынес всего 25 решений (включая отказные определения) по запросам судов общей юрисдикции и ни одного решения по запросу Верховного Суда РФ в порядке ч. 4 ст. 125 Конституции РФ (в то время как по жалобам граждан РФ – 2039 решений).

Такая ситуация может быть оценена амбивалентно. С одной стороны, это может свидетельствовать о конституционном качестве уголовного закона и убежденности судов в его соответствии конституционным стандартам прав человека и безопасности. С другой стороны, это дает основания для постановки вопроса о том, насколько укоренено в правосознании представителей судейского корпуса позитивистское правопонимание, насколько владеют приемами и навыками конституционного толкования и конституционной оценки уголовного закона, насколько они готовы к свободной оценке уголовно-правовых норм и оспариванию презумпции их конституционности, насколько жестко связаны запретом аналогии в уголовном праве, ограничивающем возможности распространения выработанных Конституционным Судом РФ позиций в отношении одних уголовно-правовых норм на иные нормы.

Не станем на страницах настоящей работы вступать в обсуждение этих сложнейших тем. Отметим лишь, что ответы на них предполагают, прежде всего, **формирование надлежащего, отвечающего современным представлениям о сущности права, правопонимания у всех представителей судейского корпуса.** Как верно пишет В.И. Крусс, «Судье недостаточно быть «только» юридически грамотным и добросовестным лицом в механизме публичной власти. Ему требуется достоверная конституционно-правовая образованность, основанием которой выступают не дидактические познания в области законодательства ..., а нечто иное и гораздо большее: та степень интеллектуально-нравственной причастности к философии права и конституционализма, без которых судья заведомо не

сможет – при выработке и принятии своих правосудных решений – руководствоваться буквой и духом национальной конституции как акта прямого действия, актами и положениями международного права прав человека, которые затрагивает его акт правосудия¹.

Наряду с этим, свою лепту в оптимизацию механизма конституционализации уголовного права на уровне функционирования судов общей юрисдикции должна внести юридическая наука, разработав и предложив правоприменителю некую методику конституционной оценки уголовно-правовых норм, которую можно и нужно использовать в рамках конкретного процесса, методику, которая включала бы в себя определенный список вопросов, ответы на которые могут сформировать у судьи сомнение в конституционности закона, подлежащего применению, и обратиться в установленном порядке в Конституционный Суд РФ.

Конституционный Суд РФ выступает единственным субъектом, уполномоченным Конституцией РФ, делать вывод о соответствии уголовного закона конституционным нормам и ценностям. За период с 1993 по 2019 год Конституционный Суд РФ вынес 2137 решений по обращениям о проверке конституционности УК РФ. Оценивая уголовно-правовое предписание, Конституционный Суд, учитывает смысл, придаваемый рассматриваемому нормативному акту сложившейся судебной практикой, и его место в системе права. Таким образом, он выражает свое отношение как к позиции законодателя, так и к пониманию нормы правоприменителем.

Детальное исследование вопроса о работе Конституционного Суда РФ, разумеется, не может составить предмет нашего анализа. В интересующем нас отраслевом аспекте отметим лишь несколько значимых позиций.

Согласно Закону «О Конституционном суде Российской Федерации», проверка положений принятого и действующего уголовного

¹ Крусс В.И. Конституционная судебная дискреция в механизме конституционализации правовой системы России // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С. 40.

законодательства на предмет соответствия его Конституции РФ возможна в двух ситуациях:

а) по жалобе гражданина РФ или иных лиц на нарушение их конституционных прав и свобод, той или иной нормой УК РФ, примененной в конкретном деле, при условии, что исчерпаны все внутригосударственные средства судебной защиты (ст. 97 Закона),

б) по запросу суда, если он придет к выводу о несоответствии Конституции РФ предписаний уголовного закона, подлежащего применению им в конкретном деле (ст. 101 Закона).

Исходя из этого, и с учетом внесенных в названные статьи Закона изменений, можно констатировать:

во-первых, допуская запрос судов о проверке конституционности уголовного закона, лишь «подлежащего применению» (а не примененного, как предполагалось в первоначальной редакции Закона «О конституционном Суде Российской Федерации»), законодатель **подтвердил недопустимость применения судами законов, которые вызывают сомнение в их конституционности**, и в то же время признал, что граждане могут самостоятельно оспаривать конституционность уголовного закона лишь в случае, если система судов общей юрисдикции, по их мнению, не выполнила своего предназначения по защите конституционных ценностей;

во-вторых, не связывая запрос судов с проверкой факта нарушения уголовным законом лишь конституционных прав и свобод человека, законодатель существенно **расширил возможности судов по обеспечению конституционализации уголовного права**. Суд может ставить вопрос о конституционности уголовно-правовой нормы, вне зависимости от того, нарушаются ли ею права и свободы граждан. Как показывает анализ 25 решений Конституционного Суда РФ, вынесенных по запросам судов, в них ставился вопрос о соответствии положений УК РФ ст. 19 Конституции РФ (56% ссылок в запросах), ст.ст. 15, 54, 55 (по 20%), ст. 49 (16%), ст.ст. 50, 52

(по 12%), ст.ст. 1, 4, 45 (по 8%), а также Преамбуле Конституции, ст.ст. 2, 6, 17, 18, 22, 37, 38, 46, 47, 76, 118, 120 (по 4%).

По итогам рассмотрения дела о проверке конституционности положений уголовного закона Конституционный Суд РФ принимает аргументированное постановление или определение. Любое решение Конституционного Суда РФ в рассматриваемой части является окончательным и не подлежащим обжалованию. В соответствии с Законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ст. 79), решение Конституционного Суда РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Положения УК РФ, признанные неконституционными, утрачивают силу; решения судов, основанные на них, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях. Юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании уголовно-правовой нормы неконституционной не может быть преодолена повторным принятием этого же нормативного предписания.

При анализе механизма конституционализации уголовного права посредством решений Конституционного Суда РФ необходимо принимать во внимание и содержание, и вид принимаемого Судом решения. По итогам конституционного разбирательства, Суд принимает одно из следующих постановлений: о признании их соответствующими Конституции РФ; о признании их соответствующими Конституции РФ в данном Конституционным Судом РФ истолковании; о признании их не соответствующими Конституции РФ. Наряду с этим в практике Конституционного Суда РФ оформился особый вид решений – «определения с позитивным содержанием» (информационная база решений Конституционного Суда РФ по соответствующему запросу выдает 23 определения с позитивным содержанием). В литературе отмечается, что необходимость их принятия возникает в случаях, когда оспаривается не то же самое нормативное положение, по которому вынесено решение

Конституционного Суда РФ (в таких случаях принимается обычное отказное определение), а аналогичное ему, т.е. такое, которое регулирует сходные отношения в соответствующей сфере общественной жизни¹. Как заявляет В.Д. Зорькин, несмотря на свой отказной характер, «нельзя утверждать, что в «определении с позитивным содержанием» отсутствует ответ на вопрос, соответствует ли закон Конституции. Ответ на него дан путем распространения позиции уже по ранее состоявшемуся решению Конституционного Суда по другому делу. И в том, уже рассмотренном деле был дан ответ на вопрос, конституционен ли закон. ... Фактически позитивное определение напоминает о прежнем подходе Суда к подобной проблеме².

Вместе с тем, анализ показывает, что некоторые определения с позитивным содержанием не просто распространяют ранее сформулированную правовую позицию Конституционного Суда РФ на иные аналогичные ситуации, но по сути своей, выявляют конституционно-правовой смысл оспариваемого уголовно-правового предписания без проведения специального конституционно-правового разбирательства.

Принимая такое определение, Конституционный Суд РФ «обязывает государство и общество учитывать данное в определении конституционно-правовое истолкование обжалуемой нормы, исключая любое иное в правоприменительной практике, что, в свою очередь, обуславливает согласно данному толкованию применение иных норм, содержащих аналогичные положения»³. Так, например, в своих определениях Конституционный Суд РФ констатировал: «положения статьи 79 УК РФ по своему конституционно-правовому смыслу не препятствуют применению условно-досрочного освобождения от наказания в отношении лиц, которым назначенное по

¹ Витушкин В.А. Определения как вид решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал Российского права. – 2005. – № 3. – С. 12; Витушкин В.А. Определения Конституционного Суда Российской Федерации: особенности юридической природы. – М.: Норма, 2005.

² Интервью с В.Д. Зорькиным. Электронный ресурс: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/> (дата обращения: 09.12.2019).

³ См.: Сухина И.В. Регулирование конституционного судопроизводства определениями Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 19.

приговору суда наказание в виде смертной казни было в порядке помилования заменено на лишение свободы»¹; при применении ст. 310 УК РФ на правоприменителя «возлагается обязанность учитывать не только сам факт разглашения данных предварительного расследования, но и существо разглашенных данных, их соотношение с интересами предварительного расследования и (или) правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, которым причинен вред или которые находятся под угрозой причинения вреда, с тем чтобы оценить исходя из конкретных условий времени, места и обстановки совершения деяния характер и степень его общественной опасности»².

Таким образом, можно утверждать, что **конституционализация уголовного права осуществляется Конституционным Судом РФ либо непосредственно в постановлении при разрешении вопроса о конституционности уголовно-правовой нормы по существу, либо опосредованно путем толкования уголовно-правовой нормы в определении с аргументацией на основе ранее сформулированных правовых позиций.**

В каждом решении Конституционного Суда РФ обосновывается правовая позиция по вопросу о соответствии нормы уголовного закона и придаваемого ей правоприменительной практикой смысла конституционным нормам и принципам.

Однако, пожалуй, только два вида решений – о полном, категорическом соответствии или, напротив, несоответствии закона Конституции – не вызывает проблем с их пониманием, толкованием и применением. При этом таких решений крайне немного. Один из наиболее ярких примеров – решение по вопросу о проверке конституционности ст. 64

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 406-О «По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 79 УК Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

УК РСФСР (1960), предусматривавшей ответственность за измену Родине¹. Здесь Конституционный Суд РФ четко и недвусмысленно констатировал: признать положение п. «а» ст. 64 УК РСФСР, квалифицирующее бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы как форму измены Родине, не соответствующим Конституции РФ; признать положение п. «а» ст. 64 УК РСФСР, квалифицирующее выдачу государственной или военной тайны иностранному государству, а равно оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против РФ как форму измены Родине, соответствующим Конституции РФ. В силу решений подобного рода те или иные предписания УК РФ признаются либо недействующими, либо соответствующими ценностям Конституции, что влечет прогнозируемые и установленные законом последствия как в части законотворчества, так и в части правоприменения – для всех рассматриваемых или уже рассмотренных уголовных дел.

Основной массив решений Конституционного Суда РФ содержит выводы, хотя и однозначные, но не столь категоричные. Это решения, в которых Суд признает уголовно-правовую норму (либо в целом, либо в некоторой части, либо в определенном истолковании, которое ей придается правоприменительной практикой) конституционной либо неконституционной, выявляя при этом конституционный смысл оцениваемого уголовно-правового предписания. Так, например, Конституционный Суд РФ признал ст. 159.4 УК РФ конституционной в той мере, в какой ее положения позволяют отграничивать уголовно наказуемые деяний от собственно предпринимательской деятельности, исключают возможность использования уголовного преследования для разрешения гражданско-правовых споров, обеспечивают механизм защиты добросовестных предпринимателей от необоснованного привлечения к

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова». К решениям подобного рода следует отнести и Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова».

уголовной ответственности, а равно исключают возможность ухода виновных лиц от уголовной ответственности под прикрытием гражданско-правовой сделки. Но в то же время признал эту же норму неконституционной, в той мере, в какой ее положения устанавливают за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, наказание, явно несоразмерное его общественной опасности¹. В другом постановлении Конституционный Суд РФ признал ст. 212.1 УК РФ не противоречащей Конституции РФ, но при этом дал ей такое конституционно-правовое истолкование, которое, по сути, блокирует возможность ее применения в том буквальном виде, в каком она сформулирована в тексте уголовного закона².

Решения такого рода весьма специфичны. Они не исключают сами по себе дефектной нормы из УК РФ, а ряде случаев даже не проводят их конституционно-правовой дисквалификации. Их исполнение не предполагает с необходимостью ни исключения статьи из УК РФ, ни внесения в нее изменений (достаточно, к примеру, указать, что инициативы депутатов Государственной Думы внести на рассмотрение законопроекты об исключении ст. 212.1 УК РФ или изменении ст. 282 УК РФ, фактически блокировались профильным комитетом на том основании, что сами по себе эти нормы признаны соответствующими Конституции РФ Конституционным Судом РФ). Однако такие решения наполняют уголовный закон смыслом и «духом», который должен быть воспринят, прежде всего, судами общей юрисдикции, рассматривающими уголовные дела, в которых применяется или предполагается применение соответствующей уголовно-правовой нормы. Последствие таких решений – это изменение практики толкования и применения уголовно-правовой нормы.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

И еще на одну разновидность решений Конституционного Суда РФ надо обратить внимание. Они касаются не просто той или иной отдельной статьи уголовного закона, а «взаимосвязанных положений» уголовного и иного законодательства, толкование и применение которых в той или иной конкретной ситуации нарушает конституционные установления. Так, например, Суд признал не соответствующими Конституции РФ взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 10 УК РФ, ч. 2 ст. 24, ч. 2 ст. 27, ч. 4 ст. 133 и ст. 212 УПК РФ, в той мере, в какой они лишают лицо, уголовное преследование которого прекращено на досудебной стадии уголовного судопроизводства вследствие принятия нового уголовного закона, устраняющего преступность и наказуемость инкриминируемого ему деяния, возможности обжалования в судебном порядке законности и обоснованности вынесенных в ходе осуществления уголовного преследования этого лица актов органов дознания и предварительного следствия, в том числе фиксирующих выдвинутые подозрение, обвинение в инкриминируемом ему деянии, применение мер процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу, а в случае установления их незаконности и необоснованности – возможности признания за ним права на реабилитацию¹. Как видим, в иных аспектах своего функционирования, обсуждение которых не затребовано в обращении, ст. 10 УК РФ не проверяется здесь на конституционность, ее соответствие Конституции РФ презюмируется. Но в одном, строго определенном отношении и в строго определенной ситуации, истолкование этой статьи правоприменительными органами признается неконституционным.

Оценка содержания и видов представленных решений позволяет заключить, что **конституционализация уголовного права посредством деятельности Конституционного Суда РФ осуществляется двояко: либо**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».

путем корректировки непосредственно текста уголовного закона, либо путем изменения сложившегося на практике понимания уголовно-правовой нормы (этот тезис поддержали практически все опрошенные при подготовке исследования специалисты – 95%). В первом случае дефектная уголовно-правовая норма либо признается недействующей самим постановлением Конституционного Суда РФ, либо же ее корректировка возлагается Конституционным Судом РФ на парламент. Во втором случае решение Конституционного Суда РФ может не содержать посланий организационного характера парламенту, но ориентировано на принципиальное изменение в толковании и применении уголовно-правовой нормы.

Изложенное позволяет сформулировать на данном этапе исследования несколько промежуточных выводов:

- с институциональной точки зрения механизм конституционализации уголовного права представляет собой систему взаимосвязанных и дополняющих друг друга способов и средств воплощения в уголовно-правовых нормах и практике их применения конституционных ценностей, дифференцированных в зависимости от функциональной принадлежности и компетенции субъектов конституционализации;

- этот механизм включает в себя: проведение правовой (в т.ч. на предмет соответствия Конституции РФ) экспертизы проектов уголовных законов в Государственной Думе, проведение правовой экспертизы принятых уголовных законов в Совете Федерации, толкование уголовных законов на предмет их соответствия Конституции РФ судами общей юрисдикции, запрет на применение сомнительных с точки зрения суда уголовных законов и обращение в Конституционный суд с запросом о его конституционной оценке, проверку конституционности уголовного закона в Конституционном Суде РФ и исполнение его решений законодателем и правоприменителем;

- совершенствование институционального механизма конституционализации уголовного права требует надлежащего нормативного

регулирующей правовой экспертизы уголовных законов на этапе их принятия и разработки эффективной методики такой экспертизы; обобщения и систематизации правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам конституционности уголовного закона; формирование современного, конституционно-ориентированного правопонимания у всех представителей судебского корпуса, развитие навыков применения уголовного закона в его истолковании, данном Конституционным Судом РФ.

§ 3. Реализация конституционных положений в уголовном праве: генетико-функциональные связи

Механизм конституционализации уголовного права, как отмечалось ранее, необходимо рассматривать не только с внешней, институциональной стороны, но и с содержательной, внутренней точки зрения. В последнем случае речь идет о познании того, каким образом конституционные нормы и ценности непосредственно влияют на уголовно-правовые нормы и уголовно-правовые отношения. Процесс этого влияния, в свою очередь, также может быть проанализирован с разных позиций. Оставляя для последующего самостоятельного исследования вопрос о содержании конституционных начал уголовно-правового регулирования, в рамках настоящего параграфа сосредоточим внимание на изучении функциональных характеристик конституционализации уголовного права¹.

Поскольку конституционализация уголовного права есть ни что иное, как воплощение конституционных идей и предписаний в уголовном праве, ее справедливо рассматривать одновременно в качестве процесса и итога реализации конституционных норм. В теории конституционного права проблема реализации Конституции РФ рассматривается как одна из ведущих,

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных авторов работ: Гузеева О.С. Юрико-технические аспекты воплощения конституционных положений в уголовном законе // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 4. – С. 73 – 80; Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права как направление реализации конституционно-правовых норм // Вестник Краснодарского университет МВД России. – 2020. – № 2. – С. 29 – 33.

при этом вполне закономерно, что в ее решении наука предлагает целый ряд различающихся позиций. Некоторые специалисты проецируют на область конституционно-правовых отношений теоретические наработки о четырех формах реализации правовых норм – использования, исполнения, соблюдения и применения¹; другие утверждают, что реализация конституционных норм осуществляется посредством лишь соблюдения, исполнения и применения²; третьи называют два способа – основным (главным) способом реализации конституционных норм называют «соблюдение», а особым, специальным способом их реализации – «применение»³; иные указывают на исполнение как на единственную форму реализации норм Конституции⁴.

В нашу задачу, разумеется, не может входить глобальное обсуждение этого большого вопроса. В целях достижения поставленных в диссертации задач представляется, в его решении необходимо отталкиваться, прежде всего, от содержания и вида конституционных норм, которые имеют отношение к проблематике уголовно-правового регулирования. Более того, в формулировке теоретических выводов полагаем возможным отталкиваться от авторитетного мнения Б.С. Эбзеева, который пишет, что между формами реализации конституционных норм, в принципе, нельзя провести контрастную грань, и что по большому счету, конституционные нормы осуществляются либо путем активного (исполнение), либо путем пассивного (соблюдение) поведения субъектов конституционных отношений⁵.

Таковыми субъектами, среди прочих, выступают человек и государство в лице его органов (в частности, парламента и суда). Не сложно заметить, что в данном случае имеет место **частичное совпадение круга субъектов**

¹ Еременко Ю.П. Советская Конституция и законность / науч. ред. В.А. Ржевский. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – С. 114.

² См.: Югов А.А., Белых С.В. Механизм реализации Конституции Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 4 – С. 41.

³ Беликов А.Н. Современные проблемы реализации конституционных норм в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 9.

⁴ Стумбина Э.Я., Кузнецов А.В., Эглитис В.В. Механизм реализации конституции: государственно-правовой аспект. – Рига: Зинатне, 1984. – С. 100.

⁵ Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 2005. – С. 158 – 159.

конституционно-правовых отношений и отношений уголовно-правовых (если понимать под ними, вслед за Н.Ф. Кузнецовой, отношения в сфере законодательной и правоприменительной деятельности¹). Следовательно, субъекты уголовного права и при создании, и при соблюдении, и при применении уголовно-правовых норм обязаны одновременно реализовывать и нормы Конституции РФ. **Формы реализации конституционных норм субъектами уголовного права определяются содержанием обращенных к ним конституционных предписаний.**

Обращение непосредственно к тексту Конституции РФ позволяет установить следующее. В сфере уголовно-правовых отношений гражданам адресованы три группы предписаний Конституции РФ.

Во-первых, обязывающие нормы:

- общее обязывающее предписание ч. 2 ст. 15 Конституции, согласно которому граждане обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы РФ

- и ряд конкретизирующих его обязывающих предписаний о том, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57), сохранять природу и окружающую среду (ст. 58), о том, что граждане РФ обязаны защищать Отечество (ч. 1 ст. 59).

Во-вторых, запретительные положения: о запрете захвата власти (ч. 4 ст. 3), запрете создания и деятельности общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13), о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17), о том, что никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц (ст. 25), о том, что никто не может быть принужден к определению и указанию своей

¹ См.: Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть. Учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – С. 3.

национальной принадлежности (ст. 26), о том, что не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ч. 2 ст. 28), о том, что никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 28), о том, что никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (ч. 2 ст. 30), о том, что не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34), о том, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35), о том, что никто не может быть произвольно лишен жилища (ч. 1 ст. 40).

В-третьих, гражданам адресованы управомочивающие положения Конституции РФ, имеющие отношение к сфере уголовного права, как общего порядка: о том, что каждый гражданин РФ обладает на ее территории всеми правами и свободами (ч. 2 ст. 6), о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), так и вполне конкретные, касающиеся охраны достоинства личности и запрета пыток (ч. 2 ст. 21), определяющие особенности ареста (ч. 2 ст. 22), права на судебную защиту и обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ст.ст. 46, 47), презумпции невиновности и толкования сомнений (ст. 49), гарантий от повторного осуждения (ч. 1 ст. 50), права на возмещение вреда, причиненного преступлением (ст. 52) и незаконными действиями государственных органов (ст. 53).

Соответственно, можно утверждать, что **реализация конституционных положений в сфере уголовного права гражданами РФ осуществляется посредством любой из классически выделяемых в теории права форм: исполнение, соблюдение, использование** (это мнение поддержано 59% респондентов из числа научных работников, при том, что

87% справедливо не считают реализацию гражданами конституционных норм проявлением собственно конституционализации уголовного права).

Эти же формы реализации, а также применение норм Конституции РФ, присущи государству, как субъекту уголовно-правовых отношений¹.

В частности, согласно Конституции РФ:

- государство обязано: признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2), защищать равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8), гарантировать равенство прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19), обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24), обеспечить потерпевшим доступ к правосудию и компенсировать ущерб (ст. 52),

- государству запрещено: устанавливать какую-либо идеологию или религию в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 12, ч. 1 ст. 14), лишать лицо имущества иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35), использовать доказательства, полученные с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 49), издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55),

- государство имеет право: устанавливать смертную казнь в качестве исключительной меры наказания (ч. 2 ст. 20), осуществлять арест, заключение под стражу и содержание под стражей на основании судебного решения (ч. 2 ст. 22), ограничивать права и свободы человека и гражданина федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55),

¹ Относительно признания применения нормы права формой его реализации высказаны в науке несовпадающие позиции. С.С. Алексеев, в частности, писал, что в виду присущих применению особенностей его не стоит рассматривать в качестве формы реализации права (см.: Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. 2-е изд. – М: Проспект, 2009. – С. 239).

- государство применяет: Конституцию РФ на всей территории РФ (ч. 1 ст. 15), только опубликованные нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина (ч. 3 ст. 15), новый закон, если после совершения правонарушения ответственность за него была устранена или смягчена (ч. 2 ст. 54), международные договоры РФ, если ими установлены иные правила, чем предусмотрены законом (ч. 4 ст. 15).

Вместе с тем, важно отметить, что реализация конституционных норм в сфере уголовного права (впрочем, как и в любой иной области общественных отношений) в известной степени затрудняется максимально обобщенным, вплоть до абстрактного, уровнем изложения большей части конституционных положений. Лишь крайне ограниченное число конституционных норм могут быть реализованы прямо, непосредственно, без установления дополнительных, детализирующих правовых предписаний (например, ч. 2 ст. 54 Конституции РФ). Основной массив конституционных норм содержит лишь исходные начала регулирования уголовно-правовых отношений, уставные, программирующие предписания. Обращенные к человеку, они требуют детализации на уровне отраслевого законодательства, обращенные к государству, они требуют своего воплощения в законе. Не случайно в литературе отмечается, что «многие конституционно-правовые нормы в своей реализации связаны не с возникновением конкретных правоотношений, а с особым вида отношениями общего характера»¹, что без конкретизации и развития общих конституционных положений в законодательных актах Основной Закон не может выполнять целого ряда своих собственно правовых функций². Специалисты по конституционному праву утверждают даже о существовании особой, присущей только нормам

¹ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: Юрист, 1995. – С. 9.

² Титова А.А. Конституция в системе российского законодательства (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 11 – 12.

Конституции форме реализации права – «установление», «общее нормирование»¹.

В этой связи насущной потребностью, одновременно предпосылкой и содержанием конституционализации уголовного права является «перевод» общих конституционных установлений на «уголовно-правовой язык», их «уголовно-правовая инструментализация». Осуществляется она на каждом из уровней уголовно-правового регулирования, как на нормативном (правовом), так и на индивидуальном². «Общество заинтересовано не только в создании законодательной модели отношений между государством и преступниками, но, главное, в том, чтобы эта модель была реализована в жизни, на уровне конкретных правоотношений, возникающих между государством, прежде всего, судом, и конкретным лицом, которое совершило преступление»³.

Как следствие, конституционализация уголовного права может рассматриваться как процесс двухстадийный: на первой стадии в процессе реализации конституционных норм создается уголовное законодательство, на второй – соответствующий Конституции уголовный закон применяется для регулирования конкретных правоотношений.

Такое понимание конституционализации в теоретическом отношении заставляет обратить внимание на следующие аспекты:

- активным и ответственным субъектом конституционализации уголовного права, с учетом публично-правового характера отрасли, конституционных норм, определяющих компетенцию государственных органов, конституционных начал, определяющих в целом содержание государственной политики и правового регулирования, выступают государственные органы – парламент и суды. В ст. 15 Конституции РФ на

¹ См.: Авакьян С. А. Методы конституционно-правового регулирования и их специфика // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 1.

² Подробнее об этих уровнях правового регулирования см., например: Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2017. – С. 108 – 137.

³ Баулин Ю.В. Конституционные основы уголовно-правового регулирования общественных отношений // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всерос. Конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006. – С. 54.

этот счет прямо предписано: законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ, а органы государственной власти обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы;

- воплощение (мы предпочитаем использовать этот термин как обобщающий и нейтральный) конституционных положений в уголовном праве должно осуществляться на каждом уровне его проявления: и на уровне текста уголовного закона, и на уровне его применения. При этом очевидно, что с функциональной точки зрения конституционализация уголовного права на этих уровнях происходит различным образом. Если оставить в стороне вопросы, связанные с формированием конституционного правопонимания у парламентариев и судей, то можно утверждать, что конституционализация уголовного права на уровне регулирования индивидуальных правоотношений (на уровне правоприменения) предполагает использование механизмов прямого действия Конституции РФ и запрет (до разрешения вопроса Конституционным Судом РФ) на применение уголовных законов, конституционность которых вызывает сомнение. На уровне же создания моделей уголовно-правовых отношений, то есть на уровне законотворчества конституционализация требует иного механизма, обеспечивающего отражение в тексте уголовного закона конституционных идей, принципов и указаний;

- граждане, будучи субъектами и уголовно-правовых, и конституционно-правовых отношений, объективно имеют крайне ограниченный (хотя от этого и не менее значимый) спектр возможностей участвовать в конституционализации уголовного права. Их участие является по преимуществу косвенным: на уровне законотворчества – через процедуры формирования парламента, институт референдума и законодательных инициатив, на уровне правоприменения – через конституционное обжалование примененных к ним уголовных законов. В последнем случае, что важно, инициированная гражданами проверка конституционности индивидуального уголовно-правового регулирования может привести к

уточнению или пересмотру обобщенной модели такого регулирования на уровне уголовно-правовой нормы.

Заметно слабое участие граждан в процессе конституционализации уголовного права вполне объяснимо спецификой самого этого процесса. Есть основания утверждать (с учетом мнения 98% опрошенных специалистов), что **с функциональной точки зрения конституционализация представляет собой деятельность уполномоченных субъектов (парламента и судов) по применению норм Конституции РФ для регулирования уголовно-правовых отношений на нормативном и индивидуальном уровне.** Как и любая правоприменительная деятельность она требует особого субъектного состава и специальных форм. Специфика состоит в том, что применение норм Конституции на различных уровнях уголовно-правового регулирования имеет различные формы. Если на уровне регулирования индивидуальных уголовно-правовых отношений применение Конституции РФ не отличается от применения иных нормативных правовых актов (она действует либо непосредственно, либо через системы иерархии источников уголовного права), то на уровне нормативного регулирования формой применения Конституции РФ уверенно можно назвать законотворчество, как властную деятельность парламента по реализации конституционных стандартов в уголовном законодательстве.

Поскольку текст уголовного закона выступает основой функционирования отрасли уголовного права, именно воплощение конституционных идей в УК РФ является базовой, исходной точкой в решении фундаментальной задачи конституционализации отрасли.

Это обстоятельство подводит к необходимости обсудить **вопрос о соотношении конституционных и уголовно-правовых норм** и о юридико-техническом механизме воплощения требований Конституции РФ в уголовном законе.

В юридической литературе он решается порой весьма неоднозначно. Так, например, А.А. Титова пишет: «Конституционно-правовая норма

определяется как исходное, учредительное предписание общего характера, устанавливающее отправные начала системного построения права, государственного и общественного строя, определяющее основы правового статуса личности и иные базовые, фундаментальные составляющие правовой системы. Все иные нормы российского права выступают как специальные по отношению к положениям Конституции, они должны быть производны и выводимы из них»¹. Иное по звучанию, но близкое по духу, решение предложено А.А. Авакьяном, который выделяет основные нормы, содержащие ключевое правило, и дополнительные нормы, необходимые для реализации основной; «основная норма предопределяет появление дополнительных норм и линию регулирования в них общественных отношений»².

Однако применительно к нашей теме согласиться с таким подходом вряд ли возможно. Оценка соотношения правовых норм как общих и специальных, основных и дополнительных может быть справедливой при одном принципиальном допущении, что речь идет о правовых нормах одной отрасли права, имеющих единую природу. В нашем же случае решается вопрос о соотношении норм различной отраслевой принадлежности.

В связи с этим стоит заметить, что в литературе высказано мнение, согласно которому ряд норм Конституции РФ (в частности, ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 50, ч. 2 ст. 63) в своем содержании имеют исключительно уголовно-правовые предписания, будучи конституционным лишь по форме³. Если отталкиваться от этой позиции, то соотношение норм Конституции РФ и УК РФ, действительно можно рассматривать с точки зрения соотношения общих и специальных, основных и дополнительных норм. Однако представляется, что исходная посылка таких рассуждений все же упречна.

¹ Титова А.А. Конституция в системе российского законодательства (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 13 – 14.

² Авакьян С.А.. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособ : в 2 т Т.1. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, ИНФРА-М., 2014. – С. 99 – 106.

³ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 106; Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. Лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 187 – 188.

При ее последовательном развертывании можно прийти к выводу, что Конституция РФ является собой комплексный нормативный акт, содержащий конгломерат предписаний самой разной отраслевой природы, что принципиально не верно, поскольку способно привести к выводу об отсутствии у Конституции самостоятельного предмета правового регулирования. Гораздо больше теоретических оснований согласиться с мнением З.А. Незнамовой о том, что Конституция не предусматривает уголовно-правовых норм¹. Все нормы Конституции РФ по своей природе и назначению являются конституционно-правовыми. Другое дело, что они имеют значение для уголовно-правового регулирования. Но «иметь уголовно-правовое значение» и «быть уголовно-правовыми» - это разные характеристики правовых норм.

Следовательно, вопрос о соотношении уголовно-правовых и конституционных норм должен решаться иначе. Сегодня можно констатировать определенное согласие в отраслевой науке относительно нескольких исходных позиций в его решении:

- Конституция есть юридическая база уголовного законодательства, имеющая первостепенное значение для его развития²;
- нормы уголовного права, как и любой другой отрасли, находятся в отношении «подчинения» нормам конституционного права³;
- каждая уголовно-правовая норма и каждое уголовно-правовое решение должно быть конституционным⁴.

Однако юридико-технические средства и приемы конституционализации уголовного закона все еще в должной степени не исследованы. Как верно пишет А.Э. Жалинский, применительно к УК РФ отсутствует инструментальное раскрытие понятийного оборота

¹ Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов /отв. ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2002. – С. 22 – 24.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 77.

³ Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 19.

⁴ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 301.

«основывается на Конституции Российской Федерации», не выявлено содержание и связь абстрактных конституционных норм с уголовным законом, не разработаны критерии признания уголовного закона основывающимся на Конституции¹.

Нельзя сказать, что наука вообще обходит стороной исследование этих проблем. Хотя в некоторых случаях, даже в специальных публикациях теоретические аспекты взаимодействия Конституции и отраслевого законодательства не раскрываются². Однако сформулированные здесь положения и выводы крайне противоречивы, неполны и потому, как минимум недостаточны, что предопределяет дополнительное и углубленное исследование проблемы.

Специалисты в целом верно отмечают, что в функциональном отношении все отрасли права (в том числе и уголовное) призваны предусмотреть и обеспечить надежный инструментариум реализации конституционных норм, что предопределено и объясняется ведущим положением, которое занимает Конституция страны³. Вместе с тем, способы и приемы такой «реализации», механизм воплощения в уголовном законе конституционных положений определяется в науке различным образом. В частности, указывается, что конституционализация уголовного права обеспечивается такими средствами, как:

- конструирование прямых запретов и закрепление базовых ценностей, подлежащих правовой охране, отражение их в гипотезах, диспозициях и в санкциях норм отраслевого законодательства⁴;

- использование бланкетного приема конструирования правовых норм, при котором в конституционных нормах содержится ссылка на уголовное

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 301.

² Борчавшвили И.Ш. Реализация конституционных норм в отраслевом законодательстве Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2010. – № 4 (20). – С. 31 – 35.

³ Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1996. – С. 68 – 69.

⁴ Червонюк В.И. Имплементация конституционно-правовых понятий в отраслевое (действующее) законодательство (позитивное право) как форма его конституционализации // Государственная служба и кадры. – 2014. – № 4. – С. 17.

законодательство, а в уголовном законе – ссылка на нормы Конституции РФ или конституционно-правовые термины¹;

- рецепция, состоящая в воспроизведении в законодательстве ключевых положений Основного Закона², или их «адаптированном дублировании»³;

- имплементация, то есть законодательная деятельность, осуществляемая в целях реализации в нормах уголовного права обязательных правовых требований к их содержанию, установленных в нормах Конституции РФ⁴;

- конкретизация конституционных требований в уголовном законодательстве как закономерная деятельность государственных и иных уполномоченных органов по переводу абстрактного содержания юридических норм на более конкретный уровень посредством операции ограничения понятий, результаты которой фиксируются в правовых актах⁵.

Характерной особенностью исследований юридико-технических приемов и средств конституционализации уголовного права выступает тот факт, что авторы относительно произвольно, а порой и без достаточных теоретических оснований, сосредотачивают внимание на каком-либо одном из них, отталкиваются от тех или иных известных доктринальных посылок и развивают их в своих интересах, мало опираясь при этом на какой-либо эмпирический фундамент.

Такой подход к организации исследований и, соответственно, к их выводам, не может быть поддержан в полной мере. Его корректировке, по нашему мнению, должно служить обращение к реальной практике конституционного анализа уголовно-правовых предписаний, официальной и

¹ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 109; Коляхин В. Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 53 – 54.

² Титова А.А. Конституция в системе российского законодательства (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – С. 13.

³ Кибальник А.Г. Конституционное правило «толкования сомнений» и применение норм уголовного закона // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всерос. Конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006. – С. 250.

⁴ Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 38.

⁵ Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. – Львов: Выща шк. Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988. – С. 23.

авторитетной оценке соотношения уголовного законодательства и Конституции. Богатый материал для этого дает опыт функционирования Конституционного Суда РФ. При подготовке настоящей работы методом сплошного изучения было проанализировано 95 решений Конституционного Суда по вопросу о возможности рассмотрения жалоб граждан на нарушение их прав предписаниями УК РФ (отказные определения). Практически в каждом из них при обсуждении поставленной проблемы Конституционный Суд РФ использовал для обоснования своей позиции такие слова и обороты, которые позволяют вполне четко зафиксировать позицию Суда по вопросу о юридико-технических аспектах соотношения УК РФ и Конституции страны.

В частности, Конституционный Суд РФ указывал, что:

- нормы уголовного закона (например, ст. 199, ст. 330 УК РФ) призваны обеспечить исполнение конституционной обязанности гражданами РФ¹;
- нормы уголовного закона (например, ст. 80 УК РФ) обеспечивают осуществление закрепленных в Конституции РФ прав граждан²;
- введение уголовной ответственности (например, за деяния, предусмотренные главой 18 УК РФ) предопределено конституционной обязанностью государства защищать достоинство человека, его права и свободы, обеспечивать права потерпевших от преступления и компенсацию причиненного им ущерба, а также гарантировать надлежащий порядок осуществления правосудия³;

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1807-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухортова Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Михаила Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михеева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации»; см. также определения Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1818-О; от 04.04.2013 № 661-О.

- содержание норм уголовного закона *свободно определяется законодателем* с учетом конституционных ограничений¹, Конституция РФ не содержит обязанности устанавливать уголовную ответственность за любое нарушение прав граждан²;

- нормы уголовного закона (например, ст. 226.1 УК РФ) *подчиняются конституционным целям* установления правовых ограничений³ и дифференциации уголовной ответственности, а также иным требованиям, предъявляемым к ним Конституцией РФ⁴;

- установление уголовно-правового регулирования (например, в ст. 64, ст. 96 УК РФ) *конкретизирует* в уголовном законе конституционные начала справедливости и гуманности и направлено на уменьшение уголовной репрессии до необходимого минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания⁵;

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1237 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Арманшина Тимерхана Тимершиновича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации»; см. также определения Конституционного Суда РФ от 25.11.2010 № 1525-О-О, от 24.02.2011 № 267-О-О, от 18.10.2012 № 1928-О, от 24.09.2013 № 1432-О, от 25.09.2014 № 2042-О, от 29.03.2016 № 622-О, от 27.06.2017 № 1406-О и др.

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 515-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трехсвоякова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 293 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2647-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2738-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Абдираимова Мансура Зарифовича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2722-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации»; см. также определения Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2845-О, от 20.12.2018 № 3377-О; от 29.01.2019 № 65-О.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1818-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назаренко Максима Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 72 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1774-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Игоря Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2357-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Братковского Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляблина Евгения Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 64 и 96 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1823-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родионова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 64, 132, 134 и 2422 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2019 № 1509-О «По запросу мирового судьи судебного участка № 23 Елизовского судебного района в Камчатском крае о

- статьи уголовного закона (например, ст. 10 УК РФ) *развивают* положения Конституции РФ¹, *направлены на реализацию и обеспечение* конституционных принципов (законности, справедливости, гуманизма)²;
- установление в уголовном законе ответственности (например, за преступления, связанные с оборотом сильнодействующих или ядовитых веществ, а также с оборотом порнографической продукции) *согласуется с положением Конституции РФ* о допустимости ограничения прав и свобод человека и гражданина, и с международными обязательствами РФ³;
- нормы уголовного закона (например, ст. 242 УК РФ) *не умаляют конституционного принципа* презумпции невиновности⁴;

проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 157 Уголовного кодекса Российской Федерации»; см. также определения Конституционного Суда РФ от 25.12.2008 № 941-О-О, от 29.01.2009 № 16-О-О, от 24.12.2012 № 2342-О, от 25.09.2014 № 1992-О, от 16.07.2015 № 1591-О, от 26.01.2017 № 26-О, от 25.06.2019 № 1823-О и др.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2365-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Утегенова Джумабека Ильяховича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 и примечанием к статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2716-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хромова Максима Афанасьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2312-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Насирова Рината Расилевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1913-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Палиониса Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 9 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1912-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Рош Диагностика Рус» на нарушение конституционных прав и свобод частью первой статьи 10 и частью третьей статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1164-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Санникова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 10 и 79 Уголовного кодекса Российской Федерации»; см. также определения Конституционного Суда РФ от 29.03.2016 № 620-О, от 25.01.2018 № 244-О, от 25.10.2018 № 2765-О; от 29.01.2019 № 53-О.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2319-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравченко Максима Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации, Указа Президента Российской Федерации «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена», постановлений Правительства Российской Федерации «О поставках продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» и «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации», постановлений Главного государственного санитарного врача Российской Федерации «О прекращении использования метилового спирта в средствах по уходу за автотранспортом» и «Об утверждении СП 2.3.3.2892-11 «Санитарно-гигиенические требования к организации и проведению работ с метанолом»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1823 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родионова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 64, 132, 134 и 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2314-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав

- норма уголовного закона *не может нарушать конституционных прав* граждан¹.

Анализ сформулированных Конституционным Судом РФ суждений и оценок позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, **в механизме конституционализации уголовного права следует вполне отчетливо различать сами действия законодателя по воплощению в уголовном законе конституционных положений (внешний аспект проблемы) и соотношение уголовно-правовых и конституционно-правовых норм (внутренний аспект)**. В силу чего сам по себе факт реализации законодателем конституционных норм о создании того или иного уголовного закона еще не гарантирует конституционности самого уголовного закона.

Во-вторых, **действия законодателя по конституционализации уголовного права вполне логично описываются посредством известных форм реализации конституционных норм: исполнение обязанностей по установлению запретов, реализация предоставленного права по определению содержания уголовно-правовых норм**. В этом отношении бланкетные диспозиции и ссылочные нормы не являются сами по себе средствами конституционализации отрасли уголовного права, они служат лишь юридико-техническим приемам обеспечения связи разноотраслевого законодательства. А в ряде случаев конституционные отсылки к необходимости принятия уголовного закона можно рассматривать в качестве особого вида законодательной инициативы – воплощенной на конституционном уровне воле народа РФ, направленной на принятие того или иного закона.

частью второй статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 401.16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 631-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горохова Геннадия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 625-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гареева Станислава Филарусовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 70 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В-третьих, в содержательном отношении целесообразно различать результат и процесс конституционализации уголовного закона. **Результатом конституционализации выступает состояние уголовного закона, при котором он соответствует Конституции РФ, подчиняется ее целям и согласуется с ее предписаниями, не нарушает конституционных прав граждан и не умаляет конституционных принципов. Достигается этот результат посредством конкретизации и развития в уголовном законодательстве конституционных положений.**

Обратим внимание, что Конституционный Суд РФ при описании механизма взаимодействия конституционного и уголовного права не использует таких терминов, как имплементация и рецепция. Использование поисковых возможностей справочной правовой системы «Консультант Плюс» показало, что в ее базе содержится всего одно решение, в котором употребляется термин «рецепция» (для описания в качестве примера взаимодействия международного и национального права Италии) и восемь решений Конституционного Суда РФ, в которых употребляется слово «имплементация» (или производные от него). При этом шесть из них описывают процесс имплементации в правовую систему страны норм международного права и два – имплементацию в отраслевое законодательство правовых норм, обладающих той же отраслевой природой.

Такое словоупотребление не является лишь стилистическим приемом. Оно отражает, на наш взгляд, вполне определенную теоретическую позицию Конституционного Суда РФ, с которой необходимо считаться и к которой необходимо прислушаться.

Рецепция и имплементация – правовые явления, наделенные вполне определенным смыслом, который мало сопрягается с процессом конституционализации отраслевого законодательства.

Так, рецепция традиционно понимается либо как восприятие той или иной страной элементов правовой культуры другой страны¹, либо как использование апробированных в историческом прошлом правовых моделей², либо как одновременно заимствование содержания и некоторых форм из правовых систем других стран или из их прошлого опыта³. При этом специалисты утверждают, что «рецепция публичного права обыкновенно выливается на практике в заимствование лишь некоего символа или формы, нежели содержания какой-либо публично-правовой нормы», а потому «данное заимствование вряд ли заслуживает наименования «рецепция права»⁴.

Имплементация – термин, традиционно используемый для описания взаимодействия международного и национального права⁵, причем зачастую в аспекте, связанном, с одной стороны, с необходимостью исполнения международных обязательств, а с другой стороны, с необходимостью защитить национальную правовую систему от проникновения в нее чуждых для нее, неконституционных элементов, или элементов, которые по тем или иным причинам не могут быть исполнены.

Полагаем очевидным, что ни одна из указанных ситуаций (рецепция и имплементация) не совпадает содержательно и сущностно с процессом конституционализации уголовного права. Этот процесс не предполагает реактуализации правовых идей, норм и конструкций, не означает «уголовно-правовой аккультурации» конституционных положений, не требует защиты уголовного закона от принципов Конституции. Конституционализация есть

¹ Общая теория государства и права: В 3 т. / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М., 2002. – Т. 2. – С. 293.

² Косарев А.И. Римское частное право: учеб. для вузов. – М.: Закон и право, Юнити, 1998. – С. 206.

³ Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права. – М.: Высшее образование, 2002. – С. 127.

⁴ Рыбаков В.А. Рецепция права: общетеоретический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 4 (13). – С. 8.

⁵ См., например: Цись Н.И. Имплементация норм международного права в национальном уголовном законодательстве Украины (общая часть): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1994; Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части): автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2006; Рыбаков В.А. Трансформация и имплементация – способы развития национального права // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2010. – № 3 (24); Желдыбина Т.А. Имплементация как правовой институт // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2014. – № 2 (34).

процесс прямо противоположный, требующий синхронного, с учетом меняющихся социальных условий, толкования Конституции и уголовного закона, создания, толкования и применения УК РФ в рамках заданной Конституцией страны правовой культуры, полного подчинения уголовно-правовых предписаний конституционным стандартам.

Единственным доступным средством такой конституционализации выступает конкретизация и развитие в уголовном праве конституционных положений (это подтвердили 82% опрошенных нами респондентов). Как верно указывает Б.С. Эбзеев, Конституция нормативно «программирует развитие законодательства», и в ходе этого развития происходит определенная ее конкретизация, что является существенным условием практической реализации конституционных нормативов. Отсутствие такой конкретизации отрицательно сказывается на действенности этих нормативов или обрекает их на бездействие¹.

В науке было высказано мнение о том, что «термин «конкретизация конституционных норм в текущем законодательстве» нельзя признать полностью удовлетворительным, так как существуют конституционные нормы, воздействующие на уголовное право в целом, а не реализуемые путем конкретизации в отдельных уголовно-правовых нормах и институтах»². Однако, формулируя такое суждение, автор, как представляется, не учитывает принципиальных различий в таких формах социального проявления права, как правовое воздействие и правовое регулирование. Воздействие Конституции всеобъемлюще и разносторонне, оно осуществляется, среди прочего, на уровне формирования правосознания и правовой культуры. Многие положения Конституции, проникнутые аксиологическим, идеологическим, идейно-политическим содержанием

¹ Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: конкретизация и актуализация ее норм как условие и гарантия осуществления прав и обязанностей человека и гражданина // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: Матер. междунар. симпоз. (Геленджик, 27 - 28 сентября 2007 г.) / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2008. – С. 604, 606, 607.

² Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 24.

рассчитаны именно на такое воздействие. Но даже они не могут оставаться лишь «красивыми декларациями», не имеющими прикладного значения. Будучи закрепленными в нормативном правовом акте, каковым по форме является Конституция РФ, эти предписания, как и любые иные правовые предписания, призваны оказывать и регулятивное воздействие. Другое дело, что механизм воплощения в отраслевом законодательстве этих «общих» и «конкретных» конституционных положений может различаться. И в этом отношении можно установить определенную корреляцию между видом конституционных положений и способом ее воплощения в уголовном законе. С определенной уверенностью можно говорить о том, что «общие» нормы в большей степени нуждаются в конкретизации, тогда как нормы «специальные» - в отраслевом развитии.

Конкретизация и развитие конституционных положений – взаимосвязанные процессы, неотделимые друг от друга. **В процессе отраслевого развития конституционных положений происходит их конкретизация, а конкретизация может мыслиться только через отраслевое развитие, поскольку в каждой отрасли права одно и то же конституционное положение может приобретать дополнительные, специфические нюансы содержания.** Как верно пишет В.В. Ершов, «конкретизация права характеризуется его развитием – детализацией, уточнением и т.д. уполномоченными органами и лицами»¹.

К сожалению, отмечают специалисты, вопрос об основополагающих принципах нормативно-правовой конкретизации Конституции в научной литературе теоретически не разработан. Например, не ясно, какие конституционные нормативы необходимо конкретизировать в обязательном порядке, на каком правотворческом уровне (закон, указ главы государства, постановление правительства, ведомственные акты), как это должно осуществляться в условиях федеративного государства и с учетом

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2017. – С. 327.

глобализационных процессов, каковы пределы конкретизации юридических норм и т.д.¹ Соглашаясь с этим выводом, отметим все же, что в общетеоретическом контексте дать универсальный список норм Конституции, нуждающихся в конкретизации, и описать пределы их конкретизации не представляется возможным. Именно с учетом того, отмеченного выше обстоятельства, что конкретизация всегда предполагает «насыщение» конституционных норм специальным отраслевым содержанием. Более того, как показывает опыт функционирования Конституционного Суда РФ, проверить конституционность уголовно-правовой нормы и сделать вывод о достаточной отраслевой конкретизации того или иного конституционного положения нельзя «раз и навсегда». И речь в данном случае не только о наличии динамики социальных условий, определяющих возможность динамики смысла и оттенков конституционного предписания. Речь идет о том, что в практике уголовно-правового противодействия преступлениям могут возникать и реально возникают ситуации, которые требуют неоднократной проверки уголовно-правовой нормы в зависимости от того, к каким конкретным обстоятельствам она применяется и во взаимосвязи с какими конкретными иными правовыми нормами. **Одно и то же уголовно-правовое предписание может оказаться в достаточной степени конкретизированным и конституционно насыщенным для его применения в одной ситуации, и недостаточно конкретным для его применения в иной ситуации.** Поэтому, собственно, конституционализация и конкретизация могут рассматриваться как перманентный процесс оптимизации нормативного материала.

В теоретическом отношении важно подчеркнуть, что конкретизация представляет собой вторичный элемент именно нормативно-правового регулирования. В процессе конкретизации в правовой текст привносится дополнительная информация для придания ясности правовым

¹ Чернобель Г.Т. Конституция и ее конкретизация // Журнал российского права. – 2013. – № 3. – С. 50 – 62.

установлениям, объяснения некоторых понятий, раскрытия смысла отдельных предписаний, уточнения правил и их элементов в целях обеспечения адекватной реализации норм права и правовых актов в целом¹. Субъектом этого процесса выступает именно нормотворческий орган – парламент.

В науке высказаны и иные позиции на этот счет, допускающие конкретизацию права на правоприменительном уровне². Однако в полной мере с ними сложно согласиться. При всей дискуссионности данного вопроса, выразим свою солидарность с точкой зрения тех специалистов, которые четко ограничивают пределы конкретизации именно нормативным уровнем правового регулирования. Это, разумеется, не снимает ответственности с правоприменителя за соблюдение конституционных положений, однако ограничивает его роль в этом вопросе решением круга вопросов, связанных с толкованием применяемых норм, что позволяет в функциональном отношении весьма четко разграничить такие смежные категории теории права, как конкретизация и толкование.

Применительно к предмету нашего исследования, такое различие дает возможность установить следующую логическую схему. **В процессе конституционализации уголовного права законодатель дает уголовно-правовую конкретизацию конституционных норм, а правоприменитель – конституционное истолкование презюмируемо конституционных уголовно-правовых предписаний.** В итоге перед нами два взаимосвязанных процесса: отраслевая конкретизация Конституции РФ и конституционное толкование отраслевых норм. Они являются очевидно последовательными этапами конституционализации уголовного права. Более того, эти процессы справедливо рассматривать не как линейные, а как циклические. «Замыкает»

¹ Морозова Л.А. Пределы конкретизации в праве // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы : материалы IX Междунар. науч.-практ. конференции, 21-25 апреля 2014 г. / ред.: В.М. Сырых, В.Н. Власенко. – М.: РГУП, 2015. – С. 124.

² См., например: Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1971. – Вып 2. – С. 173; Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал Российского права. – 2014. – № 7. – С. 60 – 75; Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 17 – 19.

их между собой система конституционной юстиции. Проверять конституционность примененных или подлежащих применению в конкретной ситуации уголовно-правовых норм, Конституционный Суд РФ делает свой, обязательный для всех и непреодолимый в юридических и политико-правовых процедурах вывод о том, насколько достаточно конкретной является норма уголовного закона и насколько точно эта конкретика соответствует Конституции. В случае отрицательного вывода по любому из этих вопросов включаются механизмы конституционной элиминации уголовно-правовой нормы или ее корректировки.

На основании изложенного представляется возможным в данной части исследования резюмировать некоторые основные выводы из анализа функциональной характеристики механизма конституционализации уголовного права:

- конституционализация уголовного права может рассматриваться одновременно как процесс и итог реализации конституционных норм в сфере уголовно-правового регулирования, при этом формы реализации этих норм определяются и их содержанием, и характеристикой субъекта уголовно-правовых и конституционно-правовых отношений;

- реализация конституционных положений в сфере уголовного права гражданами осуществляется посредством любой из классически выделяемых в теории права форм: исполнение, соблюдение, использование; однако с учетом самого процесса конституционализации и публичного характера отрасли уголовного права, возможности граждан в деле конституционализации уголовного права ограничены исключительно индивидуальным уровнем правового регулирования;

- среди форм реализации конституционных положений государством как субъектом конституционных и уголовно-правовых отношений особое место занимает применение норм Конституции; есть все основания рассматривать конституционализацию уголовного права как деятельность уполномоченных субъектов (парламента и судов) по применению норм

Конституции РФ для регулирования уголовно-правовых отношений на нормативном и индивидуальном уровне;

- конституционализация уголовного права, как особый вид применения Конституции, есть процесс двухстадийный: на первой стадии в процессе реализации конституционных норм создается уголовное законодательство, на второй – соответствующий Конституции уголовный закон применяется для регулирования конкретных правоотношений, при этом в процессе конституционализации уголовного права законодатель дает уголовно-правовую конкретизацию конституционных норм, а правоприменитель – конституционное истолкование презюмируемо конституционных уголовно-правовых предписаний;

- процессы отраслевой конкретизации и конституционного толкования уголовно-правовых норм справедливо рассматривать не как линейные, а как циклические. «Замыкает» их между собой система конституционной юстиции. Проверяя конституционность примененных или подлежащих применению в конкретной ситуации уголовно-правовых норм, Конституционный Суд РФ делает обязательный для всех и непреодолимый в политико-правовых процедурах вывод о том, насколько достаточно конкретной является норма уголовного закона и насколько точно эта конкретика соответствует Конституции;

- результатом конституционализации выступает состояние уголовного закона, при котором он соответствует Конституции РФ, подчиняется ее целям и согласуется с ее предписаниями, не нарушает конституционных прав граждан и не умаляет конституционных принципов.

Глава 2.

КОНСТИТУЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Взаимосвязь конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений

Связь конституционного и уголовного права не является только актуальным теоретическим тезисом. Она находит свое конкретное практическое воплощение на всех уровнях функционирования правовой системы, в том числе (и это особенно важно) на уровне правовых отношений. Между тем, вопрос о взаимосвязи конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений, при всей его несомненной значимости и, казалось бы, самоочевидности, не получил в доктрине должного внимания. Анализ корреспондирующей библиографии показывает, что в конституционно-правовой науке предпринят ряд важных шагов по изучению конституционно-правовых основ регулирования самых разных отраслевых отношений¹, однако проблематика конституционного регулирования отношений уголовно-правовых здесь не представлена (по крайней мере, нам не удалось встретить ни одной диссертации по конституционно-правовой специальности, посвященной данному вопросу). Что касается уголовно-правовой науки, то здесь имеются лишь отрывочные суждения на этот счет, высказанные в контексте обсуждения предмета уголовного права² или

¹ См., например: Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовое регулирование экономических отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004; Сорокин Ю.А. Конституционные основы правового регулирования земельных отношений в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Орел, 2009; Лялякин Ю.А. Конституционно-правовые основы регулирования миграционных отношений в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007; Родионова Ю.С. Конституционно-правовое регулирование трудовых отношений в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009; Затулина Т.Н. Конституционно-правовые основы регулирования налоговых отношений в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008; Корнукова Е.В. Конституционные основы правосудия по уголовным делам в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003.

² См., например: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011; Белов М.Н. Правоотношения в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002.

межотраслевых связей уголовного права¹. В итоге можно констатировать наличие определенного пробела в правовой теории, связанного с познанием механизма взаимосвязи конституционных и уголовно-правовых отношений, что обуславливает необходимость обращения к данной теме на уровне самостоятельного раздела исследования².

Приступая к ее анализу, полагаем необходимым, не погружаясь вглубь дискуссии, хотя бы в общих чертах обозначить некоторые проблемы теории уголовно-правовых отношений, которые имеют касательство к предмету диссертации.

Прежде всего, надо обозначить сам круг уголовно-правовых отношений. По этому поводу в науке высказывались и до сих пор аргументируются самые разные позиции³.

Общей точкой соприкосновения едва ли не всех концепций выступает признание в качестве уголовно-правовых тех отношений, которые возникают между лицом, совершившим преступление (общественно опасное деяние) и государством в лице его уполномоченных органов по поводу определения меры ответственности виновного лица.

Гораздо более спорным и дискуссионным выступает: а) признание предметом уголовного права так называемых «базисных» отношений, поставленных под охрану уголовного закона (или их отдельных сторон); б) признание уголовно-правовыми так называемых «общепредупредительных» отношений, возникающих в связи с фактом издания (вступления в силу) уголовного закона.

Отдельного внимания заслуживает попытка рассмотреть в качестве уголовно-правовых отношения, которые возникают в процессе создания уголовно-правовых норм.

¹ См., например: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998.

² В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Взаимосвязь конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений // Вестник Академии юстиции. – 2020. – № 1(3). – С. 35 – 45; Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. – М.: Проспект, 2021.

³ См. об этом: Генрих Н.В. Предмет уголовного права: генезис научной мысли и проблемы современной интерпретации: – М.: Юрлитинформ, 2010.

Определяя свое отношение к проблеме, полагаем возможным без дополнительных аргументов присоединиться к авторам, которые считают уголовно-правовыми отношения между «преступником» и «государством», а также исключают из числа уголовно-правовых «базисные отношения», ставя предмет охраны, но не предмет регулирования. Вопрос же об «общепредупредительных» и «законотворческих» отношениях требует отдельного и дополнительного внимания.

Они весьма тесно взаимосвязаны, предупредительные отношения выступают логическим продолжением и следствием отношений законотворческих. Однако восприятие и оценка их в науке различны.

Отношения, которые возникают в связи с изданием уголовного закона, многими авторами включаются в предмет уголовного права, признаются уголовно-правовыми. Так, в частности, Н.Ф. Кузнецова называла «уголовно-правовыми отношениями в широком смысле»¹ те отношения, которые возникают со вступлением уголовного закона в силу, когда начинают действовать превентивные функции уголовного закона, оказывающие воздействие на неустойчивых лиц, удерживая их от совершения преступлений под угрозой применения наказания. Об этом же писал В.Д. Филимонов, называя такие отношения «общепредупредительными»², Н.М. Кропачев, Н.А. Лопашенко, А.И. Бойцов, Ю.В. Грачева эти отношения именуют регулятивными³.

В науке раскрыты характеристики такого отношения. Его юридическим фактом признается издание (иногда – вступление в силу) уголовного закона (при этом, как правило, речь идет только о законах, которые вводят или отменяют те или иные уголовно-правовые запреты). В качестве

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало М, 2002. – С. 3.

² Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 80 – 81.

³ Кропачев Н.М. Уголовные правоотношения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984. – С. 10 – 11; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 25 – 30; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 32; Грачева Ю.В. Виды уголовно-правовых отношений // Lex Russica. – 2008. – № 6. – С. 1347 – 1369.

дополнительного юридического факта, образующего фактический состав правоотношения, часто указывается на достижение определенного возраста вменяемым лицом, к которому обращены требования уголовного закона. Субъектами отношения признается государство, с одной стороны, и все «уголовно – правоспособные и дееспособные», то есть способные выступать субъектами охранительных уголовно-правовых отношений лица. Содержанием отношения признается безусловное право государства устанавливать и обязанность частных лиц соблюдать установленные уголовно-правовые запреты. Весьма полно это содержание раскрыто А.А. Васильченко, который указал, что в рамках рассматриваемого отношения «государство в силу ч. 3 ст. 55, п. «о» ст. 71, ч. 1 ст. 76 Конституции России вправе устанавливать федеральным законом варианты запрещенного поведения и требовать от указанных лиц соблюдения предусмотренных УК РФ конкретных запретов. Последним это право государства корреспондирует обязанность соблюдать названные запреты, то есть воздерживаться от совершения преступлений. В свою очередь подпадающие под действие уголовного закона лица вправе требовать от государства создания эффективной системы уголовно-правового регулирования, обеспечивающей ограничение прав и свобод человека и гражданина только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Государство в этой связи обязано создать такую систему и осуществлять задачи УК РФ, заключающиеся в охране всех перечисленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ благ от преступных посягательств, обеспечении мира и безопасности человечества, а также предупреждении преступлений»¹.

Однако признание этих отношений уголовно-правовыми встречает в науке критику. Так, Ю.И. Ляпунов указывал, что в этих абсолютных, а

¹ Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений: автореф. дисс. ... канд юрид. наук. – Волгоград, 2005. – С. 11.

потому чуждых природе уголовного права отношения нет юридического факта для возникновения правоотношения, нет четко обозначенных субъектов, их прав и обязанностей. По его мнению, сторонники признания предупредительных отношений подменяют понятие предмет регулирования и функция права. Уголовное право воздействует на лиц, которые не совершают преступлений, но не регулирует их поведение¹. Ю.Е. Пудовочкин пишет, что по своему субъектному составу и содержанию такие отношения не отличаются от иных отношений, возникающих в связи с изданием неуголовно-правовых актов, в связи с чем, по его мнению, более правильно рассматривать такие отношения в качестве разновидности конституционно-правовых отношений². На конституционно-правовой природе таких отношений настаивает Г.О. Петрова. Она, в частности, пишет: «Правомерная деятельность человека, который не совершает преступлений, соответствует требованиям ст. 15 ч. 2 Конституции Российской Федерации и не входит в уголовно-правовую норму, соответственно и в уголовно-правовое отношение. Согласно ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации: "Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы". Приведенное конституционное положение свидетельствует о том, что правомерное поведение это реализация конституционной обязанности соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы. В различных законах отражаются соответствующие нормы, соблюдение требований которых согласно ст. 15 ч. 2 Конституции РФ является конституционной обязанностью»³.

Включаясь в дискуссию по данному вопросу, прежде всего, представляется необходимым заметить в порядке общей критики, что

¹ Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Кно Рус, 1997. – С. 17 – 19.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012.

³ Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование в России на рубеже веков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – № 1. – С. 283.

отраслевые специалисты (причем с обеих сторон спора) не всегда последовательны в использовании наработанной общей теорией права терминологии и не всегда соотносят свои рассуждения с общеправовыми концепциями, что привносит дополнительные сложности в уяснение авторских концепций и не способствует выработке консенсуальных решений.

Заметим, что «общепредупредительные» или «регулятивные» отношения, о которых говорится в уголовно-правовых сочинениях, есть то, что в теории права давно и устойчиво именуется общерегулятивными отношениями.

Специфика таких отношений, как утверждают некоторые специалисты, в особой степени индивидуализированности субъектов и в содержании. Так, Ю.С. Новикова, «общерегулятивные правоотношения – очень своеобразные явления. Во-первых, они не имеют точной, «поименной» индивидуализации субъектов. Во-вторых, для возникновения общерегулятивных правоотношений не требуется иных обстоятельств (юридических фактов), кроме существования самого субъекта – носителя общего права или общей обязанности. В-третьих, по сроку действия общерегулятивные правоотношения соответствуют сроку существования правовых норм, на основе которых они возникли»¹.

Общерегулятивные отношения самым тесным образом связаны с общими правовыми нормами, в том числе с Конституцией РФ. «Основа основ общерегулятивных правоотношений содержится в Конституции РФ, определяющей общую правовую связь государства и человека, – пишет Д.А. Липинский. – «Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства», – гласит ст. 2 Конституции РФ, в свою очередь, граждане обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы РФ, – отмечается в ч. 2 ст. 15 Основного Закона. В первом случае это означает, что российские граждане как носители прав выступают по отношению к государству в

¹ Новикова Ю.С. О концепции общерегулятивных правоотношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25 (380). Право. Вып. 45. - С. 16.

качестве управомоченных, а государство по отношению к ним является правообязанной стороной, а во втором государство выступает управомоченной стороной, а граждане – правообязанной стороной. Взаимная связанность государства и гражданина обуславливает взаимную ответственность как государства и его органов перед гражданином, так и гражданина перед государством»¹.

Вопрос, который, тем не менее, возникает в связи с обсуждением общерегулятивных отношений, - это их правовая природа. Ссылаясь на общий характер таких отношений, отраслевые специалисты (Г.О. Петрова, Ю.Е. Пудовочкин) утверждают, что они имеют конституционно-правовую природу, в то время как специалисты в области теории права (Д.А. Липинский) признают наличие общерегулятивных отношений в предмете едва ли не любой отрасли права, в том числе и права уголовного.

Отталкиваясь от последней теоретической платформы, строят свои рассуждения и отраслевые авторы, допускающие наличие общерегулятивных уголовно-правовых отношений. Однако единственное, на наш взгляд, что связывает такие отношения с отраслью уголовного права, это наименование и содержание принятого государством закона, требования которого граждане должны соблюдать. Представляется все же, что этого недостаточно для признания возникающих отношений сугубо отраслевыми. В противном случае надо констатировать наличие стольких общерегулятивных отраслевых отношений, сколько отраслевых законов будет принято в стране. В практическом и теоретическом плане такое «умножение» отношений не дает сколько-нибудь значимого эффекта. К тому же надо принять во внимание, что рассматриваемый нами вид отношений связывается специалистами только с одним из видов уголовных законов – теми, что устанавливают или отменяют уголовную ответственность за то или иное деяние. Что касается иных уголовных законов (например, конструирующих основания

¹ Липинский Д.А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность// Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 4 (64). – С. 14

освобождения от ответственности, включающих новый вид уголовных наказаний и др.), то они, по-видимому, не влекут возникновение таких отношений, так как не налагают на граждан каких-либо дополнительных обязанностей. Разная «продуцирующая» способность одинаковых по своей природе законов вызывать к жизни общерегулятивные отношения также не способствует укреплению позиций их сторонников.

К сказанному надо добавить также, что и в самой теории права отношение к общерегулятивным правоотношениям весьма неоднозначно. Так, например, Н.И. Матузов, признавая ценность общерегулятивных (общих) правоотношений, в большей степени склонен рассматривать их в качестве конституционных, а следовательно, базовых, исходных для отраслевых правоотношений¹. В тоже время А.Б. Венгеров критически относится к идее общерегулятивных отношений. Если они выступают лишь предпосылкой отраслевых правоотношений, следовательно в рамках таких общих правоотношений невозможно непосредственно реализовать потенциал общих конституционных норм, соответственно, конституционная норма остается «безжизненной». Автор указывает, на наш взгляд, вполне справедливо, что «с учетом нового исторического опыта и юридического знания видно, что так называемые концепции «общих» и «конкретных» правоотношений применительно к Конституции были не чем иным, как своеобразным научным оправданием бездействия Конституции, ее камуфляжной роли юридического фасада, за которым в конкретных правовых отношениях творилось прямо противоположное тому, что обещали «общие правоотношения»².

Перед нами, таким образом, возникает актуальная теоретическая задача: с одной стороны, признать реальность общих прав и обязанностей человека и государства, которые вытекают из права государства на установление уголовно-правового запрета и обязанности личности его

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2015. – С. 185.

² Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 243.

соблюдать, а с другой стороны, - органично вписать эти права и обязанности в предмет уголовного права, сочетать их с уголовно-правовыми отношениями.

Как мы старались показать, теория предлагает два потенциально возможных решения этой проблемы. Первый состоит в вычленении в структуре предмета уголовного права особой группы общерегулятивных уголовно-правовых отношений (эта позиция в науке доминирующая, ее поддерживают 78% опрошенных специалистов). Однако этот вариант обоснования не представляется нам убедительным, учитывая содержание таких отношений, фактическое отсутствие механизма их реализации и сквозной, межотраслевой характер прав и обязанностей субъектов. Не убеждают и рассуждения о трансформации общерегулятивного отношения в охранительное в связи с совершением преступления¹, поскольку факт совершения преступления не разрывает и не уничтожает общерегулятивного отношения и не исключает «преступника» из числа его субъектов, за ним по-прежнему значится обязанность соблюдения запретов, установленных уголовным законом. Иными словами, общерегулятивные и охранительные уголовные правоотношения оказываются фактически не связанными друг с другом, протекающими параллельно и независимо друг от друга.

На этом фоне гораздо более аргументированной выглядит иная теория, отрицающая наличие общерегулятивных правовых отношений и связывающая общие права и обязанности субъектов отраслевых правоотношений с понятием правового (или конституционного) состояния, либо с понятием «субъект права» (эту позицию разделяют 22% опрошенных респондентов). Заметим, что даже сторонники концепции общих правоотношений признают это обстоятельство. В частности, С.С. Алексеев пишет: «Общие отношения, следовательно, - это не конкретные связи между неопределенными лицами, а специфическое состояние, в котором находится данный субъект и которое определяет его положение по отношению ко всем

¹ Кропачев Н.М. Уголовные правоотношения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984. – С. 14.

другим лицам»¹. Использует категорию «состояние» Р.А. Ромашов. Предлагая модернизировать общую теорию правоотношений, он пишет, что в качестве элементов юридически значимых отношений следует рассматривать правовые состояния и правовые взаимодействия. «Правовое состояние, – определяет автор, – урегулированное (предусмотренное) действующим законодательством положение субъекта в правовом пространстве, характеризующее субъект-объектное отношение. В основу содержания правового состояния положено понимание правосубъектности и правового статуса субъекта. Отношения состояния характеризуют субъекта безотносительно совершаемых/несовершаемых им деяний. Сам факт нахождения субъекта в том или ином состоянии характеризует его в качестве субъекта права и правового отношения»².

Развивая эти идеи и преломляя их к проблематике нашего исследования, можем заметить, что в строгом соответствии с предписаниями о прямом действии Конституции РФ и ее учредительном для отечественной правовой системы характере, **общие права и обязанности человека и государства должны быть признаны непосредственно действующими, реализуемыми, в рамках всех без исключения правоотношений, независимо от их отраслевой принадлежности. Эти права и обязанности образуют компоненты правового статуса субъектов, который не зависит от того, участниками каких именно правоотношений они выступают, они есть предпосылка и условие возникновения отраслевых правоотношений.** Эти права и обязанности определяют меру свободы и ответственности субъектов в осуществлении всех иных принадлежащих им прав.

С этих позиций следует рассматривать и деятельность государства по созданию уголовно-правовых норм. Она есть проявление обозначенного статуса государства, реальное воплощение свободы его усмотрения и

¹ Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 2. — М.: Юридическая литература, 1981. — С. 104.

² Ромашов Р.А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 9. — С. 27.

ответственности в установлении запретов. В той степени, в какой правомерное с точки зрения уголовного закона поведение человека есть его правовое состояние «законопослушности», в той же степени законотворческая деятельность государства по созданию уголовно-правовых запретов есть проявление его состояния ответственности перед личностью и обществом за обеспечение безопасности. Другое дело, что деятельность государства по созданию уголовно-правовых норм не только предписана, но и сама по себе урегулирована правовыми нормами, в частности, нормами конституционного права. В связи с чем в процессе этой деятельности возникают законотворческие отношения, которые по своей отраслевой природе не могут быть признаны уголовно-правовыми даже в том случае, если речь идет о принятии уголовного закона; такие отношения суть отношения конституционно-правовые.

Видимо, по этой причине в отраслевой уголовно-правовой науке на сегодняшний день ни одного исследования, которое было бы посвящено анализу содержательной стороны законотворческой деятельности в сфере создания уголовно-правовых запретов. Специалисты не видят здесь предмета своего анализа. Восполняет пробел уголовная политология. Именно в сочинениях по уголовной политике разворачивается по большей части критический анализ предпринимаемых сегодня государством шагов в области создания и изменения уголовно-правовых норм. Но такой подход, при всей его теоретической значимости, слаб в практическом отношении, поскольку не предполагает с необходимостью оперирование правовыми категориями прав и обязанностей государства в сфере установления уголовно-правовых запретов. Очевидно, что свое слово в правовом анализе деятельности по созданию уголовно-правовых норм должна сказать наука конституционного права. Но и здесь приходится констатировать отсутствие значимых теоретических наработок. Единственным субъектом, который проводит конституционно-правовой анализ уголовного законодательства в единстве всех его аспектов, выступает Конституционный Суд РФ, решения

которого, по нашему представлению, занимают все еще недостаточное место в общем массиве эмпирического материала уголовно-правовых исследований.

Таким образом, то, что в отраслевой науке определяется как общерегулятивные уголовно-правовые отношения и отношения, связанные с уголовным законодательством, целесообразно рассматривать не как самостоятельные виды правоотношений, образующих предмет уголовного права, а как элементы предустановленного на конституционном уровне статуса участников «классического», охранительного уголовно-правового отношения в качестве субъектов уголовного права, их права и обязанности, обусловленные социальной природой этих субъектов и по большому счету, неотчуждаемые от них. Подчеркнем – это именно элементы правового статуса, поскольку правом государства на установление запрета и обязанностью граждан их соблюдать соответствующие статусы не исчерпываются.

Но это центральные, базовые права и обязанности, которые определяют все последующие варианты взаимоотношений государства и личности в области публично-правового взаимодействия в связи с фактом совершения преступления. Это элементы, которые составляют исходные возможности для участия государства и личности в последующих правовых отношениях. С известной долей условности, образно, их можно уподобить категории право- и дееспособности субъектов. Государство с момента своего образования наделено способностью создавать уголовно-правовые запреты, равно как физическое лицо, находящееся в его территориальном пространстве или состоящее с ним в правовой связи по праву рождения, с момента рождения наделено обязанностью эти уголовно-правовые установления соблюдать. Для реализации же государством своего права наказания и для исполнения лицом возложенной обязанности нужны определенные условия (соотносимые с дееспособностью), которые устанавливаются на конституционном уровне и в

отраслевом законодательстве (они касаются инфраструктуры законотворческого процесса, особых характеристик уголовно ответственных лиц и т.д.).

В рассуждениях о правовом статусе надо иметь в виду следующее важное обстоятельство. Правовой статус – сложный и многосоставной феномен. В нашем представлении он объемлет собой всю совокупность прав, обязанностей, правовых интересов, ответственности субъекта. Важно также, что правовой статус – это единая, целостная характеристика личности или государства как субъекта всех правоотношений. Его только очень условно можно дифференцировать на основе отраслевого признака, и выделять в частности, статус уголовно-правовой. Такая неделимость правового статуса и относительная условность его отраслевых модусов заставляет признать еще одно важное теоретическое обстоятельство: применительно к субъектам уголовно-правовых отношений **целесообразно на теоретическом уровне вычленять, во-первых, правовой статус субъекта уголовно-правового отношения, а во-вторых, уголовно-правовой статус субъекта. Они соотносятся как часть целое, уголовно-правовой статус субъекта выступает частью правового статуса субъекта уголовно-правового отношения.** Его специфика в том, что он образуется комплексом прав, обязанностей, которые предопределены именно уголовно-правовыми, а не иными отраслевыми нормами. Так, например, лицо, совершившее преступление, может выступать участником семейно-правовых, трудовых, пенсионных, иных правоотношений, в каждом из которых его права и обязанности могут быть некоторым образом скорректированы в связи с фактом совершения преступления. Совокупность таких специфических прав и обязанностей будет образовывать в целом правовой статус лица, совершившего преступление. И только частью этого статуса будут его права и обязанности, предопределенные уголовно-правовыми предписаниями.

Корректировка правового статуса, необходимость которой обусловлена фактом совершения преступления, происходит в рамках отраслевых

отношений, первичными из которых выступают уголовно-правовые отношения, поскольку подтвержденное в их рамках событие преступления и виновность лица служат юридическим фактом, корректирующим иные правовые отношения. Но вся эта корректировка осуществляется исходя из тех базовых возможностей и ограничений, которые заданы конституционным статусом государства и личности.

Этим конституционным статусом государство и личность обладают в любой правовой ситуации, в том числе и в ситуации, возникающей в связи с наличием угроз безопасности, исходящих от неправомερных, преступных действий. «Будучи декларативным, конституционный статус содержит большое число правовых принципов и целей общества и государства. Тем самым он имеет характер основополагающих начал по отношению к регулированию положения индивида нормами иных отраслей российского права»¹. **Конституционный статус пронизывает и предопределяет конкретное содержание прав и обязанностей участников уголовного правоотношения, раскрывается и детализируется в них.** Именно в силу общности отраженных в нем прав и обязанностей применительно к каждой сфере взаимодействия государства и личности, конституционный статус нуждается в конкретизации.

Конкретизированный для целей уголовно-правового регулирования конституционный статус государства и личности составляет «частное проявление» конституционного статуса этих субъектов, служит ядром и основой для формирования их статуса, определенного рамками уголовно-правовых отношений. Выявление и презентация этого статуса составляет сложную интеллектуальную задачу, поскольку, с одной стороны, Конституция РФ далеко не всегда содержит конкретизированное для целей уголовного права описание прав и обязанностей субъектов общественных отношений, а с другой стороны, фиксация некоторых прав и обязанностей в

¹ Данилюк И.А. Правовой статус личности: понятие, юридическая конструкция // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – 22 (78). – С. 91.

уголовном законе в ряде случаев дезавуирует их конституционную природу. Во многом задача объективирования рассматриваемого феномена решается Конституционным Судом РФ. Но и наука, безусловно, должна внести в нее свою лепту. При этом исходной теоретической позицией должно стать признание самого факта наличия конституционного статуса участника уголовно-правового отношения, как предписанных или непосредственно вытекающих из конституционных норм его прав, интересов и обязанностей.

В связи с изложенным возникает необходимость соотнести конкретизированный для целей уголовно-правового регулирования конституционный статус государства и личности с представлениями о конституционно-правовых отношениях, продолжая и углубляя тем самым наши рассуждения о взаимосвязи уголовно-правовых и конституционно-правовых отношений.

Вопрос о предмете конституционного права – один из наиболее сложных в юридической науке¹. Не вдаваясь в его детальное исследование, отметим, что практически все конституционалисты едины в том, что одним из элементов предмета конституционного права как отрасли права выступают «основы правового статуса человека и гражданина» (И.В. Мухачев)²; «общественные отношения, которые определяют основы взаимоотношений человека с государством, т.е. главные принципы, характеризующие положение человека в обществе и государстве, гражданство, а также основные неотъемлемые права, свободы и обязанности человека и гражданина» (Е.И. Козлова)³; «система прав и свобод человека и гражданина», «особенности взаимоотношений личности, общества и

¹ См. об этом, например: Еременко Ю.П. Предмет российского конституционного права. – Ростов н/Д.: РВШ МВД РФ, 1996; Дмитриев Ю.А., Мухачев И.В. Понятие, предмет и метод конституционного права Российской Федерации - от исторических истоков к современности. – М.: Манускрипт, 1998; Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001.

² Мухачев И.В. Проблемы гомеостаза в теории и практике российского конституционного права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – С. 12.

³ Нарутто С. В. Профессор Е.И. Козлова о предмете конституционного права // Lex Russica. – 2016. – № 3. – С. 115.

государства» (С.А. Комаров, А.В. Попова)¹; «взаимоотношения между человеком и государством и непосредственно сами властеотношения» (М.В. Баглай)².

Признание отношений, возникающих в связи с признанием, установлением, охраной, ограничением прав и свобод человека, составной частью предмета конституционного права – есть общая точка согласия всех пишущих на эту тему. Но именно с этой общей точки начинается обсуждение иного проблемного вопроса – о соотношении предмета конституционного права с предметом иных отраслей. Ведь если признать, что уголовное право, в конечном итоге, ориентировано на защиту прав человека посредством ограничения прав, разграничение конституционного и уголовного права должно составлять значимую теоретическую проблему.

В юридической науке на этот счет высказываются различные суждения. Приведем несколько, наиболее показательных и, как представляется, крайних, полярных в своем содержании.

Так, в уголовно-правовой литературе было высказано мнение о том, что уголовное право является «исключительной отраслью конституционного права, регулирующей чрезвычайные меры охраны наиболее важных и в то же время наиболее уязвимых интересов и благ от чрезвычайных посягательств на них (преступлений)»³. Оно встретило обоснованную критику отраслевых специалистов⁴, которые отмечают при таком подходе нарушение начал иерархического строения системы права и фактическую бесполезность всех дискуссий относительно отраслевого строения права и определения предмета уголовно-правового регулирования. С этими суждениями надо согласиться. При всей значимости уголовного права для определения оснований и пределов ограничения прав человека далеко не все его предписания имеют

¹ Комаров С.А., Попова А.В. Предмет конституционного права: взгляд теоретиков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – С. 107, 108.

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 1999. – С. 6.

³ Беляев В.Г. Применение уголовного закона. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 34.

⁴ См., например: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 18; Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – С. 82 – 83.

конституционно-правовой характер, отражающий начала взаимоотношений личности и государства. Поэтому попытку «растворить» уголовно-правовые отношения в отношениях конституционных нельзя признать удачной.

С другой стороны, в конституционно-правовой науке была высказана идея о том, что конституционное право представляет собой не только отдельную отрасль права, имеющую предметом правового регулирования публичные властеотношения, но и универсальную отрасль (общую часть) российского права, так как конституционные нормы предопределяют выделение в праве профилирующих отраслей (в том числе уголовного)¹. Некоторые авторы утверждают даже, что «совокупный предмет всех отраслей российского права является предметом и конституционно-правового регулирования, на который конституционное право воздействует с помощью своих особых средств». ... Предмет конституционного права и предмет национального права принципиально совпадают. Конституционное право «работает» везде, где «работает» национальное право»². В данном случае попытка «поглотить» конституционным правом все иные отношения не встретила поддержки со стороны конституционалистов.

Таким образом, **уголовно-правовые отношения не являются конституционно-правовыми, а последние не поглощают собой предмет уголовного права.** Возникающая в данном случае необходимость разграничить предметы отраслевого регулирования решается в конституционно-правовой науке по преимуществу за счет обоснования таких категорий, как «сфера общественных отношений» и «основополагающие отношения».

Специалисты пишут в связи с этим: предмет конституционного права складывается из двух групп общественных отношений. К первой группе относятся общественные отношения из тех сфер жизни общества, которые конституционное право регулирует непосредственно и в полном объеме (в

¹ Конституционное право России: учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. – М.: Юристь, 2003. – С. 18 – 19.

² Кокотов А.Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 15 – 22

данном случае речь идет об отношениях, связанных с государственным строительством, структурой органов власти и т.д., которые нами не рассматриваются). Ко второй группе (она интересует нас в большей степени в связи с рассматриваемыми вопросами) относятся лишь основополагающие отношения, т.е. такие, которые определяют содержание остальных отношений¹. Отсюда – вывод: у конституционного и иных отраслей права «общими могут быть лишь сферы общественных отношений, а не конкретные отношения, выраженные в предмете той или иной отрасли»². «Что касается других отраслей права, - писал Кутафин О.Е., - то их соотношение с конституционным правом состоит в том, что нормы последнего регулируют основополагающие для других отраслей права отношения. Однако эти нормы относятся исключительно к конституционному праву»³.

В представленных цитатах нет категорического суждения о том, какова же отраслевая принадлежность этих «основополагающих» для отдельных отраслей права отношений. Однако на наш взгляд, можно обоснованно предположить, что специалисты (уж поскольку они рассуждают о предмете конституционного права и отграничивают этот предмет от предмета иных отраслей права) усматривают именно конституционно-правовую природу «основополагающих отношений». При этом один из знаковых аргументов состоит в том, что эти отношения урегулированы нормами конституционного права.

Вместе с тем, представляется возможным заметить, что определение отраслевой природы правоотношения только на основе характера правовой нормы не вполне обоснованно. Вид правоотношения определяется не столько отраслевой принадлежностью нормы, сколько его природой, содержанием прав и обязанностей. Ведь не исключены ситуации, когда отраслевое (уголовно-правовое) отношение регулируется нормой, которая в силу тех или

¹ Уманский Я.Н. Советское государственное право. – М.: Высш. шк., 1970. – С. 5.

² Нарутто С.В. Профессор Е.И. Козлова о предмете конституционного права // Lex Russica. – 2016. – № 3. – С. 116.

³ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – С. 145.

иных причин (как правило, восходящих к дефектам законотворчества) размещена в законе иной отраслевой принадлежности (например, не в уголовном, а в уголовно-процессуальном или в уголовно-исполнительном кодексе). К тому же и сама Конституция, хотя и основной, но все же «рукотворный» продукт, в связи с чем в разное время и в разных странах степень регламентации отраслевых отношений в конституционных текстах может быть различной. Вряд ли только в связи с появлением в Конституции или исключением из ее текста той или иной нормы, ориентированной на регулирование отраслевых отношений, можно говорить о расширении или сокращении предмета конституционного регулирования.

Концепция «основополагающих» отношений как части предмета конституционного права требует уточнения еще одного порядка. Она допускает, что в «сфере» общественных отношений, которая традиционно воспринимается как сфера уголовного права, сосуществует два (как минимум) вида правоотношений: основополагающие (конституционные) и какие-то иные, отраслевые, уголовно-правовые. Если это так, то надо логично признать, что это, хотя и относящиеся к «одной сфере», но разные отношения. Между тем, думается, что это не так. «Основополагающими», по нашему представлению, следует признавать не отношения, которые регулируют конституционно-правовые нормы в сфере уголовного права, а сами конституционные нормы. Отношения же эти – суть отношения уголовно-правовые (что подтвердили 57% опрошенных нами специалистов в области права). В то время как уровень их регулирования конституционными нормами качественно отличается от регулирования нормами уголовного закона¹.

Специфика конституционных норм в регулировании уголовно-правовых отношений состоит в том, что сами эти нормы содержат предписания, которые могут быть применимы не только для уголовно-

¹ То обстоятельство, что уголовно-правовые отношения могут регулироваться нормами различной отраслевой принадлежности не должно смущать. Напомним, что идея отраслевого строения права является не имманентной праву вообще, она есть результат теоретического осмысления правовой действительности, а потому отраслевая дифференциация – относительно условная характеристика права.

правового, но и для иных сфер правового регулирования (процессуального, административно-деликтного, предупредительного и т.д.). Вполне закономерно в этой связи, что проверка конституционности уголовного, процессуального, административного, налогового и иных видов законов осуществляется Конституционным Судом РФ с точки зрения их соответствия одним и тем же нормам Конституции РФ. Практически невозможно (за некоторыми единичными исключениями) выделить конституционные нормы, которые были бы предназначены для регулирования только и исключительно уголовно-правовых отношений.

Такой обобщенный характер конституционных норм и их способность упорядочивать не только уголовно-правовые, но и иные, смежные с ними, отношения, оправдывает постановку вопроса о том, не возникают ли на основе этих норм некие «основополагающие» или надотраслевые отношения, и не являются ли эти отношения конституционно-правовыми, как об этом говорят конституционалисты. Однако по нашему убеждению, ответ на него должен быть отрицательным. **Выделять «основополагающие» в сфере уголовного права отношения в самостоятельную группу конституционно-правовых отношений, наряду с отношениями, определяющими конституционно-правовой статус государства и личности, нецелесообразно.** Они создают иллюзию того, что помимо статусных (конституционных) и собственно уголовно-правовых отношений в системе правоотношений существует некоторое «промежуточное» звено – отношения, более конкретизированные по сравнению с отношениями, устанавливающими конституционный статус личности, но в тоже время более общие, чем отраслевые уголовно-правовые отношения. Такое «умножение» не приносит ясности и стройности в учение о межотраслевых связях уголовного права, напротив, порождает малополезные в практическом отношении дискуссии.

Полагаем, **то, что в конституционном праве именуется «основополагающими» отношениями в сфере уголовного права в**

реальности есть элемент, часть традиционных конституционно-правовых отношений, определяющих конституционный статус личности и государства в любых областях их правового взаимодействия. Это и есть тот самый, конкретизированный для целей уголовно-правового регулирования конституционно-правовой статус, о котором шла речь выше.

В итоге, на основании представленных рассуждений можно выстроить следующую схему рассуждений:

- обладая правом на установление правовых запретов и обязанностью их соблюдать под угрозой ответственности, государство и личность вступают в правовые отношения; эти право и обязанность составляют природный, имманентный элемент правосубъектности участников правовых отношений и выступают предпосылкой самих правоотношений; они фиксируются в Конституции РФ в качестве исходного начала правоотношений;

- конституционное право определяет основные начала регулирования уголовно-правовых отношений посредством конкретизации для этих целей правового статуса личности и государства, формирует конституционно-правовой статус участников уголовных правоотношений, который выступает основой для реализации уголовно-правовых отношений;

- уголовное право формирует уголовно-правовой статус участников уголовно-правовых отношений, параметры которого не могут выходить за пределы, заданные конституционным правом.

Такое понимание взаимосвязи уголовно-правовых и конституционно-правовых отношений позволяет уточнить некоторые общие представления о предмете уголовно-правового регулирования. Как отмечалось, господствующая точка зрения состоит в том, таковым признаются определенные общественные отношения, урегулированные, как мы выяснили, нормами конституционного и уголовного права. Однако в современной литературе была высказана иная мысль по поводу содержания отраслевого предмета. В частности, А.Э. Жалинский пишет: «Потенциальный предмет уголовного права – это те стороны поведения

граждан и действий коллективных образований, институтов, коммуникаций, отношений и других элементов социальной действительности, которые могут быть изменены легитимно, т.е. в соответствии с Конституцией РФ и общепризнанными принципами и нормами международного права. Этими сторонами являются: содержание и пределы права совершать определенные действия (бездействие); круг обязанностей совершать действия (бездействие), в т.ч. необходимые для недопущения запрещенного поведения; изменение статусов, включая ликвидацию и трансформацию институтов; обязанности претерпевать меры государственного принуждения»¹.

Интерпретируя сказанное, можно, видимо не боясь ошибиться, сказать, что в представлении А.Э. Жалинского предмет уголовного права есть правовой статус лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты. Такое понимание предмета уголовного права, по нашему мнению, уточняет, но не противоречит социологической интерпретации объекта правового воздействия как общественных отношений, поскольку правовой статус может мыслиться только в рамках правоотношений. Однако предложенная А.Э. Жалинским концепция открывает более удобную в прикладном, инструментальном аспекте грань правоотношений, позволяет более зримо представить взаимосвязь конституционного и уголовного права. Можно вполне уверенно утверждать, что и конституционное, и уголовное право имеют предметом своего регулирования правовой статус личности. С той лишь разницей, что определяют они его на различном уровне и применительно к различным правовым ситуациям. Конституционное право закрепляет правовой статус личности на общем уровне, создавая его в качестве незыблемой основы для всех последующих возможных модификаций, тогда как уголовное право корректирует и уточняет этот

¹ Уголовное право. Учебник. Т.1. Общая часть / Под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011. – С. 62.

статус применительно к ситуации ответственности за общественно опасное поведение.

§ 2. Статус государства в уголовно-правовых отношениях

Вопрос о статусе государства в уголовно-правовых отношениях остается одним из сложных и актуальных аспектов теории¹. Приступая к его анализу, полагаем необходимым обратить внимание на известную дискуссию по поводу общего понимания и определения субъекта, противостоящего личности в отношениях, связанных с разрешением уголовно-правового конфликта.

В уголовно-правовой литературе неоднократно высказывалась критика господствующей позиции, признающей таковым субъектом государство.

Так, Г.О. Петрова ведет свои рассуждения, отталкиваясь от понятия и свойств преступления. Она утверждает: «совершая преступление, то есть нарушая сложившиеся общественные отношения, охраняемые уголовным законом, лицо противопоставляет себя не государству как аппарату, охраняющему общество и состоящему из его представителей, а всему обществу в целом. ... В случае же признания государства субъектом уголовно-правового отношения преступление следовало бы считать не общественно опасным, а государственноопасным»²; отсюда вывод: уголовно-правовые отношения складываются между лицом, совершившим преступление, и обществом, поскольку именно общество через своих представителей в государственном аппарате приводит в движение защитные функции государства³.

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Еще раз к вопросу о признании государства субъектом уголовно-правовых отношений // Проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат. V Международ. науч.-практ. конф. (М., РГУП, 27.11.2019) / под. ред. А.В. Бриллиантова, С.В. Склярова. – М.: РГУП, 2020. – С. 18 – 24; Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. – М.: Проспект, 2021.

² Петрова Г.О. Субъекты уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. – 2003. – Вып. 2 (7). – С. 368, 369 .

³ Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – С. 36.

С позиций роли государства в современном обществе, с точки зрения его характеристики как «правового», строит свою концепцию В.К. Дуюнов. Он полагает: поскольку мы строим гражданское общество и правовое государство, мы должны признать, что последнее выполняет по отношению к обществу служебную роль. Следовательно, стороной в уголовно-правовых отношениях выступает не государство, а общество – «народ России», поскольку только народ является сувереном, наделяющим государство соответствующими полномочиями¹.

Об обществе как субъекте пишут и некоторые иные авторы, строящие свои рассуждения на идее принципиального различия субъектов права и субъектов правовых отношений².

Полагаем, что многое из сказанного Г.О. Петровой и В.К. Дуюновым относительно общественной опасности преступления и роли государства в современном обществе не может быть оспорено. Однако их рассуждения не могут служить аргументами в пользу признания общества или народа субъектом уголовно-правовых отношений, по крайней мере на современном этапе развития цивилизации. Времена, когда общество напрямую «контактировало» с нарушителем устоявшегося порядка и примирителем вреда, - это эпоха догосударственного строя с присущими ему обычаями и табу в качестве средств социального регулирования, мстью, расправой и иногда примирением – в качестве средств поддержания порядка. Не будем доказывать общеизвестное. Такой механизм разрешения социальных конфликтов, вызванных общественно опасным поведением, исторически сошел со сцены почти одновременно с формированием государства и права. Жизненный интерес общества и каждого отдельного его члена состоит в том, чтобы субъектом разрешения возможных конфликтов выступало именно государство (по крайней мере, иных эффективных форм общесоциальной

¹ Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. – М.: Научная книга, 2003. – С. 83.

² См., например: Иглин А.В. Личность как субъект уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2008. – С. 7 – 8; Шигина Н.В. Интерес и его отражение в уголовном законе. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 53 – 76.

организации, на сегодняшний день человечество не создало¹). Как верно замечает Н.В. Генрих, «сосредоточение усилий по поддержанию правопорядка в руках государства, отказ от идеи частного преследования и наказания преступников – одно из достижений мировой цивилизации, напрямую связанное с укреплением государства и формированием уголовного права»². Если рассуждать об обществе, о народе, то надо со всей определенностью признать, что в рассматриваемом нами контексте **народ выступает субъектом исключительно конституционно-правовых отношений, который своей суверенной учредительной властью не просто передал государству право, но и возложил именно на государство обязанность разрешения уголовно-правового конфликта.** Такое понимание находит поддержку у специалистов по современной теории права, которые, в частности, указывают, что «нации и народы представляют собою особый правовой феномен», «как метаправовые субъекты они, во-первых, не являются непосредственным участниками правовых отношений, свои интересы осуществляют через других (правовых) лиц; во-вторых, это не учреждения, организации, а, прежде всего, духовноправовые общности людей, что принципиально отличает их от любых субъектов права»³.

Вместе с тем, даже среди сторонников подчеркнуто государственного характера уголовно-правового отношения не стихают споры относительно того, выступает субъектом этого отношения государство в целом или же его отдельные органы, уполномоченные на принятие уголовно-правовых решений. Эта дискуссия хорошо известна и потому нет необходимости останавливаться на ней подробно. Обратим внимание лишь на один аспект проблемы, который зачастую упускается специалистами из вида. Дело в том, что сама эта дискуссия зачастую ведется вне системной связи с

¹ Оставим в стороне и без комментариев радужные мысли о перспективах установления мирового правопорядка и признания человечества субъектом правоотношений, а также горестные воспоминания о роли единственной правящей партии в стране, фактически подменившей собой государственный аппарат.

² Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – С. 156.

³ Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 12 – 13.

представлениями о наличии и видах уголовно-правовых отношений, что представляется методологически ошибочным.

Так, например, по мнению А.В. Мицкевича, уголовно-правовых отношений как таковых не существует вовсе. Он пишет: «Ни советский закон, ни судебная практика не знают подобной категории... Установление вины и назначение наказания происходит в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, а исполнение наказания – в рамках исправительно-трудовых. Где же место для особого уголовно-правового отношения, возникающего, по мнению большинства сторонников этой категории, в результате совершения преступления? Остается только предположить, что такие правоотношения существуют тогда, когда преступление осталось нераскрытым и уголовное дело прекращено по истечении давности уголовного преследования. Но такое положение скорее можно рассматривать как прекращение, а не возникновение правоотношения». Отсюда вполне логичен вывод автора: отрицание категории уголовно-правовых отношений делает излишним постановку проблемы государства как их участника. Право же государства издавать законы, в том числе уголовные, является лишь выражением его суверенитета. «В области уголовного права ... государство является субъектом соответствующих законодательных прав, а граждане – носителями обязанности соблюдать уголовный закон независимо от того, участвуют они в правоотношениях или нет»¹. Такой же точки зрения придерживался С.Ф. Кечекьян. По его мнению, право наказания, принадлежащее государству, состоит только в праве издавать уголовные законы. Государство выступает не как сторона в правоотношении, а как суверенная власть, носитель законодательной власти, устанавливающий обязательный для всех граждан порядок².

Если оставить в стороне радикальную позицию А.В. Мицкевича об отсутствии уголовно-правовых отношений как таковых, не сложно заметить,

¹ Мицкевич А.В. Субъекты советского права. – М.: Госюриздат, 1962. - С. 99 – 101.

² Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 129, 130.

что теоретической предпосылкой к отрицанию за государством статуса участника уголовно-правовых отношений служит фактически отказ от признания наличия общерегулятивных отношений. В этом случае участником классического охранительного отношения следует признавать органы государства, которые непосредственно реализуют государственные полномочия, связанные с расследованием преступлений, назначением и исполнением уголовных наказаний. И такой подход получил распространение в отраслевой науке¹, что вполне логично.

В тоже время важно заметить, что этот же подход стал применяться и для характеристики субъектов общерегулятивных уголовно-правовых отношений теми авторами, которые признают факт их наличия. Так, например, Н.А. Лопашенко пишет, что одним из субъектов охранительно-предупредительного отношения (именно так она называет отношения, в теории права именуемые общерегулятивными) выступает «государство в лице его органов и должностных лиц»². Однако в таком решении заложено, как представляется, внутреннее противоречие. Если содержанием такого отношения, согласно Н.А. Лопашенко, выступает «формулирование уголовно-правовых запретов и правил уголовно-правового регулирования», то должно быть очевидным, что органами и должностными лицами, способными на это, выступают Государственная Дума, Федеральное Собрание и Президент РФ, поскольку именно они участвуют в «формулировании запретов». С теоретической точки зрения такой подход крайне уязвим, поскольку, во-первых, создает иллюзию одновременного участия, как минимум, трех субъектов правоотношения со стороны государства, во-вторых, не учитывает того обстоятельства, что законы принимаются только Государственной Думой, а в-третьих, игнорирует тот очевидный факт, что в процессе принятия законов государство выступает именно как суверенный субъект, а не как совокупность его органов. Таким

¹ Ривлин А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. – 1959. – № 2. – С. 110 – 111; Огурцов Н.А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1976. – С. 27.

² Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. Учеб. пособ. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 5.

образом, если и допускать наличие общерегулятивных отношений, то логично признавать их субъектом именно государство, а не его органы.

Поскольку, как было показано выше, в нашей концепции общерегулятивных отношений в уголовном праве не существует как таковых, остается вопрос о том, выступает ли субъектом классических охранительных отношений государство или его органы.

Этот вопрос широко дискутировался в науке. Не углубляясь в детали, отметим лишь, что признание органов государства субъектами уголовного правоотношения порождает значительное число теоретических «нестыковок» и проблем. В частности, исходя из этого тезиса, надо признать:

- по мере развития уголовно-правового отношения (от момента совершения преступления до погашения или снятия судимости) происходит смена субъектов отношения на стороне государства (от органов расследования до суда и органов исполнения наказания), однако такая «смена лиц в обязательстве» не имеет под собой оснований и ее обсуждение даже среди адептов рассматриваемой концепции не обсуждается;

- в какой-то момент на стороне государства выступает несколько субъектов одновременно (например, органы уголовного преследования и суд, суд и органы исполнения наказаний), но и такая «множественность лиц в обязательстве», и тем более корреспонденция обязанностей и прав человека по отношению к каждому из таких лиц, теоретически и практически несостоятельна;

- самостоятельность государственных органов с необходимостью предполагает их самостоятельную ответственность за собственные действия и решения, включая принесение официального извинения реабилитированному лицу от имени органов прокуратуры, вынесение приговора от имени суда и компенсацию причиненного морального вреда за счет тех органов, которые допустили нарушение прав обвиняемого или подсудимого, что явно не соответствует положениям закона и не может быть оправданно с точки зрения теории права.

С учетом этих положений полагаем полностью справедливым тезис о том, что именно государство «как целое», а не отдельные его органы и должностные лица выступает субъектом уголовно-правового отношения¹. Тот факт, что конкретные решения принимают отдельные государственные органы (причем разные – от парламента до органов исполнения наказания) свидетельствует лишь о том, что в современном государстве, основанном на принципе разделения властей, конкретные полномочия государства, раскрывающие в своей совокупности весь объем «права наказания» распределены между этими органами. И это всего лишь одно из достижений развития цивилизации, поскольку в исторической ретроспективе, как известно, такое рассредоточение полномочий существовало не везде и не всегда. Но независимо от того, какой орган и в каком объеме реализует государственные полномочия, связанные с регулированием уголовного правоотношения, субъектом отношения выступает именно государство как таковое. По этому поводу еще Р.О. Халфина писала: «Охрана правопорядка и осуществление правосудия, применение мер уголовного наказания – одно из важнейших проявлений суверенитета государства. Реализация этих функций соответствующими органами государства не от своего имени или имени отдельного органа, а от имени государства в целом выражает подлинно демократическое отношение к личности и охране интересов общества. Признание государства участником данных отношений означает, что государство принимает на себя ответственность за действия каждого должностного лица или органа. ... Тот или иной орган или должностное лицо выступает как представитель государства в целом. Последнее и является участником отношений»².

В настоящее время тезис о признании именно государства участником уголовно-правового отношения можно считать официально (нормативно) подтвержденным. Как признал в своих решениях Конституционный Суд РФ,

¹ См., например: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Госюридиздат, 1961. – С. 213 – 214.

² Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – С. 66 – 167.

именно государство, которое действует в публичных интересах защиты нарушенных преступлением прав граждан, восстановления социальной справедливости и предупреждения правонарушений, выступает в качестве стороны возникающих в результате совершения преступления уголовно-правовых отношений, и именно оно наделено правом подвергнуть лицо, совершившее преступление, публично-правовым по своему характеру мерам уголовно-правового воздействия¹.

Приступая к исследованию вопроса о содержании конкретных прав и обязанностей, которые определяют статус государства как участника уголовно-правового отношения, сделаем одно небольшое теоретическое замечание. В литературе давно и вполне обоснованно высказывается мысль о необходимости различения статусов «субъект права» и «субъект правоотношения». Современные авторы признают, что субъект права – в большей степени статическая его характеристика, тогда как субъект правоотношения является динамической категорией, поскольку через правоотношение субъект права реализует свои субъективные права и юридические обязанности. «Субъект правоотношения – это тот же субъект права, но только ставший участником правоотношения, деятельно реализующий только часть из целого ряда своих прав и обязанностей, которыми он, будучи субъектом права, потенциально обладает»². С этой точки зрения, вероятно, есть смысл различать статус государства как субъекта права наказания и статус государства как участника уголовно-правового отношения. При этом первая характеристика (субъект права наказания) в значительной степени коррелирует со статусом государства в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко».

² Кистенев К.И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – С. 10; Слепнев А.В. Государство как субъект правоотношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 8.

качестве субъекта общерегулятивного уголовно-правового отношения в тех концепциях, которые признают факт их существования. Существенная проблема состоит лишь в том, что при таком понимании категория «субъект права» применительно к государству утрачивает свое значение (что служит еще одним аргументом в пользу отказа от концепции общерегулятивных отношений). В нашем понимании, характеристика государства как субъекта права наказания определяет его имманентные признаки, исходя из которых оно и участвует в уголовном правоотношении в качестве его субъекта. Вместе с тем, жестко противопоставлять статус государства как «субъекта права наказания» и «субъекта уголовно-правового отношения» тоже нецелесообразно, поскольку это взаимосвязанные его характеристики. Присущее государству право наказания, включающее в себя ряд правомочий, исполнение которых распределено между различными государственными органами, реализуется государством в процессе его функционирования – от властного установления уголовно-правового запрета до непосредственного разрешения уголовно-правового конфликта. На этом отрезке государство последовательно проявляет себя как субъект права наказания (своей волей и властью объявляя деяние преступным) и как субъект правоотношения (определяя на основе закона свои взаимоотношения с лицом, совершившим преступление). Как субъект уголовного права в рамках конституционных правоотношений государство реализует свою свободу в сфере создания уголовного закона, проявляет себя как субъект права, наделенный суверенным правомочием устанавливать права и обязанности всех прочих субъектов права; как субъект правоотношения в рамках уголовно-правовых отношений оно реализует свои возможности на уровне правоприменения. При этом, разумеется, что проявляя себя участником уголовного правоотношения, государство сохраняет за собой статус субъекта права наказания, в связи с чем регулирование уголовного правоотношения может изменяться по мере его развития (например, в случаях изменения законодательства, применения амнистии, помилования).

Надо отметить, что **правомочия государства, составляющие право уголовного наказания, а также конкретные права и обязанности государства в качестве субъекта уголовно-правового отношения, текстуально определяются в законодательстве в крайне абстрактной форме.** Вряд ли можно уверенно назвать нормы Конституции РФ или уголовного закона, в которых эти права и обязанности были бы с четкостью зафиксированы. Это создает известную теоретическую проблему выявления и позиционирования правового статуса государства в уголовно-правовых отношениях, необходимость толкования, детализации, конкретизации существующих правовых предписаний. При этом очевидно, что такая аналитическая деятельность не может быть произвольной и безграничной. Она требует ответственного подхода к интерпретации правовых предписаний с учетом современных политических концепций государства, его роли в жизни общества, представлений о правах человека, как ценности, определяющей смысл и назначение государства, а также принципов уголовно-правового регулирования.

Большую роль в презентации прав и обязанностей государства в сфере уголовного права играет Конституционный Суд РФ. Игнорировать его правовые позиции в рассуждениях о статусе государства, как это делают некоторые исследователи, вряд ли верно¹. Решения Конституционного Суда РФ составляют в нашем случае ценный эмпирический материал, позволяющий наполнить абстрактные теоретические и конституционные формулы конкретным уголовно-правовым содержанием. А потому представляется, что методологически оправданным будет исследование вопроса о статусе государства именно с опорой на эти решения. Такие попытки предпринимались в науке². Однако их наличие сегодня уже не может быть признано достаточным, прежде всего по причине развития самой

¹ См., например: Ларина Л.Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений // Юридическая наука. – 2017. – № 3.

² См., например: Пудовочкин Ю.Е. Содержание уголовно-правовых отношений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 2.

конституционной практики.

Анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ убедительно свидетельствует, в первую очередь о том, что статус государства в уголовно-правовых отношениях является в достаточной степени сбалансированным с точки зрения отражения в нем прав и обязанностей данного субъекта отношений. Полагаем в этой связи умозрительным и теоретически несостоятельным представленный в литературе вывод о том, что в силу специфики уголовно-правового отношения, где государство применяет картельный метод регулирования, перечень прав РФ носит более широкий характер, нежели комплекс прав преступника¹. Думается, что сопоставление перечня прав и обязанностей государства и личности в уголовно-правовом отношении в целом недопустимый подход. Речь должна идти не о количественном паритете прав и обязанностей, а о балансе – балансе между самими правами и обязанностями государства в структуре его правового статуса, с одной стороны, а с другой стороны, балансе статусом собственно государства и личности. Такой баланс, как представляется, в основных своих чертах, в российской правовой системе соблюдается.

Итак, представим основные компоненты правового статуса государства в уголовно-правовых отношениях с опорой на решения Конституционного Суда РФ.

Права и обязанности государства по поддержанию порядка и установлению уголовно-правовых запретов.

1. Конституционные предписания закрепляют **обязанность государства предотвращать и пресекать в установленном порядке любые посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, а равно обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать в суде свои права и законные**

¹ Пинаева О.В. Государство как субъект правоотношения в современном обществе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008. – С. 24.

интересы любыми не запрещенными законом способами¹. Положения Конституции РФ предполагают необходимость разработки и закрепления уголовно-процессуальных и иных механизмов, которые в максимальной степени способствуют предупреждению преступлений, предотвращению негативных последствий от преступных деяний для охраняемых законом прав и интересов граждан, а также упрощают для жертв преступлений доступ к правосудию с целью восстановления своих прав².

2. Исходя из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, как и иных защищаемых Конституцией РФ ценностей, - обязанность государства, федеральный законодатель вправе осуществлять правовое регулирование, обеспечивающее соблюдение правопорядка, в том числе предусматривать уголовную и административную ответственность за противоправные деяния³.

3. Законодатель не только вправе, но и обязан, руководствуясь общими принципами юридической ответственности, которые по своей сути относятся к основам конституционного правопорядка, использовать все доступные из числа легитимных средства, включая установление уголовной ответственности, для защиты прав и свобод человека и гражданина,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец»; Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко»; Постановление Конституционного Суда РФ от 6.11.2014 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева».

² Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2005 № 431-О «По жалобе гражданина Саблина Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

обеспечения законности, правопорядка, государственной и общественной безопасности¹. **Уголовное преследование является одной из форм реализации государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению других конституционно значимых ценностей².**

4. Государство, защищая граждан от преступных посягательств, **обязано принимать такие необходимые и достаточные меры защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, которые сводили бы к минимуму последствия общественно опасных посягательств, приводили бы к сокращению числа их жертв, предупреждению преступных посягательств, и вместе с тем не допускали бы какого бы то ни было умаления этих прав** (Постановление от 20 ноября 2007 года № 13-П, Определение от 3 июля 2008 года № 612-О-П). Осуществляя правовое регулирование в сфере обеспечения общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе от преступных и иных общественно опасных посягательств, **законодатель, призванный действовать в общих интересах, обладает свободой в выборе необходимых мер ответственности за преступления или оснований применения иных мер уголовно-правового характера. Вместе с тем он связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, прав и законных интересов различных категорий граждан, соблюдая при этом**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк».

² Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 91-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котенко Евдокии Титовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

принципы справедливости, равенства и соразмерности¹.

5. Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого. В этих целях Конституция РФ закрепляет **требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, а в случаях, когда охраняемые ею ценности становятся объектом преступного посягательства, - осуществления уголовного преследования лиц, преступивших уголовный закон**².

6. В соответствии со статьей 71 (пункт «о») Конституции РФ уголовное и уголовно-процессуальное законодательство находятся в ведении Российской Федерации. **Федеральный законодатель, реализуя принадлежащие ему полномочия, правомочен как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять, какие меры государственного принуждения подлежат использованию в качестве средств реагирования на те или иные деяния и при каких условиях возможен отказ от их применения**³.

7. Законодатель реализуя принадлежащие ему полномочия, в **предусмотренных Конституцией Российской Федерации пределах самостоятельно и независимо от иных ветвей власти определяет содержание положений уголовного закона, в том числе устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость и**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первого и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 2.11.2006. № 488-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 4.06.2007 № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления¹.

8. Само по себе неустановление федеральным законодательством уголовной ответственности за те или иные деяния не нарушает конституционные права граждан, в отношении которых эти деяния совершены, и не препятствует использованию ими в целях защиты своих прав и законных интересов иных правовых средств².

9. В Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются конституционной обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). Именно этой обязанностью обусловлена деятельность органов государственной, в том числе судебной власти, призванной гарантировать неотъемлемость и неотчуждаемость основных прав и свобод человека и гражданина, и прежде всего, права на свободу и личную неприкосновенность. По смыслу Конституции РФ, это право воплощает наиболее значимое социальное благо, которое предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу автономии личности, создает условия как для всестороннего развития человека, так и для демократического устройства общества. Поэтому, предусматривая повышенный уровень гарантий права каждого на свободу и личную неприкосновенность, Конституция РФ допускает возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, и лишь в установленном законом порядке. Закрепление в законе возможности ограничения свободы и личной неприкосновенности является, таким образом, результатом законодательного разрешения коллизии между правом каждого на свободу и обязанностью государства обеспечить посредством правосудия

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 515-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трехсвоякова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 293 Уголовного кодекса Российской Федерации».

защиту значимых для общества ценностей¹.

Право государства изменять уголовно-правовые запреты и отказываться от уголовного преследования.

1. Конституция РФ наделяет федерального законодателя правом как устанавливать в законе ответственность за правонарушения, так и устранять ее, а также определять основания, порядок и условия, при которых возможен отказ от применения мер государственного принуждения, с учетом конституционной обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого².

2. В случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями. Такой вывод согласуется с положениями Всеобщей декларации прав человека, в частности пункта 2 ее статьи 29, в силу которого при осуществлении своих прав и свобод каждый человек может быть подвергнут только таким ограничениям, какие предусмотрены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе³.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи

3. К правомочиям государства относится закрепление в законе оснований, позволяющих ему отказаться от уголовного преследования того или иного лица или определенной категории лиц и прекратить в отношении них уголовные дела. При этом отказ государства от уголовного преследования по тем или иным основаниям исключает возможность осуществления такого преследования правоприменительными органами (по делам публичного и частно-публичного обвинения) и потерпевшими от преступления (по делам частного обвинения)¹.

4. Частью обеспечиваемого уголовным законом регулирования отношений между государством, на которое возложено уголовное преследование, и гражданами, подвергаемыми в случае совершения преступления уголовному наказанию в предусмотренных федеральным законом формах и пределах является осуществляемое Государственной Думой регулирование амнистии. Как и при осуществлении любых других государственных полномочий, Государственная Дума при объявлении амнистии связана положениями Конституции РФ, предопределяющими обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы как непосредственно действующие, а также охранять нравственность,

3 Федерального закона "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации", Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устранившим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 91-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котенко Евдокии Титовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1220-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вихманн Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2014 № 1309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

здоровье, права и законные интересы граждан, в том числе от преступных посягательств и злоупотреблений властью, обеспечивая законность, правопорядок, общественную безопасность. В силу этого при освобождении одних лиц от уголовной ответственности и наказания, Государственная Дума, реализуя в акте об амнистии гуманистические задачи, в то же время должна взвешивать конкурирующие конституционные ценности, обеспечивать их баланс и не допускать, чтобы права других лиц, а также законность, правопорядок и общественная безопасность были поставлены под угрозу нарушения¹. Правовое регулирование и осуществление амнистии должны обеспечивать требования справедливости и равенства, баланс публичных и частных интересов, прав и законных интересов всех участников уголовных правоотношений, а также гарантировать ответственность государства за неправомерные, в том числе ошибочные, действия его органов и должностных лиц². **Установление конкретных оснований и пределов амнистирования лиц, совершивших преступления, относится к числу дискреционных полномочий самой Государственной Думы, которая, исходя из того, что Конституция РФ не гарантирует право быть амнистированным каждому, кто совершил преступление, вправе объявлять амнистию в отношении определенных категорий лиц и видов преступлений и предусматривать те правовые последствия амнистии, которые она сочтет целесообразными³.**

Права и обязанности государственных органов по реализации статуса государства в уголовно-правовых отношениях.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан».

² Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД "Об объявлении амнистии"».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1 - 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

1. Исходя из принципа разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, **Правительство РФ не вправе, как и другие органы исполнительной власти, устанавливать не предусмотренные федеральным законом основания уголовной ответственности¹.**

2. В сфере уголовного судопроизводства суды наделяются такими конституционными полномочиями, как установление виновности или невиновности обвиняемых в совершении преступлений и вынесение соответствующих приговоров (статья 49, часть 1), пересмотр приговоров, вынесенных нижестоящей судебной инстанцией (статья 50, часть 3), а также приведение ранее вынесенных приговоров в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление (статья 54, часть 2). Осуществление указанных полномочий, в том числе **принятие соответствующих судебных решений, будучи проявлением функции правосудия, должно подчиняться требованиям законности, обоснованности, справедливости².**

3. Конституция РФ гарантирует государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина; **государство обеспечивает потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.** Реализация указанных прав человека предполагает **обязанность органов предварительного расследования и прокурора при выявлении признаков преступления возбуждать**

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 8.02.2007 № 290-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малютина Андрея Мартемьяновича на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 8.02.2007 № 292-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чугурова Павла Николаевича на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации", Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других».

уголовные дела, осуществлять от имени государства уголовное преследование, обеспечивая тем самым неотвратимость ответственности виновных лиц и защиту прав лиц, пострадавших от преступлений. Невыполнение или ненадлежащее выполнение данной обязанности, выражающееся в том числе в длительном затягивании решения вопроса о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, в неоднократных прерывании и возобновлении проверки по заявлению о преступлении, приводит к ограничению доступа потерпевших к правосудию¹.

4. Исходя из конституционных предписаний, уполномоченные лица обязаны принимать в предусмотренных процессуальных формах все зависящие от них меры к тому, чтобы установить обстоятельства происшедшего преступления, определить основания для начала публичного уголовного преследования и для последующих процессуальных действий органов дознания и предварительного следствия, на которые возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу².

5. Обязанность расследовать преступление не есть требование получить результат в виде обязательного возбуждения уголовного дела и наказания, она включает в себе лишь обязанность государства принять необходимые меры в связи с совершенным преступлением. Не каждое расследование должно быть непременно успешным или подтверждать изложенные потерпевшим факты, однако оно должно в принципе вести

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Постановления Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно - процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П «"По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок", частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой».

к выяснению обстоятельств дела. Исследование заслуживающих внимания сведений должно быть тщательным, т.е. власти в каждом случае должны, используя все разумные и доступные им меры, предпринимать серьезную попытку установить, что произошло, не прибегая к поспешным или беспочвенным выводам с целью прекратить расследование (постановление ЕСПЧ от 24 июля 2008 года по делу "Владимир Романов против России", решение от 11 октября 2011 года по делу "Алоян и Надрян против России" и др.)¹.

6. Осуществляя от имени государства уголовное преследование, **прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, должны следовать назначению и принципам уголовного судопроизводства, закрепленным в УПК РФ:** они обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (статья 14), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (статья 16), принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статья 7). **Осуществление указанными лицами своей процессуальной функции именно в таком объеме (с учетом судебного контроля) обеспечивает в рамках уголовного судопроизводства выполнение государством своей обязанности по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, их обеспечению правосудием (статьи 2 и 18 Конституции РФ)**².

7. Одной из гарантий реализации положений Конституции РФ об

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ в от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.04.2006 № 114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

обеспечении прав и свобод человека и гражданина правосудием (статья 18) и охране государством достоинства личности (статья 21) является процедура исправления возможных ошибок, допущенных судом при постановлении приговора. Эти конституционные положения находят свою конкретизацию в предписаниях уголовно-процессуального закона, в соответствии с которыми **прокурор обязан опротестовать каждый незаконный или необоснованный приговор, реализуя в уголовном судопроизводстве от имени государства публично-правовую функцию уголовного преследования и обеспечивая тем самым охрану интересов общества и граждан от преступлений**¹.

8. Из положений Конституции РФ вытекает **необходимость пересмотра судебного решения, если обнаруживается какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство, которое не может не повлиять на существо этого решения.** Отсутствие у суда возможности учесть при пересмотре приговора новые обстоятельства, характеризующие фактическую сторону преступления, создает основу для неравенства при определении пределов ответственности и возмещения вреда в зависимости от того, в какой момент эти обстоятельства возникли и были установлены².

9. Согласно статье 24 (часть 2) Конституции РФ **органы государственной власти обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.** Из статей 71 (пункты "в" и "о") и 76 (часть 1) Конституции РФ следует, что в уголовном процессе право каждого на получение такой информации регулируется уголовно-процессуальным законодательством и

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 6.07.1998 № 21-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Шаглия».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда»; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан».

что федеральный законодатель вправе конкретизировать содержание и установить правовые механизмы, условия и порядок его реализации, не допуская при этом искажения существа, самой сути данного права и введения таких его ограничений, которые противоречили бы конституционно значимым целям¹.

10. Конкретизируя конституционно-правовой принцип **ответственности государства за незаконные действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц**, законодатель установил порядок и условия возмещения вреда, причиненного лицу в уголовном судопроизводстве. В частности, в УПК РФ нормами главы 18 предусматриваются специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных лиц, обусловленные тем, что гражданин, необоснованно подвергнутый от имени государства уголовному преследованию, нуждается в особых гарантиях защиты своих прав. Такое правовое регулирование распространяется и на правоотношения по возмещению вреда, возникающие при рассмотрении уголовных дел частного обвинения².

11. Государство как субъект, призванный обеспечивать права потерпевших, реализует соответствующую конституционную обязанность, устанавливая конкретные процедуры, в том числе вводя систему мер, позволяющих в своей совокупности организовать судебную защиту, основанную на конституционных принципах правосудия, предполагающих

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2003 № 43-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 200 и части первой статьи 218 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы», Постановление Конституционного Суда РФ от 2.03.2010 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 18-П «"По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «"По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко».

неукоснительное следование правилам уголовного судопроизводства и своевременность защиты прав и законных интересов участвующих в деле лиц. **Требование разумного срока разрешения дел отражает важнейший общественный запрос на эффективное и рациональное правосудие¹.**

Обязанности государства по отношению к лицу, совершившему преступление, и потерпевшему.

1. Гарантированное Конституцией РФ право на судебное обжалование решений любых органов государственной власти, включая судебные, предопределяет **обязанность государства обеспечить каждому рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями.** Применительно к уголовному судопроизводству право на рассмотрение дела судом не только первой, но и второй инстанции вытекает также из статьи 50 (часть 3) Конституции РФ, закрепляющей право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом. Вместе с тем, **право каждого на судебную защиту его прав и свобод не предполагает возможность выбора гражданином той или иной процедуры судебной защиты,** особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральными законами².

2. На государстве всегда лежит непререкаемая обязанность защиты прав и интересов реабилитированного лица. Тот факт, что положения статей 133 и

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П «П о делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 7.06.2012 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" и статьи 24 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко»; Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П «"По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта "з" пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобами граждан А.В. Андропова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» (см. также определения от 16.04.2009 № 359-О-О, от 25.02.2010 №221-О-О, от 29.09.2011 № 1185-О-О, от 28.06.2012 № 1274-О, от 02.07.2013 № 1052-О).

136 УПК РФ не содержат указания на распространение их действия на случаи возмещения вреда лицу, уголовное преследование в отношении которого осуществлялось в порядке частного обвинения и было прекращено в связи с отказом частного обвинителя от обвинения, не может расцениваться как свидетельство отсутствия у государства **обязанности содействовать реабилитированному лицу в защите его прав и законных интересов**, затронутых необоснованным уголовным преследованием. Такая защита может быть осуществлена путем принятия судом по заявлению этого лица решения о возмещении ему вреда в ином процессуальном порядке на основе норм гражданского права¹.

3. Хотя государство при наличии соответствующих оснований и условий может отказаться от осуществления уголовного преследования, оно не вправе оставить неисполненными те обязанности, которые возлагаются на него Конституцией РФ. В частности, государство не освобождается от необходимости гарантировать защиту прав и свобод других лиц, в том числе обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба².

4. Реализация акта об амнистии в отношении лиц, которые обвиняются в совершении преступлений или осуждены за деяния, подпадающие под действие амнистии, не должна быть связана с лишением тех, кто пострадал от преступлений, их конституционного права на судебную защиту и восстановление в нарушенных правах и интересах. Ни объем, ни степень гарантированности прав потерпевших не могут зависеть от того, было ли государством реализовано его правомочие по осуществлению уголовного преследования или же оно отказалось от этого,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2007 № 136-О-О «б отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Ильи Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 11, частью первой и пунктом 2 части второй статьи 133 и частью первой статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец»; Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года N 2559-6 ГД "Об объявлении амнистии"».

издав акт об амнистии. Иное приводило бы к нарушению не только закрепленного в статье 52 Конституции РФ права потерпевшего на обеспечение ему государством доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, но и провозглашенного в статье 19 Конституции РФ принципа равенства всех перед законом и судом¹.

5. Гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция РФ не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию и возлагает решение этого вопроса на законодателя. Парламент **вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, - как в рамках уголовного судопроизводства, так и путем искового производства по гражданскому делу с помощью гражданско-правовых инструментов возмещения вреда, причиненного бездействием органов и должностных лиц в сфере судопроизводства и исполнения судебных актов.** Конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах².

6. Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что конституционному праву граждан на квалифицированную юридическую помощь корреспондирует обязанность государства предоставить достаточные гарантии ее оказания. К числу таких гарантий относится **создание надлежащей экономической основы качественного оказания квалифицированной юридической помощи,** в том числе предоставление финансирования деятельности адвокатов, осуществляющих защиту подозреваемых и обвиняемых по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в достаточном объеме. Данный вывод

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок", частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой».

согласуется с позицией Европейского Суда по правам человека, который в Постановлении от 13 мая 1980 года по делу "Артико (Artico) против Италии" указал, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод призвана гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а их практическое и эффективное осуществление; это особенно справедливо в отношении права на защиту, которое занимает видное место в демократическом обществе, как и само право на справедливое судебное разбирательство, из которого оно вытекает; именно в силу этого данному праву обвиняемого (подозреваемого) корреспондирует обязанность государства обеспечить бесплатную помощь защитника по уголовным делам¹.

Представленные позиции Конституционного Суда РФ нельзя признать исчерпывающими в плане определения правового статуса государства в уголовно-правовых отношениях. Значительная часть возможностей и обязанностей этого субъекта вытекает из конституционных оснований криминализации и пенализации общественно опасных деяний, анализу которых будет посвящен отдельный раздел настоящего исследования. Некоторые элементы правового статуса государства (например, право помилования, депутатская неприкосновенность от уголовного преследования, исключительно федеральный уровень уголовно-правового регулирования), прямо закрепленные в Конституции РФ, на уровне решений Конституционного Суда пока не получили должной интерпретации. Таким образом, **правовой статус государства в уголовно-правовых отношениях можно признать категорией развивающейся, ее общие контуры**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год" и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год" в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов»; Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В.В. Макеева».

уточняются и конкретизируются по мере развития права и утверждения правовой доминанты в функционировании государства.

На этом фоне нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что **элементы правового статуса государства, его права и обязанности в сфере уголовного права на уровне отечественных нормативных актов фиксируются неполно и зачастую неявно**, с использованием таких юридико-технических приемов, которые обуславливают необходимость глубокого и развернутого толкования правовых предписаний, с тем, чтобы эти права и обязанности выявить и артикулировать. В целом создается впечатление, что в учредительных документах страны присутствует сильное влияние правовой концепции, согласно которой государство и личность в большей степени связывают властные отношения, нежели правовые, да и само государство в большей степени позиционировано как источник права, нежели его гарант. Обязательства государства в сфере уголовно-правовых отношений в большей степени являются результатом толкования текста Конституции, нежели установлены в нем непосредственно.

Обращение в сравнительно-правовом аспекте к конституционным актам некоторых зарубежных стран¹ показывает, что в ряде случаев здесь уголовно-правовой статус государства фиксируется более явно, в связи с чем этот опыт может оказаться весьма полезным в работе по совершенствованию конституционных основ уголовно-правового регулирования в РФ. Так, например:

- ст. 28 Конституции Китая четко провозгласила: «Государство охраняет общественный порядок, подавляет предательскую и прочую преступную деятельность, подрывающую безопасность государства, карает за нарушение общественной безопасности, дезорганизацию социалистической экономики и другие преступные действия, наказывает и перевоспитывает преступные элементы»; в ст. 2 Конституции Швеции

¹ Здесь и далее конституционные акты зарубежных стран приводятся по изданию: Конституции стран мира. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях. [Электронный ресурс]. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. URL: <http://istfil.bgpu.ru/>

определено, что государство «обязано ... содействовать безопасности и хорошим условиям жизни»; ст. 58 Конституции Турции закрепила: «Государство принимает необходимые меры для защиты молодых людей от пристрастия к алкоголю, наркомании, преступности, азартным играм и другим вредным привычкам и невежеству»;

- ст. 5 Конституция Швейцарии провозгласила, что «основой и пределом государственных действий является право», «Государственные органы и частные лица действуют добросовестно»;

- ст. 34 Конституции Франции и ст. 3 главы 8 Конституции Швеции (возможно, просто в силу унитарного строения государства, но крайне важно сущностно) закрепляют в контексте взаимоотношений парламента и правительства, что именно принимаемые парламентом законы определяют правила, касающиеся «определения преступлений и деликтов, а также налагаемых за них наказаний; уголовного судопроизводства, амнистии»; в Конституции Швеции также закреплено, что вопросы о преступлениях и судебной ответственности регулируются законом (§ 3 главы 8) и полномочия Правительства «не порождают права устанавливать предписания об ином правовом преследовании за проступки, кроме наложения штрафа»;

- ст. 19 Конституции ФРГ установила общие требования к закону, предполагающему ограничение прав человека: «(1) Поскольку ... какое-либо основное право может быть ограничено законом или на основе закона, этот закон должен носить общий характер, а не относиться только к отдельному случаю. Кроме того, в законе должно быть названо это основное право с указанием статьи. (2) Существо содержания основного права ни в коем случае не должно быть затронуто»; ст. 36 Конституции Швейцарии также подтвердила: «принципиальное содержание основных прав неприкосновенно»;

- ст. 89 Конституции Австрии, ст. 100 Конституции ФРГ, ст. 14 главы 11 Конституции Швеции, ст. 34 Конституции Ирландии закрепили на самом высоком уровне порядок рассмотрения судебных дел в ситуации, когда

подлежащий применению закон, по мнению суда, является неконституционным, и установили правило обязательного разрешения сомнения в конституционности закона Конституционным судом государства;

- ст. 49а Конституции Австрии установила правило о возможном переопубликовании федеральных законов в действующей редакции, имеющей обязательную силу; «все суды и органы управления, начиная со дня, следующего за переопубликованием закона, во всех возникших после этого случаях должны руководствоваться текстом переопубликованного федерального закона»;

- ст. 21 Конституции Мексики предельно четко зафиксировала распределение полномочий между государственными органами в части, касающейся применения уголовного права: «Назначение наказания является исключительной компетенцией судебных властей. Преследование преступлений лежит на обязанности прокуратуры и судебной полиции, которая находится в непосредственном распоряжении и под руководством прокуратуры. Применение наказаний за нарушение муниципальных и полицейских распоряжений относится к компетенции административной власти»; ст. 156 Конституции Ирана в качестве конституционной обязанности судебной власти провозгласила «установление преступлений, преследование и наказание преступников и приведение в исполнение исламских уголовных наказаний, записанных в правовых актах; принятие соответствующих мер для предотвращения преступлений и исправления преступников»;

- ст. 91 Конституции Австрии позиционирует функционирование суда присяжных не в качестве права обвиняемого (как в российской Конституции), а в качестве обязанности государства: «1. Народ должен участвовать в отправлении правосудия. 2. По делам о перечисленных в законе преступлениях, за которые может быть назначено суровое наказание, а также по делам о всех политических преступлениях и проступках вопрос о виновности обвиняемого решают присяжные»; ст. 150 Конституции Бельгии

также установила: «Суд присяжных установлен по всем уголовным делам, политическим преступлениям и преступлениям прессы, за исключением деликтов прессы, инспирируемых расизмом или ксенофобией»;

- ст. 5 Федерального конституционного закона Австрии «О защите личной свободы» от 29.11.1988 зафиксировала правила отказа от уголовного преследования и смягчения наказания: «Если имеются достаточные смягчающие вину обстоятельства, то можно не прибегать к лишению свободы. Тот, кто задержан за совершение деяния, не предусматривающего тяжкого наказания, в целях пресечения этого деяния может не подвергаться преследования, во всяком случае освобождается, если он предоставит суду или уполномоченному законом к осуществлению судебных функций чиновнику смягчающие вину обстоятельства, принимая во внимание значимость вменяемого в вину наказуемого деяния, его личные качества и средства поручительства, обуславливающие неопасность обвиняемого»;

- ст. 9 Конституции Испании установила: «Конституция гарантирует ответственность органов публичной власти за произвол»; ст. 24 Конституции Италии провозгласила, что «закон определяет условия и способы возмещения судебных ошибок», а ст. 40 Конституции Японии предусмотрела, что «в случае оправдания судом после ареста или задержания каждый может, в соответствии с законом, предъявить государству иск о возмещении ущерба»;

- ст. 8 французской Декларации прав человека и гражданина от 26.08.1789 г. (выступающая составной частью конституционных актов государства) предельно четко указала: «Закон должен устанавливать лишь строго и бесспорно необходимые наказания»; ст. 10 Конституции Швеции закрепила: «За деяние не может применяться более тяжкое наказание, чем то, которое было предписано»; в ст. 71 Конституции Дании установлено: «ни одно лицо не должно подвергаться тюремному заключению за преступление, за которое назначается наказание в виде штрафа или условного заключения»; в ст. 67 Конституции Исландии закреплено: «Тюремное заключение может применяться только в случаях совершения более серьезных преступлений,

чем те, в отношении которых обычно применяется наказание в виде штрафа или краткосрочного лишения свободы»;

- ст. 149 Конституции Бельгии установила: «Любое судебное решение является мотивированным. Оно объявляется в публичном заседании»; ст. 15 Конституции Нидерландов требует, чтобы «суд над лицом, лишенным свободы до рассмотрения дела в суде, должен быть проведен в разумные сроки».

Сопоставление этих текстов с российской Конституцией убедительно свидетельствует, что **по некоторым параметрам в характеристике правового статуса государства как субъекта уголовно-правовых отношений имеет место нормативная недостаточность**, приводящая к необходимости активизации толковательной детальности Конституционного Суда РФ (такую оценку признали справедливой 63% респондентов из числа научных работников). Такое положение вещей может оцениваться различно. Однако в целях установления более весомых гарантий правовых характеристик отечественного государства полагаем возможным в потенциальной конституционной реформе учесть это обстоятельство и зафиксировать непосредственно на уровне конституционного текста: обязанность и ответственность государства по поддержанию правопорядка и обеспечению безопасности; особые характеристики и возможно особый порядок рассмотрения и принятия законов ограничивающих права и свободы граждан; право государства возбуждать уголовное преследование и отказываться от него при наличии установленных в законе обстоятельств; ограничения в вопросах применения уголовных наказаний.

Подводя итог исследованию в рассматриваемой части, надо отметить, что конкретные права, обязанности и ответственность государства в качестве субъекта уголовно-правовых отношений, текстуально определяются в Конституции РФ неполно, абстрактно и неявно. В учредительном документе страны присутствует сильное влияние правовой концепции, согласно которой государство и личность в большей степени связывают властные

отношения, нежели правовые, а само государство в большей степени позиционировано как источник права, нежели его гарант. Это обстоятельство выявляет нормативную недостаточность в описании статуса российского государства в сфере уголовного права, приводит к необходимости активизации толковательной и конкретизирующей детальности Конституционного Суда РФ. В целом можно утверждать, что обязательства государства в сфере уголовно-правовых отношений в большей степени являются результатом толкования текста Конституции, нежели установлены в нем непосредственно.

Обобщение правовых позиций Конституционного Суда РФ позволило представить следующую систему полномочий государства в сфере уголовного права:

1) Полномочия по поддержанию порядка и установлению уголовно-правовых запретов (обязанность принимать такие необходимые и достаточные меры защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, которые минимизировали бы последствия общественно опасных посягательств, приводили бы к сокращению числа их жертв, предупреждению преступных посягательств на права и интересы личности; право устанавливать и изменять уголовно-правовые запреты в случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения и др.);

2) Права и обязанности государственных органов по реализации статуса государства в уголовно-правовых отношениях (обязанность органов расследования осуществлять уголовное преследование, обязанность прокурора опротестовать в кассационном порядке каждый незаконный или необоснованный приговор, обязанность обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы и др.);

3) Обязанности государства по отношению к лицу, совершившему преступление, и потерпевшему (обеспечить каждому рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями, гарантировать потерпевшему доступ к правосудию; содействовать реабилитированному лицу в защите его прав и законных интересов и др.);

Этот перечень прав и обязанностей государства нельзя признать исчерпывающими. Правовой статус государства в уголовно-правовых отношениях есть категория развивающаяся, а ее общие контуры уточняются и конкретизируются по мере развития права и утверждения правовой доминанты в функционировании государства.

§ 3. Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях

Субъектом, противостоящим государству в уголовно-правовых отношениях, выступает лицо, совершившее преступление. Этот самый общий тезис, с одной стороны, отражает определенную «зону согласия» в отечественной науке, опирающуюся на представления о двустороннем характере правоотношения, но с другой стороны, служит исходной точкой для формирования значительного числа дискуссионных площадок, на которых активно обсуждаются вопросы относительно видов, особенностей, признаков этого субъекта. Исследование правового статуса субъектов уголовного правоотношения в контексте проблематики конституционализации уголовного права с необходимостью предполагает хотя бы тезисное определение авторской позиции в этой дискуссии¹.

Прежде всего, без глубоких рассуждений, отметим категорическое несогласие с представленной в современной науке позицией, согласно

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Статус лица, совершившего преступление, в уголовно-правовых отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 93 – 98; Гузеева О.С. Правовой статус лица, совершившего преступление, в правовых позициях Конституционного Суда РФ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 5 (120). – С. 54 – 58.

которой общее понятие «личность как субъект уголовно-правовых отношений» включает в себя государственных должностных лиц, возбуждающих уголовное дело, ведущих уголовное судопроизводство и исполняющих приговор суда¹. При надлежащем исполнении указанных функций эти лица выступают от имени государства и реализуют именно государственные правомочия в содержании уголовно-правового отношения, в связи с чем они не могут рассматриваться как самостоятельные, отличные от государства субъекты этого отношения. В случае же ненадлежащего исполнения своих обязанностей такие должностные лица выступают уже в качестве правонарушителей, т.е. стороны, противопоставившей себя государству, и в этом отношении они ничем не отличаются от иных «частных лиц» - правонарушителей. В связи с этим отсутствуют сколько-нибудь серьезные теоретические основания для позиционирования должностных лиц в качестве самостоятельной разновидности такого субъекта уголовно-правовых отношений, как «личность».

Гораздо острее и сложнее проблема признания субъектом уголовно-правового отношения потерпевшего от преступления. В науке представлена широкая палитра мнений по этому вопросу², а взаимная критика известных позиций избавляет нас от необходимости их детального анализа. Отметим только, что высказанные в литературе мнения по этому вопросу отражают порой весьма стройные теоретические построения специалистов, но при этом откровенно не всегда учитывают правовые позиции Конституционного Суда РФ, что следует признать их существенным недостатком.

¹ См.: Фоменко А.Н. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего // Бизнес в законе. – 2013. – № 1. – С. 43 – 46; Пикина Т.В., Евтюшкина К.И. Уголовно-правовой статус личности: попытка разработки концепции // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 1(42). – С. 127 – 130.

² См., например: Сидоренко Э.Л. Конституционные и уголовно-правовые основы признания потерпевшего участником охранительных правоотношений // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Проспект, 2006; Дедюхина И.Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков потерпевшего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008; Генрих Н., Пудовочкин Ю. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях // Уголовное право. – 2009. – № 6; Мартыненко Н.Э. Правовой статус личности и место в структуре уголовно-правового статуса потерпевшего // Труды Академии управления МВД России. – 2012.-№ 3 (23); Фоменко А.Н. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего // Бизнес в законе. – 2013. – № 1.

Между тем, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений высказался вполне определенно по вопросу о возможности признания потерпевшего субъектом уголовно-правового отношения. Приведем наиболее значимые решения:

- Поскольку преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, независимо от времени наступления последствий (ст. 9 УК РФ), а сами вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу (или с момента, когда лицу стало об этом известно), **такое лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим. Тем самым правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда о признании потерпевшим, но не формируется им¹.**

- Лицу, которому запрещенным уголовным законом деянием причинен вред, **должна обеспечиваться реальная судебная защита в форме восстановления нарушенных преступлением прав и свобод, в том числе возможность осуществления права на судопроизводство в разумный срок согласно законодательно закрепленным критериям определения разумности срока судопроизводства².**

- **Ни объем, ни степень гарантированности прав на судебную защиту и на восстановление нарушенных прав и законных интересов не могут зависеть от того, реализовало ли государство свое правомочие по осуществлению уголовного преследования или отказалось от этого, приняв новый уголовный закон, устраняющий или смягчающий уголовную**

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова».

ответственность. Иное приводило бы к нарушению не только права каждого на защиту достоинства личности, чести и доброго имени от незаконного и необоснованного уголовного преследования, на обеспечение государством доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба, но и принципа равенства всех перед законом и судом¹.

- Вытекающая из ст. 52 Конституции РФ **обязанность государства обеспечить восстановление прав потерпевшего от преступления не предполагает наделение самого потерпевшего правом решать вопрос о необходимости уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также устанавливать пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности. Такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов².**

- Из права каждого на судебную защиту его прав и свобод не вытекает возможность выбора гражданами по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, особенности которых применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел определяются, исходя из Конституции РФ, федеральными законами; гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, **Конституция РФ не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших к правосудию в целях защиты их прав и законных интересов и компенсации причиненного им вреда, - решение этого вопроса возлагается на федерального законодателя³.**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 N 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан

- Специфика уголовно-правовых отношений как особой разновидности публично-правовых отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, обуславливает особенности механизма осуществления судопроизводства по уголовным делам, в рамках которого **уголовное преследование лица, предполагаемо виновного в совершении такого деяния, его привлечение к уголовной ответственности и возложение на него мер уголовно-правового воздействия принимает на себя государство в лице специально уполномоченных органов, потерпевший же при этом выступает лишь в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения.** Причем, решение вопросов о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем движении, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, не зависит от волеизъявления потерпевшего - оно предопределяется исключительно общественными интересами, конкретизируемыми на основе требований закона и фактических обстоятельств дела¹.

Таким образом, можно вполне уверенно утверждать, что **в конституционной концепции уголовно-правового регулирования, каковой она представляется Конституционному Суду РФ, и с которой нельзя не считаться исследователям, потерпевший не рассматривается субъектом уголовно-правовых отношений** (это мнение разделяют 43% опрошенных нами специалистов в области права). При всей безусловной, конституционно значимой обязанности государства по обеспечению и защите прав и интересов потерпевших, возникающие в связи с ее реализацией отношения не являются отношениями уголовно-правовыми. **Определить в настоящий момент отраслевую принадлежность этих**

В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и октябрьского районного суда города Мурманска».

отношений крайне затруднительно по причине общей недостаточности нормативного материала. Если вопросы доступа потерпевшего к правосудию урегулированы в УПК РФ, то иные проблемы остаются, на наш взгляд, недостаточно определенными. Так, отсутствует сколько-нибудь системное видение решения проблемы социальной реабилитации жертв, медицинской, социально-психологической и иных видов помощи им, недостаточно обеспечена защита потерпевших от вторичной виктимизации.

Остро стоит вопрос о возмещении причиненного потерпевшему ущерба. Основная проблема заключается в том, выступает ли такое возмещение обязанностью государства или же это деликтные обязательства частных лиц (виновников преступления), вытекающие из факта причинения вреда. Заметим в сравнительно-правовом аспекте, что важные указания именно на государственные обязательства в рассматриваемом вопросе содержатся в Конституциях некоторых стран. Так, ст. 124 Конституции Швейцарии установила, что «Союз и кантоны заботятся о том, чтобы лица, потерпевшие от преступления против их физической, психической или сексуальной неприкосновенности, получали помощь и соразмерное возмещение, если вследствие преступления у них возникли экономические трудности»; ст. 30 Конституции Южной Кореи определила: «Граждане, потерпевшие телесное повреждение или погибшие в результате преступного действия, совершенного другим лицом, могут получить помощь государства в рамках условий, предусмотренных законодательством»; в ч. 2 ст. 128 Конституции Ирака закреплено, что «государство гарантирует компенсацию семьям мучеников и пострадавшим в результате террористических актов».

В России, насколько можно судить на основании конституционных текстов, обязанность компенсации причиненного потерпевшему ущерба однозначно возложена на государство только в том случае, если речь идет о потерпевших от «злоупотребления властью». В части же компенсации ущерба жертвам преступлений Конституция предписывает государству лишь «обеспечить» такую компенсацию. Способы же обеспечения могут быть

весьма различными, они определяются законодателем самостоятельно, на что неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ. При этом, как показывает практика, один из наиболее распространенных способов такого «обеспечения» - регламентация гражданского иска, что в рассматриваемом нами контексте означает констатацию именно гражданско-правовых отношений, связанных с возмещением вреда от преступления непосредственно со стороны виновного. Это обстоятельство, кстати, прямо зафиксировано в ст. 35 Конституции Сербии: «Закон должен определять условия, при которых пострадавшая сторона может требовать компенсацию ущерба непосредственно от человека, который причинил ущерб».

Не развивая далее тему потерпевшего и его отношений с государством и лицом, совершившим преступление, еще раз повторим: потерпевший не может быть признан субъектом уголовно-правовых отношений, он не обладает уголовно-правовыми по своему содержанию правами и обязанностями по отношению к государству и лицу, совершившему преступление.

Таким образом, **единственным субъектом, который в уголовно-правовых отношениях противостоит государству, является лицо, совершившее общественно опасное деяние.** Но и здесь возникает ряд актуальных вопросов, которые нуждаются хотя бы в кратком освещении.

Традиционный взгляд на субъекта уголовного правоотношения предполагает, что в качестве такового выступает человек («гражданин», «физическое лицо»). Дискуссии по поводу того, выступает ли субъектом «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый» или «осужденный» представляются нам в настоящий момент неактуальными, «угасающими», по той причине, что отмеченные обозначения фиксируют уголовно-процессуальный статус лица, совершившего преступления. Тогда как субъектом правоотношения выступает само это лицо, вне зависимости от того, придан ли ему соответствующим процессуальным актом тот или иной статус.

Вместе с тем, развитие уголовно-правовой теории и практики противодействия преступности обусловило постановку и в ряде случаев вполне успешное решение вопросов ответственности юридических лиц за преступления. Этой проблеме посвящена обширная литература¹. В связи с этим возникает закономерный вопрос о необходимости «теоретической прописки» юридического лица в структуре уголовно-правового отношения. Показательно, что во всех имеющихся источниках, обосновывающих необходимость введения ответственности юридических лиц, проблема юридического лица как субъекта уголовно-правового отношения не обсуждается, хотя значимость ее, на наш взгляд, не вызывает сомнений.

Заметим, что отечественная правовая система уже давно знакома с публично-правовой ответственностью юридических лиц, в том числе и с административной ответственностью, которая по ряду своих ключевых параметров крайне близка ответственности уголовно-правовой, о чем неоднократно высказывался и Европейский суд по правам человека, и Конституционный Суд РФ². На основании имеющихся решений

¹ См., например: Рупчев Г. Сравнительный анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности. Технический документ ЕС. ECCU-PRECOR-TP-5/2015; Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. - СПб.: СПбЮИ ГП РФ, 1998; Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С.. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999; Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002; Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Владивосток, 2011; Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014; Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: сборник материалов Всероссийской научно-практической интернет-конференции (г. Москва, 24 октября 2016 г.) / ред. колл.: А.И. Ковлер, Ю.В. Трунцевский, О.И. Семькина, О.А. Терновая. — М.: ИЗИСР: РИОР, 2017; Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции / под ред. А.В. Федорова. – М.: ИЗИСР, 2018. и др.

² Принципиальное значение имеет в этом отношении следующее утверждение Конституционного Суда РФ: «Осуществляя нормативно-правовое регулирование оснований, условий и сроков административной ответственности, федеральный законодатель обязан исходить из того, что ее использование возможно лишь на основе обеспечения баланса прав и свобод граждан, юридических лиц, с одной стороны, и общего (публичного) интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений, - с другой; закрепляя и изменяя составы административных правонарушений и меры ответственности за их совершение, административно-деликтное законодательство должно учитывать конституционный принцип равенства всех перед законом, означающий, что любое административное правонарушение, как и санкции за него требуют четкого определения в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста соответствующей нормы (в случае необходимости - с помощью толкования, данного ей судами) каждый мог предвидеть административно-правовые последствия своих действий (бездействия); федеральному законодателю, предусматривающему за совершение административного правонарушения административные наказания в виде административного штрафа и, как следствие, ограничивающему находящееся под судебной защитой право частной

Конституционного Суда РФ, легитимирующих применение мер административной ответственности к юридическим лицам и обосновывающих необходимость соблюдения общеправовых принципов ответственности при конструировании оснований и мер административно-правовой и уголовно-правовой ответственности, можно вполне обоснованно предположить, что конституционных препятствий к закреплению в уголовном законе правил об ответственности юридических лиц не имеется.

Однако это не снимает вопроса о юридическом лице как субъекте уголовно-правового отношения, но позволяет уточнить саму его постановку: является ли субъектом уголовно-правового отношения субъект ответственности или субъект, совершивший уголовно-противоправное деяние, если допустить теоретически, что эти субъекты не совпадают в одном лице.

В классической литературе этот вопрос обсуждается в связи с возможностью признания субъектами уголовно-правовых отношений невменяемых лиц и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Некоторые авторы категорически утверждают, что субъектом уголовного правоотношения выступает лишь лицо, отвечающее признакам субъекта

собственности (статья 35, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации), надлежит стремиться к тому, чтобы устанавливаемые им размеры административных штрафов, равно как и правила их наложения позволяли в каждом конкретном случае привлечения к административной ответственности обеспечивать адекватность применяемого административного принуждения всем юридически значимым обстоятельствам, оказывающим существенное влияние на индивидуализацию административной ответственности и наказания за совершенное административное правонарушение (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года № 1-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П, от 17 февраля 2016 года № 5-П, от 10 февраля 2017 года № 2-П и др.). Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации сохраняют свою силу; их значение - принимая во внимание общеправовой характер конституционных принципов, от которых они производны, - не ограничивается вопросами, связанными с привлечением к административной ответственности и назначением административного наказания, в том числе в виде административного штрафа, а в полной мере распространяется на всю сферу законодательного регулирования ответственности за административные правонарушения. Соответственно, устанавливая порядок исполнения наложенных административных наказаний, включая административные штрафы, законодатель не вправе игнорировать вытекающие из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, юридического равенства и справедливости требования, касающиеся конституционных параметров допустимых ограничений прав и свобод граждан, отступление от которых с неизбежностью сопряжено с рисками произвольного применения административного принуждения». См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2017 № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхеммеля».

преступления и способное нести ответственность за это преступление¹. Другие отстаивают противоположную позицию. Еще Р.И. Михеев писал, что «совершая предусмотренное уголовным законом деяние, невменяемый неизбежно вступает в определенные отношения с государством, и такие отношения носят юридический характер: государство обязано ограждать как общество в целом, так и отдельных членов общества от подобных, хотя совершаемых без вины и ненаказуемых, но тем не менее общественно опасных деяний путем применения специфических уголовно-правовых мер принуждения к невменяемому – принудительных мер медицинского характера»². При этом характерно, что допуская таких лиц в круг субъектов уголовного правоотношения, авторы, во-первых, строго следуя нормативному тексту УК РФ, признают субъектами лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости³ (поскольку правовое последствия соответствующего деяния определены УК РФ), но не признают таковыми лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (что, по меньшей мере, крайне дискуссионно с точки зрения системного подхода к решению проблемы); а во-вторых, конструируют для таких лиц, не способных нести уголовную ответственности, особый, специфический вид уголовно-правовых отношений, рассматривая их отдельно от классического правоотношения «государство – преступник» и допуская таким образом существование нескольких видов охранительных уголовно-правовых отношений. И.Ф. Дедюхина, к примеру, прямо пишет, что в зависимости от того, какой юридический факт лежит в основе возникновения отношений, следует выделять постпреступные охранительные и постделиктные охранительные уголовно-правовые отношения⁴.

1 Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. – 1963. – № 11. – С 87; Петрова Г.О. Петрова Г.О. Субъекты уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. – 2003. – Вып. 2 (7). - С. 375.

2 Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1983. – С. 242 – 243.

3 См.: Ображиев К.В. Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. - С. 291 – 296.

⁴ Дедюхина И.Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков и поведения потерпевшего: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 54.

В настоящее время проблема определения субъекта уголовно-правового отношения в рассматриваемом контексте усугубляется положениями уголовного закона, которые допускают взыскание штрафа, назначенного несовершеннолетнему, с его родителей или законных представителей (ч. 2 ст. 88 УК РФ), а также возможностью возмещения ущерба и (или) заглаживания вреда для целей освобождения от уголовной ответственности (статьи 75 – 76.2, 199, 199.1 УК РФ) не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами или организацией (п. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»). В связи с этими нормами возникает не исследованный в науке вопрос о том, являются ли в данном случае родители, законные представители несовершеннолетнего или иные лица, возмещающие ущерб, субъектами охранительного уголовно-правового отношения, или нет.

Обсуждение этого комплекса вопросов позволило Н.В. Генрих сделать вывод о том, что «в некоторых случаях в рамках правоотношения государству противостоит не субъект преступления, а иные лица, непосредственно не связанные с совершением преступления»; таких лиц предложено именовать «субсидиарными участниками уголовно-правового отношения»¹. В рамках такой концепции, которая, однако, по мысли ее автора, исключает их круга субъектов уголовно-правового отношения невменяемых лиц и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, понятие субъекта уголовно-правового отношения фактически уравнивается с понятием субъекта ответственности (если понимать под ответственностью в данном случае все меры правового воздействия, которые потенциально могут последовать в случае совершения преступления и которые предусмотрены в УК РФ) и включает в себя как лиц, совершивших преступление, так и иных

¹ Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – С. 169, 174.

субъектов – представителей несовершеннолетнего, юридических лиц, лиц, компенсирующих ущерб от преступления для целей освобождения от уголовной ответственности, лиц, которые не совершали преступления, но в отношении которых осуществляется конфискация имущества.

Однако детальное рассмотрение этой концепции выявляет ее некоторые существенные недостатки, связанные, прежде всего, с недифференцированной оценкой правового статуса рассматриваемых лиц. В частности, если допустить в круг субъектов уголовно-правового отношения представителей несовершеннолетнего, лиц, компенсирующий ущерб, и лиц, в отношении которых осуществляется конфискация имущества, то надо закономерно признать наличие у них и государства корреспондирующих прав и обязанностей именно в рамках уголовного права. Вместе с тем, таковых прав и обязанностей обнаружить не удастся. Родители, законные представители несовершеннолетнего, лица возмещающие ущерб берут на себя выполнение определенных функций по уплате штрафа или компенсации ущерба добровольно, государство не может их к этому обязать и не может принять в отношении каких бы то ни было принудительных мер в случае отказа от исполнения этих функций. Если такие лица и состоят в правоотношениях, то не с государством, а с причинителем вреда, и отношения эти по своей природе гораздо ближе к гражданско-правовым, нежели к уголовно-правовым. А потому «субъекты ответственности» в данном случае не выступают субъектами уголовно-правовых отношений.

Иная логика должна быть применима к характеристике юридических лиц. Однако, по нашему убеждению, ей препятствует высказанное Б.В. Волженкиным и впоследствии широко растиражированное мнение о необходимости различения в характеристике юридических лиц статуса субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности. Как известно, Б.В. Волженкин писал, что юридических лиц нецелесообразно признавать субъектами преступления, но допустимо считать субъектами уголовной ответственности. Такой подход препятствует построению стройной

теоретической концепции. Быть субъектом уголовной ответственности можно только в рамках уголовно-правовых отношений, которые складываются в связи с фактом нарушения уголовно-правового запрета между государством и лицом, нарушившим запрет. Следовательно, признавая юридических лиц субъектами уголовной ответственности надо однозначно признать, что они получают таковой статус именно в силу того, что совершили преступление, то есть, иными словами, являются субъектами преступления. Вопрос о том, какова в данном случае конструкция состава преступления и как ответственность юридических лиц согласуется с принципом вины, приобретает самостоятельное и отдельное значение, его решение не зависит от признания юридических лиц субъектами уголовно-правового отношения.

В итоге, представленные рассуждения позволяют констатировать, что обладание лицом статусом субъекта ответственности с необходимостью предполагает его участие в уголовно-правовом отношении. Иной же вопрос – достаточно ли быть участником правоотношения, чтобы стать субъектом ответственности (или иначе – совпадают ли статусы участника правоотношения и субъекта ответственности), по нашему убеждению, должен быть решен отрицательно. И в этой связи нет никаких препятствий к тому, чтобы лиц невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, признавать субъектами уголовно-правовых отношений (с этим согласились 49% респондентов из числа научных работников). Существующие различия в определении процессуального порядка рассмотрения соответствующих дел надо признать следствием теоретической неопределенности в решении этой проблемы и недочетом законодательства, исправление которого требует дополнительных исследований, выходящих за пределы нашего предмета рассмотрения.

Таким образом, **основная характеристика субъекта уголовно-правового отношения, противостоящего государству, и находящемуся с ним в правовой связи, заключается в том, что этот субъект совершил**

общественно опасное и уголовно-противоправное деяние. Это не исключает, но напротив, предполагает возможность дифференциации субъектов уголовно-правового отношения на виды, в зависимости от их способности нести уголовную ответственность, а также в зависимости от иных уголовно-релевантных признаков.

Остается в теоретическом плане решить еще один вопрос: отношения, которые возникают в связи с фактом совершения общественно опасного деяния, между государством и (а) лицом, способным нести уголовную ответственность, (б) не способным к уголовной ответственности, (в) юридическим лицом, - это три самостоятельных вида уголовно-правового отношения или же одно. Как было показано, в литературе их традиционно признают отличными друг от друга видами правоотношений. Однако по нашему мнению, неизбежные в данном случае различия выражаются лишь в применении объективно различных мер уголовно-правового воздействия. В тоже время, методы регулирования отношений (императивный и диспозитивный), принципы регулирования отношений, цели такого регулирования остаются неизменными, что прямо вытекает, в частности, из решений Конституционного Суда РФ, требующего соблюдения единых стандартов для разрешения уголовно-правовых конфликтов, вызванных общественно опасным и уголовно-противоправным поведением вменяемых и невменяемых лиц¹. Представляется, что сущностно в данном случае имеет место один вид правоотношений (охранительных уголовно-правовых), в которых на стороне, противоположной государству, выступают различные субъекты.

Уголовно-правовой статус этих лиц (в настоящий момент можно говорить только о реальном статусе физических лиц – субъектов преступления и лиц, не подлежащих уголовной ответственности, поскольку вопрос об ответственности юридических лиц действующим УК РФ решен

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первого и запросом мирового судьи судебного участка N 43 города Кургана».

отрицательно), разумеется, имеет отличия, вызванные их специфическими характеристикам, потребностями и интересами. Надо признать также разумеющимся то обстоятельство, что в доктрине и в конституционной практике наиболее разработан статус именно лица, совершившего преступление и способного нести за него уголовную ответственность. Полагаем вполне оправданным в последующем изложении, опираясь на решения Конституционного Суда РФ, сделать акцент именно на правах и обязанностях этого субъекта, памятуя о том, что в уголовно-правовых отношениях субъектами выступают и иные лица.

Итак, в позиционировании статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, принципиальное значение имеют следующие правовые позиции Конституционного Суда РФ.

- По смыслу статей 22, 46 (часть 1), 48, 118, 120 и 123 Конституции РФ, в уголовном судопроизводстве суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения..., исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства эти решения принимаются. Такая процедура предполагает **обязанность государства, в том числе органов судебной власти, охранять достоинство личности и обращаться с нею не как с объектом государственной деятельности, а как с равноправным субъектом, который вправе защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов¹.**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева»; Постановление Конституционного Суда РФ от 3.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна»; Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под

- Из содержания уголовно-правового отношения между государством и гражданином вытекает не только обязанность последнего соблюдать уголовно-правовые запреты, но и право требовать от государства соблюдения установленных пределов уголовно-правового воздействия¹.

- Государство законодательно устанавливает необходимый комплекс гарантий права на справедливое судебное разбирательство с учетом специфики конкретной отрасли права, поскольку гарантии, которых будет достаточно, например, для гражданского судопроизводства, должны существенным образом дополняться в уголовном судопроизводстве. **Необходимой гарантией судебной защиты и справедливого разбирательства дела является равно предоставляемая сторонам возможность довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела, поскольку только при этом условии в судебном заседании реализуется право на эффективную судебную защиту.** Во всяком случае лицо, подвергаемое уголовному преследованию, - вне зависимости от его уголовно-процессуального статуса (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или осужденный), - если оно изъявляет желание участвовать в судебном заседании, не может быть лишено возможности заявлять отводы и ходатайства, знакомиться с позициями других участников судебного заседания и дополнительными материалами, давать объяснения по рассматриваемым судом вопросам (Постановления от 10 декабря 1998 года № 27-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П и от 11 мая 2005 года « 5-П; определения от 10 декабря 2002 года № 315-О, от 25 марта 2004 года № 99-О, от 11 июля 2006 года № 351-О, от 16 ноября 2006 года № 538-О и др.)².

стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан»

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко».

² Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их

- Называя в числе неотчуждаемых прав человека право каждого на судебную защиту его прав и свобод, Конституция РФ гарантирует **возможность обжалования в судебном порядке решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц, а также право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц** (статья 46, части 1 и 2; статья 53), и одновременно устанавливает, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого (статья 49, части 2 и 3), никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, а если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (статья 54, часть 2)¹.

- При решении вопроса о возбуждении уголовного дела **должны обеспечиваться интересы лица, в отношении которого подано заявление о привлечении к уголовной ответственности, с тем чтобы уголовное дело не было возбуждено, а это лицо не было поставлено в положение подозреваемого - вопреки статье 49 (часть 1) Конституции РФ - без достаточных к тому оснований**².

- **Необоснованное уголовное преследование - это грубое посягательство на человеческое достоинство, а потому возможность**

конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».

² Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

реабилитации, т.е. восстановления чести, доброго имени опороченного неправомерным обвинением лица, а также обеспечение проверки законности и обоснованности уголовного преследования и принимаемых процессуальных решений (в случае необходимости - в судебном порядке) являются непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности, презумпции невиновности, права каждого на защиту, в том числе судебную, его прав и свобод¹.

- Государство, обеспечивая - на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости - пострадавшим от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности лицам эффективное и полное восстановление в правах, **обязано гарантировать им и максимально возможное возмещение причиненного вреда**; при этом, по смыслу статьи 49 Конституции РФ, на гражданина не может быть возложена обязанность доказывания оснований для возмещения вреда, непосредственно связанная с доказыванием невиновности в совершении преступления; **как более слабая сторона в правоотношении, он не должен подвергаться излишним обременениям**; соответственно, предусматривая в этих целях наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных и обусловленные спецификой их **правового статуса как лиц, нуждающихся в особых гарантиях защиты своих прав**, федеральный законодатель обязан создавать такие процедурные условия, которые, не подвергая сомнению принцип исполнимости принятых решений о выплатах компенсации вреда указанным лицам, способствовали бы скорейшему определению его размера и возмещению (постановления от 2 марта 2010 года № 5-П, от 14 июля 2011 года № 16-П, от 19 июля 2011 года № 18-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения от 8 апреля 2010 года

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко».

№ 524-О-П, от 2 ноября 2011 года № 1463-О-О и № 1477-О-О, от 2 июля 2013 года № 1058-О, от 2 апреля 2015 года № 708-О и др.)¹.

- Признавая необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод граждан в правоотношениях, связанных с публичной ответственностью, в частности уголовной, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из статей 17, 19, 45, 46 и 55 Конституции РФ и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека в качестве высшей ценности, в том числе посредством справедливого правосудия (Постановления от 12 мая 1998 года № 14-П, от 11 мая 2005 года № 5-П и от 27 мая 2008 года № 8-П). Приведенные правовые позиции, сохраняющие свою силу, распространяются и на правоотношения по реабилитации, возникающие в производстве по делам частного обвинения, которые остаются в сфере действия главы 18 УПК РФ в той мере, в какой **вред, причиненный при осуществлении уголовного преследования частным обвинителем, является следствием незаконных решений со стороны рассматривающего данное дело мирового судьи или суда вышестоящей инстанции**, что предполагает право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда как органа государственной власти или судьи как его должностного лица, и корреспондирующее ему публично-правовое обязательство РФ как демократического и правового государства перед пострадавшими при отправлении правосудия от действий уполномоченных им органов и должностных лиц².

- **Обязанность компенсации морального вреда несет либо государство - в тех случаях, когда причинителем вреда является суд,**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко».

либо частный обвинитель - если вред причинен только его незаконными действиями. Независимо от того, кто именно выступает причинителем вреда - частное лицо или государство в лице суда, моральный вред, причиненный гражданину в связи с производством по уголовному делу частного обвинения, подлежит компенсации в порядке гражданского судопроизводства. Касаясь вопроса о необходимости учета вины частного обвинителя при разрешении судом спора о компенсации вреда, причиненного необоснованным уголовным преследованием, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 28 мая 2009 года № 643-О-О указал, что **реализация потерпевшим его процессуальных прав по делам частного обвинения не является основанием для постановки его в равные правовые условия с государством в части возмещения вреда в полном объеме и независимо от наличия его вины**¹.

- Непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности является **право каждого осужденного за преступление просить о смягчении наказания.** Данное право, гарантирующее осужденному возможность смягчения его участи вплоть до полного снятия всех ограничений в правах и свободах, которые установлены для него обвинительным приговором, принадлежит каждому осужденному независимо от того, за совершение какого преступления он был осужден, какое наказание ему назначено и каковы условия его исполнения. При этом однако **Конституция РФ не гарантирует право быть амнистированным каждому, кто совершил преступление** (Государственная Дума уполномочена объявлять амнистию и определять в рамках установленных Конституцией принципов конкретные основания и пределы амнистирования отдельных категорий лиц, совершивших преступления, предусматривая те

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Морозовой Лидии Викторовны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации».

правовые последствия амнистии, которые она сочтет целесообразными¹). Конституционное право осужденного просить о смягчении наказания предполагает обязанность государства урегулировать соответствующий процессуальный порядок рассмотрения такой просьбы. Реализуя эту обязанность, федеральный законодатель в нормах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства устанавливает конкретные условия, при которых каждый из предусмотренных законом видов смягчения наказания может применяться и при которых, соответственно, может быть реализовано право осужденного просить о смягчении наказания. Поскольку установление наличия оснований для освобождения осужденного от отбывания наказания и принятие решения о его применении - прерогатива суда, осужденному должно быть обеспечено право обратиться именно к суду с соответствующей просьбой².

- По смыслу положений Конституции РФ и международно-правовых актов, **произвольное изменение правового режима для лица, в отношении которого вынесен окончательный приговор, невозможно** - поворот к худшему для осужденного (оправданного) при пересмотре вступившего в законную силу приговора, как общее правило, недопустим. Вместе с тем Конвенция о защите прав человека и основных свобод проводит различие между повторным обвинением или повторным преданием суду за одно и то же преступление, которые запрещены, и возобновлением дела в исключительных случаях. При этом **исключения из общего правила о запрете поворота к худшему допустимы лишь в качестве крайней меры, когда неисправление судебной ошибки искажало бы саму суть правосудия**, смысл приговора как акта правосудия, разрушая необходимый

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2003 № 3-П по делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова».

баланс конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных и потерпевших. Отсутствие возможности пересмотра окончательного судебного решения в связи с имевшим место в ходе предшествующего разбирательства существенным (фундаментальным) нарушением, которое повлияло на исход дела, означало бы, что - вопреки принципу справедливости и основанным на нем конституционным гарантиям охраны достоинства личности и судебной защиты прав и свобод человека - такое ошибочное судебное решение не может быть исправлено¹.

- Конституция РФ закрепляет **обязанность государства осуществлять комплекс мер, обеспечивающих не только безопасность личности от преступных и иных общественно опасных посягательств, но и получение гражданами необходимой медико-социальной помощи** с учетом права каждого свободно принимать решение об обращении за медицинской помощью и о прохождении курса лечения. Отсутствие соответствующих правовых гарантий означало бы недопустимое вмешательство государства в сферу индивидуальной свободы, которая может быть ограничена только в конституционно значимых целях и только в определенных, установленных федеральным законом случаях. К числу таких случаев относится наличие у лица психического расстройства, обуславливающего непосредственную опасность для него или окружающих, о существовании которой свидетельствует, в частности, совершение им общественно опасного деяния, содержащего совокупность объективных признаков преступления².

Разумеется, эти решения Конституционного Суда РФ презентуют далеко не все права, обязанности и интересы, которые образуют правовой статус лица, совершившего общественно опасное деяние, в рамках

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перлова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».

уголовного правоотношения. К разряду конституционно установленных следует отнести и непосредственно зафиксированные в учредительном документе страны, такие права, как:

- право считаться невиновным, пока виновность не будет доказана в установленном порядке вступившим в силу приговором суда (ч. 1 ст. 49);
- право на толкование всех неустранимых сомнений в виновности в пользу лица, совершившего преступления (ч. 3 ст. 49);
- право не быть судимым дважды за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50);
- право на применение для оценки преступления только действующего закона, с учетом правил обратной силы (ст. 54);
- право граждан не быть выданным иностранному государству, право иностранных граждан на получение политического убежища (ст. 61, 63);
- право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод (ч. 3 ст. 46).

В целом надо признать, что уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, урегулирован в Конституции РФ достаточно полно. При этом обращает на себя внимание два обстоятельства: во-первых, в отличие от статуса государства, статус лица, совершившего преступление, именно в тексте самой Конституции РФ представлен более непосредственно, он не столько выводится из Конституции, сколько закрепляется в ней; и во-вторых, **в отличие от статуса государства, здесь в большей степени фиксируются права лица, совершившего преступление, нежели его обязательства.**

Подводя итоги исследованию вопроса о статусе личности в уголовно-правовых отношениях, полагаем возможным сформулировать несколько основных выводов:

- Единственным субъектом, который в уголовно-правовых отношениях противостоит государству, выступает лицо, совершившее предусмотренное УК РФ деяние. При этом Конституция РФ и закон допускают несовпадение

статусов субъекта уголовной ответственности и субъекта уголовно-правового отношения. Это не исключает, но напротив, предполагает возможность дифференциации субъектов уголовно-правового отношения на виды, в зависимости от их способности нести уголовную ответственность. Однако это не отменяет того обстоятельства, что правовые отношения, возникающие в связи с совершением предусмотренного УК РФ деяния всеми этими лицами являются уголовно-правовыми.

- В позиционировании статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, принципиальное значение имеют правовые позиции Конституционного Суда РФ, обобщение которых позволило выявить комплекс его прав и обязанностей: право требовать от государства обращение к себе не как у объекту государственной деятельности, а как к равноправному субъекту, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов; право требовать от государства соблюдения установленных пределов уголовно-правового воздействия; право довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов уголовного дела; право обжалования в судебном порядке решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц; право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц; право на защиту от необоснованного уголовного преследования, возмещение причиненного им вреда, эффективное и полное восстановление в правах; право просить о смягчении наказания и др.).

- Решения Конституционного Суда РФ презентуют далеко не все права, обязанности и интересы, которые образуют правовой статус лица, совершившего общественно опасное деяние, в рамках уголовного правоотношения. К разряду конституционно установленных следует отнести и непосредственно зафиксированные в учредительном документе страны права лиц, совершивших преступления. При этом надо признать, что

уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, урегулирован в Конституции РФ достаточно полно. Обращает на себя внимание два обстоятельства: во-первых, в отличие от статуса государства, статус лица, совершившего преступление, именно в тексте самой Конституции РФ представлен более непосредственно, он не столько выводится из Конституции, сколько закрепляется в ней; и во-вторых, в отличие от статуса государства, здесь в большей степени фиксируются права лица, совершившего преступление, нежели его обязательства, что связано с конституционным пониманием личности в качестве «слабой стороны» уголовно-правового отношения, которую нельзя подвергать излишним обременениям.

Глава 3.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ПРОТИВОПРАВНОСТИ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

§ 1. Неправомерность деяния как конституционный критерий криминализации и признак преступления

Противоправность, несмотря на то что сам этот термин не используется в нормативной дефиниции ч. 1 ст. 14 УК РФ, всеми специалистами в области уголовного права однозначно признается одним из признаков преступления. Вместе с тем, содержание этого признака, его место в системе признаков преступления, правовое и социальное значение продолжают вызывать острые дискуссии¹, значение которых, в действительности, выходит далеко за пределы интеллектуальных упражнений теоретиков права и имеет прямое отношение к нормативной практике криминализации и судебной проверке соблюдения ее конституционных стандартов².

Отношение к признаку противоправности преступления в нашей науке развивалось через ряд последовательных диалектических отрицаний и имеет выраженный исторический контекст. К настоящему времени оформился корпус основных дискуссионных вопросов учения о противоправности, решение которых создает самые различные теоретические концепции, в которых, к сожалению, конституционные аспекты интерпретации этого признака практически не рассматриваются.

Обзор научной литературы позволяет выявить два направления в дискуссии о противоправности: первое связано с нормативным

¹ См. об этом, например: Пудовочкин Ю.Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 70 – 81.

² В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – М.: Юрлитинформ, 2020; Гузеева О.С. Противоправность как направленность преступления // Законы России. – 2021. – № 2. – С. 94 – 100; Гузеева О.С. Противоправность преступления как предусмотренность его уголовным законом // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности: сб. материалов круглого стола (г. Тольятти, 24.11.2020) / редкол. В.К. Дуюнов, Р.В. Закомолдин. – Самара: САМАРА, 2020. – С. 93 – 97.

пониманием противоправности как предусмотренности преступления в уголовном законе, второе – с теоретическим представлением о противоправности как особой направленности преступного деяния.

Каждое из них заслуживает в рамках настоящей работы некоторого анализа. Для уяснения исходных параметров последующего изложения полагаем необходимым сделать несколько предварительных оговорок:

- во-первых, далее мы будем по преимуществу рассуждать о тех преступлениях, которые не подверглись конституционной дисквалификации, то есть о деяниях, криминализация которых проведена законодателем с соблюдением конституционных критериев и стандартов¹, или иначе – о правомерно криминализованных деяниях, поскольку неконституционная криминализация всегда означает нарушение тех или иных прав человека и вместе с тем превышение или злоупотребление правомочиями со стороны государства, которые должны исследоваться самостоятельно;

- во-вторых, мы будем использовать термин «неправомерность», который нельзя отнести к числу устоявшихся в уголовно-правовой доктрине, но который представляется необходимым для того, чтобы, с одной стороны, различать несовпадающие оттенки традиционных понятий «противоправность» и «уголовная противоправность», а с другой стороны, чтобы интегрировать рассуждения о противоправности и злоупотреблении правом, которое некоторыми специалистами не признается в качестве правонарушающего поведения.

Противоправность как предусмотренность в законе

Это направление в понимании признака противоправности содержательно восходит к требованиям принципа законности *nullum crimen sine lege*, а его активная разработка исторически была связана с нормативным запретом применения уголовного закона по аналогии в УК РСФСР 1960 г.

¹ О конституционных критериях криминализации см., например: Пудовочкин Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. – 2008. – № 5. – С. 76 – 84; Елинский А.В. Конституционные основания криминализации общественно опасных деяний в свете решений Конституционного Суда России // Российский следователь. – 2010. – № 17. – С. 21 – 23.

Отсюда – широко распространенная, хотя и в современных условиях и малосодержательная, на наш взгляд, дискуссия о соотношении противоправности и общественной опасности и значимости этих признаков в определении понятия преступления¹. Думается, что расстановка акцентов в данном случае занятие малопродуктивное, а сама дискуссия имеет в большей степени идеологическое, нежели собственно уголовно-правовое значение.

В содержательном отношении важнее заметить, что противоправность как предусмотренность деяния уголовным законом в аспекте упомянутого принципа законности включает в себя три компонента, имеющих различное отношение к непосредственной дефиниции преступления:

- Во-первых, противоправность означает, что преступление должно быть описано в законе. Юридической основой такого тезиса выступают ч. 2 ст. 54 и п. «о» ст. 71 Конституции РФ, корреспондирующие им предписания ст. 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ч. 1 ст. 1 и ст. 3 УК РФ. Это направление в исследовании противоправности имеет прочную эмпирическую основу в проверочной практике Конституционного Суда РФ в части, посвященной требованиям, предъявляемым к качеству уголовного закона, его определенности и предсказуемости. В этом отношении противоправность имеет малое касательство собственно к теме преступления и должна рассматриваться как часть учения об уголовном законе, источниках уголовного права, пределах судебного толкования уголовного закона, отграничении толкования от применения закона по аналогии.

¹ Так, если А.В. Наумов пишет, что в современных условиях необходимо «действительно отказаться от принятой трактовки взаимосвязи этих признаков, когда в основу определения [преступления] кладется материальный признак (общественная опасность), а формальный признак (уголовная ответственность) объявляется производным от него. ... в правовом государстве первое место должен занять признак противоправности» (Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т.1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 276); то Н.Ф. Кузнецова доказывает, что «аргументация, при которой противоправность объявляется первичной, а общественная опасность – вторичной, непригодна по существу, методологически ущербна, политизирована вопреки конституционному установлению об идеологическом и политическом плюрализме» (Кузнецова Н.Ф. Определение понятия преступления // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3. Понятие преступления. – СПб.: Изд. Проф. Малинина, 2005. – С. 76).

- Во-вторых, противоправность как предусмотренность предполагает, что каждое преступление должно быть описано в законе определенным образом, а именно так, чтобы и гражданин, и правоприменитель имели четкое представление о признаках, позволяющих отграничить преступление от иных правонарушений и правомерных деяний. Конституционный Суд РФ высказался на этот счет вполне определенно: «Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что уголовный закон ясно и четко определяет признаки преступления, отграничивая его от иных противоправных и тем более – от законных деяний»¹. Этот аспект противоправности восходит к конституционным требованиям качества и доступности уголовного закона, однако в более практическом, прикладном аспекте его действия и связан с проблематикой конструирования составов преступлений². Соответствие деяния нормативно зафиксированному составу преступления выступает одним из важнейших условий реализации уголовной ответственности за него. Однако такое «соответствие закону» в традиционном понимании нашей науки составляет компонент учения не о преступлении как таковом, а о квалификации деяния как преступления³.

¹ См. п. 5.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² Как указал Конституционный Суд РФ, «наличие состава правонарушения является ... необходимым основанием для всех видов юридической ответственности, при этом признаки состава правонарушения, прежде всего в публично-правовой сфере, как и содержание конкретных составов правонарушений, должны согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства, включая требование справедливости, в его взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами как субъектами юридической ответственности». См. п.1.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товариществ с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова»; см. также: Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 571-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Чебаркульская птица» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем четвертым пункта 8 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации».

³ Попутно заметим, что признак «соответствия деяния составу», при специфическом, отличном от принятого в российской науке, понимании исходных терминов «деяние» и «состав», рассматривается необходимым элементом преступления в немецкой доктрине. См. об этом: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: Проспект, 2004. – С. 127 – 132.

- В-третьих, противоправность преступления предполагает его запрещенность под угрозой применения уголовного наказания, что позволяет некоторым специалистам ставить знак равенства между противоправностью и наказуемостью. Здесь следует акцентировать внимание на двух моментах.

Прежде всего, противоправность как наказуемость не предполагает с необходимостью реального применения наказания, в связи с чем в этом аспекте она рассматривается как возможное, но не обязательное последствие преступления, а не как его признак¹, а реализация предусмотренных законом норм, направленных на освобождение от наказания и ответственности, не исключает того, что соответствующее преступление утрачивает свойства противоправного и запрещенного деяния². На этом основана и конституционная концепция освобождения от ответственности, признающая все основания такого освобождения нереабилитирующими³.

Второй момент более важный, как представляется. В соответствии с ним преступление должно быть по закону «обложено» именно уголовным наказанием. Вопросы, связанные с уголовным наказанием и его конституционными основаниями, будут рассмотрены нами в последующей главе. Здесь же отметим, что теория и практика исходят из принципиально возможного несовпадения двух феноменов: «уголовное наказание» и «наказание, предусмотренное в уголовном законе». В связи с чем, было бы ошибкой считать преступлением деяние, которое хотя и описано в уголовном кодексе, но влечет, согласно его положениям, применение неуголовных санкций. Такая ситуация имела место в УК РСФСР 1960 г., в котором, в частности, ст. 239 «Неисполнение приказа» предусматривала, что неисполнение приказа начальника (совершенное при отсутствии признаков, указанных в п. «а» ст. 238 УК РСФСР), совершенное при наличии смягчающих обстоятельств, влечет применение правил Дисциплинарного

¹ Кузнецова Н.Ф. Определение понятия преступления // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3. Понятие преступления. – СПб.: Изд. Проф. Малинина, 2005. – С. 87;

² Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1963. – С. 77 – 85.

³ См.: Пудовочкин Ю.Е., Генрих Н.В. Конституционно-правовые основы освобождения от уголовной ответственности // Российское правосудие. – 2020. – № 5.

устава Вооруженных Сил СССР. Гораздо сложнее вопрос о том, можно ли считать преступлением деяние, которое влечет применение уголовных, по сути своей, санкций, но предусмотрено не уголовным, а иным законом. В современной практике этот вопрос непосредственно связан с упоминавшимся уже понятием «уголовной сферы», выработанным решениями Европейского Суда по правам человека, и основанной на них международно-правовой обязанностью государств обеспечить надлежащую защиту права обвиняемого на справедливый суд, если ему предъявлено «уголовное обвинение». С позиций учения об «уголовной сфере», «уголовного обвинения» нет принципиальных различий в наказании за преступления и некоторые административные правонарушения. Однако на этой основе нельзя делать вывод о том, что единство «уголовной наказуемости» уравнивает преступление с иными деяниями, составляющими материально-правовую основу «уголовного обвинения», поскольку наказуемость не является единственным признаком преступления, а вопросы разграничения преступлений и иных правонарушений должны решаться с учетом иных критериев и признаков, в частности, с учетом представлений об общественной опасности.

Таким образом, **учение о противоправности преступления как его предусмотренности в уголовном законе под угрозой применения уголовного наказания (именуемая часто специфическим термином «уголовная противоправность»), составляя важную часть общей теории уголовного права, имеет малое отношение к характеристике собственно признаков преступления.** Это учение не раскрывает сущностных свойств преступления, его природу. Оно в большей степени ориентировано на разработку надлежащей нормативной инфраструктуры противодействия преступлениям и обеспечение гарантий прав личности в ее взаимоотношениях с государством в сфере регулирования уголовно-правовых отношений. Разработка этого аспекта противоправности связана с конструированием уголовно-правового запрета (в его диспозитивной и

санкционной части), квалификацией преступлений судом на основании закона и обеспечением права человека на справедливый суд и защиту от уголовного обвинения. Но противоправность преступления как его предусмотренность в законе не характеризует само преступление как правонарушение, как деяние, противное установленному правопорядку, она отражает лишь законный, соответствующий праву порядок установления ответственности за него. Такое понимание противоправности в целом восходит еще к учению Н.С. Таганцева, который развивая идеи Биндинга, писал: «Всякий закон уголовный содержит в себе описание преступного деяния (диспозитивная часть) и назначенное за него наказание (санкция), но описание логически не может быть нарушено; напротив того, для применения закона уголовного безусловно необходимо, чтобы учиненное было юридически тождественно с диспозицией закона, с его определением»; «закон, который нарушается, логически в идее и даже фактически по времени (обыкновенно, хотя и не всегда) должен предшествовать закону, по коему наказывается нарушитель»¹. В содержательном плане то, что рассмотрено здесь в качестве «уголовной противоправности» тождественно «правомерности установления уголовно-правового запрета».

Противоправность как направленность преступления

Принципиально иной вектор рассуждений задает трактовка противоправности как направленности преступления. В отличие от рассмотренного выше, он дает представление о преступлении как о деянии, нарушающем право (правопорядок), а потому имеет прямое отношение к раскрытию сущности преступления, его имманентных свойств, значимых для решения базовых проблем криминализации общественно опасных деяний. Не различать аспекты противоправности методологически не верно. Совершенно прав Г.П. Новоселов, когда пишет: «нельзя объединять в рамках одного и того же понятия противоправности две исключаящие друг друга

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 24.

характеристики преступления: несоответствие деяния нормам права (или, как ранее говорилось, правопорядку в целом) и соответствие деяния уголовному закону»¹.

Учение о противоправности как направленности преступления против существующего правопорядка в содержательной части также не является однородным. Оно распадается на два направления, имеющих различное отношение к теме нашей работы.

Первое, вполне очевидное направление исследования противоправности, предполагает обращение к сложному комплексу вопросов, составляющих широкую дискуссию об объекте преступления. Здесь противоправность восходит к нормативистской (нормативной) теории объекта преступления, в соответствии с которой таковым признавалась норма права (писанного или неписанного²). Ее вариацией следует признать взгляд на объект преступления как на право (общее или частное)³, а современной версией – признание объектом преступления правоотношений⁴. При всей безусловной познавательной значимости этой дискуссии позволим себе оставить ее детальный анализ за пределами текста диссертации, поскольку его результаты в конечном итоге имеют своим назначением определить круг объектов, посягательство на которые стоит признавать преступлениями. Напомним лишь один значимый момент, связанный с пониманием сферы преступного в практике Европейского Суда по правам человека. Обращаясь в известном деле «Энгель против Нидерландов» к

¹ Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. – М.: Норма, 2001. – С. 110.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 24.

³ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительного Н. Неклюдова Т.1. Часть Общая. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867. – С. 400. В современных условиях эта градация косвенно находит отражение и развитие в суждениях Конституционного Суда РФ о том, что в зависимости от особенностей объекта посягательства преступление причиняет вред (или создает угрозу причинения вреда) либо потерпевшему, либо обществу или государству, что учитывается при конструировании состава конкретного преступления. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 650-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 251 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Винокуров В.Н. Объект преступления: Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 51 – 66.

разработке критериев понимания «уголовной сферы», Суд констатировал в п. 82 постановления: «когда военнослужащий обвиняется в каком-либо действии или бездействии, противоречащем правовой норме, регулирующей деятельность вооруженных сил, государство в принципе может применить против него дисциплинарное, а не уголовное право»¹. Развивая этот тезис, следует признать, что характер правовой нормы, предписание которой нарушено лицом, имеет значение для отнесения случаев ее нарушения к преступлениям или к иным правонарушениям. Только нарушение нормы, имеющей общий характер, распространяющей свое действие на всех граждан, но не локального нормативного акта, может претендовать на статус преступного.

Второе направление в исследовании противоправности как направленности в контексте нашей работы представляет большой интерес и предполагает анализ не внешней ориентации преступного деяния, а его внутренних свойств, его юридической характеристики, которая служит предпосылкой к криминализации. О значимости этого аспекта в познании противоправности писал А.Э. Жалинский (хотя его призыв к активизации исследований остался по большей части не услышанным в науке): «Здесь принимается подход к признаку противоправности преступления как к фактической и нормативно-правовой оценке деяния, выраженной в решении законодателя о том, что некоторое строго определенное в границах и по содержанию и структуре деяние запрещается уголовным законом с учетом того, что его совершение противоречит, прежде всего, Конституции РФ, а также и иным законам либо нормативным правовым актам, к ним приравненным»².

Именно в рамках этого направления имеет смысл говорить о неправомерности деяния, подлежащего криминализации, в известной степени противопоставляя неправомерность рассмотренным выше

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 08.06.1976. Дело «Энгель [Engel] и другие против Нидерландов» (жалобы № 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72 и 5370/72).

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 344.

противоправной направленности деяния и правомерности установления ответственности за его совершение. При этом, вслед за А.Э. Жалинским, надо подчеркнуть, что слово «деяние» в рассматриваемом контексте не равно «преступлению», это именно деяние как сознательно-волевой поступок человека, который еще только может быть, с учетом иных критериев, признан на законодательном уровне преступлением.

Неправомерность деяния предшествует его криминализации и выступает одним из неперенных условий криминализации (что признали верным 68% опрошенных нами специалистов). Неправомерные деяния могут обладать различными показателями общественной опасности, быть направленными против различных правовых благ и отношений, совершаться с различной виновностью, могут требовать в силу принципа соразмерности различных мер правового воздействия к субъектам неправомерного поведения. Только часть неправомерных деяний оценивается законодателем в качестве преступлений. Но неправомерность – базовый, исходный признак любого преступления, лежащий в основе принятия решения о криминализации.

С точки зрения конституционных начал регулирования ответственности вообще, и уголовной ответственности в частности, **требование неправомерности деяния как условия (или критерия) криминализации означает, прежде всего, недопустимость признания на уровне закона преступлением деяния правомерного.** Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; в соответствии с ч. 3 ст. 17, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц; а согласно ч. 2 ст. 54, никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Отсюда, как отмечают специалисты, «имплицитно закрепленная в Конституции РФ (прежде всего в ст. 2, 17 и 18) сводная установка должного предполагает исключительно такое развитие и

законодательное оформление российского позитивного права, которые оптимизировали бы возможности надлежащего пользования основными правами и свободами человека и гражданина, выполнения конституционных обязанностей»¹.

Отмеченные конституционные положения лежат в основе определения правомерного поведения, под которым справедливо понимать поведение личности, «выражающееся в ее взаимоотношениях с другими субъектами, ограниченное их правами и свободами, которое не противоречит (соответствует) позитивному праву либо складывающимся общественным отношениям (в случаях, когда они являются источником права), признаваемым справедливыми в конкретном обществе в определенное время»².

Реализация человеком его прав и свобод, когда это происходит в пределах самого права, в соответствии с целями и смыслом этого права, с соблюдением в необходимых случаях порядком его реализации, ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве предосудительного с юридической точки зрения поведения. При этом важно, что такое правомерное поведение всегда объективно ограничено правами и свободами иных лиц, которые не могут быть ущемлены в процессе правомерной деятельности субъекта. А потому, если правомерное осуществление одним лицом своих прав и свобод влечет неблагоприятные последствия для прав и свобод иных лиц, закон может допускать применение определенных санкций, направленных на восстановление общего баланса прав и свобод. Однако эти санкции в любом случае не могут расцениваться как ответственность за неправомерное поведение³.

¹ Крусс В.И. Диалектика конституционализации и взаимодействие правовых систем в контексте глобализации // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5 (98). – С. 27.

² Ковалева Е.Л. Правомерное и противоправное поведение, их соотношение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 8. Дословно воспроизводит это определение Н.Ю. Фролова, см.: Фролова Н.Ю. Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории (общетеоретический аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2010. – С. 8.

³ Этот вполне очевидный тезис нашел свое подтверждение в практике Конституционного Суда РФ в связи с рассмотрением дела Т.И. Беляевой. Заявительница инициировала в порядке частного обвинения уголовное дело по обвинению нескольких лиц в клевете и оскорблении. Это дело в последующем было

В сфере уголовного права, пожалуй, впервые, вопрос об ответственности за осуществление правомерных деяний был поставлен перед Конституционным Судом РФ в 1995 году в связи с запросом о проверке положений ст. 64 УК РСФСР, предусматривающих ответственность за измену Родине в форме бегства за границу. Тогда Суд четко констатировал: «правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может рассматриваться как нанесение ущерба суверенитету Российской Федерации, обороне страны и безопасности государства и влечь для него неблагоприятные правовые последствия, в частности в форме уголовной ответственности за государственную измену (измену Родине). ... Ограничения права свободно выезжать за пределы Российской Федерации, как и любого иного конституционного права, допустимы в строго определенных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целях. Эти ограничения не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией и законами Российской Федерации».

прекращено в связи с отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления. По иску одного из них суд присудил взыскать с Беляевой материальный ущерб и компенсацию морального вреда, причиненных уголовным преследованием. По мнению заявительницы, нормы ГК РФ, послужившие основой такого решения, допускают возможность признания лица причинителем вреда при совершении им правомерных действий (т.е. при обращении в суд в порядке частного обвинения) и, соответственно, предполагают обязанность частного обвинителя возместить этот вред. Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению, указав, что обращение к мировому судье с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности в порядке частного обвинения само по себе не может быть признано незаконным лишь на том основании, что в ходе судебного разбирательства предъявленное обвинение не нашло своего подтверждения. Возложение на частного обвинителя обязанности возместить лицу, которое было им обвинено в совершении преступления и чья вина не была доказана в ходе судебного разбирательства, понесенные им вследствие этого расходы не может расцениваться как признание частного обвинителя виновным в таких преступлениях, как клевета или заведомо ложный донос. Принятие решения о возложении на лицо обязанности возместить расходы, понесенные в результате его действий другими лицами, отличается от признания его виновным в совершении преступления как по основаниям и порядку принятия решений, так и по их правовым последствиям и не предопределяет последнего. Таким образом, положения гражданского права позволяют суду при рассмотрении каждого конкретного дела достигать такого баланса интересов, при котором равному признанию и защите подлежит как право одного лица, выступающего в роли частного обвинителя, на обращение в суд с целью защиты от преступления, так и право другого лица, выступающего в роли обвиняемого, на возмещение ущерба, причиненного ему в результате необоснованного уголовного преследования. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 1059-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Беляевой Татьяны Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части второй статьи 381 и статьей 39111 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Федерации, и влечь уголовную ответственность за бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы»¹.

В последующем Конституционному Суду не раз приходилось обращаться к вопросу о конституционности уголовно-правовых предписаний в связи с криминализацией правомерных или предполагаемо правомерных (с точки зрения заявителей) действий. Обобщение практики позволяет выделить здесь несколько значимых конституционных правил.

1. В ситуации неопределенности и противоречивости правового регулирования, когда одно и то же действие может расцениваться либо как правомерное, либо как противоправное, для целей привлечения к уголовной ответственности действие должно оцениваться как правомерное.

Соответствующее правило вытекает из постановления Конституционного Суда РФ по делу Н.В. Урюпиной в связи с проверкой конституционности положений ст. 222 УК РФ в части установления ответственности за продажу холодного оружия, представляющего предмет культурного наследия. Суд, в частности, указал. Осуществляя правовое регулирование в сфере оборота оружия, в том числе устанавливая основания уголовной ответственности за правонарушения, связанные с его незаконным оборотом, законодатель обязан – исходя из предназначения того или иного вида оружия, его исторической, культурной ценности и значимости – учитывать в том числе и правомочия собственников оружия по владению, пользованию и распоряжению им. Разграничить правомерный оборот оружия и противоправный, обеспечить дифференциацию мер ответственности за нарушение установленных правил его оборота, возможно только на основе принципов правовой определенности, равенства и справедливости, которые позволяют избежать несоразмерного, избыточного или произвольного применения мер правовой ответственности. Соответственно, уголовная ответственность за правонарушения в сфере оборота оружия может считаться

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова».

законно установленной не только при условии, что она адекватна общественной опасности того или иного правонарушения, но и при условии, что установленные в законе признаки этого правонарушения позволяют уверенно отграничивать его от иных противоправных и тем более – от законных деяний. Эти признаки должны быть ясно и четко определены уголовным законом, встроенным в систему правового регулирования. Анализ же судом нормативных положений, регулирующих оборот оружия, показал, что отсутствие специальной правовой регламентации порядка продажи допущенного в гражданский оборот холодного оружия, имеющего культурную ценность, приводит к необходимости выбора в конкретной правоприменительной ситуации между общими нормами различной отраслевой природы, одни из которых (нормы регулятивного права) не учитывают возможную опасность этого оружия для жизни и здоровья людей, а другие (нормы уголовного права) – его культурную и историческую значимость. В подобных условиях собственники такого оружия лишены возможности принять правильное решение, какими из этих норм, взаимно не согласованных и противоречивых, но имеющих одинаковую юридическую силу, надлежит руководствоваться при его продаже. Как следствие, они лишены возможности осознать противоправный характер своего поведения (соответствующего одному отраслевому режиму, но не отвечающего другому), тем более – его общественно опасный характер, а также предвидеть его правовые последствия, в том числе наступление уголовной ответственности. С учетом этих обстоятельств оспариваемые Н.В. Урюпиной положения уголовного закона были признаны неконституционными¹.

2. В ситуации, когда преступлением признается превышение допустимых пределов осуществления правомерной деятельности, объем правомерной деятельности не может составлять часть объема противоправного деяния.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной».

Поводом для постановки такого тезиса стали решения Конституционного Суда РФ по делу М.А. Асламазян (в нем проверялась конституционность ст. 188 УК РФ в части установленного ею объема денежных средств, недекларируемое трансграничное перемещение которых должно считаться контрабандой) и по делу ряда граждан, которые также оспаривали конституционность ст. 188 УК РФ в части установления размера стоимости предметов, перемещаемых через границу. Тогда Конституционный Суд РФ указал. Сам факт ввоза из-за границы валюты или товаров не рассматривается в действующем законодательстве как посягательство на охраняемые законом экономические интересы РФ, т.е. как деяние, представляющее общественную опасность. Противоправным и потому влекущим применение мер государственного принуждения, признается недекларируемый их ввоз лишь в сумме сверх разрешенной законом. Поскольку нормами об ответственности за нарушение порядка ввоза валюты и товаров в РФ затрагивается конституционное право собственности, то при установлении этой ответственности законодатель должен следовать требованиям соответствия вводимых ограничений конституционно значимым целям, а также обеспечивать соразмерность мер государственного принуждения общественной опасности совершенного деяния. Соответственно, нормы, вводящие юридическую ответственность, должны исключать расширительное их истолкование, с тем чтобы за правонарушения, являющиеся, по существу, административными, не допускалась одновременно возможность и уголовной ответственности. Тем более не должно иметь место такое регулирование, в результате которого уголовная ответственность вводится за совершение тех или иных действий, разрешенных законом, регулирующим соответствующую сферу отношений, т.е. законных по своему существу. Соответствующие положения ч. 1 ст. 188 УК РФ были признаны неконституционными в той мере, в какой они позволяли определять стоимость перемещаемых через границу валюты и товаров, исходя из общей суммы перемещаемых ценностей, без вычета той

части, которая разрешена к свободному перемещению¹.

3. Недопустимо причинение уголовно-релевантного вреда под прикрытием правомерных действий по реализации предоставленных гражданину прав и свобод.

Традиционно в практике Конституционного Суда этот вопрос возникает в связи рассмотрением преступлений, совершаемых в сфере экономической и предпринимательской деятельности. Общая формула закреплена в ряде решений и заключается в том, что уголовным законом «не предполагается возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих правомерные гражданско-правовые сделки»². Применительно к вопросам конституционности преступлений против собственности, Конституционный Суд РФ дополнительно указал:

- нормы УК РФ, устанавливая признаки мошенничества и определяя наказание за его совершение, не регламентируют гражданско-правовые вопросы³;

- привлечение к уголовной ответственности за мошенничество, присвоение или растрату, совершенные под прикрытием правомерной гражданско-правовой сделки, возможно лишь в случае, если будет доказано, что, заключая такую сделку, лицо действовало умышленно, преследуя цель хищения имущества или приобретения права на него⁴;

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова».

² Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2777-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирзояна Ваагна Тафтгоевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 160 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 2.06.2019 № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 78-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вишневого Андрея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 158 и статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 4 статьи 218 Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁴ Определение Конституционного Суд РФ от 29.01.2009 № 61-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Сухарева Александра Александровича на нарушение его

- мошенничество в сфере предпринимательской деятельности необходимо рассматривать как использование в целях хищения чужого имущества такого договора, обязательства по которому заведомо не будут исполнены (причем не вследствие обстоятельств, связанных с предпринимательским риском), что свидетельствует о наличии у субъекта преступления прямого преступного умысла. При этом самого по себе факта невыполнения договорных обязательств недостаточно для квалификации деяния по статье 159.4 УК РФ. Иное понимание положений статьи 159.4 УК РФ означало бы, что один только факт использования договора как юридической формы волеизъявления участников предпринимательской деятельности позволял бы рассматривать само по себе неисполнение лицом договорных обязательств в качестве достаточного основания для привлечения к уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности¹.

4. Недопустимо использовать ссылку на реализацию права в качестве средства защиты от обвинений в намеренном причинении вреда

Основанием к такому выводу служит несколько решений Конституционного Суда РФ. По одному из дел гражданином оспаривались положения, устанавливающие уголовную ответственность за заведомо ложный донос о совершении преступления в той мере, в какой они могут быть применены к осужденному, отбывающему наказание за совершение преступления на основании вступившего в законную силу приговора суда и сообщившему о причастности к этому преступлению иного лица, ранее не

конституционных прав статьей 147 Уголовного кодекса РСФСР и статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суд РФ от 2.07.2009 № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суд РФ от 29.05.2012 № 1049-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Вадима Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частями первой, третьей и четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Кучина Ивана Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 12, 167 и пунктом 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

привлекавшегося к ответственности за него. Конституционный Суд РФ отметил, что в случае заведомо ложного доноса о совершении преступления виновный посягает не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее достоинство, следовательно, такие действия, хотя и предпринятые в качестве инструмента своей защиты, не могут рассматриваться как допустимые¹. В другом случае оспаривалась конституционность положений ст. 310 УК РФ в той мере, в какой она позволяет привлекать к ответственности адвоката за разглашение данных предварительного следствия, которые были публично оглашены представителями стороны обвинения в судебном заседании. Суд признал, что несанкционированное разглашение данных предварительного расследования, хотя и предпринятое лицом в качестве инструмента своей защиты или в связи с исполнением обязанностей защитника, не исключает возможность ознакомления с данными предварительного расследования широкого круга лиц, которые не являются участниками уголовного судопроизводства, что ставит под угрозу нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, и следовательно, не может являться законным средством защиты прав подозреваемого, обвиняемого².

Недопустимость установления ответственности за правомерные деяния выступает, таким образом, общим правовым принципом криминализации, неправомерность деяния, соответственно, - условием установления за него уголовной ответственности, а отсутствие противоправности – обстоятельством, исключающим уголовную ответственность³. Это правило подтверждено и на международном уровне. В упомянутом решении по делу **Энгель против Нидерландов** (п. 81) ЕСПЧ указал, что **Конвенция о защите**

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 4.04.2013 № 661-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыяхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 6.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ См. об этом, например: Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов. – М.: РГУП, 2017; Дорогин Д.А. Исполнение закона как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. – М.: Юрлитинформ 2020.

прав человека и основных свободы предоставляет государствам свободу определять как уголовное преступление какое-либо действие или бездействие, отклоняющееся от нормального осуществления одного из прав, которые она защищает.

Такое «отклонение» от нормального осуществления прав и свобод нуждается в дополнительном теоретическом исследовании на предмет выявления его основных форм, надлежащая оценка которых (в совокупности с иными факторами) служит основой принятия законодательного решения об установлении за него уголовной наказуемости.

Анализ текста уголовного закона, проверочной практики Конституционного Суда РФ и доктринальных разработок по теме позволяет нам выявить две формы «отклонений», привносящих свою специфику в криминализационные процессы: злоупотребление правом, а также нарушение правового запрета и установленного порядка реализации права.

1. Злоупотребление правом.

Понятие злоупотребления правом не является в чистом виде уголовно-правовым; основные разработки в этой области относятся к сфере теории права и цивилистики.

Согласно ст. 10 Гражданского кодекса РФ, злоупотреблением правом признается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Толкуя эту норму, Верховный Суд РФ подчеркивает, что злоупотребление правом имеет место, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, а также не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность¹. Конституционный Суд РФ подтверждает, что запрет на злоупотребление

¹ Определение Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17. [Электронный ресурс]: <https://vsrf.ru/lk/practice/acts/?&numberExact=true&number=32-КГ14-17&actDateExact=off> (дата обращения: 14.05.2020).

правом в любых формах направлен на реализацию принципа, закрепленного в статье 17 Конституции РФ, в соответствии с которым осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц¹.

В свете обсуждаемой нами проблематики представляет несомненный интерес вопрос о соотношении понятия злоупотребления правом с правонарушением и преступлением как его разновидностью². В отраслевой литературе распространена позиция, согласно которой оспаривается бытующая в отечественной цивилистике трактовка злоупотребления правом как особого вида гражданского правонарушения³. Н.А. Ковалева прямо пишет, что злоупотребления субъективными гражданскими правами имеет отраслевую (гражданско-правовую) природу, а потому использования данной категории в публично-правовом регулировании, по меньшей мере, некорректно. «То, что называется злоупотреблением в доктрине и законодательстве уголовного, таможенного, административного отраслей права, не совпадает с понятием «злоупотребление правом» в гражданском законодательстве»⁴. Противоположное мнение высказано Т.С. Яценко, которая указывает, что шикана всегда есть правонарушение, выступающее как результат противоправного действия лица, совершаемого с прямым

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1808-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шуклина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем первого пункта 1 и пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Заметим, что в правовой литературе ведутся и иные значимые дискуссии по поводу того, является ли интерес в осуществлении субъективного права обязательным признаком злоупотребления правом (Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 9) либо не является (Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009. – С. 8); является ли обязательным признаком злоупотребления правом причинение вреда другому лицу (Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 8) либо не является (Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 17), а также ряд иных, связанных с определением форм злоупотребления правом, однако в рамках настоящей работы они не будут рассматриваться как имеющие подчеркнуто цивилистическое значение и не касающиеся напрямую уголовно-правовой проблематики.

³ См.: Ибрагимова М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: Понятие, сущность, виды и последствия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005; Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009. – С. 7.

⁴ Ковалева Н.А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 11.

умыслом. При этом под противоправностью шиканы ею понимается нарушение управомоченным лицом установленной в п. 1 ст. 10 ГК РФ обязанности не совершать действий по реализации своего права, направленных на причинение вреда другому лицу¹.

Погружаясь в эту проблему, с учетом предмета и направленности нашего исследования, надо напомнить сделанную выше оговорку относительно того, что в качестве злоупотребления правом нами рассматривается не само по себе преступление в единстве всех его признаков, описанных в составе, а именно деяние как сознательно-волевое действие или бездействие лица. С этой точки зрения предстоит решить вопрос о том, обладает ли злоупотребление правом юридическим свойством неправомерности, которое позволяет его криминализировать, или же злоупотребление правом есть правомерное деяние, истоки криминализации которого кроются не в свойствах неправомерности, а в иных его признаках, и прежде всего, в причиняемом вреде. Иначе проблема может быть поставлена следующим образом: является ли преступное деяние, связанное с реализацией субъектом его гражданских прав и свобод, по своей юридической природе проявлением злоупотребления субъективным правом. И соответственно, могут ли быть конституционные стандарты защиты от злоупотребления правом служить правовым оправданием криминализации. При этом важно подчеркнуть, что теоретическая конструкция «злоупотребление правом» не ограничена сферой реализации исключительно гражданских прав участников гражданского оборота, но приложима к характеристике использования любых субъективных прав, включая права конституционные (что вполне доказывается проверочной практикой Конституционного Суда РФ, которая будет приведена далее).

В уголовно-правовой литературе этот вопрос, как правило, специально не обсуждается. В теории права и цивилистике на этот счет высказаны, как

¹ Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: автореф дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 8.

минимум, две несовпадающие позиции. Так, А.Е. Наумов пишет: «правонарушение, которое появилось в результате установления, как частного, так и общего запрета злоупотреблением правом, некорректно рассматривать в качестве злоупотребления правом, так как в данном случае лицо действует не на основании своего субъективного права. Указанное правонарушение следует рассматривать как поведение лица, действующего за пределами субъективного права, поскольку возможность причинить вред посредством его осуществления была исключена из сферы дозволенного данным субъективным правом поведения, путём установления соответствующего запрета. В связи с этим, нормы действующего законодательства различных стран мира, содержащие в себе запреты на совершение злоупотребления правом, некорректно обозначать термином «злоупотребление правом»¹. С одной стороны, в этих рассуждениях есть своя логика: правонарушение действительно совершается «за пределами» предоставленного лицу субъективного права. Но с этой позицией можно согласиться лишь при одном важном допущении, которое состоит в том, что злоупотребление правом со стороны управомоченного субъекта, имеющего намерение причинить вред другому лицу, тем не менее, не причиняет вреда правам и законным интересам иных лиц. Только при таких обстоятельствах злоупотребление остается в пределах реализации субъективного права, а его последствия не выходят за отраслевые границы гражданского права. Тем не менее, в действительности, «намерение причинить вред» крайне редко остается лишь субъективным признаком деяния управомоченного лица. Практика гораздо чаще встречается с ситуациями, когда это намерение объективизируется в реальном вреде или, по крайней мере, в угрозе причинения вреда. В связи с чем злоупотребление приобретает черты, свойственные правонарушению. Оценивая эту ситуацию, Е.А. Одегнал признает факт «трансформации злоупотребления правом в правонарушение»,

¹ Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретический аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 7.

которая тем не менее, «не лишает злоупотребление правом самостоятельности». По ее мнению, такая трансформация «обусловлена тем, что некоторых отраслях права отсутствуют управомочивающие правовые нормы, при этом законодатель установил административную и уголовную ответственность за наиболее общественно опасные злоупотребления субъективными правами, предоставленными нормами конституционного, гражданского, семейного и других отраслей права»¹.

Такой подход представляется нам в большей степени целесообразным и перспективным для решения уголовно-правовых задач. Он согласуется с развиваемой в настоящем исследовании концепцией, согласно которой уголовное право «подключается» в качестве «вторичного» правового инструмента, устанавливая ответственность за деяния, которые сами по себе, безотносительно признаков опасности и виновности, уже являются неправомерными. А потому для уголовно-правовой доктрины не имеет принципиального значения решение вопроса о том, является ли злоупотребление правом собственно правонарушением. Нам важнее другое – злоупотребление правом не является правомерным поведением, оно запрещено нормами гражданского законодательства, а потому является неправомерным. Следовательно, ссылаться в свою защиту на правомерный характер действий по реализации своего права, итогом которых стало причинение уголовно-релевантного вреда, субъект не может.

Стоит отметить, что в цивилистике была представлена критическая оценка представленной в ст. 10 ГК РФ доктрины злоупотребления правом, по той причине, что закон рассматривает злоупотребление правом через понятие пределов осуществления права. «Смещение понятий использования субъективного права во зло и превышения пределов права, - пишет И.В. Сазанова, - приводит к тому, что в ряде решений суды констатируют злоупотребление правом там, где субъект не имеет права на совершение

¹ Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009. – С. 8.

определенных действий, выходит за пределы права, то есть действует противоправно. В случае злого правоупотребления, в отличие от обычного правонарушения, субъект действует в рамках возможностей, заключенных в содержании субъективного права»¹. Не отказывая такой критике в своей логике и обоснованности, заметим, что для уголовного права нет принципиальных различий в восприятии действий, которые причиняют вред вследствие «злого использования права» или «превышения права». Постольку, поскольку эти действия совершаются с намерением причинить вред правам и интересам иных лиц, они оцениваются с единых позиций как неправомерные действия.

Представляется, что именно на изложенных теоретических позициях строится практика Конституционного Суда РФ, в орбиту которой проблема злоупотребления правом уже неоднократно попадала в связи с необходимостью разрешения вопроса о конституционности уголовного законодательства. Общий подход Конституционного Суда при этом заключается в следующем: во-первых, некоторые преступления могут характеризоваться с конституционной точки зрения как проявление злоупотребления правом; во-вторых, преступное злоупотребление правом может выражаться как в превышении пределов права, так и в использовании предоставленного права в соответствии с его пределами, но с намерением причинить вред третьим лицам.

Так, отказывая гражданину М.В. Москалеву в рассмотрении жалобы о несоответствии Конституции РФ положений ст. 128.1 УК РФ, Конституционный Суд РФ в своем определении затронул вопрос о правомерности установления уголовной ответственности за использование предоставленных лицу прав с намерением причинить вред третьим лицам.

Москалев, осужденный за клевету, был признан виновным в том, что в своих многочисленных, на протяжении четырех лет, жалобах и обращениях в

¹ Сазанова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010. – С. 10.

государственные муниципальные, правоохранительные и иные органы сообщал заведомо ложные сведения о гражданине Ж., о якобы допускаемых им нарушениях при занятии предпринимательской, иной деятельностью и о его поведении в быту. Заведомую ложность этих сведений, объективно не соответствующих действительности, суд усмотрел в том, что Москалев после неоднократных проверок его заявлений и жалоб, а также получения ответов от компетентных органов об отсутствии указанных им нарушений продолжал систематически обращаться в связи с теми же обстоятельствами в иные органы и организации. При этом суд пришел к выводу, что заявления и жалобы подсудимого являлись не способом реализации конституционного права на обращение в государственные органы, а были направлены исключительно на причинение вреда Ж., т.е. имели очевидные признаки злоупотребления правом.

Как отметил Конституционный Суд РФ, в системе действующего правового регулирования – даже с учетом потенциально возможного риска причинения вреда правам и свободам лиц, с которыми связана содержащаяся в обращении информация, – само по себе обращение в государственный орган или орган местного самоуправления, обусловленное целью получения содействия по реализации прав и свобод обратившегося гражданина или прав и свобод других лиц, не может рассматриваться как распространение (разглашение) информации. Закон не предусматривает также обязанности граждан сообщать исключительно истинную информацию при своих обращениях. Однако систематический характер такого рода обращений, т.е. использование конституционного права на обращение в государственные органы путем постоянного направления информации, вынуждающего эти органы неоднократно проверять факты, указанные в обращениях, может свидетельствовать о намерении причинить вред лицу, о противоправных действиях которого содержалась информация в обращении. Выяснение же того, было ли обращение в государственные органы обусловлено стремлением (попыткой) реализовать свои конституционные права или оно

связано исключительно с намерением причинить вред другому лицу, подлежит установлению на основе фактических обстоятельств в каждом конкретном случае, имея в виду недопустимость установления судом лишь формальных условий применения нормы¹.

Концепция злоупотребления правом была применена Конституционным Судом РФ и при решении вопроса о конституционности иных норм УК РФ, причем в ситуациях, когда речь шла уже не о преступности использования предоставленного права с намерением причинить вред третьим лицам (собственно злоупотребление правом), а о преступности действий, связанных с выходом за пределы реализации права (то есть о превышении права).

Общий посыл Конституционного Суда РФ состоит в том, что цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, может оправдывать предусматриваемые в законодательстве меры принудительного характера, разумеется, при условии, что они не чрезмерные, а только необходимые, и обусловленные конституционно признаваемыми целями².

На этой основе:

- ссылаясь на принцип недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушения прав и свобод других лиц, Конституционный Суд РФ отказал в рассмотрении вопроса о проверке конституционности положений ст. 330 УК РФ об ответственности за

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.1999 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Сибирское агентство "Экспресс" и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы "Y. & G. Reliable Services, Inc." » (п. 2); Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» (п. 4).

самоуправство (по мнению заявителя, эта норма позволяет судам выносить приговор о самоуправстве без указания нормы закона, нарушенной содеянным, и признавать правомерные действия правообладателя, связанные с пользованием своими правами и их защитой, в качестве уголовно наказуемого деяния)¹;

- отказал в рассмотрении вопроса о конституционности ст. 205.2 УК РФ об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, указав, что если гражданин, осуществляя свои права на свободу слова, творчества, право иметь и распространять убеждения и действовать сообразно с ними, в то же время нарушает права и свободы других лиц и такое нарушение носит общественно опасный и противоправный характер, то виновный может быть привлечен к уголовной ответственности, которая преследует цель охраны публичных интересов. Суд отметил недопустимость такого использования конституционно гарантированных свобод, которое позволяло бы лицу в нарушение норм национального законодательства и международно-правовых норм, беспрепятственно и безнаказанно заниматься какой-либо деятельностью и совершать какие бы то ни было действия, направленные на публичное подстрекательство к терроризму или его публичное оправдание, в частности по религиозным соображениям²;

- отказал в рассмотрении вопроса о конституционности ст. 213 УК РФ об ответственности за хулиганство, указав, что в тех случаях, когда конкретный способ распространения информации, в том числе исходя из обстоятельств места и времени ее распространения, основан на демонстративном грубом пренебрежении принятыми в обществе представлениями о приемлемом поведении в связанных с религией местах,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.1999 № 1807-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

лишен какой-либо эстетической и художественной ценности и сам по себе является оскорбительным, подобная деятельность выходит за границы гарантированного Конституцией РФ правомерного пользования свободой выражения мнений¹;

- признал конституционность ст. 212.1 УК РФ, отметив, что в случаях, когда организаторы или участники публичного мероприятия ведут себя деструктивно, в частности явно намереваются совершить или совершают какие-либо действия, угрожающие общественному порядку или общественной безопасности, государство должно использовать для недопущения и пресечения проявлений, не отвечающих существу права на мирные собрания, все законные средств².

2. Нарушение правового запрета и установленного порядка реализации права

Реализация некоторых конституционных прав и свобод человека опосредована отраслевой нормативной регламентацией, в рамках которой законодатель устанавливает определенный порядок, предъявляя требования к условиям, форме, объему, субъектам, времени, месту реализации права и иным значимым характеристикам правового поведения субъекта. Нарушение этого правового порядка, сопряженное с общественно опасным причинением вреда, служит основанием для криминализации. Такой вид преступлений является в УК РФ, пожалуй, наиболее распространенным и наиболее зримо представляющим исходную, отраслевую противоправность действий или бездействий, составляющих объективную сторону преступления. Традиционной формой описания этих преступлений выступает бланкетная диспозиция, а их противоправность обозначается в науке терминами

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

«бланкетная»¹, «двойная»², «смешанная»³, «параллельная»⁴. Применительно к таким уголовно-правовым запретам Конституционный Суд высказался вполне определенно. В своем постановлении, посвященном проверке конституционности уголовно-правовой нормы об ответственности за незаконный оборот оружия, он указал: «Поскольку часть четвертая статьи 222 УК Российской Федерации не определяет ни признаки предмета данного преступления, ни признаки незаконности сбыта холодного оружия, противоправность соответствующего деяния, сопряженного со сбытом конкретных предметов, относящихся к тому или иному виду холодного оружия, должна устанавливаться исходя из нормативных предписаний законодательных и подзаконных актов, предметом регулирования которых является порядок сделок с холодным оружием»⁵.

В практике Конституционного Суда РФ эта «исходная отраслевая» противоправность деяний подтверждена многократно и применительно к различным преступлениям. В частности, Суд указывал:

- ст. 199 УК РФ по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующих правовых норм предусматривает ответственность лишь за такое деяние, которое направлено на избежание уплаты налога в нарушение установленных налоговым законодательством правил; тем самым при привлечении к уголовной ответственности должны учитываться нормы не только уголовного, но и налогового законодательства, к которому статья 199 УК РФ прямо отсылает⁶;

¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-на-Дону: Изд.-во Ростов. ун-та, 1977. – С. 182 – 184.

² Пикуров Н.И. Применение следователем уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией: лекция. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1985. – С. 10 – 11; Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009. – С. 138 – 141.

³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Гос. изд.-во юрид. лит., 1960. – С. 116 – 117; 117 – 130.

⁴ Иногамова-Хегай Л.В. Квалификация преступлений при конкуренции уголовно-правовых и иных норм права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: сб. материалов международ. науч.-практ. конф. – М.: Проспект, 2004. – С. 128.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами

- исходя из конституционных положений, законом могут вводиться меры правового регулирования, ограничивающие свободный оборот отдельных веществ или предметов (например, в отношении их принадлежности лишь определенным участникам оборота, допустимости сделок с ними только по специальному разрешению, особом порядке перемещения за пределы РФ). За нарушение установленного порядка трансграничного перемещения военного имущества или оружия законодатель вправе установить как административную, так и уголовную ответственность. При этом, поскольку характерное для бланкетных диспозиций статей уголовного закона указание на незаконный характер конкретных деяний в сфере оборота тех или иных предметов означает, что юридической предпосылкой применения уголовно-правовых норм является несоблюдение действующих в данной сфере правил, постольку решение вопроса о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, предполагает выявление нарушения правил трансграничного перемещения предметов, которое посягает на охраняемые законом таможенные отношения, а также установление принадлежности незаконно перемещаемых предметов к числу названных в этой статье предметов контрабанды¹.

Исходя из юридической природы таких уголовно-правовых запретов, их конституционная проверка всегда отчетливо распадается на два этапа.

граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишников, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова»; Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 № 478-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лебедева Алексея Вячеславовича и Шепелева Игоря Вениаминовича на нарушение их конституционных прав статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шварцберга Вадима Михайловича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2374-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шадринцева Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 222 и частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2647-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Вначале проверяется сам факт наличия «бланкетной основы» и ее конституционность с точки зрения полноты, определенности заложенных в ней правил осуществления той или иной деятельности или реализации прав и свобод, с тем, чтобы вытекающие из соответствующих нормативных правовых актов правила давали четкое представление о границах правомерного и неправомерного поведения, чтобы отраслевое регулирование не создавало ситуаций такого свойства, при которых становится невозможным в принципе реализация прав человека¹. И только на втором этапе разрешается вопрос о конституционности самой уголовно-правовой нормы с точки зрения ее правовой определенности. В прикладной плоскости применения уголовно-правовых норм это предполагает и особые правила квалификации преступлений, которые в науке составляют вполне самостоятельный объект научного поиска².

Все изложенное в настоящей части работы позволяет в завершение сформулировать несколько значимых, на наш взгляд, выводов и положений, отражающих элементы конституционной концепции преступления:

- конституционное понимание противоправности как признака

¹ При этом в качестве применимой теоретической доктрины для такой проверки в ряде случаев выступает доктрина риска, позволяющая выявить те опасности и угрозы для правомерного осуществления гражданами своих прав и свобод, которые создаются отраслевым регулированием порядка осуществления этих прав. Так, например, обсуждая вопрос о конституционности ответственности за занятие предпринимательской деятельностью без лицензии, Конституционный Суд РФ указал: «реализуя свои полномочия в сфере регулирования предпринимательской и иной экономической деятельности, федеральный законодатель может определять порядок и условия ее осуществления и исходя из специфики производства и оборота тех или иных видов продукции устанавливать дополнительные требования, а также ограничения, в том числе лицензирование. Осуществление деятельности, подлежащей лицензированию, без лицензии означает создание рисков для ценностей, охраняемых Конституцией РФ и законом, что само по себе предполагает возможность установления публично-правовой ответственности за такую деятельность» (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2685-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации»). В другом случае, обращаясь к вопросу о конституционности уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, Суд констатировал: «оборот такого специфического вида имущества, как оружие, представляющее собой технические средства, способные причинить существенный вред жизни и здоровью людей, имуществу и природе, не только создает повышенную опасность для этих охраняемых Конституцией РФ ценностей, но и сопряжен с угрозой посягательства на другие конституционно значимые ценности, в том числе основы конституционного строя, нравственность, права и законные интересы граждан, безопасность государства, а потому от федерального законодателя требуется установление механизма их защиты в рамках правового режима оборота оружия (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2012 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения части десятой статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина»).

² См., например: Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2018.

преступления отчетливо распадается на два взаимосвязанных, но самостоятельных направления: а) предусмотренность преступления как юридического факта возникновения уголовно-правовых отношений в уголовном законе; б) неправомерность выражающих объективную сторону преступления действия или бездействия как условия криминализации общественно опасного деяния и признания деяния преступным в правоприменительной практике;

- смешение этих аспектов противоправности в теоретическом отношении представляется недопустимым, поскольку их анализ корреспондирует различным компонентам науки уголовного права: уголовному закону и его принципам, с одной стороны, и учению о преступлении, - с другой;

- оценка противоправности по двум отмеченным направлениям должна рассматриваться в качестве последовательных и имеющих собственные, различающиеся критерии, этапов правотворческой и правоприменительной деятельности, при этом оценка деяния как неправомерного должна предшествовать его оценке в качестве предусмотренного уголовным законом;

- правомерное поведение лица, исключаящее его вину в отношении реальных или потенциально возможных последствий в виде нарушения конституционно значимых ценностей, ни при каких условиях не может быть признано преступлением, в то время как причинение уголовно-релевантного вреда под прикрытием реализации прав и свобод должно расцениваться в качестве запрещенного уголовным законом;

- неправомерность подлежащего криминализации и признаваемого преступным деяния имеет две юридически различающиеся формы: а) злоупотребление правом со стороны управомоченного субъекта, б) нарушение субъектом установленного в позитивном законодательстве порядка осуществления имеющегося или предоставленного права;

- криминализация случаев злоупотребления правом в форме

использования имеющихся юридических возможностей с намерением причинить вред конституционным ценностям либо в форме осуществления действий, выходящих за пределы субъективного права, имеет в качестве юридической предпосылки конституционно установленный запрет такого использования прав и свобод, при котором причиняется вред иным конституционно значимым объектам,

- криминализация нарушения регламентированного позитивным законодательством порядка реализации права имеет в качестве юридической предпосылки надлежащее, соответствующее конституционным стандартам, правовое регулирование отношений, связанных с реализацией этого права, осуществляемое с учетом положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ;

- неправомерность деяния, объединяющая злоупотребление правом и нарушение установленного порядка его реализации, будучи первичной по отношению к уголовно-правовому запрету, позволяет интегрировать теоретическое объяснение криминализации деяний, «преступных по своей природе» и «преступных в силу указания в законе», подтверждает «вторичный» характер уголовно-правового запрета, правовое содержание охраняемых уголовным законом отношений, отсутствие у уголовного закона регулятивных возможностей по отношению к охраняемым отношениям, а также тезис о том, что диспозитивная часть уголовно-правового запрета не содержит в себе самостоятельных ограничений прав и свобод, тогда как санкция уголовного закона лишь подтверждает предварительно установленные правоограничения.

§ 2. Уголовная ответственность за злоупотребление правами и свободами

Одной из сложных в теоретическом и прикладном отношении проблем современного уголовного права выступает установление ответственности за злоупотребление правом. Предшествующий анализ показал, что при всей

неоднозначности и дискуссионности в определении правовой природы злоупотребления правом, имеются достаточные конституционные предпосылки для того, чтобы при определенных обстоятельствах оценивать злоупотребление правом в качестве преступления. Вместе с тем, теория преступного злоупотребления правом в современной уголовно-правовой науке может считаться совершенно неразработанной, что закономерно обуславливает многочисленные сложности в практике применения уголовного закона¹.

Приступая к разработке такой теории, еще раз напомним исходный тезис: злоупотребление правом как разновидность деяния, которое может служить предпосылкой установления уголовной ответственности, обладает признаком противоправности. Известную дискуссию о том, что злоупотребление правом не является видом противоправного поведения, в некоторой степени может примирить подход А.А. Малиновского, согласно которому злоупотребления субъективными правами целесообразно классифицировать как правомерные (легальные) и противоправные. Если причинение вреда участникам общественных отношений противозаконно, то перед нами противоправное злоупотребление правом. Если нет - правомерное. Таким образом, пишет автор, злоупотребление правом не является ни самостоятельным видом правового поведения, ни разновидностью исключительно противоправного либо только правомерного поведения². Такой подход в полной мере разделяет отечественный законодатель, что следует из сопоставления нормативных дефиниций злоупотребления правом в различных законах. С одной стороны, Закон «О референдуме Российской Федерации»³ в ст. 68 к случаям злоупотребления

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 51. – С. 132 – 152; Гузеева О.С. Злоупотребление правом и превышение пределов права как формы преступного деяния: некоторые вопросы теории // Российская юстиция. – 2021. – № 4. – С. 56 – 61

² Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – С. 11.

³ Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

свободой массовой информации относит деяния, которые в уголовном законе прямо признаются преступлениями (призывы к насильственному захвату власти, пропаганда войны и др.). С другой стороны, Закон «О средствах массовой информации» в ст. 51 причисляет к случаям злоупотребления правами журналиста непроступные и непротивоправные деяния в виде распространения слухов или сокрытия информации¹, а Закон «О порядке рассмотрения обращения граждан Российской Федерации»² в ст. 11 рассматривает в качестве злоупотребления правом нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи.

Как бы то ни было, наличие неправомерности в злоупотреблении правом (пусть даже в части объема этого понятия) исключать категорически нельзя. Эта неправомерность поведения создает необходимые основания для применения средств публично-правовой ответственности в целях предупреждения злоупотреблением правом. Конституционной основой таких мер выступают положения ч. 3 ст. 17 Конституции РФ о том, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Конституционный Суд РФ также подтвердил, что осуществление гражданином его прав и свобод, а равно использование легальных правовых конструкций и средств не относится к правонарушениям лишь до тех пор, пока или если их не используют в противоправной деятельности, подобно тому как не исключены злоупотребление правом и противоправное поведение с применением законных, необходимых в правопорядке институтов, средств или процедур, в том числе собственности, договора, судопроизводства и др., притом что сами они правомерны и не могут служить основанием произвольных правоограничений³.

¹ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 7. – Ст. 300.

² Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2018 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 25 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами

В ситуации защиты частных и публичных интересов от злоупотребления правом возникает крайне сложная задача организовать правовое регулирование таким образом, чтобы с одной стороны, обеспечить надежность и эффективность такой защиты, а с другой стороны, не допустить неоправданного ограничения свободы и усмотрения человека в осуществлении принадлежащих ему прав. Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют устанавливать ограничения закрепляемых ими прав, законодатель должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и целесообразные меры, не прибегая к способам регулирования, которые посягали бы на само существо того или иного права и приводили бы к утрате его реального содержания. При определении условий реализации конституционных прав и их возможных ограничений, даже имея намерение воспрепятствовать злоупотреблению правом, законодатель обязан обеспечивать – исходя из принципа равенства, критериев разумности, необходимости и соразмерности – баланс конституционных ценностей, а также прав и законных интересов участников конкретных правоотношений¹.

Решению этой задачи в сфере уголовного права будет способствовать надлежащее понимание общих и специфических признаков злоупотребления правом, значимых для построения эффективной уголовно-правовой теории.

Общие признаки злоупотребления правом, как представляется, вполне удачно определены В.М. Барановым и Р.А. Ромашовым. Авторы пишут:

- во-первых, категория «злоупотребление правом» носит частный характер и связана со злоупотреблением со стороны конкретного субъекта,

закрытого акционерного общества "Инкар", акционерных обществ "Лизинговая компания "КАМАЗ" и "Новая перевозочная компания"».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края»

наделенного функциональными правомочиями и способного с их помощью совершить зло в отношении контрсубъекта;

- во-вторых, понимание злоупотребления правом в качестве вида юридически значимой деятельности, осуществляемой управомоченным субъектом, исключает саму возможность использования в качестве инструмента зла объективного права, злоупотребить можно лишь правом субъективным;

- в-третьих, необходимо акцентировать внимание на том, что в качестве злоупотребления правом следует рассматривать не всякое правоограничивающее воздействие, а лишь то, которое характеризуется негативной оценкой (осознанием вредоносности правового воздействия), формируемой на психологическом уровне как у субъекта применения права, так и у адресата правореализационного воздействия¹.

Злоупотребление правом, верно резюмирует А.А. Малиновский, представляет собой такой способ осуществления субъективного права в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству².

Эти тезисы в полной мере распространяют свою силу на сферу уголовно-правовой теории. Однако они нуждаются в последовательном развертывании и дополнениях, значимых для разработки частных, отраслевых аспектов преступного злоупотребления правом. Некоторые авторские рассуждения на этот счет представляются в нижеследующем изложении.

Злоупотребление правом и превышение права

Одним из сложных и актуальных вопросов теории права помимо отмеченного выше вопроса о соотношении злоупотребления правом и

¹ Баранов В.М., Ромашов Р.А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 11 – 12.

² Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – С. 9 – 10.

правонарушения, выступает вопрос о содержательной характеристике и границах действий, которые образуют феномен злоупотребления правом.

Начнем с того, что некоторыми специалистами в принципе отрицается сама идея злоупотребления правом. Так, Н.С. Малеин писал, что в оценке связи права и поведения возможен лишь один из двух вариантов: либо субъект действует в границах принадлежащего ему права и тогда он не злоупотребляет своим правом, либо он выходит за пределы, установленные законом, и таким образом, нарушая закон, не злоупотребляет правом, а совершает элементарное правонарушение, за которое должна следовать ответственность. В обоих случаях, утверждал автор, для идеи и общей нормы о злоупотреблении правом нет места¹.

Однако развитие правовой теории продемонстрировало недостаточность такого дуалистического понимания правовой действительности. **Объективная невозможность урегулировать во всех деталях и применительно ко всем ситуациям объем и порядок реализации каждого субъективного права лица, особенно в рамках правового режима, основанного на принципе «разрешено все, что не запрещено законом», способствует многочисленным случаям такого осуществления права, которое, не будучи прямо запрещенным, тем не менее причиняет вред конституционным ценностям, а потому требует правовой реакции в форме ответственности виновного лица.** Для обоснования ответственности здесь (как и в любом ином случае) необходимо установить признак противоправности поведения. Сделать это, отрицая концепцию злоупотребления правом, можно только при одном допущении: признать, что охранительные отрасли права (в том числе уголовное) устанавливают пределы и порядок реализации некоторых прав человека и гражданина, а сами такие деяния обладают «прямой уголовной противоправностью». Такой подход, как уже отмечалось, представлен в отраслевой уголовно-правовой науке. Еще Н.Д. Дурманов отмечал, что

¹ Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М.: Манускрипт, 1992. – С. 160.

невозможно найти, кроме как в уголовном законе, норм, которые предусматривали бы запрет множества наказуемых деяний, в первую очередь преступлений против личности и ряда иных¹. Однако нами он оценивается критически, исходя из понимания социального предназначения отрасли и вытекающего из конституционными принципов требования недопустимости установления ответственности за деяния, которые не обладают признаком противоправности.. Сложнее, но гораздо разумнее и эффективней обосновать противоправность подобного рода деяний именно тем фактом, что при их совершении управомоченное лицо злоупотребляет своим субъективным правом.

Общим местом всех рассуждений о злоупотреблении правом является понимание того, что причинение вреда происходит в результате действий, при которых субъект формально использует возможности, предоставленные ему правом. Но тут возникает весьма сложный и важный для обоснования ответственности за вред вопрос: остается ли в процессе деятельности субъект в пределах своего права или же выходит за пределы его осуществления. В его решении сложилось два основных подхода.

Согласно первому, специфический признак злоупотребления состоит в том, что лицо действует в границах субъективного права, в связи с чем злоупотребление и не рассматривается специалистами в качестве вида правонарушения. Так, В.П. Грибанов в своем классическом определении указал, что о злоупотреблении правом речь может идти лишь в случае, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права². Ему вторят другие специалисты: «злоупотребление гражданскими правами отличается от превышения гражданских прав. Превышая субъективное

¹ Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967. – С. 96.

² Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 46 – 47.

гражданское право, лицо использует его для совершения действий, которые запрещены не целевым ограничением (обязанностью действовать в интересах другого лица), а каким-либо иным запретом. Ошибочно отнесение к злоупотреблениям гражданскими правами случаев ненадлежащего осуществления гражданских прав, имеющих публичную значимость, так как эти случаи представляют собой превышение гражданских прав»¹; «противоправное злоупотребление правом отличается от «обычного» правонарушения тем, что субъект в данном случае совершает противоправное деяние посредством осуществления своего субъективного права... Субъектом противоправного злоупотребления правом может быть только управомоченное лицо, т.е. лицо, наделенное конкретным субъективным правом. Злоупотребляя правом, субъект не присваивает не принадлежащие ему права (полномочия) и не превышает их»².

Согласно другому подходу, с которым согласились 78% специалистов, опрошенных при подготовке диссертации, злоупотребление правом предполагает в том числе и выход за пределы его осуществления. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, указывают: «Злоупотребление правом связано с привлечением управомоченным таких средств, форм, способов для осуществления принадлежащего ему права, которые выходят за пределы объема данного права»³; «злоупотребление гражданским правом это один из видов правонарушения. Оно заключается в превышении пределов дозволенного гражданским правом осуществления своих правомочий»⁴; формами злоупотребления правом властной стороной в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти являются, среди прочего, злоупотребление властью или служебным

¹ Емельянов В.И. Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российской законодательству: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 9.

² Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – С. 40.

³ Червонюк В.И., Калинин И.В. Пределы избирательных прав и свобод и злоупотребление ими в конституционной практике (сравнительно-правовой анализ) // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 2. – С. 55.

⁴ Ковалева Н.А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 4.

положением, превышение должностных полномочий, административный произвол¹.

Вопрос о том, ограничивается ли злоупотребление правом только его использованием во вред или же включает в себя и случаи превышения права, имеет значение для решения не только общетеоретических, но и многих отраслевых проблем. В рамках уголовного права он обсуждается, прежде всего, при рассмотрении составов должных преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»² дал разъяснения на этот счет, призванные разграничить на практике злоупотребление должностными полномочиями и превышение полномочий. Однако в науке достаточно сильна теоретическая позиция, согласно которой природа данных составов преступлений, по сути своей, едина. А.Я. Светлов писал, что практика относит все случаи превышения полномочий к служебному злоупотреблению и предлагал объединить эти два состава преступления³; П.С. Яни признает злоупотребление частным случаем превышения должностных полномочий⁴; равным образом К.А. Греков указывает, что «юридическая природа злоупотребления предполагает нарушение либо основания, либо процесса реализации предоставленного лицу права, то есть фактически представляет собой один из видов превышения должностных полномочий»⁵.

¹ Крымова Е.Н. Злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации: содержание и формирование концепции противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2009. – С. 8 – 9.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.

³ Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев: Наукова думка, 1978. – С. 181 – 185.

⁴ Яни П.С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. – 2011. – № 12. – С. 12 – 16.

⁵ Греков К.А. Соотношение категорий «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» в уголовном праве России // Юристы-Правовед. – 2007. – № 2. – С. 115 – 117.

Такой взгляд на соотношение составов преступлений, предусмотренных ст. 285 и ст. 286 УК РФ, отражает, на наш взгляд, **верное общетеоретическое понимание единой природы злоупотребления правом и превышения права**. Рассматривая эти нормы, теоретики права указывают, что из текста закона «в чем конкретно заключается содержательное отличие злоупотребления полномочиями от присвоения либо превышения, понять весьма сложно. ... законодатель волевым и вольным образом повторяет одни и те же положения, меняя лишь названия статей, что само по себе с технико-юридической точки зрения вызывает, по меньшей степени, сомнение в целесообразности и эффективности подобного подхода к созданию одного из важнейших и острых в репрессивном ключе российских законов»¹.

Для понимания сущности злоупотребления субъективным правом, – пишет А.А. Малиновский, – целесообразно различать пределы субъективного права и пределы осуществления субъективного права. Пределы субъективного права представляют собой установленные действующим законодательством абсолютно-определенные (императивные) предписания, четко регламентирующие меру свободы управомоченного лица. Пределы осуществления субъективного права выражаются в относительно-определенных предписаниях, предоставляющих возможность управомоченному лицу осуществлять право по своему усмотрению². Поддерживая эту идею, нельзя, однако категорично утверждать, что выход за абсолютные пределы права есть превышение права и правонарушение, тогда как выход за относительные пределы осуществления права есть собственно злоупотребление правом, не относящееся к категории правонарушений. Категоричность исключается в силу того, что и пределы права, и порядок его осуществления не всегда определены непосредственно в нормативных актах, а если и определены, то далеко не всегда с исчерпывающей полнотой и ясностью. Как верно указывают некоторые авторы, «несмотря на то, что

¹ Баранов В.М., Ромашов Р.А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 13.

² Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – С. 10.

злоупотребление правом связано с внутренней мотивацией, основанной на корыстных побуждениях, его основу образуют факторы объективного характера (юридические), - пробелы, коллизии, иные недостатки нормативных правовых актов»¹. А потому предложенный А.А. Малиновским критерий разграничения злоупотребления правом и превышения правом не вполне удачный. Отсутствие четких критериев для установления пределов и порядка осуществления права позволяет не дифференцировать, а как раз объединить превышение и злоупотребление правом в единый комплекс правовых явлений.

Специфика злоупотребления правом как особого вида поведения в сфере права состоит, на наш взгляд, в том, что право в данном случае выступает крайне значимой, но лишь внешней формой деятельности, которая содержательно подчинена цели причинения вреда, а ссылка на право выступает в качестве попытки виновного лица обосновать правомерность своего поведения.

На таком понимании злоупотребления, по сути, строится и практика Европейского Суда по правам человека. Известно, что на общеевропейском уровне концепция злоупотребления правом в качестве правового основания установления публичной ответственности отражена в ст. 17 Европейской Конвенции 1950 года. Как признают комментаторы, «статья 17 Конвенции, так называемая клаузула о злоупотреблении, позволяет применять меры в отношении индивида, который пытается использовать Конвенцию в подрывных целях»; «государство, вероятнее всего, может прибегнуть к помощи данной статьи, чтобы не позволить человеку ссылаться на его или ее права ... для достижения результатов, разрушительных для конвенциональных прав, осуществляемых другим человеком»².

¹ Червонюк В.И., Калинин И.В. Пределы избирательных прав и свобод и злоупотребление ими в конституционной практике (сравнительно-правовой анализ) // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 2. – С. 57.

² Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл, Уорбрик. – М.: Развитие правовых систем, 2016. – С. 1132 – 1133.

Подход к оценке злоупотребления правом с точки зрения соотношения формы и содержания позволяет лучше понять и специфику этого поведения, и основания противодействия ему публично-правовыми средствами. Отметим в связи с этим два обстоятельства.

Первое, принципиально важное, состоит в том, что **при оценке злоупотребления правом форма поведения субъекта не может и не должна превалировать над его содержанием. В этом отношении следует признать общую значимость разработанной для целей налогообложения доктрины приоритета существа над формой¹**, которая была поддержана Европейским Судом по правам человека². Если суть поведения субъекта состоит в причинении вреда правам и интересам иных лиц, форма его выражения не имеет значения для правовой оценки. Ссылка на субъективное право не может оправдать причинение вреда конституционным ценностям, а потому государство, действуя в интересах достижения баланса частных и публичных интересов, имеет право и обязано установить и реализовать ответственность лиц, использующих свое право во вред иным. Однако, акцент исключительно на самом факте причиненного вреда при конструировании уголовно-правовых норм недостаточен ни для обоснования ответственности, ни для решения задач превентивного порядка. В этих целях государство призвано: (а) определить содержание, порядок реализации и пределы субъективных прав граждан с тем, чтобы дать ясный сигнал гражданам о модели правомерного поведения; (б) определить причинение какого вреда и каким объектам в результате злоупотребления правом требует

¹ См.: Тимофеев Е.В. Приоритет существа над формой в налоговом праве и институт недействительности сделок в гражданском праве // Закон. – 2010. – № 2. – С. 138 – 145; Фатхутдинов Р.С. Существо и форма в налоговых отношениях // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 9. – С. 34 – 51; Летута Т.В., Летута С.С. Доктрина «доминирования существа над формой» при оспаривании решения общего собрания акционеров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 1. – С. 15 – 19; Щербак Е.Н., Голенев В.В. Приоритет существа над формой в отношении налоговых последствий сделок физических лиц // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. – 2017. – № 3. – С. 70 – 79.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 20.09.2011. Дело «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» [ОАО Neftyanaya Kompaniya «YUKOS»] против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04).

публично-правовой ответственности, чтобы не вводить необоснованных уголовно-правовых ограничений субъективных прав.

С этим связано и второе обстоятельство, требующее внимания. В Конституции РФ прямо указано, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Объект вреда определен вполне отчетливо – «права и свободы других лиц». На этом акцентирует внимание и Европейский суд по правам человека, полагая, что ст. 17 Европейской конвенции относительно злоупотребления правом не может быть использована, если речь идет об иных интересах. Суд, в частности, признал, что санкции не могут быть оправданы концепцией противодействия злоупотреблению правом в случаях, когда такое осуществление прав причиняет вред интересам, не охраняемым прямо Конвенцией (в частности, территориальному единству государства)¹.

Это ставит принципиальный вопрос относительно понимания такой категории как «права и свободы других лиц» в качестве объекта, которому причиняется вред в результате злоупотребления правом. Представляется, что здесь недопустимо узкое толкование, ограничивающее «права и свободы» исключительно теми, что составляют традиционный объект преступлений против личности – жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство и др. При объективно тесной связи государственных, общественных и личных интересов посягательство на государственную и общественную безопасность не может не затрагивать права и свободы граждан. Однако и отождествлять интересы государства и отдельного лица также недопустимо, они, как известно, в ряду случаев могут быть и диаметрально противоположными. В силу этого **концепция злоупотребления правом не может быть применена для криминализации лишь таких случаев, когда в результате действий виновного страдают исключительно партикулярные интересы**

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 30.01.1998. Дело «Объединенная коммунистическая партия Турции (United Communist Party of Turkey) и другие против Турции» (жалоба № 19392/92).

государства и не затрагиваются права и свободы граждан (такой вывод подтверждается и результатами проведенного опроса научных работников).

Косвенно это обстоятельство признает Конституционный Суд РФ, когда рассуждает о возможности применения наказания в виде лишения свободы к лицам, виновным в неоднократном нарушении порядка организации и проведения публичных мероприятий. Суд указал: «Избрание вида уголовного наказания и определение его размера в отношении конкретного лица, совершившего предусмотренное статьей 212.1 УК РФ преступление, должны быть обусловлены реальной степенью общественной опасности совершенного им деяния, что не подразумевает применение лишения свободы в случаях, когда нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия не было сопряжено с утратой им мирного характера, не подпадающей под признаки преступления, предусмотренного статьей 212 «Массовые беспорядки» УК РФ, или с причинением либо реальной угрозой причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям»¹.

Полагаем, что этой позиции надо придать более общее значение и звучание в контексте обсуждаемой нами проблемы: никакое злоупотребление правом не может влечь за собой уголовной ответственности в случае, если оно не сопряжено с причинением или реальной угрозой причинения существенного вреда правам граждан. Причинение вреда этому объекту может быть основной целью виновного лица, но оно может выступать и в качестве осознаваемых им побочных последствий, что, разумеется, влияет на установление объекта посягательства и оценку содеянного в целом. Однако без этого компонента, когда вред причиняется только интересам государства, криминализация злоупотребления правом представляется недопустимой.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

Злоупотребление правом со стороны государственных служащих

Уголовное право, как известно, берет под защиту правоотношения, которые складываются едва ли не во всех сферах общественной жизни, как между гражданами, так и во взаимоотношениях между гражданами и государством. В силу этого, в сферу уголовно-правового реагирования попадают не только случаи злоупотребления правами гражданами по отношению к другим частным лицам и государству, но и случаи, когда представители государства злоупотребляют своими правами во взаимоотношениях с гражданами. Речь, разумеется, идет о злоупотреблении именно служебными правами и обязанностями, должностным статусом, положением, когда представитель государства действует в официальном качестве. В уголовном законе содержится целый ряд статей, описывающих такие злоупотребления, наиболее общие – ст. 285 и ст. 286 УК РФ, которые дополняются существенным массивом специальных норм.

В рассуждениях о злоупотреблении правом со стороны государственных служащих важно однако обратить внимание на наличие тесной связи между таким злоупотреблением и классическим нарушением прав человека со стороны государства. Эта связь, однако, не означает тождественности явлений. Необходим одновременно и строго дифференцированный подход, и обобщенная оценка, учитывающая аспекты правовой политики государства.

Здесь следует различать, как минимум, две проблемные ситуации.

Первая ситуация заключается в необходимости оценки действий государственных служащих, которые последовательно реализуют такую политику государства, которая по природе своей не является правовой и направлена на лишение либо ограничение граждан их прав и свобод. Сама эта политика, в принципе, может оцениваться как злоупотребление правом со стороны государства – легитимное использование закона в противоречии с целевым назначением и смыслом права во вред интересам человека. История содержит достаточно примеров на этот счет, когда

должностные лица формально выполняя свой служебный долг и реализуя заложенные в нормативных актах предписания, фактически проводили в жизнь политику правоограничений и репрессий. Поведение должностных лиц здесь неотделимо от политики государства, является необходимым и последовательным ее воплощением.

Вторая ситуация заключается в оценке действий представителей государства по злоупотреблению своими служебными полномочиями в условиях, когда такие действия расходятся с содержанием правовой политики государства. Оставаясь в официальном статусе государственные служащие, злоупотребляя своими служебными правами и обязанностями, действуют в этом случае уже вопреки не только интересам граждан, но и интересам государства. Их поведение предельно четко дистанцируется от официального политико-правового курса, идет в разрез с ним.

Эти ситуации порождают крайне непростые в политико-правовом, конституционно-правовом и уголовно-правовом аспектах вопросы об ответственности и государства как такового, и его конкретных представителей.

Общим местом этих различающихся ситуаций является неременная ответственность государства. Она имеет конституционно-правовую природу¹, а содержательно выражается в политических, финансовых, гражданско-правовых и иных санкциях (формах) – от реабилитации до компенсации морального вреда. Значимые требования к такой ответственности констатированы Конституционным Судом РФ, который, в частности, применительно к проблеме компенсации вреда, признал:

- по смыслу ст. 53 Конституции РФ, каждый пострадавший от незаконных действий органов государственной власти или их должностных лиц вправе требовать от государства справедливого возмещения вреда,

¹ См.: Колосова Н.М. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006; Сигнатов Н.В. Ответственность Российской Федерации за нарушение прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006; Кондрашов А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.

причем оно несет обязанность возместить вред, связанный с осуществлением государственной деятельности в различных ее сферах, независимо от возложения ответственности на конкретные органы государственной власти или должностных лиц и вне зависимости от вины этих лиц¹;

- государство принимает на себя ответственность за незаконные действия каждого должностного лица или органа власти, включая как издание нормативных актов, индивидуально-властных предписаний, так и фактические действия (противоправное, вредоносное поведение) либо бездействие, в частности несовершение государственным органом или должностным лицом тех действий, относящихся к сфере их публично-правовых (властных) обязанностей, которые они должны были совершить в соответствии с законом²;

- перемены, произошедшие в организации власти, изменение правовой природы и полномочий органов, осуществляющих публичную власть, сами по себе не предполагают лишения гражданина права на возмещение вреда, который в качестве последствия незаконных действий (бездействия) уже не существующих органов власти возник для него в настоящее время³.

Не углубляясь далее в исследование вопроса об ответственности собственно государства (как очевидно выходящего за пределы нашей научной специальности), обратим внимание на проблемы, возникающие с реализацией ответственности его представителей, действующих в качестве физических лиц. Их, как минимум, две основные: о возможности

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2019 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" в связи с жалобой гражданки А.»; Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

² Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2009 № 1005-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Уния" на нарушение конституционных прав и свобод статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2019 № 26-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 4 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и части 10 статьи 85 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма».

привлечения должностных лиц к уголовной ответственности и о квалификации их действий, их отграничении от ординарной правоприменительной ошибки. Они отчетливо коррелируют с выделенными ранее ситуациями, отражающими различную связь действий государственных служащих с официальной политикой.

В случае, когда преступное поведение государственных служащих является продолжением «преступной политики» государства, смена политического курса всегда ставит вопрос о возможности привлечения таких лиц к ответственности в обновившихся политико-правовых условиях¹. В российских условиях применительно к смене политико-правового режима в 90-е годы прошлого столетия этот вопрос должен решаться на основании ч. 2 ст. 18 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», в которой закреплено: «признанные в установленном порядке виновными в преступлениях против правосудия работники органов ВЧК, ГПУ - ОГПУ, УНКВД - НКВД, МГБ, прокуратуры, судьи, члены комиссий, "особых совещаний", "двоек", "троек", работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, лица, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства»².

Между тем в реализации этого предписания существует целый ряд препятствий правового характера (включая доктрину исполнения приказа, сроки давности привлечения к ответственности, соблюдение процессуального порядка привлечения к ответственности отдельных категорий должностных лиц³), а самое главное – политического свойства. В

¹ См.: Ледах И.А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. – М.: Юридическая литература, 1973; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Агилар П. Соучастие судебных органов в репрессиях авторитарных режимов и правосудие переходного периода // Отечественные записки. – 2013. – № 6.

² Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 (ред. от 07.03.2018, с изм. от 10.12.2019) «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1428.

³ См. об этом: Бобринский Н. Ответственность судей за политические репрессии. [Электронный ресурс]: https://zakon.ru/blog/2017/06/20/otvetstvennost_sudej_za_politicheskie_repressii_kak_eto_moglo_byt_v_rossii_i_b_ulo_v_germanii (дата обращения: 13.06.2020).

кратком изложении способствующие этому основные факторы, на наш взгляд, состоят в следующем:

- в России, в отличие, например, от послевоенной Германии, не было официально установлено признаков преступления и вины в поведении самого государства и его органов в проведении неправовой политики, у нас признано наличие жертв репрессий, но не установлен их субъект;

- положения Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» позволяют признавать виновными в репрессиях лишь представителей судебных и исполнительных органов власти, что не допускает постановки вопроса об ответственности представителей законодательных органов, общественных организаций и политических партий и косвенно отражает признание того, что неправовой характер носила не столько сама политика государства, сколько ее реализация на правоприменительном уровне;

- в стране по-прежнему во многом сохраняется приоритет нормативистского понимания права и отождествления права с законом, отсутствует развитая доктрина применения принципов права, что в целом снимает вопрос об ответственности за применение неправовых нормативных актов;

- наблюдается стремление не затрагивать политически чувствительные темы и вопросы истории, обсуждение и решение которых может послужить фактором деструкции социального мира и согласия.

И если правовые факторы могут считаться относительно легко преодолимыми за счет изменения законодательства и последовательного соблюдения принципов и норм международного права, то вторые требуют именно политических усилий, напряжения политической воли. В России, насколько можно судить, соответствующая политическая кампания не была развернута.

Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» (в преамбуле) признал, что за годы советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за

политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам. Конституционный Суд РФ также констатировал, что в стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие, власти узкой группы коммунистических функционеров¹. Россия как правопреемник СССР – «государства, с деятельностью которого связано причинение вреда, по своему характеру представляющего собой вред, реально неисчисляемый и невозполнимый», обязана стремиться к возможно более полному возмещению такого вреда². Формы и способы такого возмещения определены упомянутым законом. При этом именно компенсационными мерами, восстановлением нарушенных прав и ограничивается, по сути, ответственность государства за политические репрессии, что прямо предписано целью Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», как она зафиксирована в его преамбуле. Практика ретроактивной публично-правовой ответственности представителей государства за реализацию неправовой политики в России не сложилась, о чем явно свидетельствует опыт работы Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий³.

Между тем, с точки зрения сугубо правовых норм (и конституционных, и Закона «О реабилитации жертв политических репрессий») препятствий к реализации ответственности виновных лиц нет⁴. В контексте нашей темы

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 года № 79 "О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР", от 25 августа 1991 года № 90 "Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР" и от 6 ноября 1991 года № 169 "О деятельности КПСС и КП РСФСР", а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой».

³ См. доклады этой Комиссии: О ходе исполнения Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. – М., 2000; Доклад об исполнении Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2006-2008 годах. – М., 2009; Доклад Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий об исполнении Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2013–2014 годах. – М., 2015.

⁴ См. об этом также: Бобринский Н.А. Правовые основания правосудия переходного периода в документах Организации Объединенных Наций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – №

однако стоит отметить, что такая ответственность не может всецело строиться на концепции злоупотребления правом. В теоретическом отношении здесь **важно различать два момента: применение неправовых законов (например, об ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду) и неправовое применение законов (например, осуждение по политическим мотивам за государственные или иные преступления).** Предпосылки к такой градации содержат ст. 3 и ст. 5 закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Если в первом случае в действиях субъектов правоприменения признаки злоупотребления правом установить не представляется возможным, то во втором случае это вполне допустимо, что имеет существенное значение для решения важного вопроса о квалификации действий виновных лиц. Обратим внимание, что в ст. 18 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» говорится об ответственности лиц, признанных виновными – цитируем – «в преступлениях против правосудия». Тем самым, на наш взгляд, **государство официально подтвердило, что с правовой точки зрения оно не намерено рассматривать политические репрессии как преступления самого государства против прав и свобод человека, но допускает оценку в качестве преступлений против правосудия лишь поведение конкретных должностных лиц, связанных с неправовым применением законов.**

Это обстоятельство (сознательно воздержимся от его оценки) в конкретно-исторических условиях российской действительности во многом стирает различия между выделенными ранее ситуациями дифференцированного участия представителей государства в реализации его политического курса. **Формально провозглашается, что правовая политика страны во все времена соответствовала конституционным стандартам, тогда как на правоприменительном уровне поведение**

отдельных должностных лиц выходило за рамки права и носило неправомерный характер.

При оценке такого поведения с точки зрения уголовного закона с необходимостью возникает вопрос о разграничении преступного злоупотребления правом и ошибки. Вопрос этот был отчасти рассмотрен Конституционным Судом РФ применительно к проблематике судебных ошибок, но представляется, что его выводы имеют общий характер. Суд, в частности, признал, что законодатель выделяет две разновидности судебных ошибок. Во-первых, это возможные в судебной деятельности ошибки, которые не дискредитируют лиц, их допустивших, возникают в ходе разрешения конкретного дела при толковании и применении норм материального или процессуального права и подлежат исправлению вышестоящими судебными инстанциями. Такие неумышленные, ординарные судебные ошибки не могут расцениваться как проявление недобросовестного отношения судьи к своим профессиональным обязанностям, а потому не могут служить основанием для применения к нему мер взыскания. Во-вторых, возможен иной тип судебных ошибок, которые являются следствием некомпетентности или небрежности судьи, итогом недобросовестного исполнения им своих функциональных обязанностей, которые приводят к искажению фундаментальных принципов судопроизводства и грубому нарушению прав участников процесса. В тех случаях, когда обусловленное такой ошибкой вынесение неправосудного судебного акта не подпадает под признаки состава преступления, оно тем не менее может свидетельствовать либо о явной небрежности судьи, либо о его неспособности исполнять свои профессиональные обязанности. Поскольку в любом случае это недопустимо при отправлении правосудия, эти ошибки второго рода могут являться основанием для применения к судье мер дисциплинарной ответственности¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 19, 21 и 22 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко».

Виновные ошибки, таким образом, могут быть либо непроступными либо преступными, а в последнем случае – либо умышленными либо неосторожными, что напрямую влияет на квалификацию действий виновного лица (в частности, на применение ст. 305 УК РФ или ст. 293 УК РФ). **Именно умышленные ошибки, которые в силу собственно умышленного своего характера, плохо ассоциируются с этимологическим понятием ошибки¹, и следует рассматривать в качестве проявления злоупотребления правом со стороны правоприменителя.** Здесь происходит сознательное использование предоставленных ему возможностей вопреки интересам права, искажение права и деформация правосудия.

Злоупотребление правом со стороны частных лиц

Злоупотребление правом со стороны частных лиц в их взаимоотношениях между собой или с государством являет собой, пожалуй, наиболее распространенный и динамично развивающийся тип злоупотребления правом, что вполне объяснимо, поскольку динамика случаев злоупотребления является обратной стороной общей тенденции возрастания роли и значения права в общественной жизни и увеличения самого объема прав человека. Представить в рамках настоящего параграфа детальный анализ всех возможных ситуаций преступного злоупотребления правами со стороны граждан не представляется возможным, а потому воспользуемся методом типологии с тем чтобы дать их наиболее общую характеристику.

Исследование показывает, что при совершении преступления злоупотребление правом может проявлять себя различным образом и соответственно по-разному отражаться в составе преступления. Признаками, на основе которых можно типологизировать эти проявления, целесообразно признать: (а) место злоупотребления правом в механизме совершения преступления, (б) отражение факта злоупотребления правом в ряду

¹ Не случайно в литературе распространено мнение о том, что правоприменительные и судебные ошибки могут быть исключительно невиновными или, максимум, неосторожными. См. об этом: Ошибки в квалификации преступлений / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2020.

признаков состава преступления, (в) вид злоупотребления правом – выходит ли субъект за пределы самого права или же за пределы реализации этого права.

С учетом этих обстоятельств, можно выделить два основных подхода к уголовно-правовой оценке злоупотребления правом со стороны частных лиц.

А) Злоупотребление правом как способ совершения преступления

В некоторых ситуациях злоупотребление правом выступает одним из возможных и криминологически отчетливо проявляющих себя способов причинения вреда. При этом злоупотребление проявляет себя по преимуществу в виде превышения установленных пределов реализации субъективного права. Законодатель не признает повышенную опасность такого способа совершения преступления, не придает ему дифференцирующего значения и не фиксирует в числе основных или квалифицирующих признаков состава преступления. Тем не менее, именно посредством злоупотребления правом субъект причиняет вред тем или иным конституционным ценностям.

Судебная практика и криминальная действительность содержат ряд примеров такого поведения. В познавательных целях их удобно представить двумя группами, в зависимости от того, связано ли злоупотребление правом с обращением к официальным государственным структурам за правоприменительным оформлением действий виновного лица или нет.

Наиболее опасным с точки зрения характера и объемов причиняемого вреда выступает злоупотребление правом, в процессе которого виновное лицо требует санкционирования собственных действий со стороны государства и обращается за официальным оформлением, подтверждением собственных притязаний на право.

Так, согласно материалам одного из уголовных дел Огородникова, заключив договор купли-продажи квартиры и получив в полном объеме денежную сумму за проданный объект недвижимости, через определенное время через своего представителя обратилась в суд с иском о расторжении

этого договора и признании за ней права собственности на этот объект по причине того, что покупатель квартиры якобы не исполнил своих обязательств по договору и не оплатил стоимость приобретенной квартиры. Суд, введенный Огородниковой и ее представителем в заблуждение, исковые требования удовлетворил, на основании судебного решения кадастровая служба выдала Огородниковой свидетельство о праве собственности. Уголовное дело в отношении Огородниковой было рассмотрено судом по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ и ей вынесен обвинительный приговор¹.

Показательно, что Огородникова в последующем пыталась оспорить конституционность ч. 4 ст. 159 УК РФ именно на том основании, что эта норма, по ее мнению, допускает возможность осуждения гражданина за обращение в суд и за исполнение вступившего в законную силу решения суда. Конституционный Суд РФ не нашел оснований для принятия ее обращения к рассмотрению, обосновав свое решение общим тезисом о том, что действующее правовое регулирование не предполагает наступления уголовной ответственности за совершение правомерных действий².

В другом деле Каверин был осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ на том основании, что, имея право на реабилитацию в связи с прекращением в отношении него уголовного дела, обратился в суд с требованием о выплате ему компенсации расходов на юридическую помощь адвоката по этому уголовному делу, представив подложные документы, отражающие несоразмерно (в восемнадцать раз) завышенные исковые требования. Суд первой инстанции, будучи введенным в заблуждение, иск Каверина удовлетворил в полном объеме, при апелляционном рассмотрении сумма иска была снижена до фактически понесенных расходов, в связи с чем

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) от 8.05.2019 по делу № 1-1/2019. [Электронный ресурс]: <https://sudact.ru/regular/doc/vx191Z4sw0JU/> (дата обращения: 16.06.2020).

² Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 792-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Огородниковой Валерии Валерьевны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».

умысел Каверина на мошенничество в особо крупном размере не был реализован в полном объеме¹.

Каверин также обжаловал конституционность ст. 159 УК РФ на том основании, что по его мнению, она позволяет привлекать к уголовной ответственности лицо, обратившееся в суд за защитой своих прав, признавать способом совершения преступления обращение в суд с заявлением о взыскании имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, а также не учитывают, что заявитель вправе защищать свои интересы любым доступным и не противоречащим закону способом. Конституционный Суд РФ признал эту жалобу не отвечающей критериям допустимости, хотя и не использовал при этом рассуждений относительно недопустимости злоупотребления правом².

Наиболее ярким и показательным в рассматриваемом плане, учитывая содержание последующего решения Конституционного Суда РФ, является дело Москалева, который был осужден по ст. 128.1 УК РФ в связи с тем, что в своих неоднократных обращениях в государственные и муниципальные органы сообщал заведомо не соответствующие действительности сведения о поведении потерпевшего Ж. Его обращение в Конституционный Суд основывалось на том, что ст. 128.1 УК РФ позволяет, по его мнению, признавать обращение гражданина в государственные органы и органы местного самоуправления распространением информации и на этом основании привлекать к уголовной ответственности за клевету. Суд провел детальный анализ ситуации и констатировал, что в системе действующего правового регулирования – даже с учетом потенциально возможного риска причинения вреда правам и свободам лиц, с которыми связана содержащаяся в обращении информация, – само по себе обращение в государственный орган или орган местного самоуправления, обусловленное целью получения

¹ Приговор Третьяковского районного суда (Алтайский край) от 6.12.2017 по делу № 1-66/2017. [Электронный ресурс]: <https://sudact.ru/regular/doc/i43Q54o7EjLT/> (дата обращения: 16.06.2020).

² Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каверина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 и частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».

содействия по реализации прав и свобод обратившегося гражданина или прав и свобод других лиц, не может рассматриваться как распространение (разглашение) информации. Правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не должно влечь для него неблагоприятные правовые последствия, тем более в форме уголовной ответственности. Вместе с тем выход за установленные федеральным законодателем пределы реализации этого конституционного права объективно может создавать угрозу конституционным правам и свободам других лиц и охраняемым публичным интересам, а потому предполагает допустимость введения законодательных ограничений в этой сфере, связанных в том числе с привлечением к ответственности. Систематический характер обращений граждан, т.е. использование конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления путем постоянного направления информации, вынуждающего эти органы неоднократно проверять факты, указанные в обращениях, может свидетельствовать о намерении причинить вред лицу, о противоправных действиях которого содержалась информация в обращении¹.

Здесь, как видим, Конституционный Суд РФ фактически прямо признал, что реализация гражданином его права на обращение в государственные органы, с намерением причинить вред интересам иного лица, выступает злоупотреблением правом, которое в силу обусловленных последствиями общественной опасности, может влечь для лица уголовную ответственность.

Рассматривая все подобные преступные деяния², еще раз отметим, что в них злоупотребление правом выступает способом причинения вреда, причем способом не обязательным, не отраженным в законе в числе

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Наряду с описанными схемами, на практике развиваются и иные формы преступной деятельности. См., например: Закупень Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками // Банковское право. – 2015. – № 1. – С. 23 – 30.

признаков состава преступления. Законодатель, криминализируя причинение вреда отношениям собственности или чести и достоинству, игнорирует то обстоятельство, что оно происходит в процессе реализации виновным лицом своего права, в данном случае, права на обращение в суд и иные государственные или муниципальные органы. Тем самым, как представляется, игнорируется то обстоятельство, что в процессе действий виновного лица вносятся существенные дисфункциональные расстройства в деятельность государственных органов, а поведение должностных лиц государства становится необходимым условием причинения вреда охраняемым законом ценностям.

Такая ситуация с точки зрения уголовно-правовой квалификации содеянного порождает вопрос, который еще не был, как представляется, в сфере внимания отечественных специалистов. Речь идет, в частности, о том, что в процессе злоупотребления правом вред конституционным ценностям причиняется посредством сознательного использования действий должностных лиц, сознательно введенных в заблуждение. В результате таких действий должностных лиц вред объективно причиняется не только правам и интересам граждан, но и интересам власти и службы. И поскольку сами должностные лица в данном случае не подлежат ответственности в силу отсутствия вины, это актуализирует постановку проблемы ответственности лиц, злоупотребляющих правом, за посредственное, путем использования невиновных действий официальных лиц, выполнение состава должностного преступления (например, вынесения заведомо неправосудного решения). Практике неизвестны такие случаи, а обоснование посредственного выполнения частным лицом состава должностного преступления крайне затруднительно, если возможно в принципе¹.

Однако, как полагаем, оставлять без должной реакции причиненный интересам власти и службы вред недопустимо. В этих целях уместно

¹ См., например, об этом: Квалификация преступлений / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 354 – 360, 374 – 379.

использовать опыт некоторых зарубежных стран. Так, например, УК ФРГ в § 164 предусматривает состав ложного подозрения. Согласно этой норме, ответственности подлежит тот, кто в государственном органе или перед должностным лицом, к компетенции которого относится принятие заявлений, или военачальником или публично заведомо ложно обвиняет другое лицо в том, что оно совершило противоправное деяние или нарушило служебные обязанности, с намерением содействовать тому, чтобы против этого лица было возбуждено или продолжено служебное расследование или применение других официальных мер. Наказанию подлежит также тот, кто с тем же намерением в одном из указанных органов или публично заведомо ложно выражает в отношении другого лица прочие утверждения фактического характера, пригодные для того, чтобы против этого лица было возбуждено или продолжено служебное расследование или применение других официальных мер¹. По мнению немецких специалистов, этот состав и должен вменяться в вину лицам, злоупотребляющим своим правом на обращение в государственные органы, наряду с нормой, предусматривающей ответственность за вред, причиненный в результате злоупотребления². Представляется, что в наши дни, в связи с растущим объемом рассматриваемых случаев злоупотребления правом и использования официальных решений в качестве прикрытия для причинения вреда, есть все основания обсудить вопрос о необходимости внедрения в УК РФ нормы аналогичного содержания (в процессе опроса только 31% специалистов поддержал эту идею, тогда как 69% высказались против).

Наряду с описанной, разновидностью использования своих прав и свобод в качестве способа причинения вреда следует признать случаи, в которых злоупотребление правом происходит без обращения к государственным структурам. В этих случаях имеет место прямое

¹ Головненков П. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. – М.: Проспект, 2014.

² Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. – 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – С. 520 – 521.

взаимодействие лица, злоупотребляющего правом, и потерпевшего от преступления.

В качестве иллюстрации приведем описанный в литературе феномен патентного троллинга, при котором лицо получает патент на какой-либо известный объект и впоследствии на основании этого предъявляет имущественные требования субъектам хозяйственного оборота о выплате вознаграждения за его использование (примером приводится ситуация получения патента на «стеклянный сосуд» - бутылку, которая используется едва ли не всеми производителями напитков). По существу такой троллинг является злоупотреблением правом, поскольку до вступления в силу решения о признании выдачи соответствующего патента незаконной и аннулирования соответствующего патента поведение патентного тролля является формально правомерным, хотя и противоречащим общим принципам, таким, например, как добросовестность и разумность участников гражданских правоотношений¹. Оценка такого поведения с точки зрения действующих норм об ответственности за мошенничество и вымогательство затруднительна и требует коррекции уголовного закона. Однако она отчетливо свидетельствует о том, что злоупотребление правом проникает в качестве способа в механизм самых разных, традиционно именуемых «общеуголовными» преступлений.

Наиболее типичной формой злоупотребления правом как преступления в сфере межличностных отношений выступает самоуправство. Так, по одному из уголовных дел Тангиев был осужден по ч. 2 ст. 330 УК РФ. Его действия выразились в том, что имея на руках решение суда о порядке пользования квартирой, находящейся в общей долевой собственности с потерпевшей, предписывающее в том числе приведение этой квартиры в соответствие с технической документацией (ликвидацию незаконно установленных внутренних перегородок), не будучи уполномоченным на

¹ Ровнейко В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки патентного троллинга // Вестник Удмуртского университета – 2020. – Т. 30. Вып. 2 Экономика и право. – С. 284 – 285.

принудительное исполнение этого решения, самовольно снял с петель дверь в комнату, которая занимала потерпевшая и проник в данное помещение, применив к потерпевшей насилие¹. Его попытка обжаловать конституционность ст. 330 УК РФ на том основании, что она якобы позволяет следственным и судебным органам квалифицировать законные и правомерные действия по непосредственному исполнению решения суда и требований судебных приставов как самовольные и самоуправные, была признана необоснованной². Конституционный Суд РФ отказывал в рассмотрении жалоб и иных граждан на неконституционность ст. 330 УК РФ³. Аргументы Суда следующие:

- ст. 330 УК РФ предполагает привлечение к уголовной ответственности лишь за указанные в ней действия и только тогда, когда лицо осознавало их самовольность, неоснованность на законе и желало их

¹ Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 6.10.2011 по делу № 1-199/2011. [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/regular/doc/3gshLFuMQGby/?regular-txt=тангиев®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+330.+Самоуправство%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_=1592301643936&snippet_pos=376#snippet (дата обращения: 16.06.2020).

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1970-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тангиева Бекхана Тавсултановича на нарушение его конституционных прав статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1807-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2769-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Деканского Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 645-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терешина Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 37, частью первой статьи 126, частью первой статьи 163 и частью второй статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1672-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарана Константина Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1581-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кипы Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью десятой статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 92-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Храповицкого Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 359 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 112-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харитоновой Натальи Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 № 299-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанца Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав статьями 29, частью третьей статьи 125, частями первой и второй статьи 127, статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».

осуществить, предвидело возможность или неизбежность наступления последствий в виде существенного вреда, желало их наступления или же не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично;

- ст. 330 УК РФ не содержит положений, ограничивающих право заявителя на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами, включая право на судебную защиту собственности в процедурах, основанных на принципе состязательности и равноправия сторон. Более того, определяя самоуправство как нарушение установленного законом порядка реализации гражданами своих прав, данная норма предполагает наличие у них возможности реализовать эти права и осуществить их защиту от противоправных посягательств законным способом.

Можно утверждать, что ст. 330 УК РФ являет собой классический пример криминального злоупотребления правом, в законодательном описании состава которого акцент сделан как раз на самом действии виновного лица, на способе его преступного поведения, которое может вызвать самые разные последствия. Эта норма выступает в качестве общего предписания, которое в квалификационном отношении может отходить на второй план в тех ситуациях, когда опасность причиненных в результате злоупотребления правом последствий «перевешивает» опасность самого действия по злоупотреблению правом.

Рассматривая в обобщенном виде ситуации злоупотребления правом в аспекте их уголовно-правовой квалификации, отметим следующую общую логику, которая должна быть положена в основу законодательных решений при оценке злоупотребления правом в качестве способа причинения вреда:

- злоупотребление правом должно быть криминализовано в качестве самостоятельного действия, при этом общей норме о злоупотреблении правом в общении между частными субъектами (самоуправство) следует противопоставить такую же общую норму об

ответственности за злоупотребление правом во взаимодействии с государственными структурами;

- содержание общих норм об ответственности за злоупотребление охватывает лишь нарушение установленного порядка реализации имеющегося у лица субъективного права и не поглощает собой ситуации, в которых злоупотребление выражается в превышении самого права, в выходе за пределы его допустимого объема;

- в тех случаях, когда опасность наступивших в результате злоупотребления правом последствий превышает опасность самого злоупотребления правом, законодатель и правоприменитель вправе оценивать такие действия по правилам совокупности преступлений.

Б) Злоупотребление правом как содержание совершенного преступления

Особое место в ряду криминальных случаев злоупотребления правом занимают те, в которых злоупотребление тем или иным правом составляет само содержание преступления. Здесь, как правило, лицо выходит за пределы допустимого объема самого права, в связи с чем не ставится вопрос о соблюдении им установленного порядка его реализации. Такие действия, как правило, получают самостоятельную уголовно-правовую оценку на уровне отдельных составов преступлений, местоположение которых в структуре уголовного закона определяется не нарушенным правом, а теми последствиями, которые такое нарушение влечет за собой. В связи с чем, к примеру, злоупотребление свободой слова может рассматриваться и как преступление против чести и достоинства личности (ст. 128.1 УК РФ), и как преступление против государственной безопасности (ст. 280 УК РФ), а злоупотребление свободой ассоциаций – и как преступление против общественной безопасности (ст. 205.5 УК РФ), и как преступление против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 239 УК РФ).

Дать хот бы краткую характеристику преступлений подобного рода в рамках настоящей работы не представляется возможным. Отметим только, что их оценка с точки зрения учения о злоупотреблении правом является предметом деятельности Конституционного Суда РФ (именно с этих позиций оценены им нормы об ответственности за публичные призывы к террористической деятельности¹, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства², публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности³, клевету и оскорбление в отношении участников судебного процесса⁴) и становится все более авторитетной в науке⁵.

Такой подход позволяет решить две принципиальные проблемы толкования и применения соответствующих норм: во-первых, обосновать наличие противоправности в поведении субъекта, и во-вторых, дать

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3245-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наплавкова Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1503-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корта Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1411-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Носика Антона Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1927-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жукова Михаила Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашапова Рафиса Рафаиловича на нарушение его конституционных прав статьей 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2004 № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Заровнятных Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьями 297 и 298 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵ См., например: Макиенко А.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения криминогенного информационного воздействия преступных сообществ: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1997; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006; Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007; Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. – Тверь, 2008; Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2017; Адылханов М.Г. Уголовно-правовые гарантии свободы слова: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2020; Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Реализация ответственности за злоупотребления правом на выражение мнения и свободой на проведение собраний и объединений // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4 (33).

предметную характеристику самого деяния. При этом, что важно, дать такую характеристику вне конституционно-правового анализа содержания самого права, которым злоупотребляет виновный субъект, не представляется возможным, что свидетельствует о дополнительной, не только теоретической, но уже сугубо прикладной значимости процессов конституционализации уголовного права.

Подводя итог исследованию вопросов, связанных с уголовно-правовой конкретизацией конституционных начал ответственности за злоупотребление правом, представляется возможным тезисно обозначить несколько основных выводов:

- злоупотребление правом, в содержательном отношении охватывающее собой выход за пределы права и порядка его осуществления, является собой противоправное деяние, которое может быть криминализовано при условии, если в результате действий виновного прямо или косвенно причиняется вред правам и свободам человека; при этом злоупотребление правом может иметь место как в поведении официальных представителей государства, так и в поведении частных лиц;

- злоупотребление правом со стороны государственных служащих может быть отражением антиправовой политики государства и в этом случае интересы права требуют как ответственности самого государства, как и ответственности должностных лиц, чье поведение, не оправдываемое концепцией исполнения приказа, однако не может оцениваться с позиций злоупотребления правом; поведение должностных лиц может быть и не связано с правовой политикой и в этом случае именно злоупотребление правом как умышленное и неправильное применение права служит основанием ответственности виновных;

- злоупотребление правом со стороны частных лиц может составлять либо содержание самого преступления, либо выступать в качестве способа (формы) его совершения, при этом совершенствование системы оснований ответственности за такие деяния обуславливает необходимость

криминализации на уровне отдельной статьи закона действий по злоупотреблению гражданами права на обращение в суд и иные государственные органы.

§ 3. Уголовная ответственность за нарушение предписаний регулятивного законодательства

Охранительная направленность уголовного права исторически проявляет себя в том, что оно «подключается» к механизму правовой регламентации общественных отношений лишь в тех случаях, когда эти отношения уже урегулированы «позитивным» законодательством, когда права и обязанности их участников и правовые запреты определены в нормативных актах базисных отраслей права. Это порождает типичный, классический вариант проявления неправомерности преступления и особые юридико-технические приемы его описания непосредственно в тексте нормативных правовых актов¹.

С точки зрения юридической техники **зависимость уголовного закона от положений регулятивного законодательства проявляет себя двояко: либо в регулятивных правовых актах формулируется прямое указание на тот факт, что их нарушение влечет за собой ответственность виновных лиц, либо в уголовном законе описывается состав преступления, текстуально и содержательно восходящий к нарушению регулятивных правил.** В ряде случаев эти приемы используются совместно и синхронно, но иногда между ними допускается нормативный разрыв.

Регулятивных законов, содержащих нормы об ответственности за их нарушение, достаточно много. В соответствующих правовых источниках, в частности, предписывается, что:

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Уголовная ответственность за незаконные действия при отсутствии регулятивного закона // Законность. – 2021. – № 9. – С. 46 – 50; Гузеева О.С. Уголовно-правовое значение видов и содержания бланкетной части уголовно-правовой нормы // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 2. – С. 72 – 80.

- купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ¹;
- нарушение законодательства РФ в области предупреждения распространения туберкулеза влечет за собой в том числе и уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ²;
- лица, виновные в совершении нарушения законодательства РФ об экологической экспертизе или в нарушении, повлекшем за собой тяжкие прямые или косвенные экологические и иные последствия, несут ответственность в соответствии с УК РФ³;
- разглашение защищаемым лицом сведений о применяемых в отношении его мерах безопасности в случае, если это привело к тяжким последствиям для других лиц, влечет за собой уголовную ответственность⁴;
- присвоение авторства, принуждение к соавторству, разглашение сведений о промышленном образце до подачи заявки без согласия автора влекут за собой уголовную ответственность⁵;
- незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой административную или уголовную ответственность, установленную законодательством РФ⁶;
- несоблюдение субъектами обращения донорской крови и (или) ее компонентов правил заготовки, хранения, транспортировки и клинического использования донорской крови и ее компонентов при заготовке, хранении, транспортировке, клиническом использовании донорской крови и (или) ее

¹ Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ч. 4 ст. 1) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 62.

² Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» (ст. 16) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 26. – Ст. 2581.

³ Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об экологической экспертизе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2020) (ст. 31) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4556.

⁴ Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ч. 3 ст. 190) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – ст. 1455.

⁵ Закон СССР от 10.07.1991 № 2328-1 «О промышленных образцах» (ст. 27) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 32. – ст. 908.

⁶ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. 8 ст. 56) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

компонентов влечет за собой дисциплинарную, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством РФ¹;

- юридические лица и граждане, занимающиеся содержанием и разведением объектов животного мира, обязаны гуманно обращаться с ними, соблюдать надлежащие санитарно-ветеринарные и зооигиенические требования к их содержанию; несоблюдение указанных требований влечет за собой в том числе и уголовную ответственность, а объекты животного мира подлежат конфискации в судебном порядке²;

- нарушение владельцем новостного агрегатора требований к распространению информации влечет за собой уголовную или иную ответственность в соответствии с законодательством РФ³.

Список этот можно продолжить. Отметим, что нормативные акты регулятивных отраслей права, в которых формулируется тезис об ответственности за нарушение содержащихся в них положений, давно привлекают внимание специалистов в области уголовного права. При этом в науке они оцениваются по-разному. О.Н. Бибик, например, полагает, что такие предписания дублируют уголовно-правовые нормы, являются вторичными по отношению к ним и отражают определенные погрешности в юридической технике федерального законодателя⁴. Иной взгляд предложен К.В. Ображиевым, который в общем массиве исследуемых предписаний выделяет (а) предписания об уголовной ответственности за деяния, не предусмотренные УК РФ и (б) предписания, информирующие об уголовной ответственности за преступления, предусмотренные УК РФ. Первые оцениваются им в качестве генетических, причем нежелательных источников

¹ Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О донорстве крови и ее компонентов» (ч. 3 ст. 27) //Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 30. – Ст. 4176.

² Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О животном мире» (ч. 3 ст. 26) //Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ч. 13 ст. 10.4) //Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

⁴ Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2006. – С. 113.

отрасли уголовного права, вторые – в качестве допустимого и полезного превентивного средства, хотя и лишенного нормативного содержания¹.

Представляется, что такие оценки, продиктованные анализом исключительно формальных связей между нормативными источниками права, не в полной мере учитывают содержательную связь регулятивного и охранительного законов. Исходя из логики права, предписания регулятивных отраслей права не могут рассматриваться в качестве «вторичных» по отношению к охранительным нормам, скорее, здесь обратная зависимость. Об их «вторичности» может идти речь только по отношению к самим же регулятивным положениям: законодатель описывает модель должного или допустимого поведения и тут же подкрепляет свои предписания указанием на ответственность, которая следует в случае их нарушения. Закон таким образом содержит «полный цикл» предписаний: от цели и содержания регулирования до предупреждения об ответственности за нарушение правил. По этой причине наличие таких норм в регулятивном законодательстве нужно приветствовать.

По отношению к уголовному закону указания об ответственности за нарушение регулятивных норм выступают в качестве источника формирования. Как отмечал М.И. Ковалев, здесь еще нет «уголовного закона как такового», но есть властное пожелание или предложение установить ответственность². На несколько моментов здесь надо обратить внимание:

- во-первых, исследуемые регулятивные предписания не могут и не должны содержать описания состава преступления, поскольку признаки такового формируются исключительно в процессе реализации уголовной политики, с учетом ее требований, принципов и содержания уголовного закона;

- во-вторых, такие предписания, как правило, должны содержать указание на возможность наступления любого вида ответственности (не

¹ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 191 – 193.

² Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. – С. 13.

только уголовной), поскольку определить заранее необходимость именно криминализации нарушения предписанных правил не представляется возможным. Это опять же – задача уголовной политики, решаемая в том числе с учетом представлений о распространенности нарушений и оценке их опасности в конкретно-исторических условиях. Те нарушения, которые сегодня требуют административной ответственности, завтра могут заслуживать ответственности уголовной и наоборот. А потому жесткое требование именно уголовной ответственности за нарушение регулятивных предписаний может быть неадекватным потребностям времени;

- в-третьих, несогласованность положений регулятивного и уголовного закона в части криминализации тех или иных деяний не должна восприниматься, в силу изложенного, в качестве дефекта нормативных актов. Тезис об их юридико-технической дефектности аргументирован в литературе именно тем, что предписания регулятивного законодательства не сопровождаются внесением изменений в уголовный закон, который в силу принципа законности является единственным источником норм об уголовной ответственности. Однако положения регулятивных нормативных актов не предназначены для регулирования уголовно-правовых отношений; их задача – предупредить участников регулятивных отношений об ответственности. Они не обязывают законодателя установить именно уголовную ответственность за нарушение регулятивных норм¹.

Установление уголовной ответственности за нарушение предписаний регулятивного законодательства является логическим следствием признания необходимости противодействия им средствами уголовного права. Тем не менее, такая логическая последовательность не предполагает ни соблюдения хронологической последовательности в принятии регулятивного и уголовного закона, ни их абсолютного совпадения в содержательном

¹ По этой причине излишне прямолинейными и не подтвержденными собственно уголовно-правовой аргументацией выглядят предложения о дополнении УК РФ целым рядом составов преступлений лишь на том основании, что тезис о криминализации того или иного поведения озвучен в нормах регулятивного законодательства. См., например: Денисова А.В. Выявление и преодоление рассогласования положений УК РФ и предписаний уголовно-правового характера, содержащихся в федеральных законах иной отраслевой принадлежности: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004. – С. 148 – 175.

решении вопросов установления ответственности, ни строго обязательного предварительного нормативного оформления требования об установлении ответственности за нарушение предписаний регулятивных законов в уголовном праве.

Можно резюмировать, что **предписания регулятивных нормативных актов об ответственности за их нарушение завершают цикл отраслевого регулирования, выступают в качестве отсылочной (к предписаниям уголовного закона) правовой нормы, не участвуют в регулировании уголовно-правовом и сами по себе не определяют содержания уголовно-правового запрета** (52% опрошенных нами специалистов признали, что отсутствие в УК РФ предписанной регулятивным законом нормы об ответственности за то или иное деяние – вполне допустимое с точки зрения системности права явление).

Другое дело, **нормы собственно уголовного закона об ответственности за нарушение тех или иных регулятивных предписаний. Они выступают лишь логическим продолжением регулятивной нормы о возможной ответственности, но содержательно связаны не с этой конкретной отсылочной нормой, а с положениями регулятивного акта, который определяет права и обязанности участников охраняемого уголовным законом общественного отношения.** При этом уголовно-правовая норма может быть связана либо с каким-то одним, строго определенным обязательством участника такого отношения (как это имеет место в ст. 330.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за злостное уклонение от исполнения обязанностей по представлению документов, необходимых для включения в предусмотренный пунктом 10 статьи 13.1 Федерального закона от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента), либо с нарушением различных предписаний какого-либо отраслевого института (как это имеет место в ч. 2 ст. 146 УК РФ об ответственности за незаконное использование объектов

авторского права или смежных прав), либо с нарушением предписаний различных отраслей права (как это имеет место в ст. 127 УК РФ об ответственности за незаконное лишение свободы).

Такая связь традиционно обозначается как бланкетная¹. Глубокое и всестороннее исследование бланкетности позволило Н.И. Пикурову сделать обоснованный вывод о том, что в общем ряду уголовно-правовых диспозиций, которые при описании состава преступления используют прием отсылки к нормативным положениям иных отраслей права, следует выделить бланкетную диспозицию «в узком смысле». Ее признаками автор называет: а) недостаточность информации, содержащейся в диспозиции для формирования полного представления о содержании запрещенного уголовно-правовой нормой деяния, которая восполняется путем обращения к иным нормативным актам; б) наличие прямой или скрытой отсылки на нормативные акты иных отраслей права². Само же преступление, описанное такой диспозицией, исследуется в науке при помощи предложенной Н.И. Пикуровым и поддержанной иными авторами, концепции «состава в составе», когда состав преступления включает в себя состав неуголовного правонарушения³.

Как указал Конституционный Суд РФ, характерное для бланкетных диспозиций статей уголовного закона указание на незаконный характер конкретных деяний означает, что юридической предпосылкой применения уголовно-правовых норм является несоблюдение действующих в той или иной сфере правил (при том, что основанием уголовной ответственности, в силу ст. 8 УК РФ, служит наличие в совершенном деянии всех признаков

¹ Сама бланкетность в уголовном праве, как известно, может проявляться различным образом: либо в форме использования иноотраслевой терминологии, либо в форме ссылок на нарушение правил или незаконность (неправомерность) самого деяния. В рамках настоящего исследования, с учетом его направленности и целей, проблема использования бланкетных терминов в уголовном законе не исследуется.

² Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009. – С. 25.

³ См.: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009. – С. 20; Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 12; Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2018. – С. 78.

состава преступления, предусмотренного именно Уголовным кодексом), а потому решение вопроса о наличии признаков состава преступления предполагает выявление нарушения правил, посягающего на охраняемые законом отношения¹.

Специфика таких преступлений состоит в особой конструкции их противоправности, на что уже обращалось внимание. Дополнительно отметим, что любое «неуголовное правонарушение», в принципе может быть рассмотрено с позиций учения о злоупотреблении правом. Однако **в отличие от преступлений, которые обозначены нами в предшествующем изложении как проявление злоупотребления правом, в преступлениях, связанных с нарушением регулятивных правил, злоупотребление заранее и формально определено в актах иной отраслевой принадлежности, в связи с чем правоприменителю в рамках уголовного процесса нет необходимости устанавливать объем реализуемого права и его пределы, достаточно зафиксировать совпадение признаков совершенного деяния с признаками четко очерченного неправомерного поведения.**

С этой точки зрения бланкетная диспозиция, как бы это странно не звучало, обладает гораздо большей степенью правовой определенности, нежели диспозиция, описывающая состав с использованием концепта «злоупотребление правом». Поскольку субъектом нарушения правил, установленных регулятивным законодательством, всегда выступает лицо, ответственное за их соблюдение, а следовательно и владеющее необходимой информацией о содержании правил, поскольку такой специальный субъект всегда имеет больше возможностей для того, чтобы получить необходимую консультацию о содержании требуемого и допустимого поведения, поскольку он как правило всегда предупрежден об ответственности за нарушение правил, регулирующих его поведение, постольку определенность

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 793-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Меркулова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

правовых последствий нарушения ему гораздо очевидней. Субъект в подобной ситуации не определяет «наощупь» границы дозволенного поведения, они ему изначально заданы предписаниями регулятивных нормативных правовых актов с предупреждением об ответственности, а потому соблюдение начал законности и виновной ответственности при реализации норм с бланкетными диспозициями становится гарантированным.

Сказанное не исключает проблем и сложностей, связанных с конструированием и применением бланкетных диспозиций в уголовном законе, но вполне определенно способствует дополнительной легитимации таких конструкций. Заметим, что по мнению некоторых специалистов, «в УК РФ отсутствует норма, регламентирующая допустимость бланкетных норм и соответственно обусловленность уголовной ответственности нарушением других – не уголовного – законов и (или) иных нормативных правовых актов», в связи с чем предлагается обновленная редакция ст. 1 УК РФ, включающая указание на то, что уголовный кодекс основывается не только на Конституции РФ и международных актах, но также на федеральных конституционных и федеральных законах, на которые сделаны ссылки непосредственно в УК РФ, а сами такие законы или необходимые выдержки из них являются обязательными приложениями к кодексу¹.

Представляется, однако, что такие выводы не вполне обоснованы. Прежде всего, с формально-юридической и сущностной точек зрения ни один закон не может служить «приложением» к другому закону, учитывая и самостоятельный характер каждого закона, и различный предмет регулирования, и разный уровень этих законов в иерархии нормативных правовых актов. Что же касается легитимности бланкетных диспозиций, то она, как представляется, определяется, в первую очередь, предписаниями ч. 1 ст. 14 УК РФ, определяющими преступление как противоправное деяние, то

¹ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнформ», 2005. – С. 242, 247.

есть деяние, как мы уже отмечали, не только предусмотренное кодексом, но и нарушающее требования регулятивного законодательства.

Допустимость использования бланкетных диспозиций в тексте уголовного закона неоднократно подтверждена Конституционным Судом РФ. В своих решениях он, в частности, указал:

- принцип правовой определенности обязывает законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, которая должна позволять каждому лицу соотносить с ними свое поведение и предвидеть вызываемые им последствия; вместе с тем этот принцип не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых терминов требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов;

- сам по себе бланкетный характер норм не может свидетельствовать об их неконституционности, поскольку регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же правовом акте, что и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за их нарушение; в силу этого оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева»; Определение Конституционного Суда РФ от

Исходя из этих принципиальных положений, Конституционный Суд РФ последовательно отказывал в рассмотрении жалоб на неконституционность многих уголовно-правовых норм по основаниям, связанным с их бланкетным характером, в частности, ст. 137 УК РФ¹, ст. 138.1 УК РФ², ст. 183 УК РФ³, ст. 171 УК РФ⁴, ст. 226.1 УК РФ⁵, ст. 205.5 и ст. 282.2 УК РФ⁶.

Вместе с тем, надо признать, что конструирование и применение уголовно-правовых норм с бланкетными диспозициями сопряжено с рядом специфических проблем и сложностей, которые заслуживают того, чтобы быть представленными в рамках последующего изложения, с учетом мнения Конституционного Суда РФ относительно возможных вариантов их разрешения.

Уголовная ответственность за незаконные действия при отсутствии регулятивного закона

Самое простое (и уже от этого не вполне верное) понимание бланкетной диспозиции как «чистого бланка» заполняемого положениями отраслевого законодательства, дает основание сомневаться в легитимности

19.12.2019 № 3326-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шиловой Оксаны Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2685-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 830-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фрумкиной Ирины Львовны на нарушение ее конституционных прав статьей 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2304-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гитера Вячеслава Яковлевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 183 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 857 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 475-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бебко Михаила Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева».

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1387-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хабилова Салавата Байегитовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 205.5 и 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статей 3 и 25 Федерального закона «О борьбе с терроризмом»».

уголовно-правового запрета в тех случаях, когда этот «бланк» остается «чистым».

Наиболее яркие примеры такой ситуации демонстрируют нормы об ответственности за деяния, правовая регламентация которых отличается повышенной динамикой.

Так, ст. 171.1 УК РФ, действовавшая в редакции до внесения в нее изменений законом от 31.12.2014 № 530-ФЗ, устанавливала ответственность, среди прочего, за оборот немаркированной продукции, которая подлежала обязательной маркировке знаками соответствия. Однако регулятивное законодательство (в частности, Федеральный закон «О техническом регулировании») предусматривало не предусматривало маркировку продукции знаками соответствия. В итоге складывалась ситуация, при которой преступным признавалось нарушение несуществующих правил маркировки¹. В ст. 193 УК РФ до внесения в нее изменений законом от 28.06.2013 № 134-ФЗ, предусматривалась ответственность за невозвращение в крупном размере из-за границы руководителем организации средств в иностранной валюте, подлежащих в соответствии с законодательством РФ обязательному перечислению на счета в уполномоченный банк РФ. Вместе с тем, с 2007 года корреспондирующий Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» уже не предусматривал обязательств по продаже валютной выручки на внутреннем рынке, что опять же создавало ситуацию, при которой уголовный закон конструировал состав с бланкетной диспозицией, «не заполненной» регулятивным нормативным актом².

К настоящему времени эти противоречия между регулятивным и уголовным законодательством устранены. Однако они наглядно свидетельствуют, что рассогласование бланкетной диспозиции и бланкетного законодательства делает уголовно-правовую норму нежизнеспособной. Для предотвращения случаев незаконного осуждения по таким нормам Пленум

¹ См. об этом подробнее: Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. – М.: Юрайт, 2009. – С. 54.

² См. об этом подробнее: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – С. 648.

Верховного Суда РФ в целом ряде постановлений сформулировал правило, которое имеет сегодня всеобщий, универсальный характер: **при квалификации преступлений с бланкетной диспозицией правоприменитель обязан четко указать пункт, часть, номер статьи того нормативного правового акта, который нарушило виновное лицо; отсутствие соответствующей информации служит основанием для возвращения поступившего в суд уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий к его рассмотрению, либо для отмены или изменения судебного решения.**

Рассматривая вопрос о регулятивном наполнении «уголовно-правового бланка», **надо четко различать случаи истинного отсутствия регулятивных норм от мнимой неопределенности бланкетного уголовного закона.** В судебной практике и в науке есть немало свидетельств смешения этих различных ситуаций.

Так, к примеру, отдельные авторы указывают на неопределенность понятия «правила эксплуатации транспортных средств» для целей применения ст. 264 УК РФ и предлагают в целях реализации единой государственной политики в области безопасности дорожного движения и приведения к единообразному применению ст. 264 УК РФ в части установления ответственности за преступное нарушение правил эксплуатации транспортных средств скорейшее принятие Правительством РФ нормативного правового документа, устанавливающего единые правила эксплуатации механических транспортных средств¹. Между тем, наличие множества несистематизированных регулятивных актов, не сведенных в единый документ, хотя и создает дополнительные сложности в правоприменении, не является непреодолимым препятствием и в любом случае не свидетельствует о неопределенности и неконституционности уголовно-правовой нормы.

¹ Климкин В.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, и их квалификация: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 17.

Еще одним примером мнимой неопределенности может служить ст. 242 УК РФ. Граждане обжаловали эту норму в Конституционный Суд РФ на том основании, что признаки законного распространения порнографических предметов и материалов не определены нормативными правовыми актами. Отказывая в принятии жалоб к рассмотрению, Конституционный Суд РФ указывал, что установление уголовной ответственности за незаконное распространение порнографических предметов или материалов из обязательств РФ по международным договорам, в частности по Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими (Женева, 12 сентября 1923 года), статья I которой выдвигает обращенное к странам-участницам требование установить наказуемость деяний, связанных с публичным выставлением, продажей, иным распространением порнографических материалов (предметов), их изготовлением, хранением, ввозом, провозом и вывозом в этих целях, их анонсированием и иным рекламированием, а также принимать всяческие меры в целях раскрытия этих правонарушений, преследования и наказания лиц, виновных в их совершении. Следуя этим обязательствам, Россия в ст. 242 УК РФ прямо определяет, какие действия составляют объективную сторону предусмотренного этой статьей преступления, а также указывает на наличие прямого умысла при его совершении, а потому соответствующая статья уголовного закона не может считаться неопределенной или нарушающей конституционные права граждан¹. Тем самым Конституционный Суд РФ фактически признал, что указание на «незаконность» в диспозиции анализируемой нормы не является препятствием к ее применению, а сама диспозиция, по сути, не признана им

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16.04.2009 № 389-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 41-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капцуговича Севастьяна Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

бланкетной, ибо описание действий, образующих объективную сторону преступления, прямо и непосредственно содержится в тексте уголовного закона.

В отдельных ситуациях истинная и мнимая регулятивная недостаточность бланкетного законодательства могут сочетаться в рамках одной статьи уголовного закона. Примером может служить ст. 234.1 УК РФ, установившая ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ. Согласно ст. 1 Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», таковыми являются вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в РФ запрещен. Однако ни самого Реестра, ни правил оборота новых потенциально опасных веществ в РФ так и не создано. Между тем, ч. 2 ст. 2.2 указанного закона однозначно и категорично предписывает: «Оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ в Российской Федерации запрещается», а ч. 3 этой статьи определяет исключительные случаи легального использования новых психоактивных веществ. Исходя из этого следует предположить, что любые действия с ними, не оговоренные в ч. 3 ст. 2.2 Закона, могут расцениваться (с учетом положений Общей части УК РФ) в качестве действий, образующих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ, и правоприменителю незачем искать и ссылаться на нарушенные виновным лицом правила оборота таких веществ. В этой части указание на «незаконность» оборота не свидетельствует о бланкетности уголовно-правовой нормы (также, как и в описанной выше ситуации с толкованием и применением ст. 242 УК РФ). Другое дело – предмет рассматриваемого преступления. Его детальное исследование, в том числе на основе нормативных правовых актов, образующих бланкетный компонент ст. 234.1 УК РФ, дало основание А.В. Федорову сделать обоснованный вывод о том, что даже при констатации наличия химических, медицинских, социальных признаков предмета, суд лишен возможности в

настоящее время обосновать наличие признака юридического – включенность таких веществ в соответствующий Реестр, а потому ст. 234.1 «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» УК РФ в настоящее время не может применяться¹.

Уголовно-правовые нормы, в которых законодатель описывает деяние как «противоправное», «незаконное», при условии, что регулятивное законодательство не знает законных, легальных форм такого поведения, по большому счету не могут рассматриваться в качестве норм с бланкетными диспозициями (что подтвердили 89% опрошенных нами экспертов). Однако отношение к таким нормам в науке неоднозначное. Так, если применительно к оценке ст. 234.1 УК РФ было высказано мнение о том, что указание на «незаконность» действий по обороту психоактивных веществ является излишним и представляет собой плеоназм², то применительно к ст. 105 УК РФ, напротив, была аргументирована мысль о необходимости дополнения ее диспозиции указанием на противоправность действий по лишению жизни человека³. Представляется, что решить данную проблему необходимо на основе четкого разграничения двух смыслов противоправности: противоправности как запрещенности деяния регулятивным правом и противоправности как предусмотренности деяния в уголовном законе. Во всех тех ситуациях, когда «противоправность» или «незаконность» подчеркивает именно предусмотренность деяния в УК РФ, полагаем, нет особой необходимости на ее фиксации в тексте уголовного закона, поскольку таковая является необходимым элементом гипотезы любой уголовно-правовой нормы, согласно одному из элементов которой деяние влечет уголовную

¹ Федоров А.В. Правовая составляющая определения новых потенциально опасных психоактивных веществ для целей уголовного законодательства и экспертной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 8. – С. 77 – 88.

² См.: Жевлаков Э.Н. Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (комментарий к ст. 234.1 УК РФ) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 7. – С. 110.

³ См.: Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. – М.: Зерцало-М, 2008. – С. 24.

ответственность в случае его описания в УК РФ и при отсутствии обстоятельств, исключающих его противоправность.

В рамках данной части исследования обратим внимание на тот факт, что **мнимая неопределенность в связи с отсутствием бланкетной части уголовно-правовой нормы достаточно часто возникает не столько в связи с отсутствием непосредственно правил поведения участников того или иного общественного отношения, сколько в связи с отсутствием нормативных дефиниций отдельных понятий, использованных в тексте УК РФ**, то есть при наличии в диспозиции отдельных бланкетных терминов.

Одним из первых решений, в которых обсуждался вопрос об отсутствии нормативной дефиниции предмета преступления, стало определение Конституционного Суда РФ, оценивающее конституционность ст. 228 УК РФ, действовавшей в условиях, когда перечень и размеры наркотических средств не определялись самим уголовным законом, который к тому же не содержал ссылок на иные нормативные акты, принятые в целях его установления, а таковые размеры устанавливались с учетом рекомендаций, формулируемых Постоянным комитетом по контролю наркотиков в соответствующем Перечне. Суд тогда указал, что из содержания данной статьи не следует, что при оценке размера наркотического средства как крупного или особо крупного суды связаны положениями названного выше Перечня. Подобные перечни утверждаются Постоянным комитетом по контролю наркотиков и в силу этого не являются нормативными правовыми актами, не определяют права, обязанности и ответственность граждан, а их положения носят лишь рекомендательный характер¹. Иными словами, Конституционный Суд РФ фактически признал, что в части описания предмета преступления ст. 228 УК РФ на тот момент не

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 9.04.1998 № 48-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Лесосибирского городского суда Красноярского края о проверке конституционности статьи 228 УК Российской Федерации и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами"».

являлась бланкетной, а сам предмет преступления описан посредством использования не бланкетного, а оценочного признака.

Еще одним решением из этого ряда можно назвать определение, в котором анализировался вопрос о конституционности ст. 228.1 УК РФ в той ее части, в которой она устанавливает ответственность на незаконный оборот аналогов наркотических средств. По мнению заявителя, законодательство не устанавливает конкретные виды веществ, являющихся аналогами наркотических средств и психотропных веществ, что порождает неопределенность положений ст. 228.1 УК РФ. Конституционный Суд РФ указал: диспозиция данной статьи носит бланкетный характер и подлежит применению в системной связи с положениями иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере оборота наркотических средств. Понятие аналогов наркотических средств дано в ст. 1 закона от 8.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». Следовательно, ст. 228.1 УК РФ предполагает возложение уголовной ответственности за незаконный сбыт лишь таких аналогов наркотических средств и психотропных веществ, которые по химической структуре и свойствам сходны с наркотическими средствами и психотропными веществами, включенными в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ в соответствии с законодательством РФ и международными договорами РФ. При этом ст. 228.1 УК РФ, подлежащая применению во взаимосвязи с положениями Общей части уголовного закона, предусматривает ответственность лишь за такое деяние, которое совершается с умыслом, направленным на незаконные производство, сбыт или пересылку аналогов наркотических средств, психотропных веществ, свойства и психоактивное действие которых осознается виновным¹. Как видим, и здесь Конституционный Суд РФ посчитал преодолемым сомнение в

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1976-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маслова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 155 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации"».

конституционности уголовно-правовой нормы, сославшись и на регулятивный закон, и на саму суть понятия «аналог», оговорив особым образом, что статья Особенной части УК РФ подлежит применению во взаимосвязи с предписаниями Общей части, касающейся и умысла, и очевидно, общественной опасности деяний, признаваемых преступлениями.

В другой раз, обсуждая вопрос о конституционности ст. 226.1 УК РФ, Суд затронул вопрос о неопределенности нормативного понятия «вооружение или предметы военной техники» и указал следующее. Бланкетный способ описания предметов преступления не сводится лишь к поименному перечислению каждого из них посредством полного их перечня, специально принятого для целей применения той или иной конкретной статьи УК РФ. Достижение ясности в этом вопросе может обеспечиваться и за счет обращения к понятийному аппарату системно связанных с уголовным законом нормативных актов другой отраслевой принадлежности, ссылки на которые сделаны или подразумеваются в бланкетных диспозициях. Содержащиеся в данных актах дефинитивные нормы, непосредственно обозначая область применения, целевое предназначение и другие характерные (видовые) признаки определяемого предмета, также призваны служить для его отграничения от множества других предметов. При этом предметы, которые попадают в сферу действия статьи 226.1 УК РФ в качестве вооружения и военной техники, настолько редко могут законным образом оказаться во владении частных лиц и стать в таком качестве объектом перемещения через границу, что отсутствие их поименного перечня может быть компенсировано возможностью установить назначение данного предмета, а значит, и применимые при его перемещении через границу правила посредством обращения в уполномоченные государственные органы. В частности, в случае необходимости получить дополнительную информацию для определения принадлежности продукции к продукции военного назначения имеется возможность ее идентификации, которая осуществляется в соответствии с имеющимися нормативными

актами¹. Иными словам, Конституционный Суд также признал, что нормативная недостаточность, если таковая имеется, может быть преодолена, причем не только за счет обращения к текстам регулятивных актов, но и посредством юридической и специальной технической консультации.

Изложенное позволяет признать, что отсутствие бланкетного наполнения содержания уголовно-правовой нормы (как в части описания признаков деяния, так и в части описания иных признаков преступления) не должно однозначно и категорично восприниматься в качестве дисквалифицирующего дефекта уголовно-правовой нормы, ибо такая дефектность может быть преодолимой.

Уголовно-правовое значение видов и содержания бланкетной части уголовно-правовой нормы

Предусматривая уголовную ответственность за нарушение правил, установленных регулятивными предписаниями, УК РФ, в силу системных свойств права, может содержать отсылку к актам самого разного содержания, вида и места в иерархии нормативных правовых актов. Однако эта свобода усмотрения законодателя имеет объективные ограничения, заданные, в том числе и конституционными стандартами установления уголовной ответственности.

Прежде всего, отметим, что бланкетная диспозиция может содержать или подразумевать ссылки исключительно на нормативные правовые акты, а не технические нормы и правила, причем на такие положения этих актов, которые содержат обязательные, а не рекомендованные предписания.

Как признал Конституционный Суд РФ, «нормативный правовой акт – это акт общего действия, адресованный неопределенному кругу лиц, рассчитанный на многократное применение, который содержит конкретизирующие нормативные предписания, общие правила и является

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2647-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

официальным государственным предписанием, обязательным для исполнения»¹. Признаками, характеризующими нормативный правовой акт, по мнению Верховного Суда РФ, являются: издание его в установленном порядке уполномоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления, иным органом, уполномоченной организацией или должностным лицом, наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений².

Сами нормативные правовые акты при этом могут занимать различное место в иерархической системе источников права. Это могут быть как находящиеся на вершине такой иерархии Конституция РФ и нормативные акты международного права, так и нормативные акты органов местного самоуправления³. Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался на этот счет, легитимируя бланкетные ссылки на различные источники права системными свойствами права. Он, в частности, указывал, что:

- конструкции бланкетного характера могут отсылать к положениям не только законов, но и к предписаниям международных договоров РФ, поскольку Конституция РФ признает их составной частью

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. N 1090-1 ГД "О некоторых вопросах применения Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и от 11 октября 1996 г. N 682-П ГД "О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества "Газпром нефть"».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

³ Верховный Суд РФ в упомянутом постановлении Пленума подчеркнул, что «нормативными правовыми актами органов местного самоуправления или должностных лиц не может быть предусмотрена какая-либо ответственность за их неисполнение (санкция как мера принуждения). Такая ответственность регулируется федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации». Это обстоятельство подчеркивает принципиальную допустимость установления ответственности по федеральному законодательству (в том числе уголовному) нарушений актов органов местного самоуправления.

правовой системы России и закрепляет приоритет установленных ими правил в правоприменительной практике, предусматривает возможность участия России в межгосударственных объединениях и передачи им части своих полномочий, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя¹;

- конституционность бланкетной конструкции не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены подзаконными нормативными правовыми актами².

Такая достаточно широкая связь закономерно порождает ряд вопросов и проблем, требующих внимания. Один из вечных в данном случае – вопрос о допустимости бланкетной ссылки на подзаконные нормативные акты. В литературе аргументирована позиция, согласно которой кодекс при описании составов преступлений с использованием приема бланкетной диспозиции может содержать отсылки только к законам³. Аргументируется она, как правило, ссылками на ч. 3 ст. 55 Конституции РФ о том, что права и свободы граждан могут ограничиваться только таким нормативным правовым актом,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишника, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2875-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Меркулова Андрея Олеговича на нарушение его конституционных прав статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

³ См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнформ», 2005. – С. 242, 247; Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 175 – 176.

как закон. Однако такой аргумент, на наш взгляд, не является в данном случае оправданным, а сама идея подвергается обоснованной критике¹.

Как уже отмечалось, диспозитивная часть уголовно-правового запрета не может рассматриваться как ограничение прав человека. Такое ограничение заложено в тех регулятивных нормативных актах, к которым УК РФ отсылает. При этом, учитывая специфику регулирования общественных отношений, такие нормы могут быть отражены как в законах, так и в подзаконных нормативных актах, то есть устанавливаться органами как представительной, так и исполнительной власти. Конституционный Суд РФ подчеркнул: конституционный принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную предполагает разграничение законодательной функции, возлагаемой на парламент, и функции обеспечения исполнения законов, возлагаемой на Правительство РФ. Поскольку Правительство РФ действует на основании и во исполнение федеральных законов, ни оно само, ни другие органы исполнительной власти не вправе устанавливать обязанности и обременения, ограничивающие конституционные права и свободы граждан, которые не предусмотрены федеральным законом². Поэтому принципиально важно, чтобы подзаконные акты не противоречили регулятивным законам, в развитие которых они принимаются и не устанавливали самостоятельно ограничений прав и свобод человека. Законодатель формулирует в законах ограничения прав и свобод, но может делегировать органам исполнительной власти работу по их детализации и конкретизации. Как только и если в подзаконном акте устанавливается ограничение, не предусмотренное законом, такой акт утрачивает легитимность в этой части и не может служить основой ни правового регулирования, ни бланкетной составляющей уголовно-правовой нормы. Таким образом **проблема состоит не в том, что статья УК РФ**

¹ См.: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 160; Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 189.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2001 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 16 Закона Российской Федерации "О сертификации продукции и услуг" в связи с жалобой гражданина В.П. Редкопа».

отсылает к подзаконным нормативным актам, а в том, что подзаконные акты могут противоречить законам и формулировать запреты и ограничения, не предусмотренные ими. В связи с этим правоприменитель, квалифицируя деяние по статье с бланкетной диспозицией, всегда должен удостовериться, что бланкетное содержание нормы является легитимным, как с точки зрения содержания, так и с точки зрения формы.

На примере анализа положений уголовного закона об ответственности за незаконный оборот оружия, Конституционный Суд РФ подчеркнул: «поскольку диспозиция статьи 222 УК РФ носит бланкетный характер, наличие или отсутствие признака незаконности перечисленных в ней действий следует оценивать с позиции требований как Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», так и принятых в его развитие подзаконных нормативных актов, а также в контексте взаимосвязи законности и противоправности отдельных действий, включенных в запрещенное уголовным законом деяние»¹.

С учетом сказанного, тем более нет оснований сомневаться в легитимности ссылки на подзаконные акты в случаях, когда такими актами устанавливаются не правила поведения, а определяются какие-либо бланкетные понятия. Эту мысль неоднократно озвучивал Конституционный Суд РФ, в частности, обсуждая вопросы конституционности норм об ответственности за преступления в сфере оборота наркотиков. Суд указывал: списки веществ, оказывающих негативное воздействие на организм человека, а также размеры этих веществ не обязательно должны предусматриваться законом. Право утверждать перечни таких веществ для целей уголовного законодательства может быть предоставлено и Правительству РФ, что само по себе не означает наделение его полномочием осуществлять нормативное

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 7.07.2016 № 1426-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1497-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Князева Игоря Петровича на нарушение его конституционных прав статьей 222 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2772-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаевского Романа Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».

регулирование по вопросу установления оснований уголовной ответственности. Утверждение Правительством РФ размеров наркотических средств и психотропных веществ не предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом таких средств или веществ, без указания на то в уголовном законе, а соответствующим постановлением Правительства РФ не устанавливаются преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, которые определяются только УК РФ¹.

Второй, не теряющей своей значимости вопрос, возникающий с конституционно допустимыми широкими границами бланкетной части уголовно-правового запрета, состоит в допустимости ссылок на региональные акты. Некоторые специалисты высказывают обоснованные сомнения в легитимности таких ссылок, апеллируя, прежде всего, к конституционному принципу равенства, который требует равных условий уголовной ответственности для всех граждан вне зависимости от места их жительства и места совершения преступного деяния², а также к конституционным правилам исключительно федеральной компетенции в сфере уголовного права³. Наряду с этим, другие авторы либо допускают использование региональных актов в качестве источников бланкетной части уголовно-правовых норм в качестве исключения, специально оговоренного в статье Особенной части УК РФ⁴, либо в качестве общего правила, ссылаясь на то, что бланкетная составляющая уголовно-правовой нормы не регулирует

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2019 № 1241-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соснина Александра Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьей 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 548-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тагирова Михаила Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 8 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1638-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давлетшина Рената Равиловича на нарушение его конституционных прав примечаниями к статье 228, статьями 228.1 и 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² См. об этом: Ибрагимов М.А., Ображиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005. – С. 41.

³ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 174 – 175.

⁴ Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 188.

уголовно-правовых отношений¹. При проведении опроса специалистов 87% респондентов признали принципиальную допустимость отсылки к региональным актам в уголовно-правовой норме с бланкетной диспозицией, а 13% - категорически отвергли такую возможность.

Представляется, что решение данного вопроса с использованием теоретической конструкции исключительных норм не является оправданным подходом. Исключение должно иметь под собой некое обоснование, которое вряд ли может быть различным для различных случаев допущения региональных актов в число бланкетных источников уголовно-правовой нормы. Но если попытаться сформулировать это общее основание, то ссылки на региональные акты перестанут по определению быть исключительными. Равным образом недостаточно в обоснование допустимости бланкетных ссылок на региональные акты указания на разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами и соотнесения правовых актов с этой компетенцией.

Предложенные в науке решения, на наш взгляд, основаны на изолированном толковании и оценке, с одной стороны, положений уголовного закона, с другой стороны – регулятивного правила или запрета. Оптимальный подход предполагает, напротив, их интегрированный анализ. Напомним отмеченное ранее и в принципе хорошо известное положение: уголовный закон устанавливает ответственность за нарушение регулятивных правил с учетом собственных представлений о преступлении и собственных принципов регулирования уголовно-правовых отношений. В связи с этим **в бланкетных нормах, отсылающих к региональным нормативным актам, коллизия с принципом законности исключается в той мере, в какой сама уголовно-правовая норма ему соответствует.** Ссылка на региональный бланкетный акт не может сама по себе свидетельствовать о незаконности уголовно-правового запрета, если все иные конституционные условия его

¹ Пшипий Р.М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015. – С. 28.

легитимности соблюдены. Что касается принципа равенства граждан, то здесь ситуация несколько сложнее. **Принцип равенства при конструировании уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией не нарушается ссылками на региональные нормативные акты при условии, если обеспечивается равенство оснований уголовной ответственности.**

Такое обеспечение достигается различными приемами, которые отчетливо коррелируют с используемыми в УК РФ конструкциями составов преступлений.

В частности, **в материальном составе преступления с бланкетной диспозицией, отсылающей к региональным нормативным актам, равенство оснований ответственности гарантируется единым для всех пониманием последствий.** Классический пример в данном случае – нормы об ответственности за уклонение от уплаты налогов. Вне зависимости от того, уклоняется ли лицо от федеральных, региональных или местных налогов, вне зависимости от того, какие и в каком объеме региональные и местные налоги установлены в налоговом праве, ответственность виновных лиц по УК РФ может наступать только в том случае, если сумма неуплаченных налогов достигает определенного, установленного именно уголовным законом, уровня. «Именно крупный размер неуплаченных налогов и (или) сборов позволяет отграничить состав преступления от налогового правонарушения»¹; «криминообразующим признаком предусмотренного ст. 199 УК РФ состава преступления является крупный размер неуплаченных налогов, сборов и (или) страховых взносов..., отсутствие указанных признаков ввиду недостижения законодательно очерченной границы ущерба от неправомерного деяния, направленного на неуплату или неполную уплату сумм налога (сбора, страховых взносов) в нарушение установленных правил, позволяет отнести такое деяние

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2009 № 1488-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лосева Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 198 Уголовного кодекса Российской Федерации».

соответственно к разряду исключительно налоговых правонарушений»¹, - резюмировал в ряде своих решений Конституционный Суд РФ.

Формальный состав преступления требует иного механизма обеспечения равенства. Как указал Конституционный Суд РФ, устанавливая преступность и наказуемость тех или иных общественно опасных деяний, законодатель может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость тех ценностей, на которые они посягают, и характер причиняемого ими вреда. При этом выбранная законодателем конструкция формального состава преступления, отражая в известной мере особенности общественной опасности деяния, не означает, что совершение данного деяния не влечет причинения вреда или реальной угрозы его причинения охраняемому объекту². Опасность и вредоносность преступления, описанного посредством бланкетной диспозиции, непосредственно связана с характером нарушаемых правил и во многом ими определяется³. Уровень же нормативной фиксации правил напрямую определяется значимостью регулируемых ими общественных отношений и конституционными положениями о разграничении предметов ведения между РФ и ее субъектами.

С учетом этих обстоятельств надо признать, что регулирование некоторых отношений изначально исключает возможность регионального нормотворчества, а потому **конструкция формального состава преступления, описанного в бланкетной диспозиции, отсылающей исключительно к федеральным актам, не может нарушить принцип**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

³ См. об этом: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009. – С. 63.

равенства. К примеру, не создает повода для критики и сомнений в рассматриваемой части диспозиция ч. 4 ст. 191 УК РФ. Правовое регулирование сделок с драгоценными металлами, камнями или жемчугом, в виду важности и значимости этого вида деятельности для государства, и в силу положений п. «ж» ст. 71 Конституции РФ, отнесено к исключительному ведению РФ, а потому и диспозиция этой нормы уголовного закона содержит прямое указание на то, что деяния виновного совершаются «в нарушение правил, установленных законодательством Российской Федерации».

Если же регулирование тех или иных отношений отнесено к совместной компетенции федерации и ее субъектов, то надо учитывать, что в силу конституционных требований, региональные акты не могут противоречить актам федерального значения. **В уголовно-правовой норме с бланкетной диспозицией, отсылающей к документам федерации и регионов, равенство граждан перед уголовным законом обеспечивается, прежде всего, непротиворечивостью и иерархическим характером самих регулятивных актов.**

Здесь, однако, возможно несколько ситуаций. **В некоторых случаях региональные документы в качестве бланкетной составляющей уголовно-правовой нормы носят во многом уточняющий, детализирующий конкретизирующий по отношению к федеральным актам характер. Ссылка на такие акты при квалификации необходима для обеспечения полноты и точности квалификации, но в принципе, не является строго обязательной.** Отчасти такой подход подтверждается высшей судебной инстанцией. Он был озвучен применительно к локальным нормативным актам, но, как представляется, может иметь более общее значение, может быть распространен и на акты регионального нормотворчества. Пленум Верховного Суда РФ, комментируя предписания ст. 143 УК РФ, указал, что «под требованиями охраны труда следует понимать государственные нормативные требования охраны труда, содержащиеся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах

РФ (например, в стандартах безопасности труда, правилах и типовых инструкциях по охране труда), законах и иных нормативных правовых актах субъектов РФ, устанавливающие правила, процедуры, критерии и нормативы, направленные на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности. При этом, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 5 ст. 8 Трудового кодекса РФ локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, также регулируют трудовые и связанные с ними отношения, в судебном решении дополнительно может быть сделана ссылка и на положения таких актов в целях конкретизации нарушенных государственных нормативных требований охраны труда, если соответствующие локальные нормативные акты приняты в их развитие, не противоречат им и не изменяют их содержание»¹.

Сказанное, однако, не должно восприниматься излишне категорично и линейно, поскольку региональное нормотворчество не может носить подчеркнуто детализирующий характер. В определенных пределах по вопросам совместного ведения субъекты федерации самостоятельны, и тем более они обладают всей полнотой регулятивной власти по вопросам, которые отнесены к их исключительной компетенции. В связи с этим возникает закономерный вопрос о конституционной легитимности привлечения к уголовной ответственности за преступление с формальным составом по бланкетной уголовно-правовой норме в случае, когда бланкетная часть нормы выражена только в региональных нормативных актах. Представляется, что именно здесь и возникают непреодолимые сомнения в соблюдении принципа равенства граждан перед законом. **Привлечение к уголовной ответственности за преступление с формальным составом на основании федерального закона за нарушение исключительно региональных нормативных актов прямо противоречит принципу равенства граждан в уголовном праве.** Такое нарушение может влечь за

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 1.

собой исключительно административную ответственность по региональному закону об административной ответственности, при условии, конечно, если считать такие региональные законы теоретически и практически оправданными.

Вопрос о правомерности ссылок на региональные акты может возникнуть и в ситуации, когда речь идет не собственно о регулятивных правилах, а об определении иных бланкетных признаков состава. Так, например, нормы об ответственности за должностные преступления при описании субъекта преступления прямо предполагают обращение к законодательству субъектов федерации для установления реестра должностей государственной гражданской службы субъекта РФ с целью определения круга должностных лиц. Заметим, что Конституционный Суд РФ в свое время признал неlegitimным законодательство, устанавливающее требование учитывать при утверждении реестра должностей государственной гражданской службы субъекта РФ структуру государственных органов, наименования, категории и группы должностей государственной гражданской службы РФ, установленные Реестром должностей федеральной государственной гражданской службы, как подразумевающее необходимость обеспечения тождества системы государственной гражданской службы субъекта РФ системе федеральной государственной гражданской службы¹. Это повлекло за собой соответствующие изменения в ч. 2 ст. 10 Закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»². Как следствие, не исключены ситуация несовпадения перечни должностей государственной гражданской службы в различных субъектах РФ. Однако потенциально возможное в этом случае нарушение принципа равенства граждан блокируется предписаниями примечаний к ст. 285 УК РФ, которые требуют от правоприменителя не

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2012 № 26-П «По делу о проверке конституционности положения части 2 статьи 10 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" в связи с запросом Законодательного Собрания Камчатского края».

² Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

столько формальной ссылки на совпадение занимаемой субъектом преступления должности той или иной позиции в перечне должностей, сколько установления факта обладания таким субъектом властными, административно-распорядительными или организационно-хозяйственными функциями. Такой «общий знаменатель», непосредственно закрепленный в тексте уголовного закона как раз и гарантирует, что при существующих региональных различиях в служебном законодательстве, равенство уголовной ответственности должностных лиц будет гарантировано.

Таким образом, ссылки в бланкетной части уголовно-правовой нормы на региональные нормативные правовые акты могут считаться конституционно оправданными в той мере, в какой принцип равенства граждан перед законом гарантируется: в материальных составах – указанием на последствия, которые выступают главным криминообразующим признаком, вне зависимости от вида нарушенных правил, а в формальных составах преступлений – иерархическим и непротиворечивым характером регулятивного законодательства, принятого по вопросам совместного ведения федерации и ее субъектов.

Подводя итог исследованию некоторых проблем конструирования и применения уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение регулятивного законодательства, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы и рекомендации:

- предписания регулятивных нормативных актов об ответственности за их нарушение завершают цикл отраслевого регулирования, выступают в качестве отсылочной (к предписаниям уголовного закона) правовой нормы, не участвуют в регулировании уголовно-правовом и сами по себе не определяют содержания уголовно-правового запрета, тогда как нормы уголовного закона об ответственности за нарушение тех или иных регулятивных предписаний выступают логическим продолжением регулятивной нормы о возможной ответственности, хотя содержательно связаны не с этой конкретной отсылочной нормой, а с положениями

регулятивного акта, который определяет права и обязанности участников охраняемого уголовным законом общественного отношения;

- в отличие от преступлений, которые являют собой проявление злоупотребления правом, в преступлениях, связанных с нарушением регулятивных правил, злоупотребление заранее и формально определено в актах иной отраслевой принадлежности, в связи с чем правоприменителю в рамках уголовного процесса нет необходимости устанавливать объем реализуемого права и его пределы, достаточно зафиксировать несовпадение признаков с признаками четко очерченного неправомерного поведения;

- бланкетные диспозиции в полной мере легитимированы конституционными началами регулирования уголовно-правовых отношений и конституционными требованиями к конструированию уголовного закона, при условии, что их содержание и применение не нарушают принципов правовой определенности и равенства граждан перед законом;

- следует различать истинную и мнимую регулятивную недостаточность бланкетного содержания уголовно-правовой нормы. В первом случае отсутствие бланкетной части нормы служит непреодолимым препятствием к ее применению, во втором случае правовая неопределенность может быть преодолена посредством систематического толкования уголовно-правовой нормы и использованием концепции оценочных признаков состава преступления. Уголовно-правовые нормы, в которых законодатель описывает деяние как «противоправное», «незаконное», при условии, что регулятивное законодательство не знает законных, легальных форм такого поведения, не могут рассматриваться в качестве норм с бланкетными диспозициями;

- ссылки в бланкетной части уголовно-правовой нормы на региональные нормативные правовые акты могут считаться конституционно оправданными в той мере, в какой принцип равенства граждан перед законом гарантируется: в материальных составах – указанием на последствия, которые выступают главным криминообразующим признаком, вне зависимости от вида нарушенных правил, а в формальных составах

преступлений – иерархическим и непротиворечивым характером регулятивного законодательства, принятого по вопросам совместного ведения федерации и ее субъектов.

Глава 4.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Конституционно-правовое понимание общественной опасности преступления

Вопрос об общественной опасности, ее понимании, критериях, структуре, без преувеличения, можно считать центральным в учении о преступлении. Количество работ, посвященных этой теме, исчисляется десятками, если не сотнями. Но, несмотря на это, общественная опасность до сих пор остается и одним из наиболее дискуссионных участков уголовно-правовой теории, и не познанной в должной мере категорией.

Приступая к ее исследованию в контексте конституционализации уголовного права¹, констатируем, что в настоящее время можно считать неактуальной и бесперспективной идею о необходимости исключения общественной опасности из числа признаков, характеризующих преступление². Даже если реализовать предложения о закреплении на нормативном уровне исключительно «формального» определения

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – М.: Юрлитинформ, 2020; Гузеева О.С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ // Lex Russica. – 2021. – Т. 74, № 3. – С. 95 – 106; Гузеева О.С. Некоторые вопросы теории общественной опасности преступления // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 66 – 73.

² Справедливости ради сказать, что даже те авторы, которые критически относились к признаку общественной опасности, не предлагали отказываться от него полностью. Так, в исследовании Т.Г. Понятовской, по ее собственным словам, «не ставилось цели обоснования необходимости отказа от признака общественной опасности преступления в Уголовном кодексе РФ 1996 г.». Автор лишь констатировала, что общественная опасность преступления есть понятие, необходимое в рамках советской уголовно-политической концепции, но неприемлемое для классической концепции; и на этой основе формулировала рекомендации по обеспечению системности и концептуальной выдержанности уголовно-правовых норм о понятии, категоризации преступлений и малозначительном деянии (см.: Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997. – С. 24). В равной степени А.М. Алакаев утверждал лишь о необходимости изъятия опасности из числа дефинитивных признаков преступления в уголовном законе, но подчеркивал при этом, что «в правовом государстве общественная опасность является критерием, который позволяет законодателю дифференцировать правонарушения на преступления, административные, гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки» (см.: Алакаев А.М. Понятие преступления: формы и виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1992. – С. 16).

преступления¹, проблема общественной опасности не исчезнет, поскольку именно опасность объективно предопределяет факт предусмотренности того или иного деяния в уголовном законе. Кроме того, «формальное» определение понятия преступления, предполагая обсуждение проблем общественной опасности лишь в контексте законотворческой деятельности по криминализации тех или иных деяний, с необходимостью лишает правоприменительной уровень проверенных инструментов оценки каждого конкретного деяния с точки зрения адекватности мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении виновных лиц. А это уже серьезное посягательство на конституционно значимые принципы уголовно-правового регулирования в части обеспечения справедливости и соразмерности допускаемых правоограничений.

Малопродуктивной предоставляется также обширная дискуссия о том, является ли общественная опасность эксклюзивным признаком именно преступления². На сегодняшний день известную точку в этом споре поставил Конституционный Суд РФ, который признал, что федеральный законодатель преобразует составы административных правонарушений в составы преступлений и наоборот, принимая во внимание, наряду с другими обстоятельствами, изменение степени общественной опасности тех или иных правонарушений³. Именно меньшая, а не отсутствующая вовсе, степень вредоносности и общественной опасности административных

¹ См.: Дашков Г.В., Здравомыслов Б.В., Красиков Ю.А., Побегайло Э.Ф., Рарог А. И., Пашин С.А. Уголовное уложение вместо УК РФ // Записки криминалистов. – 1993. – № 1; Львова Е.Ю. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

² Как известно, некоторые специалисты признавали, что иные, кроме преступлений, правонарушения могут быть лишь общественно вредными, но не опасными (Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М. - Л.: Издательство АН СССР, 1948. – С. 135–136; Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М. Юрид. лит., 1963. – С. 53); тогда как другие авторы последовательно отстаивали общность данного признака для всех правонарушений, включая преступления и административные проступки (Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969 // Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 443; Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления. – М.: РГУП, 2019. – С. 30).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» (п. 4.1); Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

правонарушений по сравнению с преступлениями, констатирована Конституционным Судом в подтверждении тезиса о том, что они не могут быть исключены из сферы действия конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство¹. Тем самым вполне определенно на высоком уровне подтверждено (и признано 74% опрошенных нами респондентов), что **не появление, а лишь изменение параметров общественной опасности отличает проступок от преступления, которые едины в своей антисоциальной основе.**

Гораздо более значима для последующего развития темы иная дискуссия, долгое время существующая в науке – о соотношении признаков общественной опасности и противоправности. Она отчетливо коррелирует с известными «материальными» и «формальными» дефинициями преступления. Согласно широко распространенному мнению, общественная опасность выступает так называемым материальным признаком, она первична, объективно существует вне зависимости от того, как ее оценивают, но в уголовной противоправности получает свою официальную законодательную оценку, а потому противоправность лишь отражает, фиксирует общественную опасность, выступая формальным, вторичным признаком преступления. Не оспаривая этого суждения по существу, отметим, что оно справедливо лишь при одном допущении – если противоправность понимать исключительно как предусмотренность деяния в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ "АвтоВАЗ" и "Комбинат "Североникель", обществ с ограниченной ответственностью "Верность", "Вита-Плюс" и "Невско-Балтийская транспортная компания", товарищества с ограниченной ответственностью "Совместное российско-южноафриканское предприятие "Эконт" и гражданина А.Д. Чулкова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 № 13-П «по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2019 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 и пункта 4 статьи 25 Федерального закона "О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции" в связи с жалобой гражданина О.В. Довлатли».

уголовном законе. С этой точки зрения, действительно, она лишь отражает результат законодательной оценки опасности и является вторичной характеристикой преступления (разумеется, вторичность не означает в данном случае второстепенности). Иное, как подчеркнул Конституционный Суд РФ, «означало бы возможность применения уголовной ответственности за деяния (действия, бездействие), которые не представляют общественной опасности, требующей их криминализации, и тем самым противоречило бы статьям 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 31 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации»¹.

Если же смотреть на противоправность иначе, а именно как на юридическую характеристику деяния, направленного против правоохраняемых ценностей, как на его неправомерность, соотношение опасности и противоправности уже не будет столь очевидно последовательным. Неправомерность деяния в форме злоупотребления правом или нарушения установленного порядка реализации права в любом случае означает, что субъект выходит за пределы дозволенного. Эти пределы, продиктованные объективно необходимым балансом между правами и свободами человека с одной стороны, правами и свободами иных лиц, интересами общества и государства, - с другой, возникают одновременно с формированием самого права, составляя его неотъемлемую характеристику. Деяние становится неправомерным, потому что оно нарушает этот баланс, и вследствие того, что оно нарушает этот баланс, оно становится неправомерным. Это двуединый процесс. А потому **опасность и неправомерность развиваются не последовательно, а одновременно, тогда как опасность и предусмотренность деяния в уголовном законе – строго последовательные явления.**

Такое уточнение имеет принципиальное значение и для конкретизации предмета самой дискуссии об общественной опасности – что именно она

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2020 № 264-О-Р «По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П».

характеризует. Науке и практике хорошо известны понятия «опасность преступления», «опасность личности виновного», «опасность деяния», «опасность последствий» и др., однако в спорах об общественной опасности эти понятия не всегда с должной степенью упорядочены, что зачастую способствует безрезультативности самого спора. Кроме того, в этой области необходимо принципиально различать опасность того или иного преступления «вообще» и опасность конкретного преступления. Для характеристики первого аспекта опасности традиционно используется оговорка «типичная общественная опасность». Этот термин получил конституционно-правовое признание. В своих решениях Конституционный Суд РФ подчеркивает, что законодатель, «принимая решение о криминализации деяния, обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности»¹. Оценка типовой опасности – удел законодателя, оценка опасности конкретного преступления – задача суда, рассматривающего конкретное уголовное дело².

С этих позиций следует заключить, что на типовом уровне опасность преступления есть результат совокупной оценки различных обстоятельств – непосредственно деяния, личности виновного, параметров вины, последствий и т.д. Только с учетом этой оговорки можно согласиться с мнением специалистов, которые предлагают говорить о «о едином сложном явлении

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2221-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерманова Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Эти вполне очевидные выводы подтверждены Конституционным Судом РФ в процессе обсуждения вопроса о конституционности нормативной категоризации преступлений. Суд указал: «Абстрактные предписания статьи 15 УК РФ не создают препятствий для реализации принципов равенства, справедливости и соразмерности в уголовном праве, поскольку предполагается, что суд, рассматривая уголовное дело, руководствуется как этими, так и другими положениями данного Кодекса (его Общей и Особенной частей), содержащими нормативные характеристики преступления и наказания, конкретизируя их применительно к каждому отдельному преступлению и личности виновного, и с учетом всех обстоятельств дела в рамках предоставленной ему дискреции назначает наказание, соразмерное совершенному преступлению» См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 32 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова».

общественной опасности деяния и деятеля, не разделяя их»¹; о том, что «общественно опасное поведение, включает в себя общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного с ее общественно опасными свойствами»². Должно быть очевидным, что каждый из этих компонентов и может, и должен быть самостоятельно оценен на предмет общественной опасности. **И только в своей совокупности «раздельные» оценки опасности личности, деяния, его последствий и т.д. могут быть интегрированы в общий вывод об опасности преступления.** Причем, что крайне важно, вклад этих оценочных компонентов в общую оценку опасности преступления может существенно различаться.

На уровне практики Конституционного Суда РФ этот тезис получил многочисленные подтверждения. В частности, в своих решениях Суд констатировал:

- установление законом уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ принципам справедливости и гуманизма³;
- криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими

¹ Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 250.

² Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993. – С. 9.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В.Королева и В.В.Королевой»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Киреева Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, – такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления¹;

- общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления)².

Анализ этих утверждений еще раз доказывает: вывод об опасности преступления (на типовом уровне) есть результат законодательного учета множества факторов, которые только в своей совокупности дают основание для криминализации. Однако в ряду этих факторов деянию как сознательно-волевому неправомерному поведению человека принадлежит особая роль. **Деяние и его опасность – самостоятельный предмет оценки законодателя и правоприменителя; оценка опасности деяния и оценка опасности преступления – несовпадающие виды оценочной практики.** Опасность деяния имеет свои параметры и критерии оценки, о которых стоит рассуждать отдельно.

Значимость категории «деяние» подтверждается ее конституционным признанием. Согласно ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Этот тезис воспроизведен и в уголовном законе, в статьях 8, 14, определяющих основание уголовной ответственности

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

и понятие преступления. Акцент на деянии, как представляется, призван подчеркнуть очевидное в современных условиях, но фундаментальное по своему социально-историческому значению положение о том, что мысли, убеждения, верования, и все то, что составляет «внутренний мир идей» человека не могут служить основанием для уголовного преследования, не могут быть признаны неправомерными и опасными. Согласно ст. 28 Конституции, каждому гарантируется право свободно выбирать, иметь, распространять любые убеждения и действовать в соответствии с ними; согласно ч. 3 ст. 29 Конституции, никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Любое правовое, а тем более уголовно-правовое «вторжение» в сферу свободы человека начинается там, где убеждения и мнения воплощаются в конкретном деянии.

Деяние, о котором здесь идет речь, есть неправомерное и вместе с тем одновременно опасное. Эта опасность существует объективно до момента криминализации. На этот принципиальный момент обратил внимание А.Э. Жалинский, обращаясь к положениям ч. 2 ст. 2 УК РФ, в соответствии с которой законодатель «определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями». Автор, в частности, указывал, что понятие опасного деяния по логике законодателя отличается от деяния общественно опасного, а сам законодатель, руководствуясь ч. 2 ст. 2 УК РФ, в процессе конструирования уголовно-правового запрета «должен пройти путь от установления того, что деяние (система деяний – поведение), которое является предметом правотворчества, опасно до признания его (их) общественно опасными»¹.

Опасность деяния, подлежащего криминализации, должна восприниматься и оцениваться одновременно с учетом того, что оно является неправомерным (в форме злоупотребления правом или нарушения порядка реализации права). Элемент неправомерности является значимой

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 358 – 359.

характеристикой такого деяния. В содержательном отношении это предполагает, что в оценке опасности деяния он не может быть проигнорирован. При таком подходе в новом свете звучит известная дискуссия о том, обладает ли общественной опасностью исключительно виновное поведение лица или опасность свойственна деянию безотносительно вины субъекта. Некоторые авторы, как известно, полагают, что общественная опасность есть категория объективная, не зависящая от вины субъекта, в связи с чем свойством общественной опасности наделяют и действия неменяемых лиц, и разрушительные действия сил природы¹. С таким подходом можно соглашаться, опять же, при очень существенных оговорках относительно предмета, который наделяется свойством опасности. Если рассуждать о предмете законодательной оценки с точки зрения выявления потребности в криминализации, должно быть очевидным, что опасное и неправомерное деяние по определению не может быть лишено субъективных компонентов виновности. В.С. Прохоров предлагал на этом основании различать опасность вообще и общественную опасность в частности (первая отражает, по его мнению, весь ущерб, причиняемый обществу, тогда как вторая – лишь тот ущерб, который выступает следствием виновного поведения²). В.В. Мальцев высказался более определенно: «Общественно опасное поведение как единственный источник одноименного социального свойства изначально предполагает осознание индивидом своих интересов в качестве противоречащих интересам общества. Без такого осознания это поведение не имеет социального содержания и осуществляется лишь на уровне природных «влечений, вождлений, склонностей». ... Потому общественно опасное поведение есть всегда сознательный выбор лица в пользу антисоциального, противообщественного

¹ См., например: Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. – С. 26; Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления. – М.: РГУП, 2019. – С. 30.

² Прохоров В.С. Преступление и ответственность. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – С. 23.

способа удовлетворения своих потребностей»¹. Согласимся с этим суждением без дополнительных комментариев. **Опасное деяние, если оно одновременно является неправомерным, с необходимостью содержит в себе элемент осознанности. В противном случае невозможно говорить о неправомерности деяния, а оставшаяся «объективная опасность», как не отражающая отношения деятеля к обществу, правам и интересам иных лиц, не может служить предметом правовой оценки с точки зрения выявления оснований ответственности.** В этом контексте важно уточнить, что речь идет именно о сознательно-волевом характере деяния, то есть о его психологической характеристике. Сам термин «виновность» здесь неприменим в принципе, поскольку вина в преступлении наделена специфическим содержанием, предполагающим отражение в сознании субъекта уголовно-правовых признаков преступления, то есть признаков уже криминализованного деяния.

Сознательно-волевое неправомерное опасное деяние лица выступает исходной точкой, началом начал в рассуждениях законодателя о необходимости криминализации; она «обрастает» результатами оценки иных факторов, но сохраняет свое принципиальное значение в качестве основы, экстракта общественной опасности преступления. «Лишь общественная опасность, присущая конкретному деянию, оправдывает уголовно-правовую реакцию на это деяние»².

Выявление и оценка содержания опасности деяния представляет сложный интеллектуальный процесс (в некоторых исследованиях для его описания используется сложнопереводимый с английского термин «дейнджеризация»³). Его специфика, однако, состоит в том, что результаты этого процесса не остаются лишь достоянием интеллектуального творчества, они приобретают свойства нормативного решения, воплощаясь в

¹ Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. Т.1. Введение в уголовное право. Научное исследование. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 79 – 80.

² Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – С. 216.

³ См.: Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 120 и сл.

криминализации, а сама дейнджеризация выступает частью процесса правотворчества. В силу этого **оценка опасности деяния должна иметь в своей основе не только необходимый механизм интеллектуального обеспечения¹, но строгие правовые основы, включая, в первую очередь, основы конституционные.**

А.Э. Жалинский отмечал, что законодатель «связан Конституцией РФ и действует в ее рамках. Но Конституция не дает позитивной характеристики ни опасности, ни общественной опасности деяния. Поэтому законодатель вначале должен самостоятельно, но на основе конституционной и уголовно-правовой доктрины, используя самую различную фактическую информацию, решать, является ли поведение опасным, а затем и общественно опасные, либо оно вообще не опасно, либо опасно, но не общественно опасно. При этом законодатель обязан «заложить» в свое решение представление об общественной опасности и сделать это так, чтобы быть понятым правоприменителем»². Действительно, слова «опасность», «общественная опасность» в конституционном тексте не используются. Но это вовсе не означает, что Конституция РФ не содержит в себе потенциального источника для построения теории общественной опасности. Сложно согласиться с категорическим суждением о том, что «идеи права, происходящие из духа Конституции РФ, в отрыве от нее как юридического документа, существовать в российском правовом пространстве не могут»³. Конституция – это не только текст, но, как отмечает Н.С. Бондарь, «это еще и дух Конституции, т.е. те основополагающие ценности, принципы, устои нашей жизни, которые не обязательно имеют конкретное текстовое закрепление в Конституции, но в конечном счете вытекают из нее»⁴.

¹ См. об этом, например: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Понятие и механизм интеллектуального обеспечения уголовной политики // Российский следователь. – 2013. – № 11.

² Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 360.

³ Баринов Э.Э., Ткаченко М.А. Стабильность Конституции Российской Федерации в контексте обеспечения ее безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 4 (83). – С. 64.

⁴ Бондарь. Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист», 2013. – С. 179.

Анализ практики Конституционного Суда РФ дает реальную возможность выявить те смыслы и идеи, которые будучи отраженными в правовых позициях органа конституционной юстиции, приобретает значимое качество нормативных требований к процессу выявления и оценки общественной опасности.

Прежде всего, отметим, что **Конституционный Суд РФ настаивает на принципиальном различии типовой общественной опасности и опасности конкретного преступления, подтверждая применительно к реальным ситуациям возможность несовпадения признака предусмотренности деяния в уголовном законе и его общественной опасности.** В ряде решений Суд указывал:

- при установлении уголовной ответственности «нельзя не учитывать природу правонарушений, исключая отнесение к преступлениям деяний хотя и противоправных, но не обладающих действительной общественной опасностью (*malum prohibitum*)»¹;

- «как вводимые законодателем меры уголовной ответственности, так и их реализация в правоприменительной деятельности не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК РФ, но не представляющие того минимума опасности, которая является необходимым свойством преступления, либо представляющие опасность в столь малой степени, что восстановление нарушенных общественных отношений, социальной справедливости может быть обеспечено и при освобождении от уголовной ответственности или от наказания. Сказанное не означает отказ от учета формальных признаков деяния, запрещенного в Особенной части УК РФ, которые непреложны для суда, обязанного руководствоваться ими при квалификации любого инкриминируемого лицу преступления. Тем не менее выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование»¹;

- уголовно-правовым основанием различия нормативной оценки опасности и ее реального содержания выступает ч. 2 ст. 14 УК РФ, которая позволяет отграничить преступления от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Тем самым обеспечивается адекватная оценка правоприменителями степени общественной опасности деяния, зависящая от конкретных обстоятельств содеянного. В качестве таких обстоятельств могут учитываться размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ; не исключается учет при оценке степени общественной опасности деяния значимости для потерпевшего того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства².

Далее. Конституционный Суд РФ закономерно исходит из того, что преступления, хотя и составляют единый класс правонарушений, существенно различаются между собой по степени общественной опасности. В решениях Конституционного Суда находит свое выражение, в частности, характеристика преступлений, уголовные дела по факту

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьшиной»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 805-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации».

совершения которых возбуждаются в частном порядке, как «не представляющих значительной общественной опасности»¹; оценка обстоятельств, отягчающих наказание, и квалифицирующих признаков преступления как свидетельств «повышенной степени общественной опасности уголовно наказуемого деяния»². При этом опасность преступлений закономерно различается не только от одного вида деяний к другому, но и в отношении одного и того же типа деяний со временем, что может приводить к значительному уменьшению общественной опасности преступления, в том числе по прошествии значительного времени с момента его совершения³.

В любом случае, по мнению Конституционного Суда РФ, в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность⁴, уголовная ответственность в отличие от

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко»; Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 8.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Завитаева Руслана Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 60, 63, частью третьей статьи 69, частью первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом «г» части второй статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1220-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вихманн Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 5.06.2014 № 1309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.-2.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

административной ответственности установлена для случаев, представляющих повышенную общественную опасность¹.

Параметры этой собственно «криминальной», «повышенной» опасности не являются изначально заданными, не имеют четких свидетельств и критериев, и в современных условиях не могут быть просчитаны с математической точностью. Определить минимальный порог опасности, с которого «начинается преступление», вряд ли возможно эмпирическим путем, хотя бы потому, что это задача не экспериментально-познавательная, а политическая, решаемая в процессе реализации уголовной политики государства.

Это обстоятельство специалистами осознано давно и в полной мере. «Лишь то деяние может быть правомерно криминализовано, общественная опасность которого достаточно (с точки зрения уголовного права) высока», – пишет Г.А. Злобин. Но тут задается вопросом: «Насколько именно высокой должна быть общественная опасность подлежащего криминализации деяния и могут ли быть заранее установлены критерии именно такой степени общественной опасности?» «Ясно, – пишет он далее, – что установить эту степень заранее и наметить операциональные критерии ее существования невозможно»². Такое утверждение, тем не менее, не снимает значимости категории общественной опасности для решения задач криминализации и применения уголовного закона. Смысл принципа общественной опасности, – указывает Г.А. Злобин, – не в том, чтобы предустановить признаки, свидетельствующие о достаточной степени общественной опасности (что невозможно), а в том, чтобы указать исходный пункт движения познания, от которого должно отправляться при исследовании вопросов обоснованности криминализации деяния.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982. – С. 216 – 217.

Обращаясь к содержательной характеристике феномена общественной опасности, отечественная наука предложила целый ряд теоретических построений, которые в современных условиях, с учетом потребности в обновлении методологических основ уголовного права, могут и должны быть переосмыслены, а в некоторой степени – и заново открыты.

Начнем с того, что «общим местом» едва ли всех рассуждений на тему общественной опасности выступает тезис о том, что опасность непосредственно связано с вредом, который причиняется преступлением. Сам по себе он не нуждается, по-видимому, в специальном дополнительном обосновании, он очевиден. Однако его развертывание в литературе приводит к несовпадающим позициям, которые должны быть выявлены и разъяснены.

Согласно распространенному мнению, последовательно отстаиваемому Н.Ф. Кузнецовой и поддержанному многими иными авторами, «общественная опасность деяния состоит в том, что оно вредоносно для общества»¹ (на этом основании некоторыми специалистами предлагалось даже заменить термин «общественная опасность» термином «вредоносность» в характеристике преступления). Отсюда вполне логичными представляются поиски критериев оценки общественной опасности в основных характеристиках причиняемых преступным деянием последствий. Вместе с тем, сама проблема последствий преступления в уголовном праве является весьма сложной, учитывая как наличие преступлений с так называемым формальным или усеченным составом, а равно норм, позволяющих привлекать к уголовной ответственности за приготовление к преступлению и покушение, даже в отсутствие видимого вреда. Соответствующий вопрос не остался без внимания со стороны Конституционного Суда РФ. Обсуждая проблемы конституционности ст. 324 УК РФ, он указал: «выбранная законодателем конструкция формального состава преступления, отражая в известной мере особенности общественной опасности предусмотренного

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969 // Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 425.

статьей 324 УК РФ деяния (которое заключается уже в самом факте незаконных приобретения или сбыта государственных наград, умаляющем честь, достоинство и память о заслугах удостоенных ими лиц), не означает, что совершение данного деяния не влечет причинения вреда или реальной угрозы его причинения. Устанавливая преступность и наказуемость тех или иных общественно опасных деяний, федеральный законодатель может по-разному, в зависимости от существа охраняемых общественных отношений, конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость тех ценностей, на которые они посягают, и характер причиняемого ими вреда – имущественного, организационного или иного – охраняемому объекту»¹.

Проблема согласования представлений об общественной опасности как вредоносности и учения о последствиях преступления, как известно, решается различным образом – от признания факта наличия «беспоследственных преступлений» до конструирования специальной теории преступных последствий, которые в своем объеме, с одной стороны, охватывают и реальный вред, и угрозу причинения вреда, а с другой стороны – дифференцированы на социальный вред, причиняемый объекту, и иные, «вещественные» виды вред, причиняемые потерпевшему или предмету посягательства². В преломлении к нашей теме важнее отметить, что уравнивание вредоносности и общественной опасности оказалось недостаточно эффективным. В связи с чем и сама Н.Ф. Кузнецова, и многие ее сторонники, взяли на вооружение идею о том, что общественная опасность выражается не только в причинении вреда, но и в создании угрозы причинения вреда тем ценностям, которые поставлены под охрану

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

² С учетом специфики темы нашего исследования и принимая во внимание самостоятельный характер проблемы последствий преступления, ограничимся лишь констатацией факта, отсылая за подробностями к известным работам, см.: Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – М.: МГУ, 1958; Михлин А.С. Последствия преступления. – М.: Юрид. лит., 1969; Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1994; Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: дисс. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2008 и др.

уголовного закона. Более категорична в этом плане позиция В.Н. Кудрявцева. Он писал, что основная опасность преступного действия (бездействия) состоит «именно в возможности причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям». И более того: «Опасность – вообще категория возможности. Если вред уже наступил, то правильнее было бы говорить не об опасности совершенного действия, а о его общественной вредности, о тяжести преступления»¹.

Идея различения вредоносности и опасности нашла свое дальнейшее развитие. Безусловно интересной представляется позиция на этот счет А.И. Марцева. Различая понятия вредоносности и общественной опасности, он указывает, что общественная вредность – есть следствие преступления «первого порядка», которое ограничивается причинением вреда охраняемым общественным отношениям, тогда как общественная опасность – следствие «второго порядка», которое выражается в тех, происходящих в обществе существенных изменениях, которые направлены на предотвращение возможной опасности новых преступлений. Опасность, по А.И. Марцеву, выражается в угрозе повторения преступлений в будущем и тех социальных изменениях, которые с этой угрозой связаны². Этот подход был развит А.Г. Антоновым. Автор пишет: «При совершении преступления его общественная опасность реализуется относительно нарушенных общественных отношений, которым причинен вред или создана угроза его причинения. При этом она продолжает развиваться относительно аналогичных нарушенных общественных отношений и относительно всех общественных отношений, входящих в сферу уголовно-правовой охраны. ... Очевидно, поэтому категория вреда отличается от категории опасности. Вред – это явление, состоявшееся в сущности, а опасность – вероятность наступления вреда в будущем. Опасность – однопорядковое понятие категории «угроза». Угроза причинения вреда общественным отношениям

¹ Кудрявцев В.Г. Объективная сторона преступления. – М.: Юрид. лит., 1960. – С. 99.

² Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 148 – 155.

является не только результатом реализации общественной опасности преступления, но и ее частным проявлением. Следовательно, данную категорию необходимо рассматривать в узком и широком смыслах. В первом случае имеет место угроза причинения вреда конкретным ненарушенным общественным отношениям как последствие преступления и вред нарушенным общественным отношениям. Во втором случае можно констатировать наличие угрозы всем или аналогичным общественным отношениям в случае нарушения уголовно-правового запрета»¹.

Несомненным достоинством заложенного В.Н. Кудрявцевым и развитым А.И. Марцевым и А.Г. Антоновым подхода выступает тот факт, что категория общественной опасности рассматривается ими не в качестве статичного свойства деяния (или преступления), а в качестве его динамической характеристики. Причем здесь имеется в виду не трансформация параметров общественной опасности одного и того же преступления и их оценки с течением времени и изменением социальных условий жизни, а именно развитие самого свойства опасности того или иного деяния. Это принципиально важный момент. **Общественная опасность как возможность причинения вреда развивается от момента зарождения условий для причинения вреда и до момента непосредственного его наступления, причем очевидно, что оценка этой опасности (при прочих равных условиях) будет тем выше, чем ближе наступление вреда.** Для описания и более глубокого познания этого свойства общественной опасности в современной науке разработан ряд методологических операций, объединенных категорией «риск».

Применение рискологических методов в уголовно-правовой науке пока остается недостаточно широким явлением. Между тем они отрывают значимые перспективы для решения многих «вечных» проблем уголовного права, к разряду которых относится понимание общественной опасности. С

¹ Антонов А.Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // Государство и право. – 2019. – № 11. – С. 126.

точки зрения современной рискологии, риск есть «возможная опасность». Она еще не проявляет себя в качестве зримого вреда и последствий, не превращается в реальность. «Необязательность последствий лежит в основе отличия рисков от опасностей и угроз. Там последствия проявляются почти всегда... Опасности впрямую связаны с последствиями в виде осязаемого ущерба. Риски такой связи не содержат»¹. Такое представление позволяет в аспекте исследования проблем преступления утверждать, что **исходной точкой в оценке общественной опасности деяния на предмет необходимости его криминализации выступает не сам по себе вред и последствия, которые демонстрирует это деяние в прецедентной практике общественно опасного поведения, а тот потенциал опасности, который в самом этом деянии содержится** (такое понимание опасности подтвердили 82% специалистов в области права, опрошенных при подготовке диссертации). Важную характеристику риска дает О. Ренн: «риск – это возможность того, что человеческие действия или результаты его деятельности приведут к последствиям, которые воздействуют на человеческие ценности»².

Важно отметить, что категория риска уже апробирована Конституционным Судом РФ при обсуждении вопросов, связанных с конституционностью некоторых положений уголовного закона.

Так, в одном из своих решений Конституционный Суд РФ признал, что «дифференциация ответственности за деяния, различающиеся по своей социальной опасности в зависимости от существа общественных отношений, которым они причиняют вред (создают угрозу причинения вреда), а также от использования или неиспользования при совершении преступления имеющейся у субъекта – в силу его особого правового статуса – возможности влиять, в том числе незаконно, на поведение других лиц, по отношению к которым он наделен властными полномочиями, не позволяет принимать в

¹ Рягин Ю.И. Рискология. Учебник для вузов. В 2-х ч. Ч 1. – М.: Юрайт, 2017. – С. 32 – 33.

² Ренн О. Три десятилетия исследования риска // Вопросы анализа риска. – 1999. – № 1. – С. 87.

расчет при разграничении этих деяний лишь наступившие в результате их совершения негативные последствия в виде имущественного ущерба, игнорируя потенциальные риски для других конституционных ценностей»¹.

В другой ситуации Конституционный Суд РФ указал: «поскольку на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений, федеральный законодатель, минимизируя риски для охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, был вправе ограничить доступ к оружию для лиц, имевших судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные с применением оружия, сам факт которых свидетельствует об их повышенной (особой) общественной опасности. Такое ограничение продиктовано обоснованными сомнениями в том, что указанные лица будут использовать оружие сугубо в правомерных целях»².

Подтверждая конституционность установления ответственности за действия, связанные с оборотом оружия, Суд также констатировал: «незаконный сбыт оружия, заведомо исключаящий законное и подконтрольное владение и распоряжение им приобретателями, в том числе лицами, право которых на владение оружием ограничено законом и которые могут использовать его в преступных целях, создает наибольшую угрозу общественной безопасности, жизни и здоровью людей. ... Следовательно, положения ч. 4 ст. 222 УК РФ и статей 1, 3, 6, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» соответствуют Конституции РФ в той мере, в какой этими положениями в их взаимосвязи устанавливается механизм защиты от противоправного распространения холодного оружия как относящегося к

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1237-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зырянова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части двадцатой статьи 13 и пунктом 3 части первой статьи 26 Федерального закона "Об оружии».

предметам, владение которыми потенциально угрожает общественной безопасности, жизни и здоровью людей»¹.

Приведенные суждения Конституционного Суда РФ нуждаются в детальной теоретической интерпретации с точки зрения согласования концепта «риск» с категорией «общественная опасность». Такое согласование предполагает последовательный анализ, как минимум, двух исходных понятий: конституционные ценности и угроза, которая им создается неправомерным поведением лица.

Конституционный Суд РФ признал, что Конституция РФ возлагает на Россию как демократическое правовое государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого и в этих целях, а также в целях обеспечения иных конституционных ценностей, включая законность, правопорядок и общественную безопасность, закрепляет **требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, а в случаях, когда охраняемые Конституцией РФ ценности становятся объектом преступного посягательства, - осуществления уголовного преследования лиц, преступивших уголовный закон**².

В цитированном постановлении зафиксирована непосредственная связь объекта преступного посягательства и конституционных ценностей. Она отражает тот особый аспект взаимосвязи конституционного и уголовного права, согласно которому Конституция РФ выступает «материальным», «генетическим» источником уголовного права, из которого УК РФ «черпает

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».

свое содержание»¹. В.В. Мальцев прямо пишет по этому поводу: «в Конституции в концентрированной форме отражается реальный объект уголовно-правовой охраны», а социальная связь Конституции и уголовного права обусловлена «содержанием отраженных в Конституции реальных социальных ценностей и по способу своего влияния на уголовное право напоминает отношение между объектом уголовно-правовой охраны и уголовным законодательством»². Этот факт признает С.А. Антипов, когда пишет, что «Конституция РФ осуществляет нормативно-ценностное ориентирование в выборе общественных отношений, подлежащих правовой охране в соответствии с уголовным законом»³.

Подключение теории конституционных ценностей⁴ для раскрытия объекта уголовно-правовой охраны и преступления открывает значимые перспективы. В контексте нашего исследования наиболее значимы следующие вытекающие из рассматриваемой связи положения:

- в содержательном отношении *объект уголовно-правовой охраны, взятый в контексте конституционных ценностей, всегда связан с правом, он находится в сфере права, регулируется и охраняется правом, выступает в качестве правового блага, а потому любое преступление есть, среди прочего, посягательство на конституционную ценность самого права;*

¹ См. об этом: Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 26; Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский ун-т, 2001. – С. 96 – 97; Копшева К.О. Уголовное законодательство России и его основания (теоретический аспект): дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – С. 143; Денисова А.В. Системность Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 201.

² Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. Т.1. Введение в уголовное право. Научное исследование. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 137, 139.

³ Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 81.

⁴ См., например: Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2019; Ключко Е.И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018; Карасева И.А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014; Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012; Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3; Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2.

- конституционные ценности (независимо от того, понимаются под ними цели, идеи, принципы или конкретные правовые нормы), далеко не всегда находят непосредственное текстуальное воплощение в Конституции РФ, в значительной части случаев не только раскрытие конституционных положений, но и само признание какого-либо блага в качестве конституционной ценности является итогом аксиологической практики Конституционного Суда РФ, в связи с чем содержание ценностей всегда динамично, контекстуально и открыто;

- конституционные ценности (а следовательно и отражающие их объекты уголовно-правовой охраны), даже при единой правовой природе, обладают свойством иерархичности, могут быть классифицированы на основные и производные, что вполне может оправдывать различный режим охраны этих ценностей в зависимости от степени создаваемой им неправомерным поведением угрозы;

- в виду того, что конституционные ценности охватывают своим содержанием самые разные аспекты социально-правовой жизни (от прав человека до безопасности государства) самостоятельное и принципиально важное конституционное значение имеет баланс конституционных ценностей, который в уголовном праве предполагает широкую систему согласований: правоограничений и охраняемых благ; охраняемого блага и опасности, достаточной для признания посягательства преступным; санкций за посягательства на различные правовые блага;

- в силу своей абстрактности конституционные ценности не могут выступать в качестве объекта уголовно-правовой охраны непосредственно, они должны получить детализированную, инструментальную характеристику, пригодную для решения прикладных уголовно-правовых задач конструирования уголовно-правового запрета, но охрана конституционных ценностей вполне мыслима в качестве цели уголовного права.

Определение подлежащих уголовно-правовой охране правовых благ, вытекающих из конституционно значимых ценностей и раскрывающих их содержание, представляет сложную исследовательскую задачу, решение которой в рамках нашей работы не представляется возможным. Отметим лишь верное замечание Н.А. Лопашенко на эту тему: «неразбериха с охраняемыми уголовным правом объектами не может не сказываться на уровне как законотворчества, так и правоприменения»¹.

В рамках анализа взаимосвязи конституционных ценностей и общественной опасности посягательств на них стоит обратить внимание на рассуждения Н.Г. Иванова о связи аксиологии и дейнджеризации. Автор исходит из известной посылки о том, что все ценности могут быть подразделены на абсолютные, обладающие характером всеобщности, и относительные, релятивные, зависящие от культурного восприятия субъекта оценки. К абсолютным ценностям Н.Г. Иванов относит жизнь, здоровье, честь достоинство и собственность, поскольку они «служили и по сей день служат базисом организации и самоорганизации любого группового образования, именуемого социумом». И заключает: «в посягательствах на абсолютные ценности имманентно заложена преступность; такие посягательства должны признаваться объективно преступными в понимании преступления как инфернального посягательства, наиболее значительного в асоциальном смысле поведенческого акта, нуждающегося в самых репрессивных мерах воздействия»².

При всей внешней привлекательности и простоте изложенной позиции согласиться с ней в полной мере сложно. Первое – и самое главное: тезис о наличии неких «абсолютных ценностей» представляется крайне уязвимым, учитывая доходящее до хаоса состояние неопределенности и изменчивости современного общества. Абсолютные ценности могут существовать лишь в такой этической системе, в которой дана некая исходная, не подлежащая

¹ Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. Учеб. пособ. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 12.

² Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. – М.: Проспект, 2016. – С. 26, 41.

сомнению и опровержению «точка отсчета». Не случайно, к примеру, С.А. Левицкий писал, что на роль абсолютных могут претендовать только ценности религиозного содержания¹. Второе: как показывает практика, посягательства даже на признаваемые Н.Г. Ивановым абсолютными ценности не всегда оцениваются законодателем в качестве преступных (достаточно вспомнить известные примеры, связанные с охраной собственности и чести), в то время как кодекс наполнен описанием преступлений, посягающих именно на относительные ценности. И, наконец, третье: говоря о ценностях Н.Г. Иванов не указывает их «содержательного источника». Между тем, должно быть очевидным, что когда речь идет праве и о преступлениях, на роль ценностей (хоть абсолютных, хоть относительных) могут претендовать лишь те идеи и блага, по поводу которых не просто исторически сложился культурный консенсус, а которые получили статус, если допустимо так выразиться, обязательных к восприятию в качестве ценностей. Иными словами эти ценности должны быть вовлечены в орбиту права как общеобязательной системы нормативной регламентации общественной жизни. Не будем вторгаться в обсуждение вопроса о том, должно ли быть право подчиненным этим культурно-историческим ценностям или же оно должно формировать этическую структуру общества. Главное иное – ценности должны быть правом признаны. А такое признание выражается в том, что ценности приобретают свойство конституционных. Только когда на отстаиваемую Н.Г. Ивановым градацию ценностей на относительные и абсолютные «накладывается» конституционный фильтр, высвечивается тот набор идей и благ, которые вне зависимости от того, являются они временными или внеисторическими, подлежат правовой, в том числе и уголовно-правовой охране. Конституция, таким образом, выступает общепризнанным (и в этом смысле абсолютным)

¹ Левицкий С.А. Трагедия свободы: избранные произведения / вступит. ст. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2008. – С. 236.

источником ценностей. Другое дело, что сами конституционные ценности, как это уже отмечалось, являются иерархическим образованием.

Позиция Н.Г. Иванова может быть признана полностью убедительной только при одной важной оговорке, которую делает сам автор. Он указывает, что абсолютные ценности «являются такими благами, которые играют роль условий общественного существования и развития»¹. Если только не именовать эти блага «абсолютными» ценностями, все остальное верно. И более того, соответствует давно представленному в науке выводу: «государство не только может, но, как правило, и должно квалифицировать в нормах права определенные нарушения установленных им законов как преступления а не проступки. Сказанное относится к тем разновидностям нарушений, которые в своей совокупности в определенной исторической обстановке нарушают условия существования данного общества. Не реагировать на эти нарушения путем объявления их, как правило, преступлениями государство не может, если не хочет поставить под угрозу существование всего общества, всей охраняемой им системы общественных отношений»².

Итак, теория конституционных ценностей позволяет решить первую задачу в рассуждениях об общественной опасности: определить содержание охраняемых объектов и их иерархию.

Вторая задача состоит в характеристике понятия «угроза». Раскрыть его следует, на наш взгляд, отталкиваясь от решения нескольких вопросов: от чего исходит угроза, что выступает ее источником? какой является угроза по своим основным характеристикам? от чего, от каких факторов зависит степень этой угрозы? какой должна быть угроза для подключения уголовно-правовых средств воздействия на нее?

В рассуждениях об опасности подлежащих криминализации деяний и совершенных преступлений надо отталкиваться (как было отмечено ранее) от

¹ Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. – М.: Проспект, 2016. – С. 41.

² Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1963. – С. 59.

того, что источником угрозы выступает сознательно-волевое, неправомерное поведение субъекта. *Поведение, которое не находится под контролем сознания и воли лица, лишено субъективного компонента, не отражает личное отношение деятеля к самому поступку и его последствиям, и в силу этого лишено одного из важнейших свойств, необходимого для криминализации, а именно, направленности на причинение вреда охраняемым ценностям.* Только когда причиненный вред является желаемым или потенциально допустимым, только когда, осуществляя ту или иную деятельность, лицо неправильно расставляет ценностные приоритеты и неправильно осуществляет балансировку ценностей, можно говорить о том, что поведение выражает отношение субъекта к охраняемым правом благам и в целом направлено на причинение им вреда. Важные рассуждения по этому поводу находим в работе Ю.А. Демидова: «Общественная опасность возникает там и тогда, где и когда лицо в своем поведении, так или иначе включенном во взаимоотношения людей, не проявляет должного уважения к социальным ценностям»; «Понятие общественной опасности, во-первых, выражает не только ущерб или угрозу его причинения объектам, охраняемым уголовным правом, но главным образом, направленность деяния против основных социальных ценностей. Общественная опасность деяния состоит не только в том, что оно причиняет или может причинить вред, но прежде всего в том, что оно *посягает* (выделено Ю.А. Демидовым) на ценности ... общества»¹. Заметим, что определение преступления как деяния именно «посягающего» на определенные ценности, содержалось в УК РСФСР 1960 г. Слово «посягательство» в нашем представлении подчеркивает динамический аспект совершаемого деяния, отмеченные его субъективные характеристики и направленность на причинение вреда. В русской дореволюционной литературе для описания этого момента в характеристике преступления активно использовался оборот, подчеркивающий наличие в преступлении

¹ Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 70, 71.

«злой воли» преступника. В наши дни о «злонамеренности» как о специфическом элементе общественной опасности пишет И.А. Солодков¹.

Именно направленность на причинение вреда позволяет в практическом аспекте разрешить отмеченные выше сложности с обоснованием ответственности за неоконченную преступную деятельность и преступления с формальным составом. Направленность отражает потенциальную опасность деяния, его способность причинить вред, она устойчиво коррелирует с восприятием деяния как фактора риска, угрозы.

Рассуждая далее, важно подчеркнуть, что *угроза для конституционно значимых ценностей, исходящая от деяния, претендующего на то, чтобы считаться общественно опасным, должна быть реальной*. Эта мысль подтверждена на высоком конституционном уровне. Обсуждая вопросы конституционности положений ст. 212.1 УК РФ, Конституционный Суд РФ констатировал: «при привлечении к ответственности по статье 212.1 УК РФ за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования судам надлежит иметь в виду, что порождаемая таким нарушением *угроза должна быть действительной и подтверждаться конкретными действиями привлекаемого к уголовной ответственности лица, свидетельствующими о создаваемой ими реальной опасности* здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, иным конституционно охраняемым ценностям (провокационные призывы к нарушению действующего законодательства, агрессивное неприятие законных требований уполномоченных должностных лиц, использование масок либо иных средств, специально предназначенных для сокрытия лица или затруднения установления личности, и т.п.). В то же время при квалификации неоднократного нарушения установленного порядка организации либо

¹ Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013.

проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в качестве уголовно наказуемого деяния, повлекшего реальную угрозу причинения вреда конституционно охраняемым ценностям, суды обязаны учитывать, что проведение любого публичного мероприятия, как правило, сопряжено с известными неудобствами для не участвующих в нем граждан (ограничение пешеходного движения, создание помех работе транспорта, затруднение доступа к объектам социальной инфраструктуры и др.), которые, являясь неизбежными издержками свободы мирных собраний, сами по себе не могут расцениваться как порождающие реальную угрозу причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, иным конституционно охраняемым ценностям¹

Ценные рассуждения по поводу реальности опасности и угроз, исходящих от деяний, которые могут быть криминализованы, высказал судья Конституционного Суда РФ К.В. Арановский. Он указывает, в частности: «Защищать ценности можно от чего-нибудь определенного, когда риск и вред налицо и можно представить, в чем они состоят. *Нельзя ограничивать права и свободы впрок, из одной лишь умозрительной предосторожности - из таких опасений, когда угрозы больше предчувствуют, нежели представляют в действительности.* Конечно, в оценке рисков на будущее всегда есть доля неясности, а законодательная власть имеет право на допустимые погрешности, но опасность все же должна быть реальной, и это нужно установить в доказанных обстоятельствах или в общеизвестных и очевидных фактах»²; «Законодательные решения, которые

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2020 № 7-О «По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 1.11. 2019 № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой».

² Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского по Определению Конституционного Суда РФ от 7.07.2016 № 1358-О «"По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статьи 30 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и статей 32 и 35

приводят к изъятиям в правах, мало обосновать лишь опасениями, - эти эмоциональные состояния можно уважать с тем, однако, что никто не обязан в них участвовать и тем более получать на их основании ограничения в правах. Даже если фобию или панику переживают искренне, то при всем к ним сочувствии сами по себе эти настроения не создают целей защиты конституционных ценностей в том значении, в каком это позволяло бы ограничивать права и свободы. Права и свободы человека и гражданина стали бы беззащитными, если бы часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации позволяла трактовать как охранительную цель одно лишь субъективное намерение, мотивированное беспокойным предчувствием, которое несложно распознать или присочинить по любому случаю. Объективная угроза и реальная опасность конституционно охраняемым ценностям - это необходимое условие в обосновании правоограничений. Действительность рисков или реальность причиняемого вреда должна быть доказана»¹.

Величина реальной угрозы, которая исходит от посягательства на конституционно значимые ценности, зависит от многих факторов, которые, в принципе, достаточно хорошо известны науке и практике. Они образованы комплексом признаков совершаемого деяния, которые традиционно оцениваются, когда речь идет о характере и степени общественной опасности.

Так, Конституционный Суд РФ отметил, что устанавливая преступность тех или иных общественно опасных деяний и их наказуемость, федеральный законодатель должен учитывать значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность

Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"».

¹ Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского по Постановлению Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна».

причиняемого ими вреда¹. Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указал, что при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред; а степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность).

Учитывая, что этот аспект теории уголовного права относительно хорошо разработан, ограничимся краткой констатацией, что *при оценке параметров угрозы всегда принимается в расчет содержанием охраняемого законом блага, которое ставится под угрозу, интенсивность посягательства на него (включая особенности деяния, его способы, форму вины, мотив и пр.), а также содержание и объем вреда, которые причиняется или может быть причинен в процессе посягательства.*

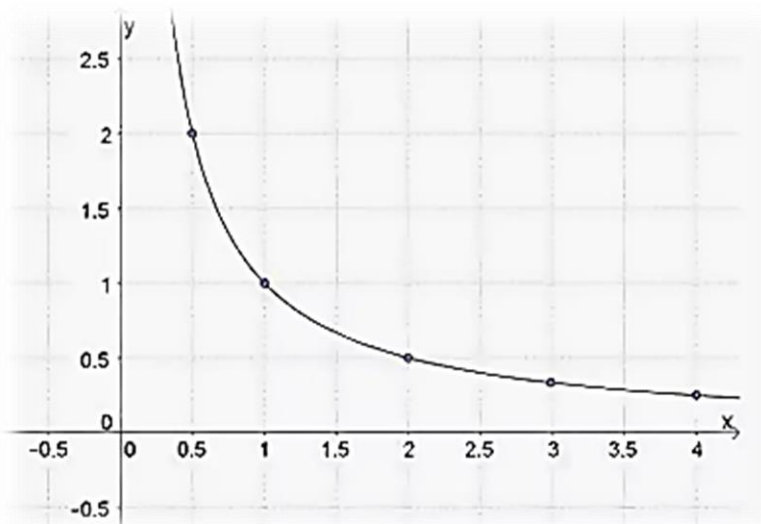
С учетом изложенных рассуждений относительно содержания конституционных ценностей, имеющих иерархическое строение, и угроз, исходящих для них от неправомερных деяний, учитывая, что опасность есть динамическая характеристика деяния, развертывающаяся последовательно от риска через угрозу и опасность и реальному причинению вреда, **представляется возможным позиционировать криминальную общественную опасность, необходимую для установления уголовной ответственности, в качестве производной от этих двух переменных: значимости ценности и величины угрозы.** В данном случае речь идет об

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска».

обратной пропорциональной зависимости достаточной для криминализации величины опасности от ценности объекта уголовно-правовой охраны: чем более значима конституционная ценность, тем меньшей будет выраженность угрозы, наличие которой дает основание для признания посягательства преступным.

Такое отношение иллюстрируется известным графиком обратной пропорциональности (см. рис. 1), если на оси «у» представить значения конституционных ценностей по мере их возрастания от занимающих низшее положение в иерархии к высшим и производным; а на оси «х» представить значение развивающейся угрозы причинения вреда этим ценностям по мере ее возрастания от риска, приближающегося к минимальным значениям оси, через опасность в середине оси, к реальному вреду в значениях, приближающихся к максимальным. Построенный по формуле ($y = \frac{n}{x}$) график как раз демонстрирует линию криминальной опасности.

Рисунок 1. Криминальная общественная опасность

Вполне понятно, что высшие, основные, производные конституционные ценности (например, такие как жизнь человека, мир и безопасность человечества, безопасность государства), и могут, и должны быть защищены от действий, которые не только причиняют им реальный вред, но и содержат в себе лишь потенциальный риск наступления

негативных последствий, в силу чего параметры общественной опасности посягательств на такие ценности находятся на графике, в значениях, близких к минимальным. В тоже время ценности менее значимые, производные (например, нормативный порядок осуществления того или вида деятельности), могут быть взяты под уголовно-правовую охрану лишь в случае, когда риск уже развернут и реализован в конкретном неблагоприятном последствии, а потому и график, отражающих опасность посягательств на эти ценности, расположен в значениях, близких к максимальным.

Графическое представление криминальной общественной опасности дает возможность акцентировать внимание еще на одном значимом параметре, который ее определяет. Дело в том, что в формуле представленного графика ($y = \frac{n}{x}$) принципиальное значение имеет и показатель натурального числа «n», который во многом определяет конфигурацию самого графика. В наших теоретических построениях оно отражает свойства и качества субъекта оценки общественной опасности (в зависимости от контекста - и законодателя, и правоприменителя). Как верно указывает К.В. Арановский: «Общественная опасность – не только объективный риск, тем более что и его при всей реальной объективности нельзя точно измерить и вполне заранее выразить. Общественная опасность – еще и человеческое, субъективное состояние, и в этом смысле она зависит от того, как ее чувствуют, представляют и выражают, в частности, законодательным решением по праву конституционного народовластия и в силу законодательных полномочий»¹.

Наука в различные эпохи по-разному представляла этот показатель. Советская библиография, как правило, отсылала к классовым интересам и предпочтениям законодателя, к воле господствующего класса. В

¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского по Постановлению Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

современных источниках указывается на «степень социальной непереносимости деяния»¹, «нетерпимость социума к деяниям»². Пожалуй, нет необходимости противопоставлять эти научные позиции, поскольку каждая из них в известных пределах является верной.

Будучи категорией оценочной, криминальная общественная опасность в определенной мере есть результат конструирования, а преступление, исходя из этого, вполне может рассматриваться как социальный конструкт³. Не углубляясь в полемику по этому вопросу констатируем очевидное и не подлежащее сомнению: **в процессе криминализации на выбор деяний в качестве преступных и на оценку их общественной опасности непосредственно влияет сам субъект криминализации.** Персонифицировано – это, разумеется, парламент. Но в более широком аспекте конституционного понимания общественной опасности надо сказать, что линия, отделяющая криминальное от некриминального, зависит от великого множества факторов, которые влияют на парламент и которые в нем преломляются. Это не только все то, что относится непосредственно к институту народовластия и демократии (процедуры формирования и функционирования парламента, адекватность политического и иного представительства, лоббизм, экономические и иные интересы правящей элиты и др.). Это еще общий уровень развития общества, в том числе уровень развития правовой и конституционной культуры⁴: подлинное идеологическое многообразие, терпимость к «инаковости», взаимное доверие и ответственность, равенство, гуманизм, уважение и признание прав человека

¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 363.

² Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. – М.: Юрлитинформ, 2017. – С. 357.

³ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 193 – 195.

⁴ О феномене конституционной культуры и ее значении см., например: Кряжков В.А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2007. – № 3. – С. 1 – 8; Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности / отв. ред. Е.В. Алферова, Г.Н. Андреева. – М.: ИНИОН РАН, 2011; Арутюнян Г.Г. Конституционализм в контексте конституционной культуры нового тысячелетия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2014. – № 1. – С. 22 – 34; Габиева С.М. Конституционная культура как основа государства // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 4. – С. 23 – 25.

и т.д. При этом, как верно отмечает П.П. Баранов, «пора уйти от традиционного рассмотрения проблем конституционной культуры исключительно в контексте реализации идеи конституционного воспитания и просвещения населения России. «Банальное» прочтение и сколько-нибудь внимательное изучение конституционного текста ... не только не даст сколько-нибудь значимого эффекта, а вполне может спровоцировать и совершенно нежелательные и достаточно неожиданные последствия. До тех пор, пока между текстом Основного Закона и реальными общественными отношениями будет лежать непреодолимая пропасть «имманентных пределов» и «необходимых ограничений», ждать от конституционного просвещения граждан какого-либо ощутимого политического эффекта явно не приходится»¹. Подлинная конституционализация общественной жизни и реальное воплощение в социальной практике конституционных идей и формул – это весьма существенное обстоятельство, которое влияет на конструирование сферы общественно опасного поведения, на конфигурацию линии криминальной общественной опасности.

Подводя итоги исследования проблем конституционного понимания общественной опасности, представляется возможным сформулировать в качестве основных следующие тезисы:

- общественная опасность, будучи характеристикой всех правонарушений, обладает в преступлениях особыми количественными параметрами, позволяющими утверждать о наличии специфической, криминальной общественной опасности, которая может быть представлена в качестве обобщенного показателя опасности неправомерного деяния, его реальных или прогнозируемых последствий и личности виновного;

- опасность неправомерного деяния выступает исходной точкой в оценке опасности преступления на правотворческом и правоприменительном уровнях, оценка опасности деяния и оценка опасности преступления –

¹ Баранов П.П. Конституция Российской Федерации и перспективы формирования конституционно-правовой культуры общества // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 64 – 65.

несовпадающие виды оценочной практики; при этом опасность может быть рассматриваема с онтологической, гносеологической и аксиологической точек зрения, только в совокупности позволяющих составить целостное представление об этом признаке;

- как онтологическая характеристика общественная опасность имманентна всем неправомерным деяниям, поскольку неправомерность (в форме злоупотребления правом или нарушения порядка реализации права) означает волевой выход субъекта за предустановленные границы безопасной реализации собственных прав и свобод, уравновешенной и сбалансированной иными конституционно значимыми ценностями, в силу чего неправомерность и опасность деяния есть одновременно возникающие его свойства, отражающие социальные и юридические характеристики;

- как сознательно-волевой акт неправомерное деяние обладает свойством направленности на причинение вреда, а потому с онтологической точки зрения опасность деяния проявляет себя не в момент причинения вреда, а уже в момент совершения самого деяния, которое заключает в себе угрозу или возможность причинения вреда конституционно значимым ценностям;

- опасность как возможность причинения вреда обладает динамическими характеристиками в том плане, что она развивается от момента зарождения условий для причинения вреда и до момента непосредственного его наступления, причем очевидно, что оценка опасности деяния (при прочих равных условиях) будет тем выше, чем ближе наступление вреда;

- опасность деяния находится в зависимости от соотношения двух значимых факторов: а) содержания и иерархии конституционных ценностей, на причинение вреда которым направлено деяние; б) характеристики исходящей от этого деяния угрозы, которая должна быть реальной, действительной и подтверждаться конкретными действиями или бездействиями субъекта;

- достаточная для криминализации величина опасности деяния определяется обратной пропорциональной зависимостью вероятности наступления вреда от ценности объекта уголовно-правовой охраны: чем более значима конституционная ценность, тем меньшей будет выраженность угрозы, наличие которой дает основание для признания посягательства преступным;

- с гносеологической точки зрения опасность деяния и преступления является принципиально познаваемой и оценочной категорией; в качестве таковой опасность находит свое выражение в предусмотренности того или иного деяния в качестве уголовно наказуемого в законе, при этом в процессе криминализации на оценку общественной опасности деяний непосредственно влияет сам субъект криминализации, его экономические, политические интересы, культурные установки;

- принципиально возможное несовпадение реальной опасности и ее оценки проявляет себя не только на уровне дефектов правотворчества в наличии пробелов в криминализации и избыточной криминализации, но и на уровне правоприменения, когда в реальных ситуациях не совпадает признак предусмотренности деяния в уголовном законе и его общественная опасность;

- с аксиологической точки зрения опасность деяния и преступления в целом непосредственно связана с конституционными ценностями, которые, с одной стороны, выступают ориентирами при определении объектов уголовно-правовой охраны, расстановке приоритетов в их охране, решении вопроса о соразмерности уголовно-правовых санкций, а с другой стороны, будучи реально воплощенными в социальной практике, создают необходимый культурный фон для оценки опасности преступлений, формируют правовые, конституционные установки субъектов правотворчества и правоприменения, определяют в целом отношение к уголовному праву как средству противодействия преступлениям.

§ 2. **Общественная опасность преступления в контексте проблем иерархии конституционных ценностей**

Общественная опасность относится к числу важнейших признаков деяния, наличие которого дает основание законодателю рассматривать, положительно решать, а в необходимых случаях и пересматривать вопрос о его криминализации¹. Как подтверждает Конституционный Суд РФ, «принимая решение о криминализации деяния, законодатель обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности, с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности»².

Опасность, как было установлено в предшествующем изложении, определяется множеством факторов, однако исходным в ее оценке традиционно и вполне обоснованно признается объект, на причинение вреда которому направлено деяние, и который в момент такого причинения находится под правовой охраной. «Понятие объекта преступления тесно связано с понятием преступления (ст. 14 УК РФ) и его содержательным признаком – общественной опасностью. Преступным признается лишь такое деяние, которое причиняет или может причинить существенный вред охраняемым уголовным правом общественным отношениям, т.е. представляет опасность для общества. Следовательно, объект – необходимый

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Иерархия конституционных ценностей и объект уголовно-правовой охраны // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (11.09.2020 г.) / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, И.А. Паршина, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 177 – 185; Гузеева О.С. Некоторые вопросы теории общественной опасности преступления // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 66 – 73; Гузеева О.С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ // Lex Russica. – 2021. – Т. 74, № 3. – С. 95 – 106.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»

элемент любого преступления. Без причинения вреда объекту или без поставления его в опасность причинения вреда преступление немислимо» - выражает согласованный взгляд на проблему Н.Е. Крылова¹.

В уголовно-правовой науке проблематика объекта преступного посягательства является одной из наиболее сложных, ее решению посвящено множество ставших классическими трудов², хотя (что вполне закономерно) это и не привело к ее однозначному и общепринятому решению. В нашу задачу, разумеется, не входит детальное обсуждение проблемы объекта преступления. Однако четкая позиция по некоторым аспектам этой большой и сложной темы служит необходимой предпосылкой для рассуждений об общественной опасности преступления в контексте заявленной ее связи с иерархией конституционных ценностей.

Отмеченная в предшествующем изложении объективная связь оценки общественной опасности преступления с номенклатурой и содержанием конституционных ценностей обуславливает необходимость детальной разработки вопроса о том, каково место этих ценностей в учении об объекте преступного посягательства, что становится особенно важным в условиях, когда традиционный взгляд на объект преступления как на общественные отношения подвергается критике.

Эта критика была активизирована в конце прошлого столетия в связи с развернувшимися в стране социально-политическими процессами демократизации и гуманизации, непосредственно связанными и отражающими утверждение подлинной конституционализации общественной жизни. Однако еще за полвека до этого В.Н. Кудрявцев писал о том, что при совершении некоторых преступлений, в частности, против

¹ Крылова Н.Е. О понятии объекта преступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2013. – № 6. – С. 22.

² См. в частности: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960; Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976; Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Объект и квалификация преступлений. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1979; Тацкий В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Вища школа, 1988; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. – М.: Норма, 2001; Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. – Волгоград: ВА МВД России, 2010; Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2015.

личности объектом посягательства являются не общественные отношения, а человек, который «ценен не только как носитель общественных отношений и производитель материальных благ»¹.

Во многом в развитие этой позиции, применительно уже ко всем видам преступлений Н.И. Загородников предложил считать объектом уголовно-правовой охраны конкретные блага человека биологического, биосоциального и социального характера², а А.В. Наумов аргументировал идею признания объектом правовых интересов³. Такой подход не был абсолютно новым. Его истоки отчетливо усматриваются в дореволюционной доктрине, где Л.С. Белогриц-Котляревский признавал объектом преступления, с формальной стороны, - норму права, а с материальной – «жизненные интересы или блага, которые этими нормами охраняются»⁴, а В.Д. Спасович видел в преступлении «противозаконное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других средств охранительных, ограждает ненарушимость его наказанием»⁵.

На рубеже прошлого и нынешнего столетий была реактуализирована и еще одна дореволюционная концепция объекта. В развитие идей П.Д. Калмыкова о том, что «предметом преступления могут быть только лица в их совокупности или отдельно взятые»⁶, А.А. Тер-Акопов высказал мысль о том, что «в качестве общего объекта посягательств следует признать личность и отношения, обеспечивающие ее развитие»⁷, а Г.П. Новоселов

¹ Кудрявцев В.Н. О соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. – 1951. – № 8. – С. 59.

² Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МВШМ, 1994. – С. 21 – 22.

³ Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. А.В. Наумова. – М.: МВШМВД России, 1994. – С. 83.

⁴ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Типолит. И.И. Чоколова, 1903. – С. 161.

⁵ Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т.1. Вып. второй. – СПб.: Тип. И. Огрзико, 1863. – С. 84, 94.

⁶ Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. – СПб.: Тип. «Общественная польза», 1866. – С. 49.

⁷ Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (конференция в ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – № 6. – С. 62.

разработал развернутое общее учение о признании объектом преступления человека или людей¹.

Эти альтернативные концепции объекта преступления², при том что они не противоречат теории общественных отношений, но лишь развивают и модифицируют ее в новых социально-политических условиях³, привносят в науку важный компонент, связанный с особой расстановкой акцентов в теории объекта. Теория общественных отношений, как нам представляется, нейтральна в том плане, что признает объектом охраны любые объективно сложившиеся в обществе отношения, охрана которых уголовно-правовыми средствами признана в государстве необходимой. Модернизированные теории акцентируют внимание на правах человека и иных правовых благах, и тем самым наполняют учение значимым правовым и аксиологическим содержанием⁴. А.Э. Жалинский, выступавший за признание объектом преступления правового блага прямо писал, что оно есть «правовая ценность, защищенная уголовным правом и имеющая собственное социально-полезное содержание»⁵.

Действительно, объективно складывающиеся и субъективно проявляющиеся интересы отдельных людей могут иметь общественное значение лишь в той мере, в какой эти интересы и их реализация затрагивают других лиц. Соответственно, они подлежат правовой защите лишь в той мере, в какой не причиняют вреда и не создают препятствий в реализации интересов третьих лиц. Определение содержания и границ правоохраняемого

¹ Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. – М.: Норма, 2001.

² Обзор и анализ см.: Шарапов Р.Д. Альтернативные теории объекта преступления в современном уголовном праве России // *Lex Russica*. – 2015. – № 12 (Том СІХ). – С. 43 – 51.

³ См. об этом: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учеб. пособ. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 44.

⁴ Хотя и ценности как о свойстве объекта преступления юристы писали достаточно давно (см.: Демидов Ю.А. Юридическая и моральная оценка преступления // *Советское государство и право*. – 1970. – № 2. – С. 89 – 96), аксиологический компонент в советском учении об объекте ограничивался по преимуществу тем, что отношения, охраняемые уголовным законом, имеют ценность и значение для построения и развития общества социализма и коммунизма, иными словами, аксиологический компонент был всецело подчинен идеологическому и политическому. Отсюда – вполне понятная практика охраны тех отношений, которые значимы для решения политических задач и продвижения идеологических ценностей коммунизма; отсюда – приоритеты в уголовно-правовой охране; отсюда – игнорирование или недооценка правового компонента в содержании объекта уголовно-правовой охраны.

⁵ Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под общ. ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011. – С. 378.

интереса – суть процессов правотворчества и квинтэссенция самого права. Таким образом, **выраженный в праве и защищенный в определенных правовых пределах интерес человека есть безусловное социальное благо, поскольку он выражает возможности каждого отдельного лица к развитию и удовлетворению своих потребностей таким образом, что это не нарушает интересов третьих лиц, создавая определенную гармонию и баланс личных и общественных интересов. Защищенный правом интерес и есть правовое благо, между понятиями «правовой интерес» и «правовое благо», по нашему мнению, нет содержательных различий. Такое благо социально по своему содержанию и правовое по форме.** Эти два компонента (и каждый в отдельности, и тем более их единение) представляют собой социальную ценность.

Аксиологический, ценностный компонент в объекте преступления был детально исследован А.А. Тер-Акоповым. Он писал, в частности: «за отношения всегда скрываются действительные ценности, которые важнее самих отношений, ради которых отношения складываются»; «под общим объектом преступлений следует понимать социальную ценность, охраняемую уголовным законом от преступных посягательств»; «по сути своей безопасность общества, аккумулирующая в себе безопасность личности и государства – это есть общий объект преступлений, представленный в категории социальной ценности»; «правомерность использования категории социальной ценности вытекает из статьи 2 Конституции РФ, где говорится о личности как высшей социальной ценности»¹.

Ценностный подход в понимании объекта преступления в некоторых случаях поддерживается и высшей судебной инстанцией страны. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при

¹ Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве – М.: Юркнига, 2003. – С. 29, 36.

задержании лица, совершившего преступление» прямо указано, что эти институты связаны с реализацией предусмотренных в ч. 1 ст. 2 УК РФ задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей¹. А в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указано, что при учете характера общественной опасности преступления суды должны иметь в виду «направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред»².

Подчеркнем еще раз: в определении объекта преступления нет оснований противопоставлять категории «общественные отношения», «правовые блага и интересы», «социальные ценности». Они отражают разные аспекты, разные грани одного феномена – объекта преступления (он же – объект уголовно-правовой охраны). Об этом вполне определенно и правильно писал В.В. Мальцев: «С позиций исторического опыта, по которому объектом уголовно-правовой охраны постоянно признавались наиболее значимые интересы субъектов отношений и всегда в соответствии с иерархией этих отношений в структуре общественного устройства, можно согласиться с тем, что объекту присущ аксиологический (ценностный) признак. Точно также, исходя из того, что уголовное право всегда охраняло отношения между людьми, обществом, государством, определявшие содержание и структуру социального устройства России, объекту преступления свойственен и социальный признак. ... На законодательно-юридическом уровне этот социальный и аксиологический (ценностный) «феномен действительности» – объект преступления – обретает и

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

нормативное (юридическое) выражение. Поэтому стоит согласиться, что у объекта преступления есть и юридическая сторона (лучше: признак)»¹.

Различные аспекты понятия объект преступления используются Конституционным Судом РФ при анализе социальной направленности преступлений. Так, Суд признал, что ст. 170.1 УК РФ направлена на охрану *отношений*, связанных с институтом государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей², тогда как ст. 324 УК РФ включает в число объектов уголовно-правовой охраны *порядок* управления в наградной сфере³, а ч. 4 ст. 111 УК РФ адекватна защищаемым уголовным законом *ценностям*⁴. В обобщенном виде Суд указал, что «уголовная ответственность может быть признана отвечающей требованиям Конституции РФ, только если она необходима для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых *ценностей*», при этом «общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные *отношения* (объект преступления)»⁵.

Однако гораздо чаще Конституционный Суд РФ определяет объекты уголовно-правовой охраны не используя этих понятий и соответствующих оттенков объекта, просто указывая на содержание защищенного блага. Суд, в частности, подтверждает, что ст. 135 УК РФ направлена на охрану половой неприкосновенности лиц, не достигших определенного возраста⁶;

¹ Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. – Волгоград: ВА МВД России, 2010. – С. 110 – 111.

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 143-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уткина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 170.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 798-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Патешкина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 23, частью первой1 статьи 63 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 179 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1995-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и частью второй статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации»;

преступление, предусмотренное в ст. 161 УК РФ посягает не только посягает на собственность, но и ставит под угрозу неприкосновенность личности и ее достоинство¹; уголовно-правовая охрана отдельных видов тайн осуществляется статьями 137, 155 и 183 УК РФ²; ст. 318 УК РФ направлена на охрану как порядка управления, так и личности³.

Однако стоит отметить, что блага и интересы, которые позиционированы Конституционным Судом в качестве объектов преступлений, в ряде иных его решений прямо признаются ценностями, причем «конституционно охраняемыми», «конституционно значимыми» или «конституционными». Так, Суд определяет в качестве конституционных ценностей: здоровье⁴, права и свободы граждан⁵, институт семьи⁶, государственную и общественную безопасность⁷, имущество физических или юридических лиц, окружающую среду, общественный порядок,

Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Киреева Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исмакаева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 401.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1239-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бойцова Павла Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1452-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ярмандеева Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.10.2016 года № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.»

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.»

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной».

общественную безопасность¹, лесной фонд², экологическую безопасность и здоровье граждан³, надлежащие условия хозяйствования⁴, своевременность и полноту исполнения бюджета, стабильность финансовых основ реализации публичной властью возложенных на нее функций, конституционно-правовой статус личности⁵.

Этот факт дает основание признавать охраняемые уголовным законом интересы и блага не просто ценностными феноменами, а феноменами, обладающими всеобщей, конституционной ценностью. Более того, можно без преувеличения сказать, что объект преступления и есть конституционно значимые ценности. Разумеется (и это уже отмечалось ранее), ставить между ними знак равенства недопустимо.

Прежде всего, очевидны различия в источниках опасности. Если объект преступления испытывает ущерб именно от виновных и общественно опасных действий конкретного субъекта, то конституционные ценности могут быть объектом посягательства и со стороны государства в ситуациях, восходящих к классическому пониманию нарушения прав человека и неправовой политики.

Кроме того некоторые конституционные ценности (например, «законность»⁶, «стабильность и определенность публичных правоотношений,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2020 № 7-О «По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2020 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 98.1 Лесного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Горизонт"».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2019 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 24.1 Федерального закона "Об отходах производства и потребления" в связи с запросом Арбитражного суда Республики Карелия».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2019 № 26-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 4 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и части 10 статьи 85 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное

поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов отношений»¹) крайне абстрактны и недоступны для непосредственного воздействия со стороны причинителя вреда. Чтобы стать объектом уголовно-правовой охраны и преступления эти ценности должны быть детализированы, представлены в виде конкретных правовых благ, которые тем не менее, не теряют от такой детализации своей конституционно-правовой значимости.

Существующие различия позволяют установить соотношение конституционных ценностей и объекта преступления: **не все конституционные ценности могут выступать в качестве объекта преступления, но всякий объект преступления есть вместе с тем конституционная ценность.**

Генетическая связь объекта преступления с конституционными ценностями закономерно обуславливает необходимость обращения к теории конституционных ценностей для познания проблем значимости и иерархии объектов, а также непосредственно связанной с этим оценки общественной опасности преступлений.

Принятие в 1993 году Конституции РФ, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью, и развернувшаяся на этом фоне реформа уголовного законодательства породили один из важнейших в теоретическом отношении вопрос относительно иерархии объектов уголовно-правовой охраны и их отражения в тексте уголовного закона. Приведение УК РФ в соответствие с «современной иерархией социальных ценностей, принятых в

историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».

демократическом государстве» было провозглашено одной из приоритетных задач реформы в Концепции уголовного законодательства РФ¹.

Накануне принятия УК РФ 1996 года в рассуждениях на эту тему А.В. Наумов писал, что последний советский уголовный закон «как закон своего времени отражал приоритеты тоталитарного, основанного на коммунистической идеологии, государства, в связи с чем на первое место в числе задач уголовного кодекса была поставлена задача охраны государственных интересов, затем – общественных и уже только потом – личных. ... В связи с коренной перестройкой нашего общества – признанием приоритета общечеловеческих ценностей по отношению к классовым и иным – предполагаются соответствующие изменения в уголовном законодательстве»². Последовавшее в 1996 году нормативное решение ч. 1 ст. 2 УК РФ, установившей свой порядок изложения объектов уголовно-правовой охраны воспринимался в науке как одно из важных доказательств ценностной переориентации уголовного закона, как обеспечение его соответствия конституционной иерархии ценностей. «Шкала ценностей объектов, находящихся под охраной уголовного законодательства, построена исходя из международного законодательного опыта и провозглашенных Россией приоритетов, которые можно представить как охрану интересов «личности – общества – государства – мира и безопасности человечества»³. Активно поддерживая это обновление, А.В. Наумов указывал, что обеспечить общественные и государственные интересы никак не удастся, если не обеспечить при этом права отдельной личности; и только через соблюдение прав и свобод человека в демократическом обществе можно прийти к соблюдению общественных и государственных интересов⁴.

¹ Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. – 1992. – № 8. – С. 42 – 45.

² Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. А.В. Наумова. – М.: МВШМВД России, 1994. – С. 11.

³ Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр и доп. – М.: Юстицинформ, 2010. – С. 10.

⁴ Наумов А.В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006. – С. 409 – 410.

Надо сразу признать, что такое законодательное решение было неоднозначно встречено в науке. Так, например, В.И. Борисов высказался о необходимости приоритетной охраны не интересов отдельной личности, а государственных интересов, объясняя свою позицию тем, что «только в обществе, где обеспечены социальная стабильность, государственный порядок и безопасность, общественное согласие, возможно реальное обеспечение защиты личных, физических и духовных прав человека и гражданина»¹. Аналогичную позицию озвучил В.В. Мальцев: «Основы конституционного строя и безопасности Российской Федерации – это тот объект, который и исторически, и по содержанию, и по значению в современных условиях, да и по характеру его закрепления в Конституции, несомненно важнее интересов отдельной личности. Ибо без обеспечения основ конституционного строя, целостности и безопасности Российского государства такие интересы могут оказаться пустой фикцией в стихии социального катаклизма»². Вполне категорично высказался В.Д. Филимонов: «ни о каком приоритете интересов личности над интересами государства, по крайней мере в сфере уголовного законодательства, речи быть не может. Ни одно указание действующей Конституции, ни одно положение Уголовного кодекса РФ не предусматривает преимущественной защиты интересов личности по сравнению с защитой государственных интересов»³.

Дискуссия относительно приоритетов уголовно-правовой охраны имеет достаточно мощный идеологический и политический «заряд», подтверждая приверженность авторов той или иной социально-философской и политико-правовой идее. Она вряд ли может быть когда-либо разрешена или прекращена, но обречена стать выразителем конкуренции либеральных и коммунитарных идей в уголовном праве. Вместе с тем, за любой такой идеей,

¹ Борисов В.И. Решение вопросов Особенной части в новом Уголовном Кодексе Украины // Уголовное право в XXI веке: материалы Международ. науч.-практ. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 78.

² Мальцев В.В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000. – С. 141.

³ Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 37.

коль скоро она проникает в уголовный закон, возникает существенный ряд сугубо прикладных, правотворческих и правоприменительных последствий.

Формальный порядок изложения объектов охраны, безусловно, имеет важное уголовно-политическое значение, но гораздо важнее воплощение этой иерархии в тексте закона. И.Э. Звечаровский совершенно прав, когда указывает, что «изменение в приоритетах объектов уголовно-правовой охраны на уровне постановки задач перед уголовным законодательством само по себе еще недостаточно. Для этого необходимо, чтобы данное изменение нашло свое отражение не только в расположении соответствующих глав Особенной части, но и в содержании самого нормативного материала»¹.

Однако прикладное воплощение в тексте уголовного закона и в практике его применения заявленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ приоритетов порождает непростые вопросы относительно сопоставительной оценки общественной опасности преступлений против личности по сравнению с преступлениями, посягающими на иные объекты, и вытекающие отсюда многие другие вопросы, касающиеся криминализации деяний, наказуемости преступлений, определения иных уголовно-правовых последствий их совершения. В частности, можно ли утверждать, что преступления против личности, ее прав и свобод должны признаваться более опасными деяниями, нежели иные преступления, можно ли на этой основе проводить сопоставительный анализ срединных значений санкций за преступления, посягающие на различные объекты, создает ли повод для критики практика активной криминализации посягательств на государственные и общественные интересы, в том числе за счет расширения представлений о границах злоупотребления правом и следовательно сокращения объема допустимой свободы в реализации прав человека, и т.д.

¹ Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 26.

Любые ответы на эти вопросы следует признать умозрительными, если они основываются исключительно на идеологических аргументах и не сопровождаются обращением к учению о конституционных ценностях, особенно если признать, как было установлено, что любой объект уголовно-правовой охраны есть вместе с тем и конституционная ценность. **Иерархия объектов преступления в уголовном праве есть прямое отражение иерархии конституционных ценностей.**

Проблема конституционных ценностей, составляя предмет конституционной аксиологии¹, обоснованно привлекает повышенное внимание специалистов. При этом тема иерархии этих ценностей является здесь, пожалуй, одной из наиболее сложных, причем сложность возникает уже с установления самого факта наличия такой иерархии. Анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что словосочетание «конституционные ценности» в связке со словами «иерархия» или «приоритет» непосредственно в тексте решений Суда не употребляется. Но в некоторых Особых мнениях судей Конституционного Суда РФ отчетливо усматривается позиция специалистов по этому вопросу. В частности, Г.А. Гаджиев последовательно указывает, что все конституционные ценности образуют единство, основанное на вытекающей из конституционного права иерархии ценностей², а потому одним из принципов конституционно-правовой аксиологии является возможность не только уравнивания двух конституционных принципов, но и придание большего веса одной из

¹ См.: Кресс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2; Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12; Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5; Бондарь Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11; Татаринов С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в укреплении и развитии конституционных ценностей // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».

коллидирующих конституционных ценностей¹. В тоже время некоторые конституционные ценности не могут быть признанными находящимися в состоянии иерархии². Возможная коллизия относительно равнозначных ценностей, ни одна из которых очевидно не превалирует над другой, по мнению Г.А. Гаджиева, может быть разрешена с использованием той юридической методологии, которую предложил Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 19.02.1998 по делу «Боуман против Соединенного Королевства»: необходимо искать справедливый баланс между равнозначными конституционными ценностями, когда ни одной из этих ценностей не отдается безусловный приоритет, а действие одного принципа (ценности, права) создает имманентные пределы для другого принципа (права или конституционной ценности)³.

Идея иерархии конституционных ценностей находит поддержку у многих иных ученых. А.А. Кандрашев прямо пишет: «конституционные ценности не могут быть равнозначны как с позиции места в системе социальных регулятивных связей, так и с точки зрения важности для общества тех отношений, которые охраняются той или иной ценностной установкой»⁴. Ему вторит Т.С. Масловская, утверждая о наличии определенной иерархии конституционных ценностей, о признаваемых высших ценностях, формально определяющих конституционные

¹ Особое мнение Судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по определению Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 1485-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Борохова Олега Викторовича, Кауца Вячеслава Артуровича и Федотова Андрея Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью 2 статьи 1.7 и пунктом 5 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

² Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».

³ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области "О транспортном налоге" в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области».

⁴ Кандрашев А.А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 24.

приоритеты, и иных конституционных ценностях¹. Аналогично мнение А.А. Сухановой: «текст Конституции позволяет говорить о наличии некой иерархии в системе конституционных ценностей, поскольку существуют нормы, прямо или косвенно закрепляющие приоритет одних конституционных ценностей перед другими. Так, например, ст. 2 Конституции Российской Федерации содержит следующее положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью», при этом выражение «высшая ценность» употребляется только применительно к институту прав и свобод человека и гражданина, подобная значимость иных конституционных ценностей в Конституции не закрепляется. Очевидно, что «высшая ценность» — это в первую очередь нравственная категория, но, употребленная в конституционном контексте, она превращается в юридическую категорию, правовую норму»².

Признание наличия иерархии и ее построение создает предпосылки для соответствующей разработки методологии правотворческих и правоприменительных решений и их оценки. С.П. Маврин пишет: «важное значение при оценке конституционности принятых законодательных актов Конституционным Судом РФ с точки зрения воплощения в них конституционных требований имеет не только соблюдение иерархии конституционных ценностей, но и правильное правопонимание природы и выстраивание отношений координации и гармонизации между ними в рамках измерения шкалы конституционных норм и ценностей»³.

Авторы, признающие наличие таких «отношений координации» между конституционными ценностями, в последнее время отчетливо свидетельствуют и вершину их иерархии. При этом если некоторые специалисты лишь выражают опасение, что в современных условиях

¹ Масловская Т.С. Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму или укреплению национальных интересов? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6. – С. 59 – 60.

² Суханова А.А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 23 (378). – Право. Вып. 44. – С. 53 – 54.

³ Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3 (27). – С. 12.

«существует риск преобладания тех конституционных ценностей современной России, которые охватывают государственно-властные аспекты, и прежде всего государственный суверенитет, что может привести к «мобилизационному конституционализму», когда другие, не связанные с государственным суверенитетом конституционные ценности рассматриваются как второстепенные, которыми можно пренебречь»¹. То А.А. Кондрашев категорично утверждает, что в последние 15 лет «Конституционный Суд РФ в своих решениях активно руководствовался приоритетом именно публичных, коллективно-государственных ценностей в ущерб защите личных прав граждан», а «гуманитарная составляющая» в его решениях «сдвинута в сторону приоритетной защиты именно государственных интересов, которые рассматриваются как защита общественных потребностей»². Применительно к отдельным решениям Конституционного Суда такой вывод подтверждают и сами судьи. В особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса РФ указывается, что Суд «допустил беспрецедентное смещение ценностей в сторону публичных, и прежде всего государственных, интересов в пользу репрессивного характера права. Употребляемая неоднократно Конституционным Судом РФ формула о балансе частных и публичных интересов, по нашему мнению, искажает шкалу конституционных ценностей, поскольку баланс предполагает нивелирование, уравнивание, равнозначность интересов отдельной личности и государства, что заведомо ставит личность в подчиненное и незащищенное положение, деформирует само понятие правового государства. Конституция говорит не о балансе, а о предпочтении гуманитарных ценностей»³.

¹ Киреев В.В., Щипачев Б.М. Конституционное развитие современной России: ценности и риски // Проблемы права. – 2014. – № 3 (46). – С. 21 – 26.

² Кондрашев А.А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 25.

³ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений

Переложение такой иерархии на сферу уголовного права влечет вполне определенные уголовно-политические и уголовно-правовые последствия. При этом подход к оценке объектов уголовно-правовой охраны с позиций иерархического строения конституционных ценностей, при всей сложности самой этой иерархии, дает неоспоримые преимущества законодателю и правоприменителю в сфере уголовно-правового противодействия преступлениям, снимая неопределенность в их оценке и значимости. Именно посредством такой иерархии Конституция определяет наиболее важные для обеспечения нормального функционирования общества и государства направления уголовных репрессий. Как верно отмечает И.И. Рогов, делается это, как правило, опосредованно, путем провозглашения особой ценности тех или иных общественных отношений и необходимости их защиты¹.

Однако такой подход может иметь место только при условии признания наличия самой иерархии конституционных ценностей. Вместе с тем, это утверждение не является бесспорным. Так, применительно к проблеме иерархии прав человека судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь указывает: «Конституция Российской Федерации не предполагает какой-либо иерархии прав и свобод человека и гражданина, в том числе в зависимости от их материального содержания и сфер реализации, а исходит из того, что все права и свободы человека и гражданина, включая те, что не получили в ней своего непосредственного текстуального закрепления (статья 55, часть 1), являются равноценными и образуют единый, взаимосогласованный комплекс. Это корреспондирует сложившемуся в современном мировом сообществе подходу к правам человека, согласно которому все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны»².

статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа.

¹ Рогов И.И. Общая характеристика Уголовного кодекса Республики Казахстан // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сборник науч. ст. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 127.

² Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондаря по определению Конституционного Суда РФ от 4.10.2012 № 178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коршуновой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 34 Закона

Иные авторы придают такой позиции общее звучание. Г.Б. Ройзман, к примеру, пишет: «иерархия в системе конституционных ценностей имеет относительный характер, поскольку установить нормативное закрепление иерархии конституционных ценностей невозможно. Определение места той или иной конституционной ценности в целостной иерархии не может быть предопределено ни нормативным (декларативным) ее закреплением в качестве ценности более высокого порядка по отношению к другим, ни доктринальным толкованием конституционных норм, закрепляющих ценности общества и государства. По сути, иерархия ценностей зависит от результата процесса нахождения баланса между частным и публичным интересом в случае, если такой баланс в принципе возможен, либо от результата выбора (предпочтения) либо частного, либо публичного интереса. При этом функция такого выбора возложена также на публично-властный субъект – Конституционный Суд Российской Федерации, что вряд ли может быть свидетельством объективности при нахождении подобного «баланса интересов»¹. Эту мысль поддерживает С.Э. Несмеянова: «Принимая во внимание практику Европейского суда по правам человека и решения Конституционного суда РФ, необходимо констатировать, что суды не определяют верховенство конкретных ценностей при разрешении спора (при наличии конкуренции ценностей). Они лишь определяют приоритет конкретной ценности в конкретных правоотношениях», причем такой приоритет может определяться только применительно к конкретной ситуации»².

В этих суждениях, как нам представляется, содержатся предпосылки для опровержения самой идеи наличия заданной Конституцией РФ иерархии социальных ценностей. Действительно, **текст Конституции РФ не содержит указаний на то, что какая-либо из провозглашенных в нем**

Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

¹ Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012. – С. 8 – 9.

² Несмеянова С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 72 – 74.

непосредственно или вытекающих из его толкования и конкретизации ценностей обладает приоритетом перед другими. Сторонники нормативной иерархии, как правило, ссылаются на положения ст. 2 Конституции РФ, согласно которой «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Однако наряду с этим утверждением, Конституция содержит и иные, в частности, ч. 3 ст. 55, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». При этом, и ст. 2, и ст. 55, согласно предписаниям ст. 16, ст. 64 и ст. 135 Конституции РФ, они равновелики в том отношении, что могут быть изменены или опровергнуты только в специально установленном смой Конституцией РФ порядке. **И если Конституция допускает возможность ограничения прав человека как высшей ценности, исходя из соображений защиты иных ценностей, вопрос о наличии иерархии и соподчиненности между конституционными ценностями не может считаться изначально решенным на уровне самой Конституции.** В противном случае остается без фундаментальных оснований вопрос о том, в силу чего государство допускает ограничение высших ценностей ради защиты ценностей, находящихся на нижних ступенях их иерархии, в основании пирамиды. При наличии предустановленной иерархии при проведении и реализации уголовной политики «не срабатывают» ни соображения крайней необходимости, в силу которых недопустимо причинение вреда большему благу ради защиты менее ценного блага, ни соображения необходимой обороны, требующие особых условий причинения вреда высшим ценностям. Обобщенно говоря, жесткое следование концепции наличия предустановленной иерархии конституционных ценностей, лишает саму уголовную политику и уголовное право конституционных оснований.

Полагаем, что в теоретических рассуждениях о конституционных ценностях и в практической деятельности по их толкованию и оценке концепт «иерархия» должен отойти на второй план, уступая место концепту «конкуренция» и «баланс». По сути, к этому призывает и Председатель Конституционного Суда РФ в одной из своих программных статей. В.Д. Зорькин, в частности, пишет:

- «Достаточно заглянуть в любую современную конституцию, где интересы личности декларируются прежде государственных интересов. Однако из этого отнюдь не следует, что главная цель конституционной юстиции должна состоять в защите личных прав и интересов и лишь потом, по остаточному принципу, интересов публичных. Говоря о приоритете прав человека, нужно помнить, что они и публичные интересы хотя и конкурируют, но находятся в диалектическом взаимодействии. Юридически оно реконструируется как соблюдение разумного баланса публичных и частных интересов»;

- «Приоритет интересов личности вовсе не означает, что публичные интересы отбрасываются в сторону как нечто консервативное и устаревшее. Напротив, публичные интересы не должны умаляться, но могут адаптироваться, изменяя форму своего проявления и реализации. То есть отступление от публичных интересов в пользу индивидуальных и частных всегда должно тем или иным образом компенсироваться, и наоборот – любое уменьшение сферы применения какого-либо основного права личности оборачивается усилением другого, связанного с ним права. В этом и состоит баланс интересов»;

- «Увлечшись в последние десятилетия (по вполне понятным и весьма серьезным причинам) защитой индивидуальных прав человека, мы стали забывать, что человек, как говорил Аристотель, по природе своей существо политическое, т.е. общественное. Требуется какая-то корректировка нынешнего либерально-индивидуалистического подхода к пониманию права. Речь идет о корректировке в сторону формирования такого понятия права

(прежде всего – права человека), которое синтезировало бы начала индивидуальной свободы и социальной солидарности. Потому что и то, и другое – это имманентные составляющие сути человека, а значит и сути права. В идеологической плоскости такой подход означает поиск синтеза идей либерализма с его приоритетом прав человека и коммунитаризма, с позиций которого общее благо – не сумма индивидуальных благ, а общие ценности, объединяющие данное конкретное общество».¹

Все изложенное имеет принципиальное значение для обсуждения и дальнейшего развития уголовно-правового учения об объекте преступления и общественной опасности. Есть, как полагаем, все основания для следующих утверждений:

- в отсутствие установленной на уровне Конституции РФ иерархии конституционных ценностей все объекты преступления, будучи по природе своей конституционно значимыми ценностями, являются равновеликими и не могут сопоставляться друг с другом по шкале от менее ценных к более ценным; в силу этого надо признать безосновательными попытки сопоставления общественной опасности преступлений, исходя из содержания их объекта (правда, справедливость этого суждения разделяют только 25% опрошенных нами специалистов в области права);

- в таких условиях особое звучание приобретает дифференциация показателей общественной опасности преступления на качественные (характер) и количественные (степень). Как подтверждает Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», характер общественной опасности преступления определяется направленностью деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Но характер сам по себе не является показателем

¹ Зорькин В.Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. – 2018. – № 4 (64). – С. 4, 7.

большой или меньшей опасности преступления. Нет оснований к утверждению о том, что разглашение государственной тайны (ст. 283 УК РФ) как преступление против государства менее (или наоборот, в зависимости от построения иерархии ценностей, более) опасно, нежели разглашение тайны усыновления (ст. 155 УК РФ) как преступление против личности. В основе оценки опасности этих деяний лежит не сам по себе объект преступления, а степень его повреждения, вероятные и реальные последствия и иные обстоятельства. Образно говоря, сопоставление двух преступлений исходя из объекта и характера опасности, равносильно сопоставлению производственного качества различных по стоимости товаров одного бренда;

- сравнительная оценка конституционных ценностей, не позволяя выстроить их иерархию, тем не менее, позволяет соотнести между собой в каждой конкретной правотворческой и правоприменительной ситуации конкурирующие ценности в целях определения между ними баланса; именно на основе такой оценки должны приниматься решения как о криминализации деяний (сопоставляя значимость нарушаемой виновным конституционной ценности и ценности его прав и свобод), так и о применении закона (сопоставляя законность и справедливость при освобождении от ответственности, положительные и отрицательные эффекты при назначении и исполнении наказания и т.д.);

- категория баланса конституционных ценностей должна занять свое место в уголовно-правовом учении об объекте преступления. Представляется, что именно такой баланс как конституционно гарантированное состояние бесконфликтного сосуществования и реализации интересов отдельного лица и интересов всего общества может рассматриваться в качестве общего объекта всех преступных посягательств. Баланс конституционных ценностей есть не просто правовой идеал, это реальное состояние общественных отношений, урегулированных посредством права и на основе правовых ценностей. Система правовых отношений, в полной мере воплощающая в себе конституционные начала

существования государства, по определению обязана быть сбалансированной, обеспечивая бесконфликтное сосуществование свободных людей, свободы человека и безопасности общества и государства. Выходя за пределы права – злоупотребляя правом и нарушая правовые предписания, лицо всегда вносит дисгармонию в этот баланс, разрушая справедливое соотношение конституционных ценностей. Уголовное право своими специфическими средствами призвано этот баланс восстановить.

§ 3. Уголовно-правовой запрет и ограничение прав и свобод человека: проблемы соотношения

Тесная связь широко распространенных в уголовно-правовой доктрине понятий «уголовно-правовой запрет» и «ограничение прав человека» является, на первый взгляд, столь очевидной и понятной, что не требует специального внимания. Однако при ближайшем рассмотрении сквозь призму конституционных принципов регулирования правового статуса человека она демонстрирует целый ряд таких содержательных аспектов, которые еще не были предметом самостоятельного анализа в науке и потому настоятельно требуют отдельного исследования, открывая новые перспективы для развития теории уголовного права. Как верно указывает В.И. Крусс, «решающей и необходимой предпосылкой перехода к пониманию современного права как конституционно детерминированного явления, органично сочетающего атрибутивность и нормативного (формального) и содержательного порядка, являются общепризнанные (в глобальном измерении) права и свободы человека»¹.

Предваряя содержательный анализ поставленной проблемы, надо отметить, что его объем и основные направления закономерно зависят от понимания исходных понятий темы – «уголовно-правовой запрет» и «права

¹ Крусс В.И. Теория конституционного правоупотребления. – М.: Норма, 2007. – С. 21– 46.

человека»¹. При всем том, что они активно используются в уголовно-правовых и конституционно-правовых сочинениях, единого, универсального толкования их не существует. Не имея целью провести полноценное исследование данных понятий и выраженных ими социально-правовых явлений, полагаем достаточным обратить внимание лишь на некоторых, значимые для продолжения нашей работы, подходы к толкованию уголовно-правового запрета и прав человека.

В частности, обратим внимание, что уголовно-правовой запрет в отечественной науке трактуется:

а) в контексте рассуждений о механизме правового регулирования, где он позиционируется либо как метод регулирования собственно уголовно-правовых отношений², либо шире – как уголовно-правовой метод регулирования всех общественных отношений³;

б) в контексте содержания уголовного закона, где он ассоциируется либо с диспозитивной частью уголовно-правовых норм⁴, либо с уголовно-правовой нормой в целом⁵.

Что касается понятия «права человека», то наиболее значимая для нас дискуссия в его толковании состоит в допустимости двух концептуальных вариантов их действия – «вертикального» и «горизонтального». В первом случае утверждается, что концепция прав человека может быть применима исключительно для характеристики взаимоотношений государства и

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Уголовно-правовой запрет и ограничение прав и свобод человека: проблемы соотношения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1 (56). – С. 47 – 57; Гузеева О.С. Уголовно-правовой запрет и ограничение прав человека // Законность. – 2020. – № 12. – С. 43 – 39; Гузеева О.С. Преступление как нарушение прав человека // Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 65 – 69

² Показательна позиция А.В. Наумова по этому поводу, когда он пишет: «Общественные отношения, вытекающие из уголовно-правового запрета. Регулируются путем установления этого запрета». См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т.1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 13.

³ См.: Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск: изд. Красноярск. ун-та, 1989. – С. 33 – 37.

⁴ По мнению С.А. Маркунцова, запрет выражен в диспозиции запрещающей нормы и по своим признакам идентичен составу преступления. См.: Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – С. 111 – 117.

⁵ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 136 – 138.

личности¹; во втором случае предполагается, что такая концепция не может быть ограничена лишь властными отношениями и применима в качестве основы для определения взаимоотношений всех субъектов гражданского общества и частных лиц, в том числе при отсутствии между ними отношений власти и подчинения².

Должно быть очевидным, что опираясь на различные концептуальные подходы к толкованию уголовно-правового запрета и прав человека, можно «выстроить» различающиеся системы их взаимной связи и аргументировать различающиеся теоретические построения. При этом наиболее существенными для развития уголовно-правовой доктрины, в любом случае, выступают рассуждения по следующим проблемам:

- если права человека имеют лишь «вертикальное» действие, то концепт «ограничение прав человека» применим для характеристики исключительно действий государства по конструированию уголовно-правового запрета;

- однако если уголовно-правовой запрет выражен только в диспозиции уголовно-правовой нормы, то ограничение прав человека справедливо рассматривать лишь в качестве запретительного метода регулирования существующих в обществе отношений;

- если же уголовно-правовой запрет выражен также и в санкции уголовно-правовой нормы, то концепция ограничения прав человека приложима в качестве основы для конструирования метода регулирования собственно уголовно-правовых отношений;

- если установление уголовно-правового запрета рассматривать с точки зрения учения об ограничении прав человека, то для оценки действий

¹ Отчетливо выразил эту позицию М. Новицкий: «Права человека – это только то, что происходит между властью и единицей, это не проблемы соотношения между единицами. Права человека – это только когда с одной стороны – власть, а с другой – человек, подчиненный этой власти. ... Отношения между равноправными партнерами не могут быть описаны на языке прав человека». См.: Марек Новицкий о правах и свободах человека [Электронный ресурс]: URL: <https://hro.org/node/181> (дата обращения: 22.04.2020).

² См.: Банашак Б. Права личности и механизмы их защиты в конституциях некоторых стран / пер. с польск. А. Горелика. – Варшава: Б.И., 2001. – С. 12.

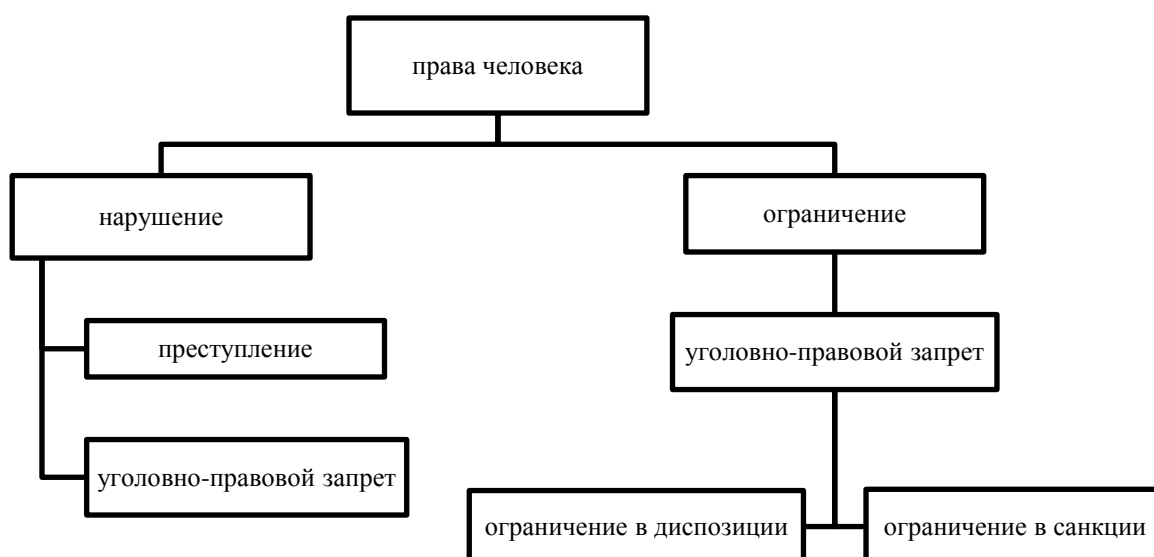
государства в рассматриваемой практике допустимо использовать при необходимости концепт «нарушение прав человека»;

- если права человека имеют и «горизонтальное» действие, то проблема их ограничения и нарушения должна обсуждаться не только при характеристике закона, но и при описании преступления, причем в двух аспектах: преступление как нарушение прав человека и конструирование состава преступления как ограничение прав человека.

Весь этот комплекс теоретических и правовых проблем следует рассматривать в качестве значимого компонента концепции конституционализации уголовного права, поскольку он детализирует и конкретизирует «точки соприкосновения» двух базовых доктрин – доктрины уголовно-правового запрета в уголовно-правовой науке и доктрины прав человека и их ограничения в конституционно-правовой науке.

В первом приближении связь рассматриваемых понятий и общее содержание разрабатываемой нами теории могут быть представлены графически (см. рис. 2).

Рисунок 2. Взаимосвязь прав человека и уголовно-правового запрета

Эта схема «задает» основные направления последующего исследования. *Связь уголовно-правового запрета и ограничения прав*

человека в структурном отношении вполне отчетливо распадается на три компонента, которые в методическом плане должны быть проанализированы отдельно, но содержательно лишь в своей совокупности позволяют составить целостное представление о сути данной связи. Такими компонентами выступают: а) оценка преступления и уголовно-правового запрета с точки зрения нарушения прав человека; б) оценка диспозиции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав человека как субъекта охраняемых уголовным законом отношений; в) оценка санкции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав субъекта уголовно-правового отношения.

Преступление как нарушение прав человека

Вопрос о том, можно ли рассматривать преступление как нарушение прав человека, является дискуссионным. Заметим, что, пожалуй, впервые он был поднят не в уголовно-правовой, а в криминологической литературе. С развернутым обоснованием тезиса о том, что преступность есть форма массового нарушения прав человека выступил В.В. Лунеев¹. Это положение было развито Е.Н. Рахмановой, которая указала, что не только разворачивающиеся в рамках «вертикальных» отношений между государством и личностью деяния, такие как преступления против мира и безопасности и криминальные злоупотребления властью со стороны представителей государства, должны расцениваться в качестве нарушения прав человека, но и все иные, в том числе и «общеуголовные преступления»².

При всей привлекательности такого подхода и его безусловной значимости для решения задач криминологической оценки преступности и разработке мер ее предупреждения, стоит заметить, что для целей уголовно-правового регулирования и совершенствования уголовно-правовой теории он нуждается в существенной корректировке (заметим, что только 45%

¹ См.: Лунеев В.В. Права человека и преступность в глобализирующемся мире // Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма. – С 425 – 460; Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2007. – С. 216 – 242.

² Рахманова Е.Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. – М.: Университетская книга, 2008. – С. 24 – 25.

опрошенных специалистов категорически признали допустимость уравнивания понятий нарушение прав человека и преступление, тогда как 25% высказались категорически против, а 35% заняли компромиссную позицию). Дело в том, что если любое преступное посягательство рассматривать изначально как нарушение прав человека, то оценка деятельности государства по формулированию уголовно-правовых норм приобретает несвойственный ей ракурс. В частности, мы вынуждены будем признать, во-первых, что конструирование именно уголовно-правового запрета на нарушение прав человека со стороны «частных» лиц является безусловной обязанностью государства, неисполнение которой со стороны государства само по себе есть нарушение прав человека; и во-вторых, что диспозитивная часть уголовно-правового запрета в качестве реакции на нарушение прав человека не подлежит конституционной проверке на предмет соответствия самого этого запрета правам и свободам личности. Однако такие излишне категоричные рассуждения будут неправильными.

Исходная ошибка криминологов, по нашему убеждению, кроется в том, что они, по большому счету, не разграничивают понятий «основные права человека» и так называемые «отраслевые» права. Первые относятся к области конституционного права, составляя ядро и сущность правового статуса личности, характеризуя институциональный статус человека, основанный на его природе. Отраслевые права являют лишь конкретизацию конституционных прав, причем во многом заданную праворегламентирующей деятельностью государства. При этом важно напомнить, что основные права и свободы человека не должны пониматься исключительно как зафиксированные в Конституции РФ. Согласно ч. 1 ст. 55 Конституции РФ, «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина».

Различение «основных» и «отраслевых» прав принципиально значимо в контексте понимания преступления. Повод для такого утверждения дает

широко известная практика Европейского Суда по правам человека в части разработки им понятия «уголовно-правовая сфера», в рамках которой одним из критериев отнесения деяния к разряду «уголовных» признается характер нарушаемой им нормы – носит ли она «общий» характер¹. Экстраполируя этот признак «уголовного» на процессы криминализации нарушений прав человека, Ю.Е. Пудовочкин пишет: «Если деянием нарушаются универсальные права человека, то оно является преступлением вне зависимости от того, в законе какой отраслевой принадлежности за него установлена ответственность (а по большому счету – независимо от того, установлена ли вообще за него ответственность в национальном праве); если же деянием нарушаются иные по характеру права, то оно может быть признано преступлением только в случае, когда на национальном уровне ответственность за него в виде уголовного (а не какого-либо иного) наказания предусмотрена именно уголовным законом»².

С такой логикой, и наш взгляд, стоит согласиться. Между преступлением и нарушением прав человека, при всей плотности связи, нельзя ставить знак равенства. **Понятие нарушения прав человека охватывает собой деяния, не относящиеся к сфере преступного, равно как далеко не все преступления могут расцениваться как нарушение прав человека.**

Соотношение случаев нарушения прав человека и преступлений могут наглядно демонстрировать пересекающиеся круги Эйлера (см. рис. 3).

Рисунок 3. Соотношение преступлений и нарушения прав человека

¹ См.: Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл, Уорбрик. – М.: Развитие правовых систем, 2016. – С. 502; Гурин Д.В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27). – С. 257 – 262; Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1 (6). – С. 37 – 45; Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. – 2000. – № 3. – С. 65 – 74.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. Избранные лекции. – Изд. 2-е, исправ. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 30..

Различение сути и механизма уголовно-правового запрета на совершение деяний, посягающих и не посягающих на основные права и свободы граждан, имеет существенное значение для развития теории преступления в уголовном праве.

Нарушения основных прав и свобод человека всегда должно быть криминализировано. Как указал Конституционный Суд РФ, любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия¹. Однако здесь возникает иной вопрос – что именно считать основными правами и свободами. Вопрос этот всецело расположен в области конституционного права и теории прав человека, а потому его полноценное обсуждение по определению не может входить в разряд наших задач.

В сфере собственно уголовного права можно уверенно утверждать, что посягательства на основные права и свободы устойчиво коррелируют с деяниями, известными в науке как категория преступлений *mala in se*, которые состоят в причинении вреда, очевидно недопустимого, неприемлемого и морально осуждаемого². И хотя сама градация преступлений на *mala in se* и *mala prohibita*, как отмечают специалисты, в современном английском праве практически не встречается и

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исмакаева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 4018 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² См.: Шахунянц Е.А. Преступление и проступок по уголовному праву Англии и США: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1976. – С. 12; Есаков Г.А. *Mens rea* в уголовном праве США: историко-правовое исследование. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 126, 224, 232.

воспринимается не иначе, как «древнее различие»¹, она, по нашему представлению, дает ключ к пониманию многих современных теоретических проблемы, а потому должна быть не столько отброшена, сколько модернизирована. Преступления, нарушающие основные права и свободы человека, данные ему от рождения, не обусловленные государственными велениями, неотчуждаемые, посягают на саму природу человека, на основы его физического и социального существования. Это так называемые «ядерные» преступления, вызывающие именно уголовно-правовую реакцию на всем протяжении современной человеческой цивилизации и во всех странах. Игнорировать специфику таких преступлений для решения задач, связанных с установлением уголовно-правового запрета и определением границ «уголовно-правовой сферы» было бы, по меньшей мере, неразумно.

Отчетливо заметна также корреляция посягательств на основные права человека и на иные интересы с известной градацией «уголовно-правовой неправды» в русской дореволюционной литературе на уголовные и полицейские посягательства. Н.С. Таганцев указывал по этому поводу: «Уголовно наказуемые деяния могут посягать на юридически значимые интересы, признаваемые существенными условиями данного общежития, или же они могут являться противодействием мерам правительства, предпринимаемым для охраны этих интересов или же для поддержания порядка и спокойствия в государстве; в первом случае можно говорить об уголовных правонарушениях, а во втором о полицейских»². И хотя сам автор признавал подчеркнуто теоретическое значение этой градации, которая не выдерживается в законодательстве, тем не менее, сбрасывать ее со счетов также нельзя, ибо она содержит в себе потенции для последовательного решения вопросов, связанных с разграничением преступлений и

¹ Есаков Г.А. Понятие и классификация преступлений по английскому праву // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2005. – № 4. – С. 842. По нашему представлению, отказ от такой градации связан с различиями в понимании вины в данных группах преступлений – требуется ли для обвинения необходимый уровень аморальности содеянного или нет. С этой точки зрения градация, действительно, может быть признана устаревшей. Но для решения иных задач, связанных с познание природы преступления, она продолжает сохранять свое познавательное значение.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 56.

административных правонарушений, преступлений и уголовных проступков, вопросов, в которые в последнее время вновь приобрели повышенную актуальность при обсуждении проблем совершенствования российской уголовной политики.

Оценка диспозиции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав человека как субъекта охраняемых уголовным законом отношений

Изложенное выше понимание связи преступлений и нарушений прав человека позволяет с новых позиций рассмотреть вопрос о соотношении уголовно-правового запрета и нарушения прав человека. Полагаем, есть все основания для следующих рассуждений:

1. *Деяния, которые посягают на основные права и свободы человека, подлежат обязательной криминализации (разумеется, при соблюдении известных требований, предъявляемых к их общественной опасности и виновности).* Противоправность таких деяний определена именно тем, что они нарушают общие конституционные предписания о недопустимости посягательств на основные права и свободы. Отсутствие уголовно-правового запрета на совершение такого рода деяний, а равно неэффективность механизма его реализации справедливо рассматривать как неисполнение государством возложенной на него позитивной обязанности обеспечить неприкосновенность и гарантированность этих прав и свобод, и следовательно, как их нарушение. Показательны в этом отношении решения Европейского Суда по правам человека, которыми была зафиксирована обязанность государства обеспечивать права, гарантированные Европейской конвенцией, путем возложения ответственности за их нарушение со стороны «частных лиц». Так, в деле А. против Соединенного королевства (1998) было установлено, что государства обязаны предпринимать меры по обеспечению того, чтобы лица в пределах ответственности государства, не подвергались

бы жестокому обращению, «включая обращение со стороны частных лиц»¹; а в деле М.С. против Болгарии (2003) провозглашено, что государства имеют позитивное обязательство защищать граждан от сексуального насилия со стороны частных лиц путем принятия и приведения в действие уголовного законодательства, предусматривающего наказание за насильственные действия сексуального характера².

Наличие прямой обязанности установить именно уголовно-правовой запрет на общественно опасное нарушение основных прав и свобод человека вытекает из взаимосвязанных положений ст. 2 Конституции РФ, согласно которой «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»; ч. 2 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». А потому сам **уголовно-правовой запрет на нарушение основных прав человека «частными лицами» не может рассматриваться как ограничение свободы этих «частных лиц»**. Норма об ответственности за убийство не ограничивает свободу самовыражения человека, норма об ответственности за кражу не ограничивает свободу экономического поведения, равно как норма об ответственности за изнасилование не ограничивает свободу сексуального поведения личности. **К правомерному ограничению прав и свобод человека диспозитивная часть таких уголовно-правовых запретов не имеет отношения; следовательно, она не может подлежать конституционной проверке на предмет того, правомерно или неправомерно она ограничивает права и свободы человека. Проверке здесь может подлежать лишь диспозитивная часть такого запрета на предмет адекватности санкции общественной опасности преступления, однако такая проверка предполагает иной предмет и иные критерии оценки.**

¹ См.: Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл, Уорбрик. – М.: Развитие правовых систем, 2016. – С. 365 – 366.

² См.: Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл, Уорбрик. – М.: Развитие правовых систем, 2016. – С. 317.

2. Деяния, которые не посягают на основные права и свободы человека, могут быть криминализованы в соответствии с усмотрением законодателя. Их противоправность не предопределена природой самого посягательства и зависит всецело от уголовно-политических настроений и тенденций, а механизм регламентации ответственности за такие деяния гораздо сложнее, нежели у преступлений первой группы. Установление уголовно-правового запрета здесь предварительно опосредовано конструированием отраслевых правовых ограничений для субъектов охраняемых уголовным законом отношений. Такие отраслевые правовые ограничения подчинены требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и могут выражаться, как отмечают специалисты, в двух своих основных формах: либо как полный запрет определенного права (свободы), обусловливаемый в силу различного рода объективных или субъективных обстоятельств, либо как уменьшение вариантов возможного, дозволенного поведения (в рамках конкретного права или свободы) путем установления органами государственной власти, прежде всего, субъектами законотворчества, различного рода пределов (пространственных, временных рамок, субъектных и др.) такого поведения¹. Ограничение предполагает установление особого порядка реализации права, возложение каких-либо обязанностей, формулирование тех или иных запретов, дифференциацию содержания и порядка реализации права для отдельных групп населения и т.д. Нарушение этих ограничений подкрепляется санкциями, в том числе, при соблюдении определенных условий, и уголовно-правовыми. Уголовную ответственность надлежит рассматривать в качестве санкции за наиболее опасные виды и формы нарушения отраслевых правовых ограничений².

Такая «двухступенчатость» правовой регламентации позволяет признать (с учетом мнения 49% опрошенных специалистов), что **уголовно-**

¹ Ашимхина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 18.

² С этой точки зрения, по нашему убеждению, нуждается в пересмотре законодательная дефиниция понятия преступления в ч. 1 ст. 14 УК РФ, на предмет обязательно включения в перечень признаков преступления не только наказуемости (что предопределено закреплением преступлений в УК РФ), но и противоправности.

правовой запрет, будучи по своей природе вторичным правовым образованием, не может рассматриваться как ограничение прав или свобод участников охраняемых отношений, поскольку такое ограничение задано отраслевым правовым регулированием¹.

Из этого вытекает принципиально значимый тезис о том, что и в этом случае диспозитивная часть уголовно-правового запрета сама по себе не подлежит конституционной проверке на предмет соответствия конституционным стандартам ограничения прав человека. Не случайно Конституционный Суд РФ во многих своих решениях неоднократно подчеркивал, что установление уголовной ответственности находится в исключительном усмотрении федерального законодателя, который обладает широкой свободой в конструировании состава преступления. Сказанное, однако, не должно восприниматься, как полное отсутствие возможности провести такую конституционную проверку. С учетом системных свойств права и вытекающей отсюда связи уголовного и регулятивного законодательства, **конституционность диспозитивной части уголовно-правового запрета может быть поставлена под сомнение с точки зрения**

¹ Утверждая этот вывод, нельзя пройти мимо тезиса, сформулированного в одном из решений Конституционного Суда РФ. Отказывая в рассмотрении вопроса о конституционности ст. 234 УК РФ, Конституционный Суд РФ признал: «Установление в уголовном законе ответственности за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта согласуется с положением Конституции Российской Федерации о допустимости ограничения – в том числе посредством введения уголовно-правового запрета – прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья (статья 55, часть 3)» (см. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2319-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравченко Максима Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации, Указа Президента Российской Федерации «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена», постановлений Правительства Российской Федерации «О поставках продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» и «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации», постановлений Главного государственного санитарного врача Российской Федерации «О прекращении использования метилового спирта в средствах по уходу за автотранспортом» и «Об утверждении СП 2.3.3.2892-11 «Санитарно-гигиенические требования к организации и проведению работ с метанолом»). Развитие этого положения может привести к выводу о том, что Конституционный Суд рассматривает уголовно-правовой запрет в качестве средства ограничения права человека на занятие предпринимательской деятельностью. Однако это направление рассуждений не представляется перспективным. Во-первых, такой тезис встретился нам в единственном решении Конституционного Суда РФ. Во-вторых, и это гораздо более значимо, в упомянутом определении, аргументируя свою позицию, Суд справедливо ссылается на ряд правительственных актов, которым установлены правила оборота сильнодействующих и ядовитых веществ в качестве «бланкетной основы» ст. 234 УК РФ, тем самым подтверждая, что изначальное ограничение права на занятие предпринимательской деятельностью, связанной с оборотом таких веществ, установлен не в уголовном, а в иноотраслевом законодательстве.

стандартов ограничения прав человека в случае, когда предшествующее уголовно-правовому запрету отраслевое правовое ограничение является неконституционным либо когда установление уголовно-правового запрета не соответствует отраслевым правовым ограничениям (в последнем случае классической иллюстрацией служит дело В.А. Смирнова¹).

Сказанное служит подтверждением и развитием важного положения теории криминализации. **Если то или иное общественно опасное деяние не нарушает основные права и свободы человека, установление уголовной ответственности за него требует предварительной правовой регламентации охраняемых общественных отношений нормами позитивного права, в том числе путем установления отраслевых правовых ограничений.** Об этом убедительно высказался А.Г. Безверхов: «в строгом соответствии с функциональным подходом УК РФ защищает не все особо значимые отношения, а ту их часть, которая в позитивном смысле урегулирована другими отраслями права. Отдельные социальные блага и интересы только тогда должны охраняться уголовным законом, когда они являются правовой ценностью, а социальные отношения – когда они становятся правоотношениями». И далее: «Отсюда следует вывод о нецелесообразности принятия новых уголовно-правовых норм по вопросам, которые не урегулированы в позитивном плане другими отраслями права. Если социальные отношения законодательно не урегулированы, то это может означать, что они не обладают той особой ценностью для общества, которая требует их уголовно-правовой охраны, а значит, отсутствует необходимость в их особой защите. Кроме того, если отношения не урегулированы той или иной отраслью права, то сложно определить объект, субъектный состав и содержание этих отношений, а следовательно, невозможно обеспечить их надежную уголовно-правовую охрану»².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова».

² Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. – 2015. – № 10. – С. 79.

От себя добавим: **отсутствие предварительной отраслевой регламентации общественных отношений превращает уголовно-правовой запрет в отраслевое правовое ограничение. Такая трансформация означает, что уголовно-правовая норма становится средством регулирования «базисных», «позитивных» общественных отношений, а сами эти отношения включаются в предмет уголовно-правового регулирования.**

Как уже отмечалось, в науке такое мнение представлено. Специалисты указывают: «Как и все иные отрасли ... права, уголовное право организует (регулирует) порядок общественных отношений, и в первую очередь, порядок обычных, «нормальных» общественных отношений, а не только отношений, возникающих вследствие совершения преступлений»¹. Однако такой подход на деле «разрывает» социальную сущность уголовного права, превращая самостоятельную отрасль права со специфическим предметом и методом регулирования еще в метод регулирования иных, «обычных» отношений. Теоретическая интеграция уголовного права как отрасли и уголовного права как метода, представляется малообоснованной и малоэффективной. Она означает допустимость подключения к регулированию «обычных» отношений в качестве одного из методов уголовного права, которое изначально не предназначено для регулирования этих отношений. Более того, в конституционно-правовом отношении такая «интеграция» означает не только возможность установления уголовно-правового запрета на совершение деяний, не оцененных отраслевым законодательством, но и требует, чтобы уголовно-правовой запрет в таком случае зависел от целей и принципов не уголовно-правового, а иноотраслевого правового регулирования. Это означает допустимость прямой конституционной проверки уголовно-правового запрета с точки

¹ См.: Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск: изд. Красноярск. ун-та, 1989. – С. 40; Кропачев Н.М. Уголовные правоотношения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984. – С. 7; Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. – СПб. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – С. 63, 85, 103.

зрения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в контексте оснований и пределов ограничения прав и свобод человека в иноотраслевых отношениях. Однако вряд ли будет справедливым и в принципе возможным проверять, например, оправданность установления именно уголовно-правового запрета на незаконную предпринимательскую деятельность с точки зрения его оправданности и необходимости для развития именно предпринимательских отношений, хотя бы потому, что содержание уголовно-правового запрета подкреплено собственно уголовно-правовой санкцией. Это потребует от Конституционного Суда РФ проверки обоснованности установления уголовной ответственности, что не входит в предмет его компетенции. Как следствие, может возникнуть ситуация принципиальной невозможности проверки конституционности уголовно-правового запрета, что чревато недопустимым произволом в вопросах криминализации. Единственный мыслимый здесь вариант конституционного оспаривания запрета может иметь место в ситуации, когда сам запрет сформулирован таким образом, что лишает ограничиваемое право его смысла, приводит к невозможности пользования им.

Изложенное выше закономерно подводит нас к сложному теоретическому вопросу о соотношении уголовно-правового запрета и ограничения прав. В науке этот вопрос прямо не обсуждался. Однако по близким аспектам темы высказаны различные суждения. Так, А.В. Малько, к примеру, пишет, что «всякий запрет есть ограничение, но не всякое ограничение в сфере права – запрет»¹. Применительно к нашей теме, со второй частью цитаты следует согласиться полностью. Однако тезис о том, что уголовно-правовой запрет всегда есть ограничение права вызывает сомнения. А.Г. Братко отмечает, что «запреты по своему содержанию указывают на юридическую невозможность определенного поведения, которое фактически возможно, в то время как правовое ограничение

¹ Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 20 – 21.

представляет собой не только юридически, но и фактически невозможный вариант поведения. В отличие от запрета правовое ограничение в принципе невозможно нарушить. Оно всегда есть ограничение какого-либо субъективного права, причем такое, которое обеспечивается обязанностями соответствующих должностных лиц». К лицу, нарушившему запрет, могут быть применены юридические санкции. За нарушение правового ограничения ответственность несет не сам нарушитель, а соответствующие должностные лица, не обеспечившие осуществление ограничения. Правовое ограничение, распространяемое на то или иное лицо, в принципе исключает свободу выбора, в значит, и ответственность этого лица»¹. С таким подходом в контексте нашей темы можно согласиться лишь при одном методологическом допущении – если считать запреты требованиями, обращенными к гражданам, а ограничения – требованиями к государству. Однако это допущение вряд ли состоятельно. Ограничения и запреты в равной степени обращены ко всем субъектам правоотношения, различие – лишь в содержании предъявляемых требований.

Гораздо ближе к истине, на наш взгляд, подошла В.М. Малиновская. Она указывает: «Правомерное ограничение необходимо отличать от запретов совершения преступных действий и соответственно мер ответственности, устанавливаемых за нарушение соответствующих запретов. Правомерное ограничение направлено на ограничение позитивной, а не негативной деятельности»². Такие рассуждения дают верный ключ к пониманию роли и места уголовно-правового запрета в системе правового регулирования. **Уголовно-правовой запрет может мыслиться как предписание, подкрепляющее требование о недопустимости наиболее опасных нарушений установленных в той или иной отрасли права правомерных ограничений. Отсюда – конституционность уголовно-правового запрета**

¹ Братко А.Г. Запреты в советском праве / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1979. – С. 17; Братко А.Г. Запреты в советском праве: вопросы теории: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1979. – С. 10 – 11.

² Малиновская В.М. Правомерное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 7.

базируется на двух основаниях: конституционность установленных в позитивных отраслях права ограничений и конституционность собственно уголовно-правовой криминализации опасных нарушений этих ограничений. Должно быть очевидным, полагаем, что критерии конституционности этих компонентов различны: если в первом случае они восходят к представлениям о сущности ограниченного права и значимости установленных ограничений для обеспечения его полноценной реализации и баланса интересов участников общественных отношений; то во втором случае они связаны с оценкой конституционных критериев криминализации и общественной опасности запрещенного деяния. Это означает в итоге, что сам по себе **уголовно-правовой запрет в его диспозитивной части не может подлежать конституционной проверке с точки зрения соблюдения критериев установления правовых ограничений, поскольку таковой запрет не является ограничением права. Проверке может подлежать лишь тот аспект уголовно-правового запрета, который связан с соблюдением правил криминализации, то есть отбора и описания в законе наиболее опасных форм нарушения установленных правоограничений.**

В рассуждениях об уголовно-правовом запрете и ограничении прав человека надо обратить внимание и еще на один значимый вопрос. Речь идет в частности, о том, что *необходимо принципиально различать, с одной стороны, уголовно-правовой запрет, а с другой стороны, - запрет в уголовном праве.* Если уголовно-правовой запрет, с известными допущениями, можно рассматривать в качестве содержания уголовного права, то запрет в уголовном праве – есть один из возможных методов регулирования уголовно-правовых отношений, возникающих в связи с совершением преступления¹. Он может принимать форму прямого

¹ О методах уголовного права см., например: Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал Российского права. – 2000. – № 1; Сапий А.В. Методы уголовно-правового регулирования и их классификация: дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2009; Генрих Н.В.. Метод регулирования уголовно-правового отношения. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2011; Альференко А.В. Метод регулирования в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013.

запрещения некоторых видов поведения, возложения каких-либо обязанностей, не предусмотренных в законах иной отраслевой принадлежности, установлении особого порядка реализации предусмотренных в уголовном законе прав. Такие внутриотраслевые запреты и ограничения установленные нормами собственно уголовного права для упорядочения поведения участников уголовно-правовых отношений

Внимательный анализ текста уголовного законодательства показывает, что к государству, как участнику уголовно-правовых отношений, адресован, прежде всего, запрет в уголовном праве на определенные виды обращения с лицом, совершившим преступление. Он принимает форму различных по степени детализации уголовно-правовых предписаний: от установленных на уровне принципиальных положений кодекса запретов на применение закона по аналогии (ст. 3 УК РФ) или причинение физических страданий и унижение достоинства при конструировании и применении уголовных наказаний (ст. 7 УК РФ) до требований относительно частного характера – о запрете на применение некоторых видов наказаний к определенным категориям граждан (например, в ч. 5 ст. 50 УК РФ) или о запрете применять некоторые специальные правила назначения наказания в ряде случаев (например, в ч. 3 ст. 64 УК РФ). Нарушение таких запретов со стороны государства, в зависимости от обстоятельств дела, может быть квалифицировано как нарушение прав человека, как преступление, нарушающее права человека, как проявление судебной ошибки.

По отношению к лицу, совершившему преступление, как участнику уголовно-правового отношения, запретительный метод регулирования такого отношения выражается в установлении особого порядка реализации имеющихся у него «уголовно-правовых прав» (к примеру, ограничивая подтвержденное Конституционным Судом РФ право осужденного на смягчение наказания, ст. 79 УК РФ, ст. 80 УК устанавливаются требования, связанные с необходимостью отбыть определенную часть назначенного судом наказания для реализации возможностей, связанных с условно-

досрочным освобождением от наказания или заменой наказания более мягким видом), либо в возложении под угрозой применения санкций определенных обязанностей (ключевая обязанность в данном случае – претерпеть те меры государственного воздействия, которые такому лицу назначаются по приговору суда). Нарушение лицом, совершившим преступление, установленных для него правоограничений и запретов может иметь различные последствия. И если несоблюдение установленного порядка реализации права субъективно и объективно ничем не угрожает (здесь «работает» указанная выше теория А.Г. Братко), то несоблюдение уголовно-правовой обязанности претерпеть меры государственного воздействия чревато применением правовых санкций, вплоть до уголовно-правовых.

В теоретическом и прикладном отношении нарушение установленных для лица, совершившего преступление, правовых ограничений, связанных с обязанностью претерпеть назначенные меры ответственности, тесно связано с проблемой уголовно-правового реагирования на случаи уклонения, злого уклонения от отбывания наказания или иных мер. Этот вопрос в последнее время оправданно привлекает повышенное внимание специалистов¹, в том числе в связи с насущной проблемой разграничения наказания и мер уголовно-правового характера. В контексте темы наших рассуждений проблема может быть поставлена следующим образом: допустимо ли установление уголовной ответственности и наказания за нарушение лицом, совершившим преступление, предусмотренных уголовным законом правоограничений, либо реакция на такие нарушения требует отраслевой уголовно-правовой реакции, отличной от уголовного наказания. В частности, допустимо ли конструирование в Общей части УК РФ правил замены назначенного наказания на более строгий вид в случае злого уклонения от его отбывания или же для этих целей необходимо

¹ См., например: Иванова С.И. Уклонение от отбывания уголовного наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004; Сундунова О.Ф. Усиление (отягчение) уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук – Казань, 2007; Тимофеева Е.А. Уголовно-правовые средства реагирования на уклонение (злостное уклонение) от отбывания наказания: проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук – Краснодар, 2008.

конструирование специального состава преступления в Особенной части кодекса; допустимо ли установление уголовного наказания за нарушение собственно уголовно-правовых предписаний. Как известно, сегодня закон допускает оба варианта реагирования, хотя по мнению некоторых авторов, разрабатывающих этот вопрос, здесь допустим только один вариант реакции – установление уголовно-правового запрета путем конструирования состава преступления. По нашему представлению, исходя из разрабатываемой здесь концепции соотношения уголовно-правового запрета и ограничения прав, стоит признать, что с точки зрения механизма правового регулирования нет никаких принципиальных отличий между ситуациями подкрепления уголовно-правовой санкцией запрета, установленного в той или иной отрасли позитивного права и такой же санкцией за нарушение запрета, установленного уголовным законом, ибо уголовное право в отношении уголовно-правовых отношений выполняет стандартную регулятивную функцию. А потому, правовая реакция на нарушения уголовно-правовых запретов может быть различной и выражаться в форме специальных уголовно-правовых предписаний, в форме административной или дисциплинарной ответственности, а при наличии в содеянном признаков криминальной общественной опасности – и уголовной ответственности. Другое дело, что противоправность таких уголовно-правовых запретов требует специального толкования. Если истоки большинства уголовно-правовых запретов видятся нам в нормах иноотраслевого законодательства, то здесь они кроются в нормах самого Уголовного закона¹.

Оценка санкции уголовно-правовой нормы с точки зрения ограничения прав субъекта уголовно-правового отношения

При рассмотрении вопроса о санкционной части уголовно-правового запрета с точки зрения теоретического и конституционно-правового учения

¹ Это обстоятельство при последовательном развертывании может иметь существенное значение для развития теории системного строения уголовного права и, в частности, для расширения устоявшихся представлений о бланкетности уголовно-правовой нормы. Оно содержит дополнительные и, как представляется, весомые аргументы в поддержку высказанной в науке идеи о существовании, наряду с прочими видами, внутриотраслевой уголовно-правовой бланкетности. См. об этом: Ображиев К.В. Формальные (юридические) источники Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 41.

об ограничении прав человека, пожалуй, с наибольшей степенью раскрывается та сторона уголовного права, о которой в подавляющей части научных сочинений либо не упоминается вовсе, либо даются лишь краткие пояснения¹. Суть его состоит в том, что уголовное наказание есть ограничение прав человека.

Предпосылкой к обсуждению данного вопроса служит прямое указание ч. 1 ст. 43 УК РФ, согласно которому наказание заключается в «лишении или ограничении прав и свобод» лица, признанного судом виновным в совершении преступления. Однако уже при первом приближении к конституционному осмыслению этой законодательной формулы возникает сомнение в самой возможности признания наказания разновидностью ограничения прав человека. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции, «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом». Тем самым, как пишет М.В. Баглай, по смыслу конституционных положений, допустимы только общие ограничения прав и свобод для всего населения путем принятия соответствующего закона². Именно о законодателе как субъекте ограничения прав пишут и иные авторы.³ В этой связи актуализируется поставленный М.В. Баглаем вопрос о том, что по буквальному смыслу Конституции РФ исключается возможность ограничения прав и свобод в отношении отдельных лиц. А ведь именно таковым, не общим, а сугубо индивидуальным является уголовное наказание,

¹ В последующем изложении, рассуждая о санкционной части уголовно-правового запрета, мы будем говорить по преимуществу об уголовном наказании и его видах, при этом отдавая полный отчет в объективных различиях санкции и наказания, наказания и иных мер уголовно-правового характера, которые, тем не менее, в контексте обсуждаемых здесь проблем не представляются существенными.

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: ИнфраМ – Норма, 1997. – С. 166.

³ Так, Д.И. Деев определяет ограничение прав и свободы как «установление в законодательных актах условий, запрещений и обязанностей, стесняющих реализацию субъективных прав и свобод» (Деев Д.И. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 9).. Равным образом Л.Л. Беломыстных пишет, что ограничения прав и свобод человека и гражданина есть «законодательно санкционированное (со стороны государства) сужение рамок, границ прав и свобод человека и гражданина и ограничение условий и возможностей последних притязать на определенные блага» (Беломыстных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина (теоретический аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 7).

которое хотя и предусмотрено законом, но назначается строго по приговору суда.

Противоречие между предписаниями ч. 1 ст. 43 УК РФ и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ не является надуманной теоретической абстракцией. При последовательном обсуждении поставленной М.В. Баглаем интеллектуальной проблемы и разрешении этого противоречия можно существенно уточнить ряд положений конституционной и уголовно-правовой науки.

Прежде всего, надо отметить, что **конституционное правило ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, подчеркивая всеобщий, законодательный характер ограничения прав и свобод человека, предполагает строгий запрет на принятие правоограничительных законов в отношении конкретного лица.** Уголовно-правовой запрет, равно как и иные запреты или ограничения на уровне закона не могут касаться каких-либо конкретных граждан. Соответствующая мысль предельно четко сформулирована в ч. 1 ст. 19 Конституции ФРГ, где сказано: «Если согласно настоящему Основному закону какое-либо основное право может быть ограничено законом или на основании закона, такой закон должен носить общий характер, а не касаться лишь отдельного случая». Оставим в стороне интересные уголовно-политические рассуждения над ситуациями, когда уголовный закон принимается в ответ на разовую опасную акцию, на какой-либо вопиющий прецедент. В любом случае он должен иметь всеобщее действие, распространяться на всех лиц, совершающих такие акции и на все акции подобного рода. Всеобщность при этом не должна трактоваться узко, как исключаящая учет при установлении уголовно-правового запрета тех или иных специфических обстоятельств совершенного преступления или личности преступника. Законодатель вправе и обязан при наличии к тому предпосылок провести дифференциацию уголовной ответственности. Но дифференциация, опять-таки, осуществляется на уровне закона в качестве всеобщего правила и, как указывал Конституционный Суд РФ, должна

соответствовать не только требованиям принципа справедливости, но и не нарушать принципы равенства и правовой определенности¹.

Далее. Рассуждая о наказании с позиций конституционного учения об ограничении прав и свобод человека, **необходимо четко различать, с одной стороны, наказание как элемент санкции, подкрепляющей тот или иной правовой запрет, и наказание как реальную меру государственного воздействия, назначенную по приговору суда, или иными словами – различать установление уголовного наказания и применение уголовного наказания.** Такое различие значимо не только для уточнения конституционной природы наказания, но и для согласования целей ограничения прав человека, установленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, с целями наказания, которые закреплены в ч. 2 ст. 43 УК РФ. При сопоставлении целевых установок правоограничений и наказания очевидны кардинальные различия, которые на первый взгляд делегитимируют институт наказания как таковой, поскольку с точки зрения конституционных целей ограничения прав человека наказание не может преследовать цель восстановления справедливости, исправления осужденного и предупреждения преступлений, но должно иметь своей целью защиту конституционных ценностей. Между тем, такая дискредитация наказания вытекает, во-первых, на неразличении наказания как части запрета и наказания как меры, а во-вторых, на допущенных законодателем неточностях при наименовании ст. 43 УК РФ, которые остались без внимания со стороны уголовно-правовой науки.

Обратим внимание, что хотя ст. 43 УК РФ называется «Понятие и цели наказания» в ч. 2 ст. 43 УК РФ говорится не о целях наказания как такового, а о целях применения наказания («наказание применяется в целях...»)². Представляется, что это совершенно различный уровень целей.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

² Уже только это несовпадение дает основание для предложения об изменении названия ст. 43 УК РФ – «Понятие и цели применения наказания».

Игнорирование и недооценка этого обстоятельства приводит к широкой дискуссии по поводу эффективности и целесообразности уголовного наказания. Ее методологическая ущербность состоит в том, что специалисты пытаются определить эффективность наказания как социального института с позиций достижения или недостижения целей наказания как средства воздействия на конкретное лицо, совершившее конкретное преступление, то есть решить общие вопросы на основе анализа частного случая, что заведомо непродуктивно. В этой связи различие акцентов в понимании наказания приобретает дополнительный смысл.

Представляется, что *если анализировать уголовное наказание как реальную меру воздействия в отношении лица, совершившего преступление, следует четко понимать:*

а) такое наказание не является видом или формой ограничения прав человека, это именно мера воздействия, причем карательная, что предопределяет необходимость либо исключения из определения наказания в ч. 1 ст. 43 УК РФ слов «и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица» либо в замене этой фразы более точной с точки зрения конституционной теории формулой – «и заключается в применении предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица»;

б) как индивидуальная мера воздействия наказание закономерным образом устанавливается не в законе, а в приговоре суда;

в) как мера воздействия на конкретное лицо наказание применяется в целях, отличных от тех, что закреплены в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, пространство этих целей ограничено конкретным лицом и конкретной ситуацией (в связи с чем такие цели применения наказания как восстановление справедливости и предупреждение преступлений должны трактоваться ограничительно: восстановление справедливости следует понимать как восстановление прав и интересов потерпевшего, а предупреждение – исключительно как частную превенцию);

г) эффективность применения наказания может быть рассчитана только для частного случая, в котором это наказание применено и для конкретного виновного лица;

д) как индивидуальная мера государственного воздействия наказание не подлежит контролю и проверке со стороны Конституционного Суда РФ.

Иной взгляд диктует *исследование наказания с точки зрения восприятия его как части уголовно-правового запрета*:

а) установление наказания имеет всеобщий характер и осуществляется на уровне закона, в связи с чем наказание допустимо рассматривать в качестве одного из вариантов ограничения прав и свобод человека;

б) установление наказания санкционирует отраслевую противоправность описанного в диспозитивной части уголовно-правового запрета поведения, а потому преследует цели, общие с этим запретом, цели, predetermined ч. 3 ст. 55 Конституции РФ;

в) эффективность наказания как части уголовно-правового запрета должна базироваться не на учете целей применения наказания, а рассчитываться, исходя из представлений о степени защищенности конституционных ценностей и уровня криминологической безопасности в обществе;

г) само по себе наказание (как оно описано в статьях 46 – 47, ст. 59 УК РФ) может подлежать конституционной проверке на предмет соответствия критериям ограничения прав человека (при этом важно отметить, что не может оцениваться с точки зрения соответствия конституционным стандартам размер санкции той или иной статьи Особенной части УК РФ, поскольку его определение находится в усмотрении законодателя¹).

¹ Даже в тех случаях, когда Конституционный Суд РФ анализировал санкции уголовно-правовых норм (в частности, в норме об ответственности за мошенничество в предпринимательской сфере), выводы о конституционности нормы аргументировались не рассуждениями о размере санкции как таковом, а анализом соблюдения правил дифференциации уголовной ответственности и соразмерности санкции задачам дифференциации (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа»).

Таким образом, с точки зрения конституционных представлений об ограничении прав и свобод человека уголовное наказание может анализироваться только в одном, строго определенном аспекте – как исходящие от государства и имеющие всеобщий характер установления, подкрепляющие уголовно-правовой запрет.

Подводя итог исследованию проблем, связанных с анализом уголовно-правового запрета сквозь призму конституционно-правового учения об ограничении прав и свобод человека, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы:

- при тесной связи преступления и нарушения прав человека, уголовно-правового запрета и ограничения прав человека, отождествлять эти феномены недопустимо;

- в качестве нарушения прав человека может расцениваться лишь определенная группа преступных посягательств, посягающих на основные (конституционные) права личности, предопределенные биологической и социальной природой человека, а также деятельность государства, состоящая в отказе от криминализации таких посягательств либо в криминализации деяний, лишаящих человека его основных прав или умаляющих возможность реализации этих прав до такой степени, что само право перестает существовать;

- общественно опасные деяния, которые не нарушают основные права и свободы личности, могут быть криминализованы государством при соблюдении обязательного условия предварительного опосредования такой криминализации установлением правовых ограничений в соответствующих отраслевых законах, в связи с чем описание преступного деяния в диспозиции уголовно-правовой нормы не может расцениваться как ограничение прав человека;

- отсутствие предварительной отраслевой регламентации общественных отношений превращает уголовно-правовой запрет в правовое ограничение, рассчитанное на регулирование «базисных», «позитивных»

общественных отношений, и включает эти отношения в предмет уголовно-правового регулирования либо, что равнозначно, превращает уголовное право в метод регулирования таких отношений, что недопустимо с точки зрения теоретического учения о критериях разграничения отраслей права в правовой системе;

- уголовно-правовой запрет может мыслиться как предписание, подкрепляющее требование о недопустимости наиболее опасных нарушений установленных в той или иной отрасли права правомерных ограничений; следовательно, уголовно-правовой запрет в его диспозитивной части не может подлежать конституционной проверке с точки зрения соблюдения критериев установления правовых ограничений, поскольку сам по себе не является ограничением права; проверке может подлежать лишь тот аспект уголовно-правового запрета, который связан с соблюдением правил криминализации, то есть отбора и описания в законе наиболее опасных форм нарушения установленных правоограничений;

- уголовное наказание как мера принуждения, назначаемая по приговору суда, не должно расцениваться как ограничение прав и свобод человека в силу того, что имеет индивидуальный характер и predeterminedенные этим специфические цели применения; как ограничение прав и свобод человека можно оценивать наказание лишь с точки зрения восприятия его в качестве элемента уголовно-правового запрета (его санкционной части), предусмотренного в законе социального инструмента, подкрепляющего действие системы отраслевых правоограничений;

- указанные теоретические рассуждения в прикладном отношении приводят к мысли о необходимости коррекции нормативных понятий преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), наказания (ч. 1 ст. 43 УК РФ) и целей наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), а также существенного уточнения теоретических правил криминализации общественно опасных деяний и оценки эффективности уголовного наказания.

Глава 5.

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В КОНСТИТУЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИИ

§ 1. Конституционные основы понимания уголовного наказания в системе мер противодействия преступлениям

Анализ института уголовного наказания с точки зрения конституционных стандартов регулирования уголовно-правовых отношений, насколько позволяет судить анализ отечественной библиографии по уголовному праву, не входит в число приоритетных и даже актуальных тем научных сочинений. Между тем должно быть очевидным, что поскольку уголовное право в одной из популярных его интерпретаций есть, прежде всего, право наказания, вопрос этот требует отдельного и самого пристального внимания¹. В теоретическом отношении он условно, но вполне отчетливо, распадается на две составляющие: во-первых, это конституционные основы собственно права государства на наказание, во-вторых, это основы уголовного наказания как отраслевого института. И если первый аспект темы (пусть и без использования концепта «конституционализация») традиционно составлял важнейший элемент предмета исследования едва ли не всех дореволюционных авторов и вызывает оправданный интерес современных специалистов², то

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. – М.: Проспект, 2021; Гузеева О.С. Уголовное наказание и компенсаторные меры // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 4 (196). – С. 134 – 137; Гузеева О.С. Уголовное наказание и процессуальные меры обеспечительного характера // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы VIII Международ. науч.-практ. конф. (М.: РГУП, 27.11.2020 г.) / отв. ред. А.В. Бриллиантов. – М.: Юрлитинформ, 2021. – С. 116 – 121; Гузеева О.С. К вопросу о недопустимости кары пределами уголовной ответственности // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 4 (155). – С. 234 – 236; Гузеева О.С. Уголовное наказание как ограничение прав и свобод человека // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 4 (84). – С. 70 – 77.

² См., например: Гурин Д.В. Генезис права государства на уголовное наказание: проблемы историко-правовой и теоретико-правовой интерпретации // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2013. – № 4 (4). – С. 4 – 17; Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание в свете принципа разделения властей и его реализации в Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19). – С. 57 – 72; Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание:

конституционализация собственно института наказания все еще остается «белым пятном». Обсуждение этого вопроса в литературе ограничивается, как правило, важными, но частными аспектами конституционных основ смертной казни, и лишь отдельными рассуждениями общего характера¹. Представляется, что настало время концептуализировать проблему конституционных основ института уголовного наказания, рассматривая ее в качестве необходимого элемента решения общей задачи конституционализации отрасли уголовного права.

В этих целях требуется, прежде всего, определить специфику уголовного наказания и его место в общем ряду мер, предпринимаемых государством в связи с реализацией его функций по охране конституционных ценностей и правопорядка. Этот вопрос нуждается в комплексном и последовательном анализе, учитывая, что таковые меры предпринимаются до, во время, вместо и вместе с наказанием, и с содержательной точки зрения весьма близки этому институту.

Уголовное наказание и общие правовые ограничения и запреты

Первое, на что надо обратить внимание, в рамках системного анализа проблем конституционности уголовного наказания, это вопрос о соотношении наказания, с одной стороны, и правовых ограничений и запретов, с другой. Исходя из нормативного предписания о том, что наказание заключается в лишении или ограничении прав и свобод человека (ч. 1 ст. 43 УК РФ) наказание справедливо рассматривать в качестве элемента общей системы правовых ограничений и запретов. Мы уже обращали внимание на это обстоятельство ранее. Напомним, что при таком взгляде на наказание оно может и должно восприниматься в качестве одного из методов правового регулирования позитивных базисных отношений, охраняемых уголовным законом, а точнее, в качестве элемента этого метода – санкции

субъективное содержание и формы объективизации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 32 – 52.

¹ Отдельные рассуждения на эту тему см.: Уголовное право. Учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011. – С. 622 – 625; Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 91 – 127.

правового запрета. В этом аспекте раскрывается общепреventивный и регулятивный потенциал уголовного наказания, а само наказание становится в один ряд с иными запретами и ограничениями, как например, запрет на провоз опасных предметов на борту воздушного судна, ограничения на приобретение оружия и др. Специфика этой стороны социального действия уголовного наказания в том, что представлено в правовом пространстве именно в качестве общего правового ограничения, которое распространяет свою предупредительную силу на всех граждан, которые находятся в пределах уголовной юрисдикции государства. А потому конституционные основы функционирования наказания как социального института тождественны здесь основам функционирования уголовного права как такового. Учитывая специфику таких оснований, они не будут рассматриваться в рамках настоящей части исследования. В дальнейшем мы ограничимся пониманием наказания как строго индивидуализированной меры воздействия государства на правонарушителя. В этом свойстве индивидуализированности, в применении на основании конкретного правоприменительного решения, раскрывается качественно иной аспект уголовного наказания, его значение как средства регулирования собственно уголовно-правовых отношений. Индивидуальный характер – это первое, что отличает наказание в рассматриваемом нами аспекте от всех иных правоограничений и запретов, которые носят всеобщий характер.

Уголовное наказание и превентивные меры индивидуального характера, применяемые на предкриминальной стадии

Еще Н.С. Таганцев указывал, что наказание, прежде всего, надо отличать от принудительных меры, принимаемых органами государственной власти в интересах предупреждения или пресечения правонарушений, и меры надзора за отдельными лицами или группами лиц, по своим занятиям, образу жизни, прежней деятельности и т.п. представляющимися опасными

для общественного или государственного порядка и спокойствия¹. Основной разграничительный фактор состоит в том, что наказание есть следствие совершенного преступления, оно всегда применяется после преступления, а не до момента его совершения. На первый взгляд, самоочевидный факт. Однако в современных условиях этот признак приобретает крайне важное значение в связи с развитием системы мер правового предупреждения преступлений и становлением так называемого «превентивного уголовного права». Речь идет о системе мер правового воздействия, включая правоограничительные меры, в отношении лиц, которые еще не совершили предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

На примере анализа законодательства США и Великобритании А.Л. Гуринская к таким мерам относит, например, контрольные приказы и заключение под стражу без предъявления обвинения, включение людей в списки тех, кто не допускается на борт воздушного судна, замораживание банковских активов, запрет на поездки, судебные приказы в отношении лиц, демонстрирующих антиобщественное поведение или совершивших акты домашнего насилия и др.²

В рамках отечественной правовой системы также можно найти аналоги подобных мер. Так, Закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³, содержит указание на возможность полиции вынести официальное предостережение в отношении лица, демонстрирующего антиобщественное поведение, с последующей возможной ответственностью за неисполнение этого предостережения. В проекте Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»⁴ предусматривается применение в отношении лиц, совершающих акты семейно-бытового насилия, таких мер, как запрет

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. – Изд. 2-е, пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1902. – С. 825.

² Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – С. 217.

³ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3851.

⁴ Текст проекта размещен на официальном сайте Совета Федерации Федерального Собрания РФ. <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 17.05.2020).

вступать в контакты, общаться с лицом, подвергшимся семейно-бытовому насилию, возложение обязанности покинуть место совместного проживания с лицом, подвергшимся семейно-бытовому насилию. При этом само семейно-бытовое насилие понимается как умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления.

Такие и некоторые иные аналогичные меры по своим объективным признакам весьма схожи с уголовным наказанием. Данное обстоятельство признал и Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о конституционности некоторых положений Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹. Обсуждая природу такой профилактической меры, как помещение несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, в центры временного содержания, Конституционный Суд РФ констатировал: «понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение. ... Особенности режима пребывания в центре позволяют рассматривать нахождение там как лишение свободы в конституционно-правовом смысле. Следовательно, будучи нацеленным на защиту жизни и здоровья несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние до достижения возраста уголовной ответственности, на профилактику противоправного поведения, помещение в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел должно быть правомерным именно в контексте статьи 22 Конституции РФ и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принципиально важных для нормативного регулирования допустимого лишения свободы. Отсутствие события общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом,

¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

непричастность к нему несовершеннолетнего исключают саму предпосылку помещения в центр по данному основанию, а значит, установление факта совершения такого деяния является необходимым условием для принятия соответствующего решения, как и установление наличия угроз жизни или здоровью несовершеннолетнего либо рисков совершения им повторного общественно опасного деяния, притом что эти риски и угрозы могут быть предотвращены путем его помещения в центр. Вместе с тем, даже если указанные обстоятельства подтверждены, соразмерность и необходимость данной меры в отношении конкретного лица подлежат оценке в предусмотренной законом процедуре надлежащим судом, исследующим фактическую сторону дела, с предоставлением процессуальных гарантий защиты права на свободу и личную неприкосновенность, пропорциональных характеру ограничений»¹.

Анализ приведенной правовой позиции позволяет выявить несколько важных суждений. Они относятся напрямую к такой превентивной мере, как помещение несовершеннолетних в центр временного содержания, но, по нашему убеждению, могут и должны иметь всеобщий характер, предопределяя понимание всех иных превентивных правоограничений. В частности:

- правоограничительные меры, направленные на предупреждение совершения преступлений, являются, в принципе, конституционно допустимыми, постольку поскольку соответствуют конституционным основаниям ограничения прав и свобод граждан, предписанным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ;

- превентивные меры могут применяться только в случае, когда наличествует совокупность двух обязательных и взаимосвязанных условий: во-первых, должен быть подтвержден факт поведения, который свидетельствует о правонарушающем и (или) опасном

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2019 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.».

поведении лица, во-вторых (и это особенно важно), должно иметь подтвержденные свидетельства того, что лицо, допустившее такое поведение обладает повышенными рисками повторения соответствующих поведенческих актов; такая совокупность является гарантией, с одной стороны, от применения правоограничений только на основании одних лишь предположений о вероятной опасности лиц, которые ни в чем предосудительном не были замечены реально, а с другой стороны от применения правоограничений в отношении лиц, которые в будущем не представляют опасности для конституционно значимых ценностей;

- превентивные меры по характеру содержащихся в них правоограничений могут ассоциироваться или быть тождественными некоторым традиционным уголовным наказаниям (например, ограничивать или лишать лицо физической свободы, свободы распоряжения имуществом и т.д.), а потому необходим, во-первых, дифференцированный анализ соответствия ограничиваемого права и охраняемого блага, во-вторых, объема содержания ограничений и цели, которую преследует государство, в-третьих, соразмерности объема ограничений имеющимся угрозам, причем решение всех этих вопросов должно быть индивидуализированным на основании общих правовых норм;

- превентивные меры, как и любое правоограничение, должны назначаться в состязательной судебной процедуре с гарантиями прав лиц, в отношении которых они применяются, либо в любом случае применение таких мер должно быть поставлено под контроль независимого суда, например, через институт обжалования решений об их применении.

Превентивные меры, которые в литературе часто именуют «преднаказанием», в виду того, что они являют собой ограничение прав человека, не совершившего правонарушения, но обладающего повышенным риском его совершить, составляют важную часть современного правового пространства. В силу логики риска и безопасности, эти меры не только не могут быть элиминированы, но напротив, будут иметь тенденцию к росту в

части оснований и объемов применения. Но поскольку содержательно они близки традиционному уголовному наказанию, вопрос о разграничении этих двух правовых феноменов приобретает важное теоретическое и прикладное значение. Н.С. Таганцев признавал, что подобные меры «так близко граничит с наказанием в тесном смысле, что теоретическое и практическое отделение их друг от друга представляется почти невозможным»¹. Испытывает затруднения в этом вопросе и современная наука.

Сознавая эти сложности, заметим, что предпосылки к его решению, как представляется, в определенной мере содержатся непосредственно в тексте Конституции РФ, в тех ее статьях, которые оперируют терминами «виновный», «осужденный», «приговор» (ст. 32, 49, 50 Конституции РФ). Они указывают, прежде всего, на формальный критерий разграничения наказаний и «пред-наказаний», который состоит в том, что наказания применяются только на основании приговора суда к лицам, которые признаны виновными в совершении преступления, то есть являются правовым следствием преступления и осуждения за него. В совокупности с предписаниями уголовного закона и положениями уголовно-правовой теории они позволяют выявить и содержательную специфику наказания, обоснованно предположить, что наказание есть, прежде всего, отражение и следствие официальной, государственной оценки виновности лица, его осуждения. Наказание есть следствие вины. Мера виновности определяет меру осуждения и, как следствие, меру наказания. В этом отношении наказание не просто следует за преступлением, но детерминируется им сущностно, содержательно и формально. Как преступление отвергает правопорядок, так и наказание означает восстановление и торжество правопорядка, как преступление свидетельствует о нарушении конституционно значимых ценностей, так и наказание подтверждает их незыблемость и недопустимость нарушения.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. – Изд. 2-е, пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1902. – С. 832.

Уголовное наказание и процессуальные меры обеспечительного характера

Обсуждая вопросы о специфике наказания, Н.С. Таганцев обращал внимание, что его следует отличать от принудительных мер, принимаемых «для устранения различного рода затруднений, причиняемых правильному осуществлению предначертанной законом деятельности» органов следствия и суда¹. Действующее законодательство содержит указания на возможность применения к обвиняемым и осужденным самых разных правоограничений, не связанных с наказанием, в частности, меры пресечения и процессуального принуждения (Главы 12, 13, 14 УПК РФ), меры, направленные на обеспечение исполнения приговора (например, запрет на выезд осужденного за границу). Такие меры, как и наказание, следуют после совершения преступления, обуславливаются во многом опасностью совершенного деяния (хотя и не только ею), а также процессуальными рисками и рисками для стабильности правосудия. По своему содержанию они также являют собой ограничения прав и свобод лица, что неоднократно подчеркивал Конституционный Суд РФ.

Так, обсуждая вопросы конституционности меры пресечения в виде заключения под стражу, Конституционный Суд РФ указывал:

- Понятие «лишение свободы», имея по своему конституционно-правовому смыслу автономное значение, охватывает собой любые вводимые в отраслевом законодательстве ограничения – будь то санкция за правонарушение или принудительные меры обеспечительного характера, если они фактически влекут лишение свободы, а потому они должны отвечать критериям правомерности, производным от предписаний статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу допустимого лишения свободы; тем самым гарантии права на свободу и

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. – Изд. 2-е, пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1902. – С. 825.

личную неприкосновенность распространяются не только на непосредственно указанные в статье 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации арест, заключение под стражу и содержание под стражей, которые допускаются только по судебному решению, но и на все другие виды лишения свободы¹;

- Вынесение постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу всегда ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность независимо от того, исполнено или не исполнено это решение. Не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, нарушают неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывают давление на сознание и поступки человека²;

- Правовой институт мер пресечения, направлен, прежде всего на то, чтобы исключить для обвиняемого возможность скрыться от следствия и суда и помешать расследованию³.

Тем самым фактически признано, что мера пресечения в виде заключения под стражу в своем конституционно-правовом измерении не отличается от наказания в виде лишения свободы, в связи с чем Конституционный Суд РФ обратил особое внимание на процессуальные гарантии права на свободу, включая судебную процедуру рассмотрения дела, обеспечение юридической помощью обвиняемого, соразмерность и обоснованность применяемой меры, ее строго индивидуализированный характер⁴ и т.д. Единственное отличие, которое усматривается в данном

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 3.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина».

⁴ О необходимости соблюдения строго индивидуализированного подхода к выбору меры пресечения в виде заключения под стражу и необходимости учета рисков, которые возникают или сохраняются в связи с неприменением этой меры, см.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017). Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2017; Обзор

случае, это цель применения меры пресечения, обусловленный ею порядок отбывания правоограничений и форма принятия решения, не предполагающая, разумеется, осуждения лица.

Гораздо более сложным в конституционном отношении стал вопрос о такой обеспечительной мере, как запрет для осужденных на выезд за пределы РФ. Исследуя вопрос о конституционности такого запрета, установленного в ст. 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», Конституционный Суд РФ указал:

- такой запрет является частью преследующего самостоятельные цели законодательного регулирования отношений по поводу выезда из РФ и не направлен на установление каких-либо санкций, носящих дополнительный по отношению к уголовному наказанию характер;

- государство обязано предпринимать все необходимые меры – в том числе в актах административного законодательства, для предотвращения возможности неисполнения приговоров и уклонения от уголовной ответственности лиц, виновность которых установлена судом, поскольку в таких случаях ставились бы под угрозу цели защиты прав и свобод граждан, подрывались бы конституционные основы судебной власти, умалялся бы ее высокий авторитет;

- порядок, обеспечивающий временное ограничение права на выезд за пределы РФ лиц, осужденных за совершение преступления, не может рассматриваться как произвольный и неоправданный с точки зрения защищаемых Конституцией РФ ценностей, среди которых одной из важнейших является исполнение судебных решений, направленных в том числе на защиту конституционных прав граждан¹.

судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016). Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2009 № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1313-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беньяша Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав подпунктом 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»

Суд, таким образом, признал, что данная обеспечительная мера, действительно, ограничивает право осужденных на свободу перемещения, причем вне зависимости от того, к какому виду наказания был приговорен осужденный, однако отказался рассматривать соответствующее правоограничение в качестве дополнительной санкции уголовно-правового характера. Конституционный Суд РФ подошел к анализу запрета на выезд за пределы РФ с точки зрения правомерности общих правовых запретов. Но в этом встретил критику со стороны Европейского Суда по правам человека.

В специальном постановлении по этому вопросу¹, констатировавшем нарушение Россией положений ст. 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции 1950 года, Европейский Суд указал:

- данная мера, направленная на ограничение выезда осужденного и еще не реабилитированного преступника за границу, преследует законные цели поддержания общественного порядка и предупреждения преступности, вместе с тем она должна отвечать требованиям необходимости в демократическом обществе для достижения этих целей;

- такие ограничения могут быть оправданы лишь в том или ином конкретном случае только при наличии четких признаков подлинного общественного интереса, который перевешивает право индивида на свободу передвижения. Они должны основываться на конкретных элементах, которые действительно свидетельствуют о сохраняющемся риске, который такие меры стремятся предотвратить. В тех случаях, когда запрет на поездки был следствием статуса заявителя как осужденного и еще не реабилитированного правонарушителя, общее и почти автоматическое ограничение не может считаться необходимым;

- власти обязаны обеспечить, чтобы ограничение права того или иного лица покидать свою страну с самого начала и на протяжении всего срока его действия было оправданным и соразмерным. Эта оценка, как правило,

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 20.09.2016. Дело «Власов [Vlasov] и Беньяш [Benyash] против Российской Федерации» (жалобы № 51279/09 и 32098/13).

должна подлежать пересмотру судами, поскольку они обеспечивают наилучшие гарантии независимости, беспристрастности и законности процедур.

Как видим Европейский Суд провел более тонкий анализ, следуя тому, что меры, связанные с обеспечением исполнимости индивидуализированного приговора, также должны быть строго индивидуализированы и подконтрольны суду, и не могут носить общего, недифференцированного характера. Детальное обсуждение вопроса о конституционности рассматриваемой обеспечительной меры, разумеется, выходит далеко за пределы предмета нашего анализа. Ограничимся лишь общим указанием на то, что продемонстрированный Европейским судом по правам человека подход, по нашему мнению, представляется в большей степени обоснованным, поскольку не допускает применения общих запретов в целях обеспечения индивидуального судебного решения.

Единственный нюанс, по которому невозможно согласиться с Европейским Судом, состоит в том, что он пытается связать применение обеспечительных мер с целями уголовного наказания. Критикуя позицию властей РФ, Суд указал в цитированном решении, что власти «не дали никаких объяснений, почему они считают, что запрет на поездки способствует реабилитации заявителей» и что «предполагаемый риск повторного правонарушения ... не упоминался в судебных решениях». Однако реабилитация и превенция повторных нарушений по определению не могут входить в число целей обеспечительных мер. Конституционный Суд РФ абсолютно правильно подчеркнул, что единственная цель запрета на выезд – обеспечение исполнения судебного приговора как неотъемлемая черта правового государства и элемент «права на суд». Этого в принципе достаточно для обоснования рассматриваемого правоограничения, обоснованность и соразмерность которого не должны проверяться на предмет соответствия несвойственных этому правоограничению целей.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно констатировать, что **меры связанные с обеспечением возможности расследовать уголовное дело и исполнить вынесенный судом приговор, будучи конституционно оправданными, тем не менее, объективно являются собой ограничение прав и свобод человека, и в этом отношении содержательно близки уголовному наказанию, от которого, однако, существенным образом отличаются по форме возложения и, самое главное, по целям применения.** Они не выражают собой осуждения, кары, не предопределяются содержанием и степенью виновности лица, не направлены на решение задач восстановления справедливости, поддержания нарушенных преступлением конституционных ценностей, исправления и реабилитации лица, совершившего преступление.

Уголовное наказание и компенсаторные меры

Специфика целей применения уголовного наказания позволяет обособить его и от таких мер правового воздействия, которые предусматриваются законом для возмещения причиненного преступлением вреда. Важность этого момента признается Европейским Судом по правам человека, который в одном из своих решений установил, что цель наказания за преступления должна быть сдерживающей и карательной, а не компенсаторной, и это является «обычной отличительной чертой уголовного наказания»¹.

Компенсаторные меры имеют прочную конституционно-правовую основу в виде положений ст. 52 Конституции РФ, согласно которой «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». При этом в случае совершения преступления, которое причинило вред, меры компенсации могут быть реализованы в различных формах и правовых режимах.

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека по от 23.07.2002. Дело «Яносевиц против Швеции [Janosevic – Sweden]. (жалоба № 34619/97); § 68.

Во-первых, компенсация может быть определена в силу положений Главы 59 ГК РФ в рамках реализации обязательств, вытекающих вследствие причинение вреда. Конституционный Суд РФ в ряде своих решений высказал принципиально важные позиции по этому поводу:

- компенсаторные меры имеют своей целью восстановление нарушенного права или возмещение причиненного в результате его нарушения ущерба, а в конечном счете – приведение данного права в состояние, в котором оно находилось до нарушения, с тем чтобы создавались максимально благоприятные условия для функционирования общества и государства в целом и экономических отношений в частности¹;

- субъекты преступлений, предусмотренных УК РФ, не освобождаются от обязанности возместить причиненный преступными действиями имущественный ущерб. Между причинителем вреда и потерпевшим возникают и гражданские правоотношения, а следовательно, не исключается возможность привлечения физических лиц помимо административной или уголовной ответственности и к деликтной ответственности, предусмотренной гражданским законодательством, в той мере, в какой совершение ими соответствующих правонарушений сопровождается причинением вреда. Обязанность возместить причиненный вред как мера гражданско-правовой ответственности применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего, последствие в виде наступление вреда, противоправное деяние, причинную связь между ними, а также вину. Тем самым предполагается, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения, – иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2007 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации,

Эти тезисы, как представляется, имеют общее значение и подчеркивают, что компенсаторные меры, налагаемые в гражданско-правовом порядке, не только в своей целевой установке не соприкасаются с уголовным наказанием, но и имеют свое, особое правовое основание применения, а именно – вытекают из деликатных обязательств.

Во-вторых, компенсаторные механизмы могут предписываться непосредственно в нормах уголовного законодательства, при этом здесь они могут выступать в двух вариациях:

а) как предварительное условие, наличие которого (в совокупности с иными предусмотренными законом основаниями) дает возможность государству освободить лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности, отказаться от реализации принадлежащего ему права наказания (например, в ст. 75, 76 УК РФ);

б) как содержание меры правового воздействия, которая применяется к лицу, совершившему преступление, на основании судебного решения взамен уголовной ответственности или уголовного наказания (например, в ст. 90, 92 УК РФ).

Принципиально важно, что в обеих ситуациях **компенсация сама по себе не преследует целей уголовного наказания**. Таковые поставлены законом перед институтами освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания. Данное обстоятельство многократно подтверждено Конституционным Судом РФ¹. Соответственно, здесь не происходит подмены публично-правовой уголовной ответственности мерами компенсаторного характера. Публичные цели уголовно-правового

подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2125-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малкова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 29.9, 30.7 и 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2513-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габдрахманова Рамиля Равилевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».

регулирования достигаются фактом привлечения лица к ответственности и освобождения от нее по нереабилитирующим основаниям либо освобождения от наказания в рамках реализации уголовной ответственности. Таким образом, цели наказания и цели компенсаторных мер оказываются четко разведенными, как и сами эти меры.

Сказанное не означает вовсе, что существуют конституционно-правовые препятствия на пути конструирования в уголовном законе собственно наказаний компенсаторного характера. Как известно, УК РСФСР 1960 г. в ст. 32 в качестве такового предусматривал возложение обязанности загладить причиненный вред; ранее действовавший УК Киргизии допускал применение к виновному лицу такого вида наказания как «тройной айып» (ст. 45, ст. 78)¹. В литературе и сегодня разрабатываются теоретические концепции уголовных восстановительных наказаний². Не углубляясь в исследование этого вопроса, отметим, что на пути внедрения в уголовный закон компенсаторных мер именно в качестве уголовного наказания есть весьма существенное препятствие. Наказание, как уже отчасти было показано выше, это следствие вины, его объем, содержание, интенсивность определяются мерой виновности лица, совершившего преступление. Меры компенсаторного характера, чтобы быть собственно компенсацией, должны основываться на иных параметрах, а именно на объеме причиненного вреда. Между тем, объем вреда и вина – далеко не совпадающие, неравновеликие понятия, не всегда взаимосвязаны и взаимоопределяемы (достаточно вспомнить проблему определения степени вины в неосторожном преступлении, связанном с причинением масштабного вреда, и в противоположность этому степень вины в не имеющем фактических

¹ См.: Джалгасынова Г.Д. Тройной айып как вид уголовного наказания: учеб. пособие / под общ. ред. Л.Ч. Сыдыковой. – Бишкек: КРСУ, 2012. С введением в действие с 1.01.2019 г. в Киргизии нового уголовного закона этот вид наказания был изъят из системы наказаний. См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики (с изменениями и дополнениями по состоянию на 15.05.2019 г.). [Электронный ресурс]: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 20.05.2020).

² См., например: Дворянсков И.В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель). – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2005; Фатхудинов А.И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003; Попаденко Е.В., Силкин В.П. От карательного подхода к восстановительному // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 4 (48).

последствий покушении на причинение вреда высшим конституционным ценностям). Компенсация, хотя и предполагает наличие вины нарушителя, но лишь в качестве общего условия применения меры, она в любом случае не предопределяется содержанием вины. Учитывая эти обстоятельства, **компенсаторные наказания не будут соответствовать общей системе наказаний и принципам их назначения**, а потому, полагаем, что идея компенсации причиненного вреда посредством уголовного права должна реализовываться посредством иных, нежели наказание, мер. Уголовные наказания не могут ни преследовать цели восстановления вреда, ни быть содержательно направленными на такое восстановление.

Конституционный Суд РФ также высказался на этот счет вполне определенно: «обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на него уголовной ответственности и наказания»; «такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству»; «вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего», «определение пределов уголовной ответственности и наказания... не может обуславливаться волеизъявлением потерпевшего»¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22- П «по делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко».

В итоге можно резюмировать, что компенсаторные меры, вне сомнений ограничивая права и свободы лиц, в отношении которых они применяются, по своим основаниям и целям применения могут быть весьма отчетливо отграничены от уголовного наказания. Как указывал Конституционный Суд РФ, правовое регулирование отношений по поводу возмещения имущественного вреда – как имеющих частноправовой характер – должно обеспечиваться, главным образом, в рамках гражданского законодательства за счет присущего ему правового инструментария, направленного в том числе на обеспечение надлежащего исполнения соответствующих обязательств¹.

Уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера

Одна из актуальных проблем современной науки, которая не может считаться в полной мере решенной, состоит в разграничении наказаний и иных мер уголовно-правового характера. УК РФ к числу таких мер прямо относит принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. Вытекающие из их непосредственного описания в уголовном законе принципиальные различия между ними в основаниях и целях применения не способствуют выработке общего понимания правовой природы мер уголовно-правового характера. В силу чего, в теории, как известно, высказано множество несовпадающих позиций

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 2147-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2632-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вялова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации», Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1359-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Короткова Михаила Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 15, пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 27 Налогового кодекса Российской Федерации и статьей 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 418-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бадалова Иосифа Яковлевича на нарушение его конституционных прав статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 27 Налогового кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3325-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шохина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

относительно понятия, признаков, оснований и объема мер уголовно-правового характера, анализ которых зачастую не ограничивается положениями раздела VI УК РФ, но включает в себя и иные нормативные положения кодекса (например, условное осуждение, замену наказания, освобождение от ответственности и др.).

Приступая к обсуждению вопроса о сущности мер уголовно-правового характера, полагаем, надо строго следовать предписаниям закона о том, что такие меры могут применяться и в случае совершения преступлений, и в случае совершения общественно опасных деяний, которые по формальным основаниям преступлениями не являются (например, совершаются лицами в состоянии невменяемости)¹. Предпосылкой к их применению служит, таким образом, уголовно-релевантное общественно опасное деяние. Игнорирование специфических особенностей деяния, при наличии которого могут быть назначены меры уголовно-правового характера, вполне оправдано, на наш взгляд, толкованием их социального предназначения и целей. Последовательному и правильному решению обсуждаемого вопроса может служить развертывание тезиса С.И. Курганова о том, что любые предусмотренные уголовным законом меры могут применяться либо «за совершение» деяния, либо «к лицам, совершившим деяние»². Не все то, что применяется к лицам, совершившим общественно опасные деяния на основании закона, следует, по нашему убеждению, признавать мерами уголовно-правового характера, но и не все меры, которые применяются за совершение преступлений, следует считать мерами уголовно-правового характера. Этимологически само понятие «мера уголовно-правового характера» предполагает некую материальную основу – права и свободы человека, которые в строго определенном объеме ограничиваются. По этой

¹ По этой причине выскажем свое несогласие с позицией И.Э. Звечаровского, полагающего, что меры медицинского характера и меры воспитательного воздействия не следует признавать мерами уголовно-правового характера, поскольку ни не обладают уголовно-правовой природой и не влекут изменения уголовно-правового статуса личности (см.: Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, системы, вины // Законность. – 1999. – № 3. – С. 25).

² Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – С. 35.

причине не могут рассматриваться в качестве мер уголовно-правового характера: а) специфические процедурные формы реализации ответственности, например, условное осуждение¹ или освобождение от наказания; б) санкции, которые применяются не на основании совершенного общественно опасного деяния, а на основании нарушения предписаний судебного акта, например, замена наказания более мягким видом или, напротив, более строгим видом наказания, отмена условного осуждения.

Только реальные правоограничительные меры, применение которых связано с совершенным общественно опасным деянием, могут претендовать на статус мер уголовно-правового характера. К таковым следует относить меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, конфискацию имущества, судебный штраф, правоограничения, которые налагаются решением суда на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных от наказания. Формально в этом ряду может располагаться и уголовное наказание. Однако оно обладает качественной спецификой. Отличие кроется в том, что **меры уголовно-правового характера, в отличие от наказания, применяются не только в связи с совершением преступления, но и в связи с совершением общественно опасного деяния, не являющегося преступлением. Они могут выступать в качестве мер, заменяющих наказание, либо в качестве мер, сопутствующих его применению. Основанием к этому служит иное целевое назначение мер уголовно-правового характера и отсутствие их связи с виной. Меры уголовно-правового характера применяются за совершение общественно опасного деяния, к лицам, совершившим общественно опасное деяние, но не на основании их вины в совершенном деянии (что подтверждается и результатами проведенного**

¹ Конституционный Суд РФ прямо указал, что по своей правовой природе условное осуждение является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности, см.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Понькина Джемалия Давидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 790-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Германова Дениса Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации».

опроса – так или иначе 78% респондентов указали на связь с виной как на сущностный признак уголовного наказания).

Обращение к практике Конституционного Суда РФ позволяет подтвердить эти теоретические рассуждения.

Так, обсуждая вопросы конституционности некоторых положений закона, регламентирующих применение мер медицинского характера, Суд указал:

- Ограничение прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами РФ, как это следует из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, по существу, так же как подозреваемый или обвиняемый по уголовному делу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Поэтому такому лицу, хотя оно и не привлекается к уголовной ответственности, должны обеспечиваться процессуальные права, равные тем, что гарантируются всем остальным лицам, в отношении которых осуществляется преследование¹;

- Тяжесть деяния, совершенного лицом в состоянии невменяемости, не может служить решающим критерием, на основании которого устанавливается возможность причинения таким лицом существенного вреда в будущем либо опасность этого лица для него самого или окружающих, наличие которой, в соответствии с ч. 2 ст. 97 УК РФ, является основанием для назначения принудительных мер медицинского характера².

В отношении конфискации имущества позиция Конституционного Суда РФ состоит в следующем:

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».

- Конфискация имущества может рассматриваться в качестве специальной публично-правовой меры, содержание которой заключается в принудительном, т.е. вопреки воле лица, лишении правонарушителя права собственности на имущество, которое так или иначе связано с совершением правонарушения, и безвозмездном обращении этого имущества в собственность государства. Формально-юридические предпосылки для избрания подобной меры содержит статья 2 УК РФ, согласно которой для выполнения поставленных задач Уголовный кодекс устанавливает за совершение преступлений не только виды наказаний, но и иные меры уголовно-правового характера. Именно в качестве иной меры уголовно-правового характера конфискация была возвращена в УК РФ после ее исключения из данного Кодекса как вида наказания;

- Отсутствие конфискации в перечне уголовных наказаний само по себе не исключает возможность принудительного прекращения по судебному решению права собственности на имущество в форме конфискации принадлежащих обвиняемому на праве собственности орудий преступления, иных средств его совершения, предметов, незаконно перемещаемых через таможенную границу (предметов преступления); однако это не освобождает законодателя от обязанности соблюдать конституционные критерии справедливости и соразмерности такого ограничения права собственности;

- Конфискация имущества, а также орудий и средств совершения преступления, имея целью удержание самого правонарушителя и других лиц от противозаконного использования принадлежащего им имущества, выступает юридическим последствием уголовно наказуемого деяния. Следовательно, конфискация представляет собой публично-правовую санкцию, структурно обособленную и независимую от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на осужденного обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему,

а потому может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания;

- Решение суда о конфискации имущества не может иметь формальный характер. Оно должно основываться на непосредственном исследовании судом, а также сторонами, которые действуют на условиях полного равноправия, доказательств и фактических обстоятельств дела, что составляет содержание справедливого судебного разбирательства; такое решение, как правило, подлежит включению в итоговый судебный акт в качестве его составной части¹.

Высказался Конституционный Суд РФ и по поводу правоограничений, применяемых в случае условного осуждения лица на период испытательного срока:

- Испытательный срок, назначаемый при условном осуждении, не является видом наказания, а его определение судом не связано с санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ²;

- В период испытательного срока указанные в ч. 1 ст. 73 УК РФ основные виды наказаний не отбываются; неустановление судом оснований для применения условного осуждения предполагает обращение назначенного наказания к реальному исполнению³;

- ч. 5 ст. 73 УК РФ, допускающая применение к условно осужденному правоограничений, прямо не предусмотренных этой нормой по усмотрению суда, направлена на индивидуализацию уголовной ответственности и

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 7.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 4016 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера».

² Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1992-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каткова Андрея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 64 и частями первой и второй статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 № 976-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казанцева Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 50, части пятой статьи 69 и статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 474-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоглазова Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10, статьями 44 и 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

достижение такой цели наказания, как исправление осужденного, а соответственно, не может расцениваться как нарушающая права заявителя¹;

- Такое регулирование конкретизирует в уголовном законе конституционные начала справедливости и гуманности, преследует цель уменьшения уголовной репрессии до необходимого минимума принудительных мер, обеспечивающих достижение целей наказания².

Рассматривая вопросы конституционности положений закона о судебном штрафе, Конституционный Суд РФ указал:

- Законодатель вправе – имея в виду достижение задач уголовного закона – уполномочить суд в каждом конкретном случае решать, достаточны ли предпринятые виновным действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить его от уголовной ответственности. Вывод о возможности такого освобождения, к которому придет суд в своем решении, должен быть обоснован ссылками на фактические обстоятельства, исследованные в судебном заседании. Суд обязан не просто констатировать наличие или отсутствие указанных в законе оснований для освобождения от уголовной ответственности, а принять справедливое и мотивированное решение с учетом всей совокупности данных, характеризующих в том числе особенности объекта преступного посягательства, обстоятельства его совершения, конкретные действия, предпринятые лицом для возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда, изменение степени общественной

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1918-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Земскова Дмитрия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 25.12.2008 № 941-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 16-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костюка Игоря Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 2342-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кожемякина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части первой статьи 61 и частью первой статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации».

опасности деяния вследствие таких действий, личность виновного, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность¹;

- В качестве условия освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа федеральный законодатель определил полное возмещение этим лицом ущерба или заглаживание иным образом вреда, причиненного преступлением. Такое правовое регулирование направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и в конечном счете – защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Соответственно, поскольку различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, постольку предусмотренные ст. 76.2 УК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния. В то же время из Конституции РФ не вытекает обязанность федерального законодателя закреплять в уголовном законе одинаковые критерии освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, без учета обстоятельств, свидетельствующих о том, что лицо своими действиями снизило степень общественной опасности совершенного им преступления².

Толкование приведенных правовых позиций Конституционного Суда РФ позволяет резюмировать, что **все меры уголовно-правового характера:**
а) содержат в себе ограничения прав и свобод лица, совершившего

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3325-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шохина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 650-О Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 251 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

преступление или общественно опасное деяние; б) такие меры могут применяться судом на основании закона, исходя из фактических обстоятельств, с неременным гарантированием прав конституционных и процессуальных лица; в) эти меры не предопределяются содержанием вины субъекта правонарушения, они не выражают отрицательной оценки содеянного и личности, не выступают карой, а потому могут применяться и при отсутствии вины, и при условии отказа в установлении вины; г) применяемые вслед и по причине совершенного общественно опасного деяния, такие меры имеют подчеркнuto исправительный и превентивный характер, а потому решающее значение в их применении приобретают характеристики личности, отражающие присущие ей риски повторного причинения вреда (по причине наличия заболевания, поведения или обладания определенными предметами). Все эти конституционно подтвержденные признаки, в конечном итоге, и отличают меры уголовно-правового характера, от уголовного наказания.

Уголовное наказание и превентивные меры индивидуального характера, применяемые на посткриминальной стадии

Отдельный и весьма объемный вид правоограничений в отношении лиц, которые совершили преступление и были осуждены судом, предусматривается законодательством России, не относящимся к источникам уголовного права. Не имея возможности перечислить их все, укажем для примера административный надзор¹, запрет на занятие педагогической деятельностью, установленный ст. 331 ТК РФ², запрет для ранее судимых получить лицензию на приобретение оружия или занимать должности, связанные с учетом, хранением или использованием оружия³ и др.

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

³ Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. – 1996 – № 51. – Ст. 5681.

Такие ограничения не предусмотрены непосредственно в УК РФ, но их связь с совершенным преступлением актуализирует постановку и рассмотрение вопроса об отличии от наказания, о том, не выступают ли они в качестве «пост-наказания», дополнительной мерой карательного воздействия, автоматически применяемой к любому лицу, совершившему то или иное преступление.

Принципиальные позиции на этот счет сформулированы в практике Конституционного Суда РФ:

- во-первых, Суд признал, что таковые ограничения непосредственно связаны с рисками для конституционно значимых ценностей, которые проистекают от лица, совершившего преступление, поскольку на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление;

- во-вторых, поскольку такие риски связаны с личностью, для установления правоограничений не имеет принципиального значения, было ли лицо осуждено за преступление или нет; прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям (поскольку им не отрицается, но напротив, подтверждается факт совершения преступления, пусть и без установления вины) само по себе не исключает потенциальную опасность лица, в отношении которого уголовное преследование не было доведено до вынесения судом приговора¹;

- в третьих, такие правоограничения не являются уголовным наказанием, не выступают частью уголовной ответственности как элемента уголовно-правовых отношений между лицом, совершившим преступление, и государством, не регламентируются уголовно-правовыми нормами, но могут быть связаны с общеправовыми последствиями судимости или привлечения лица к ответственности, они относятся к мерам предупреждения преступлений и других правонарушений, оказания на лицо индивидуального

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы».

профилактического воздействия, и в ряде случаев могут применяться к лицу без специального указания в приговоре в качестве установленного на определенный срок правоограничения¹;

- в-четвертых, такие правоограничения, по общему правилу, не должны иметь бессрочный и недифференцированный характер, не должны применяться без учета вида и степени тяжести совершенного преступления, срока, прошедшего с момента его совершения, формы вины, обстоятельств, характеризующих личность, в том числе поведение лица после совершения преступления, а также иных факторов, позволяющих оценить риски наступления неблагоприятных последствий².

Анализ показывает, что в отличие от наказания, рассматриваемые меры не связаны с виновностью лица и основаны на понимании того, что некоторые лица, совершившие преступление, в случае осуществления ими тех или иных видов деятельности и реализации тех или иных прав, могут создавать опасность для конституционно

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова»; Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, 5, 6, 10, 12 и 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», части первой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 261.8 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чередниченко Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»; Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 139 и пунктом «а» части третьей статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта "а" пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2015 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта "м" части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Л. Алборова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы».

значимых ценностей. Эти представления о рисках, с одной стороны, могут быть слишком общими и должны быть связаны со спецификой совершенного преступления и устанавливаемым правоограничением; а с другой стороны, они настолько явны и высоки, что не требуют проверки уровня их реальности в каждом конкретном случае, допуская правоограничения в качестве общей, а не индивидуализированной меры ограничения правового статуса лица.

Уголовное наказание и иные правовые последствия совершения преступления

Преступление как юридический факт порождает не только уголовно-правовые отношения и не только необходимость реализации уголовной ответственности в целях защиты публичных интересов и правопорядка. **Совершение преступления изменяет, вплоть до прекращения, многие иные правовые отношения, участников которых было виновное лицо. И в рамках этих «иных» отношений на лицо, совершившее преступление, также могут быть возложены определенные меры ответственности. Их наличие в правовой системе предопределено принципиальной допустимостью реализации нескольких видов ответственности в случае, когда совершенное лицом деяние содержит в себе правовые основания для каждой из них¹.**

Таковы, например:

- меры материальной ответственности, которую несут работники предприятия за причиненный преступлением работодателю прямой действительный ущерб на основании ст. 242 ТК РФ;

- лишение родительских прав, которое применяется на основании абз. 6 ч. 1 ст. 69 СК РФ² и является, как указал Конституционный Суд РФ, «крайней мерой ответственности, которая применяется судом только в

¹ О проблеме совмещения нескольких видов ответственности в уголовном праве см., например: Мирошниченко Н.В. Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением профессиональных функций. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 75 – 90.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

случае виновного противоправного поведения родителей и только в ситуации, когда защитить права и интересы детей другим путем невозможно»¹;

- признание сделки ничтожной и противной интересам государства и общества с последующим изъятием всего полученного по сделке в доход государства. Как указал Конституционный Суд РФ, сохранение в пользовании виновного лица денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения им преступления, потенциально способствовало бы такому общественно опасному и противоправному поведению, а потому противоречило бы достижению задач УК РФ²; а предусмотренные ст. 167 ГК РФ последствия недействительных сделок не равнозначны штрафу как виду уголовного наказания. Соответственно, взыскание на основании взаимосвязанных положений статей 167 и 169 ГК РФ в доход государства суммы, полученной в результате получения взятки, не является наказанием за совершенное преступление, а обусловлено недействительностью сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности, а потому не свидетельствует о нарушении принципа *non bis in idem*³.

Уголовное наказание и административное наказание

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2013 № 1834-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брусликова Бориса Васильевича на нарушение его конституционных прав положением статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 476-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бородий Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетнего сына положениями статей 69 и 71 Семейного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1179-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Судакова Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 69 Семейного кодекса Российской Федерации и статьей 575 Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2855-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жукова Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и подпунктом «а» пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3301-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 31, частью первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Еще одной правоограничительной мерой, которая содержательно близко стоит к уголовному наказанию, выступает административное наказание. Самоочевидно, что предусмотренные в различных отраслевых законах, эти меры различаются основаниями, порядком назначения и последствиями. Они предусмотрены для противодействия различным видам правонарушений – преступлений и административных правонарушений. Вместе с тем, учитывая неоднократно отмечавшуюся общность «уголовно-правовой сферы», есть все основания к тому, чтобы рассмотреть вопрос об общности уголовных и административных наказаний и существующих между ними отличий.

Прежде всего, обратимся к положениям ст. 3.1 КоАП РФ, согласно которой «административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения». Законодатель в данном случае, в отличие от положений ст. 43 УК РФ, не указал на тот факт, что административное наказание представляет собой ограничение или лишение виновного в совершении правонарушении лица его прав и свобод. Из этого, однако вовсе не следует, что административные наказания лишены данного признака. Содержательно все они связаны с ограничением лица того или иного права – свободы, собственности, занятия определенной деятельностью. Это обстоятельство предопределяет необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод граждан в сфере административной ответственности. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из Конституции РФ критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека в качестве высшей ценности, в частности посредством справедливого правосудия. При этом Суд признал, что дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных

обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения, допускается и предопределяется конституционными требованиями справедливости и соразмерности¹.

Другое дело, что объем заложенных в административных наказаниях ограничений, как правило, меньше по сравнению с аналогичными наказаниями в уголовном праве. Этот признак потенциально может использоваться при обсуждении вопроса об отграничении рассматриваемых наказаний. Напомним, что Конституционный Суд РФ, признавая конституционность положений российского законодательства, не предусматривающих предоставление бесплатной адвокатской помощи лицам, обвиняемым в совершении административных правонарушений, сослался, среди прочего, именно на данное обстоятельство: «вопрос о необходимости предоставления привлекаемому к административной ответственности лицу права на получение бесплатной юридической помощи может приобретать конституционное значение в тех случаях, когда обусловленная привлечением к такой ответственности степень реального вторжения в конституционные права и свободы данного лица сопоставима с мерами уголовно-правового воздействия», в то время как в конкретном деле, ставшем предметом разбирательства, он постановил, что не было веских

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второй части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года "О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением" в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции», Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьей статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова».

оснований считать, что при привлечении заявительницы В.Н. Михайловой к административной ответственности она реально была поставлена в положение, характерное для обвиняемых в уголовном судопроизводстве, и ей действительно угрожала опасность подвергнуться сопоставимым с мерами уголовно-правового воздействия наказаниям¹.

Напрямую о несопоставимой суровости уголовных и административных наказаний Конституционный Суд высказался в ином постановлении, при обсуждении более частного вопроса. Он указал, в частности: «Обязательные работы как вид административного наказания и обязательные работы, назначаемые в соответствии с УК РФ за совершение преступлений, нельзя признать идентичными наказаниями: обязательные работы, отбываемые в соответствии с КоАП РФ, меньше по продолжительности, чем соответствующее уголовное наказание, которое назначается на срок от шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов, а их назначение, хотя и производится по постановлению судьи, не влечет наступление судимости, которая как специфическое уголовно-правовое состояние сопряжена с гораздо большими - в сравнении с административной наказанностью - ограничениями прав и свобод, причем не только по срокам, но и по характеру негативных последствий»².

Вместе с тем, признак суровости правоограничений не является решающим. Принципиальное значение в этом отношении имеет позиция Европейского Суда по правам человека. В постановлении по делу «Михайлова против России», он напомнил некоторые важные принципы:

- Исключая определенные формы поведения из категории преступлений с точки зрения законодательства страны, законодатель может действовать в интересах гражданина, а также в интересах необходимости

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 5.02.2015 № 236-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловой Валентины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 25.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко».

надлежащего отправления правосудия, в частности, поскольку суды в результате этого освобождаются от задачи преследования и наказания многочисленных, но малозначительных правонарушений;

- Суровость потенциального наказания является одним из альтернативных критериев, на основании которого можно решать вопрос о том, относится ли то или иное правонарушение к «уголовной сфере»; вне зависимости от степени суровости наказание может считаться «уголовным» для целей применения положений Европейской конвенции, учитывая характер и цель применяемой государством за правонарушение меры. В частности, цель предупреждения совместима с карательной целью и может рассматриваться как составной элемент самого понятия наказания. Суровость меры сама по себе не имеет решающего значения, поскольку многие неуголовные меры превентивного характера могут оказывать существенное воздействие на заинтересованное лицо¹.

Как видим, Европейский Суд в большей степени делает акцент на характере и цели правоограничений при решении вопроса о том, относятся ли наказания к уголовно-правовой сфере, с тем, чтобы обеспечить надлежащий уровень гарантий обвиняемых. Цель же административного наказания, согласно ст. 3.1 КоАП РФ, состоит в предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. В отличие от описания целей уголовного наказания, здесь законодатель подчеркивает превентивную направленность административных мер, не ставя перед ними цели восстановления справедливости и исправления лица, совершившего правонарушение. И в этом, пожалуй, кроется главное отличие между ними. **Административное наказание не выражает морального упрека лицу совершившему проступок, не содержит в себе осуждения; оно подчеркнуто карательно и превентивно.**

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 19.11.2015. Дело «Михайлова [Mikhaýlova] против Российской Федерации» (жалоба № 46998/08).

Представленный анализ некоторых признаков уголовного наказания в сравнении с признаками иных мер, которые предпринимаются государством в качестве средства защиты от правонарушающего поведения, позволяет вполне отчетливо выявить его конституционно значимые особенности (см. табл. 1). Он позволяет, в частности, убедиться в непреходящей справедливости вывода Н.С. Таганцева, который писал: «только те меры, которые принимаются государством против лиц, учинивших преступные деяния, вследствие такого учинения, для охраны правопорядка и правоохраняемых интересов, могут быть отнесены к карательной деятельности государства»¹.

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. – Изд. 2-е, пересмотр. и доп. – СПб.: Гос. тип., 1902. – С. 825.

Таблица 1. Разграничение наказаний и иных правоограничительных мер

	Наличие правоограничений	Индивидуальный характер	Основание применения	Цель применения	Защищаемое благо	Моральный упрек
Правовые запреты	Есть	Нет	Обстановка	Предупредительная	Конституционные ценности	Нет
Превентивные предкриминальные меры	Есть	Есть	Опасность личности	Предупредительная	Конституционные ценности	Нет
Процессуальные обеспечительные меры	Есть	Есть / нет	Опасность личности	Предупредительная	Интересы правосудия	Нет
Компенсаторные меры	Есть	Есть	Причинение вреда	Восстановительная	Частные интересы	Нет
Иные меры уголовно-правового характера	Есть	Есть	Опасность личности	Предупредительная, исправительная	Конституционные ценности, личность нарушителя	Нет
Превентивные посткриминальные меры	Есть	Есть / нет	Опасность личности	Предупредительная	Конституционные ценности	Нет
Административное наказание	Есть	Есть	Административное правонарушение	Предупредительная	Конституционные ценности	Нет
Уголовное наказание	Есть	Есть	Преступление	Предупредительная, исправительная, восстановление справедливости	Конституционные ценности	Есть

Действительно, только наказание применяется в целях защиты публичных интересов в случае совершения преступлений. Однако оно обладает еще одним конституционно значимым признаком, который отсутствует у всех иных правоограничительных мер. Признак этот, трудно артикулируемый, содержательно связан с представлениями о виновности, моральном упреке и исправлении.

Полагаем, прав В.К. Дуюнов, когда пишет: «сущность наказания состоит в его свойстве быть материализованным выражением (формой) реагирования государства на акт преступного поведения виновного, формой осуждения, порицания виновного и совершенного им преступления, формой, содержанием которой являются установленные законом правоограничения, возлагаемые по приговору суда на осужденного с целью оказать на него требуемое психологическое или иное предупредительное воздействие и тем вызвать положительные изменения в его личности, чтобы в дальнейшем это лицо не совершало преступлений»¹. Развивает эти идеи (хотя и несколько в ином аспекте) В.В. Мальцев, когда для целей совершенствования ст. 43 УК РФ определяет наказание в качестве меры государственного осуждения, основанной на тяжести совершенного виновным преступления и заключающейся в предусмотренных кодексом лишениях или ограничениях прав и свобод этого лица².

Логическая и содержательная связь понятий «уголовное наказание» и «осуждение» помогает лучше понять особенность наказания в ряду иных правоограничительных мер. При этом представляется, что подход В.К. Дуюнова, предполагающий анализ наказания именно как формы осуждения, более точен, поскольку само осуждение, как известно, может приобретать формы и не связанные непосредственно с наказанием (в ситуациях, например, осуждения без назначения наказания или с заменой наказания иными мерами уголовно-правового характера). При таком взгляде на

¹ Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. – 1997. – № 11. – С. 62 – 63.

² Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. – Волгоград: ВА МВД России, 2007. – С. 90.

наказание можно заключить, что даже при совпадении в содержательной части (в части устанавливаемых правоограничений), форма применения, свойственная уголовному наказанию, не может быть повторена ни в одной другой правоограничительной мере, которые не могут выражать собой осуждения, отрицательной моральной и социально-политической оценки содеянного и личности деятеля. Равно как графит и алмаз, будучи разновидностями одного химического элемента, различаются формулой кристаллической решетки, так наказание отличается от иных правоограничений формой своего выражения. Оно применяется исключительно на основании обвинительного приговора, определяется характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, соединено с осуждением виновного и специфическим образом направлено на его исправление, превенцию и защиту публичного правопорядка.

Назначение за преступление, моральный упрек и исправление – специфические признаки уголовного наказания, не свойственные никакой иной мере. Однако их забвение на фоне растущего морального релятивизма и слабых успехов в деле личностной коррекции преступников посредством правоограничений приводит к тому, что сегодня активно именуется кризисом наказания. Суть кризиса, на наш взгляд, состоит в том, что если рассматривать наказание исключительно как меру, минимизирующую криминогенные риски личности, исчезает потребность в детализированной концепции преступления как такового, а если лишить уголовное наказание задачи демонстрации морального упрека и исправления виновного, исчезает необходимость в разграничении уголовных и административно-деликтных предписаний. Следуя этим двум уже не гипотетически возможным, а вполне реальным направлениям, наука и практика уже имеют феномен превентивного уголовного права и уголовного права «в широком смысле». Однако и тот, и другой, в своем последовательном развитии фактически отрицают феномен самого

уголовного права, каковым мы его себе представляем на основании данных истории. Проблема специфичности уголовного наказания, таким образом, оказывается непосредственно связанной с сохранением специфичности («самости») уголовного права. А потому если мы признаем необходимость и целесообразность уголовного права как такового (в его классической интерпретации), мы обязаны сохранить и развить отмеченные специфические признаки уголовного наказания – его способность служить моральным упреком и исправлять лиц, совершивших преступления. Как справедливо указывал И.С. Ной, «в причинении наиболее значительного морального страдания лицу, подвергнутому уголовной каре, и состоит существенная особенность уголовной кары по сравнению с другими видами правового принуждения»¹.

Подводя итог исследованию рассматриваемых в настоящей параграфе вопросов, представляется возможным сформулировать следующие выводы, отражающие место уголовного наказания в системе иных мер, применяемых в связи с совершением преступления:

- В теоретическом и практическом отношении важно различать правоограничительные меры безопасности, которые государство вправе установить на уровне закона в качестве общих мер, применяемых в административном порядке без учета данных о личности конкретного человека, и превентивные правоограничительные меры, которые государство вправе применять к лицам, демонстрирующим повышенные риски совершения или повторного совершения преступления, и которые должны быть строго индивидуализированными и применяться только на основании судебного решения, вынесенного на основе учета всех фактических обстоятельств, характеризующих личность, ее предшествующее поведение и ситуацию, в которой она находится.

¹ Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве: понятие и цели наказания: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1963. – С. 22.

- В уголовном праве важно последовательно различать наказание и меры уголовно-правового характера. В отличие от наказания, меры уголовно-правового характера не определяются содержанием вины субъекта правонарушения, они не выражают отрицательной оценки содеянного и личности, не выступают карой, а потому могут применяться и при отсутствии вины, и при условии отказа в установлении вины. В отличие от превентивных правоограничительных мер меры уголовно-правового характера применяются вслед и по причине совершенного общественно опасного деяния, но как и превентивные меры и в отличие от наказания имеют подчеркнуто исправительный и превентивный характер, а потому решающее значение в их применении приобретают характеристики личности, отражающие присущие ей риски повторного причинения вреда.

- Уголовное наказание, будучи мерой публично-правовой ответственности, качественно отличается от иных правоохранительных мер тем, что выражает собой осуждение, морально-политическое порицание лица, совершившего преступление, содержит в себе моральный упрек, в силу чего его предназначение служить средством предупреждения преступлений дополняется важным качеством исправления и социальной реабилитации и реинтеграции лица, совершившего преступление. На роль мер уголовно-правового характера могут претендовать только реальные правоограничительные меры, применение которых связано с совершенным общественно опасным деянием (наказание, меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, конфискация имущества, судебный штраф, правоограничения, которые налагаются на условно осужденных и условно-досрочно освобожденных от наказания). Качественное отличие наказания от иных мер уголовно-правового характера состоит в его целях, связи с преступлением и виной.

§ 2. Уголовное наказание как ограничение прав и свобод человека: цели и содержание

Уголовное наказание, согласно ч. 1 ст. 43 УК РФ, заключается в лишении или ограничении осужденного лица его прав и свобод. Этот неоспоримый тезис, раскрывающий одно из правовых свойств наказания, обуславливает необходимость анализа данного института в контексте фундаментальных конституционных положений об основаниях, целях и пределах ограничения прав граждан¹.

В конституционно-правовой науке вопросам ограничения прав посвящен значительный массив источников, раскрывающих философскую, социально-правовую природу, содержание и особенности данного правового института. Здесь, в частности, справедливо утверждается, что:

- необходимо различать «негативный» аспект ограничения прав человека, характеризующий всевозможные неправомерные ограничения со стороны государства, содержательно сходные с конституционными понятиями «умаление», «отрицание» и «отмена», а также «позитивный» аспект, который раскрывает правомерные запреты, вторжения, обязанности, ответственность, существование которых предопределено необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и предназначено для обеспечения необходимого баланса интересов личности, общества и государства²;

- приобретаемая с момента рождения естественная свобода человека также изначально имеет ограниченный характер вследствие того, что индивид проживает жизнь в обществе подобных ему существ, где их интересы и потребности рознятся, порою заходя в глубокие противоречия, вследствие чего реализация абсолютной свободы делает невозможным

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Преступление и наказание: конституционные основы уголовно-правовой концепции. – М.: Юрлитинформ, 2020; Гузеева О.С. Цели и содержание правоограничений в уголовном наказании // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 2 – С. 199 – 209; Гузеева О.С. Уголовное наказание как ограничение прав и свобод человека // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 4 (84). – С. 70 – 77; Гузеева О.С. Санкция уголовно-правовой нормы и ограничения прав лица, совершившего преступление // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – М.: РГ-Пресс, 2021. – С. 311 – 314.

² Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 12.

достижение общесоциальных целей, без которых не способно существовать общество и сам человек; в этом смысле ограничения прав и свобод имеют такое же естественное происхождение, как сами права и свободы¹;

- все права и свободы имеют пределы (конституционные, определяемые основным законом государства, и/или установленные законодателем), а потому любое субъективное право имеет границы и не может характеризоваться как абсолютное²;

- правомерное ограничение прав и свобод человека и гражданина есть подлежащее «обязательному двойному санкционированию на конституционном и законодательном уровне»³ и не подлежащее расширительному толкованию временное сокращение (либо уменьшение) как по содержанию, так и по времени пользования благом, составляющим предмет субъективного права⁴, продиктованное необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и предназначенное для достижения компромисса и баланса между интересами человека и интересами общества, государства и других лиц⁵;

- основания ограничений прав и свобод человека и гражданина находят конституционное выражение в установлении общих (генеральных) целей ограничения прав и свобод, имеющих базовое значение для правового регулирования; цели ограничения прав и свобод человека и гражданина могут быть разделены на две группы; 1) защита прав и свобод человека и гражданина, то есть защита частных интересов; 2) защита интересов государства и общества (защита публичных интересов)⁶;

¹ Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничений основных прав и свобод человека и гражданина и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 13 – 14.

² Троицкая А.А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 10.

³ Барбин В.В. Конституционно-правовой режим ограничения прав и свобод человека и гражданина: понятие и нормативное закрепление // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 18.

⁴ Ашимхина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 19.

⁵ Агеев В.Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в российской федерации: теория, история, практика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – С. 10.

⁶ Ашимхина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 22 – 23.

- общим критерием допустимости ограничения прав и свобод граждан может быть признано положение, в соответствии которым конституционные права граждан могут быть ограничены государством в той мере, в какой это необходимо для предупреждения либо устранения вреда или иного ущерба, угрожающего правоохраняемым благам от использования этих прав, если это невозможно осуществить другими средствами и если причиняемый при этом вред правам граждан является наименьшим из возможных¹;

- отраслевые законы, предписывающие ограничение прав и свобод человека, не наполняют конституционные нормы новым содержанием, а лишь конкретизируют основополагающие конституционные положения в соответствующей сфере правовой жизни общества, уточняют значение и содержание, а также допустимые пределы ограничений каждого права (свободы) в соответствии с конституционными предписаниями²;

- ограничение прав и свобод человека может быть правомерным при соблюдении ряда конституционно значимых принципов: обоснованности, целесообразности, соразмерности, недискриминации, разумности, необходимости, минимальной достаточности и др.³; на что многократно обращал внимание Конституционный Суд РФ, постановляя в частности, что ограничивая то или иное право, государство должно использовать только необходимые и строго обусловленные конституционными целями меры⁴, а

¹ Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 10 – 11.

² Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничений основных прав и свобод человека и гражданина и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 16.

³ Казимирская Ю.В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. – С. 11 – 12; Агеев В.Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в российской федерации: теория, история, практика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – С. 10; Ашимхина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 23 – 24; Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2006. – С. 9.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Шелухина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана».

сами ограничения прав и свобод должны быть необходимы и соразмерны защищаемым ценностям правового государства, должны отвечать требованиям справедливости, учитывать необходимый баланс интересов человека, общества и государства¹.

Представленные суждения в своей совокупности образуют прочный теоретико-методологический фундамент, на котором могут быть развернуты имеющие отраслевое значение положения об уголовном наказании как конституционно легитимном ограничении прав и свобод человека. Гуманитарная и конституционная составляющие института уголовного наказания становятся крайне значимыми именно в современных условиях, когда при противодействии определенным, наиболее значимым угрозам (например, при противодействии терроризму) государство все активней использует свои дискреционные полномочия по установлению наказаний и ограничению прав, исходя из принципа целесообразности, отодвигая на второй план конституционную оценку допустимых ограничений прав человека².

Анализ уголовного наказания с точки зрения конституционных стандартов ограничения прав и свобод человека являет собой широкую исследовательскую программу, элементы и основные направления которой предлагаются ниже.

Уголовное наказание как форма ограничения прав и свобод

Приступая к исследованию наказания в контексте конституционной доктрины ограничения прав и свобод человека, важно напомнить уже отмеченное в предыдущем изложении важное теоретическое положение, состоящее в необходимости разграничения двух принципиально различных

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” по жалобе гражданки И. Г. Черновой»; Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросами группы депутатов Государственной Думы по жалобам граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова».

² Романовский В.Г. Конституционные ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в России и за рубежом: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2019. – С. 8.

ситуаций: с одной стороны, установление ответственности для поддержания того или иного сформулированного в нормах регулятивного права ограничения, а с другой, - ограничение прав непосредственно самим уголовным наказанием.

Применительно к проблеме административной ответственности этот момент четко зафиксирован в одном из решений Конституционного Суда РФ. В частности, обсуждая вопрос о конституционности регионального закона, устанавливающего ответственность за нарушение правил содержания животных, он указал: «само по себе установление ч. 3 ст. 13.7 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение правил содержания и выгула домашних животных, повлекшее причинение ущерба здоровью или чужому имуществу, направлено на обеспечение выполнения норм Закона Республики Башкортостан «О домашних животных» и не может нарушать права граждан»¹. Наказание здесь справедливо рассматривается как обеспечительная мера, направленная на соблюдение гражданами запретов и ограничений, установленных в регулятивном законодательстве. Оно не ограничивает права и свободы, установленные в этом регулятивном законодательстве, но лишь подтверждает и обеспечивает установленный в нем запрет. С этой точки зрения наказание – не есть самостоятельный уголовно-правовой запрет, но только структурный элемент регулятивного запрета или ограничения. А потому вопросы его легитимации в этом качестве трансформируются в проблему легитимации регулятивных правоограничений: в каких целях и в каком объеме ограничиваются те или иные права и свободы, предоставленные гражданину в той или иной сфере его социального проявления.

Иной подход и иной ракурс исследования задается пониманием самого наказания как меры, содержанием которой выступает ограничение прав и

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24.04.2018 № 1078-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Салимова Илдара Ангамовича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 30.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также частью 3 статьи 13.7 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях».

свобод человека. Конституционный Суд РФ сформулировал в этой части несколько важных исходных позиций:

- Статья 55 Конституции РФ допускает возможность ограничения федеральным законом прав человека и гражданина как средства защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такие ограничения, в частности, могут быть связаны с применением к лицам, совершившим преступления, уголовного наказания. Относя принятие уголовного законодательства к ведению РФ, Конституция тем самым наделяет федерального законодателя полномочием предусматривать такого рода ограничительные меры в отношении лиц, совершивших преступления и подвергнутых наказанию, которое, как следует из ч. 1 ст. 43 УК РФ, и заключается, по самой своей сути, в предусмотренном законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного¹;

- Такие ограничения могут быть связаны с применением к лицам, совершившим преступления, уголовного наказания в качестве меры государственного принуждения, особенность которой состоит в том, что на осужденного оказывается специфическое воздействие, выражающееся в лишении или ограничении принадлежащих прав и свобод и возложении на него определенных обязанностей. Исполнение наказаний изменяет привычный ритм жизни человека, его отношения с окружающими и имеет существенные морально-психологические последствия, ограничивая тем самым не только его права и свободы как гражданина, но и его права как личности, что связано с противоправным поведением виновного и

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 539-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агзамова Марата Халяфовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

обусловливается необходимостью ограничения его прав в целях защиты нравственности, прав и законных интересов других лиц¹;

- Государство обязано принимать такие необходимые и достаточные меры защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, которые минимизировали бы последствия общественно опасных посягательств, приводили бы к сокращению числа их жертв, предупреждению преступных посягательств и вместе с тем не допускали бы какого бы то ни было умаления этих прав²;

- Для достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов следует использовать лишь строго обусловленные конституционно значимыми целями ограничительные меры, которые отвечают требованиям адекватности, необходимости и правовой определенности, а устанавливаемое федеральным законодателем правовое регулирование – с тем чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина – должно содержать нормы, не допускающие расширительного толкования вводимых ограничений и, следовательно, произвольного их применения³;

- Виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов и ограничений. В противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2868-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тихомирова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 73 и частью второй статьи 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева»; Определение Конституционного Суда РФ от 3.07.2008 № 612-О-П «По жалобе гражданина Тимченко Степана Степановича на нарушение его конституционных прав положением абзаца второго части второй статьи 44 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна»; Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2019 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона "Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации - городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобами граждан А.К. Качковского и А.Г. Федосова».

принуждения, которое заключается, главным образом, в превентивном использовании юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства. Правоограничительный характер наказания предполагает, что, закрепляя такого рода меры, законодатель связан вытекающими из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ критериями необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям¹.

Подход к уголовному наказанию как предусмотренным именно уголовным законом и отражающим содержание наказания правоограничений является отдельным и самостоятельным направлением анализа. В данном случае на предмет соответствия конституционным стандартам ч. 3 ст. 55 УК РФ проверяется не сам по себе факт установления ответственности за правонарушения, а именно наказание как мера, ограничивающая права и свободы. При всем том, что такой подход не является новым и, более того, выглядит вполне самоочевидным, приходится констатировать, что отечественная наука пока

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"»; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»; Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

еще не содержит развернутого анализа соблюдения конституционной доктрины правоограничений в институте уголовного наказания.

Уголовное наказание как мера, установленная законом

Важную часть конституционного режима наказания составляет требование его установленности только на уровне закона. Оно согласуется с принципом равенства граждан и служит гарантией от судебного произвола. Его соблюдение предполагает также наличие особых качеств самого закона: его легитимный характер, определенность и предсказуемость, доступность для граждан. Учитывая специфику настоящего раздела исследования, в контексте анализа наказания как ограничения прав и свобод человека обратим внимание лишь на два компонента данного требования: а) закон, предусматривающий уголовное наказание, должен быть федеральным; б) закон должен обладать свойством правовой определенности.

Согласно российской Конституции, ограничение прав и свобод человека, как известно, может быть установлено только на уровне федерального закона (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Этот тезис корреспондирует предписаниям п. «о» ст. 71 Конституции РФ, согласно которому судоустройство; прокуратура, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, амнистия и помилование находятся в исключительном ведении Российской Федерации, а также положениям ч. 1 ст. 1 УК РФ, в соответствии с которыми уголовное законодательство РФ состоит из УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в кодекс.

Указанные положения являются принципиальными. Попытки создания региональных уголовных законов¹ изначально находятся вне конституционно-правового поля страны, а научные аргументы в пользу наделения субъектов федерации правом иметь самостоятельное

¹ См.: Цекатунова Л.Б. История принятия Уголовного кодекса Чечено-Ингушской Республики в 1996 году // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 10. – С. 169 – 171; Уголовный кодекс Чеченской Республики Ичкерия. Утвержден Указом Президента ЧРИ от 08.07.1996 № 82.

региональное, дополнительное к общероссийскому кодексу, уголовное законодательство¹, представляются недостаточно убедительными.

Вместе с тем, стоит признать справедливыми опасения некоторых авторов² относительно того, что в связи с распространением в России стандартов «уголовно-правовой сферы», сформированных Европейским Судом по правам человека, региональное уголовное законодательство в стране фактически существует в виде законов субъектов федерации об ответственности за административные правонарушения, а следовательно допускается ограничение прав граждан административным наказанием, предусмотренным региональными нормативными актами.

В уголовно-правовой литературе эта проблема практически не обсуждается, составляя предмет дискуссий специалистов в области административного права, где закономерно представлено две полярные позиции на этот счет. По мнению одной группы авторов, невозможно найти сколь-нибудь весомые основания для лишения субъектов РФ полномочий по установлению административной ответственности³, тогда как другие юристы последовательно усматривают в региональных административно-деликтных нормах нарушение требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ⁴.

¹ Быкодорова Л.В. Линия законности в уголовной политике и направления дальнейшего совершенствования уголовного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ставрополь, 1999. - С. 11 - 12; Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - Саратов, 2002. - С. 19; Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. - Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2004. - С. 54.

² См.: Гурин Д.В. Децентрализация уголовного законодательства: pro и contra // Сравнительное конституционное обозрение. - 2015. - № 3 (106). - С. 92 - 105; Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. - М.: Юритинформ, 2014. - С. 44.

³ Комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях / под ред. Ю.М. Козлова. - М.: Юристъ, 2002. - С. 92; Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право. - М.: Норма, 2004. - С. 488 - 489; Масленников М.Я. Региональные законы об административной ответственности: легитимация и перспективы // Актуальные вопросы административно-деликтного права: материалы Междунар. науч.-практ. конф. - М.: ВНИИ МВД России, 2005. - С. 31-41; Филант Г.К., Хазанов С.Д. К проблеме конституционной легитимности регионального законодательства об административных правонарушениях // Конституционное и муниципальное право. - 2007. - № 9. - С. 19 - 22; Надыгина Е.В., Лесникова А.М. Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях: актуальные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2014. - № 3 (2). - С. 160 - 166; Стандзень Л.В., Лебедева Е.А. К вопросу о реализации административной ответственности // Вестник Университета им. О.Е. Кутаина. - 2019. - № 6. - С. 124 - 134.

⁴ Основные институты административно-деликтного права / под общ. ред. А.П. Шергина. - М.: ВНИИ МВД РФ, 1999. - С. 20; Шергин А.П. Административно-деликтное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и административный процесс: состояние и перспективы. - М.: Юристъ, 2004. - С. 171; Карасев М.Н. Институт совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации: необходимы серьезные изменения // Журнал российского права. - 2001.

Разрешению этой острой проблемы могла бы способствовать позиция Конституционного Суда РФ. Однако анализ показывает, что в его практике вопрос о соответствии региональных административных наказаний требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции напрямую не был поставлен. В тоже время Конституционный Суд РФ в ряде своих решений признал:

- субъекты РФ вправе принимать собственные законы в области административных правонарушений, если они не противоречат федеральным законам¹;

- к ведению РФ в области законодательства об административных правонарушениях относится установление административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ; законодатель субъекта РФ, устанавливая административную ответственность за те или иные деяния, не вправе вторгаться в те сферы общественных отношений, регулирование которых составляет предмет ведения РФ, а также предмет совместного ведения при наличии по данному вопросу федерального закона²; к ведению субъектов РФ в области законодательства об административных правонарушениях отнесено установление административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ³;

– № 9. – С. 39; Агапов А.Б. Административная ответственность. – М.: Статут, 2004. – С. 34; Старостин С. А. Некоторые проблемы установления и реализации административной ответственности законами субъектов Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2013. – № 8. – С. 27 – 29; Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административной ответственности // Вестник ВГУ. Сер. Право. – 2018. – № 2. – С. 206 – 216.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 1.10.1998 № 145-О «По запросу Законодательного Собрания Нижегородской области о проверке конституционности части первой ст. 6 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях»; Определение Конституционного Суда РФ от 8.04.2004 № 137-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности статей 15.14, 15.15, 15.16 и 23.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»; Определение Конституционного Суда РФ от 1.12.2005 № 429-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Томской области о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 1.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

² Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 841-О-П «По жалобе закрытого акционерного общества «Вегас» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 3.5 Закона Архангельской области «Об административных правонарушениях».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3015-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гогберашвили Ирины Алексеевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 4.5 Областного закона Ростовской области «Об административных правонарушениях»; Определение Конституционного Суда РФ от 8.11.2018 № 2790-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

- различия в социально-экономической и иных характеристиках регионов могут служить основанием для установления различий в административных наказаниях за нарушение отдельных правил в зависимости от места совершения административного правонарушения, что само по себе не означает отступления от конституционного требования пропорциональности (соразмерности) в части строгости соответствующих санкций¹.

Опираясь на эти правовые позиции, воспринимая административно-деликтное законодательство как часть административного законодательства в смысле п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, и буквально следуя ч. 1 ст. 3.1. КоАП РФ, не признающей наличие в административном наказании ограничений прав и свобод, можно, конечно, признать наличие административно-деликтного законодательства субъектов РФ полностью легитимным и снять поставленную проблему с обсуждения. Дополнительно можно учесть при этом, что согласно мнению Конституционного Суда РФ, даже штраф, налагаемый в административном порядке, не нарушает прав собственности. В одном из своих решений Суд указал на этот счет: законодатель вправе наделять административной юрисдикцией органы исполнительной власти, обеспечивая при этом соблюдение требований Конституции РФ, гарантирующей гражданину судебную защиту его прав и свобод и право на обжалование в суд решений и действий органов государственной власти и должностных лиц. Вынесение уполномоченным органом исполнительной власти (должностным лицом) постановления о наложении штрафа еще не означает фактического отчуждения

жалобы гражданки Огиевской Ольги Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав статьей 8.25 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации", частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана»; Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1² статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

принадлежащего гражданину имущества (денежных средств), прекращения права собственности на это имущество. Оно осуществляется на другой стадии административного производства - при реализации санкции, т.е. при уплате (взыскании) штрафа. Более того, штраф может быть уплачен добровольно. Добровольная уплата штрафа не означает принудительного прекращения права собственности на принадлежащее лицу имущество (денежные средства), лишения лица его имущества органом исполнительной власти¹.

Однако вряд ли такой подход можно признать в полной мере справедливым. Во-первых, административно-деликтное законодательство в большей степени деликтное, нежели административное², а по своей сути КоАП РФ ближе к дореволюционному Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, или к современным проектам Кодекса уголовных проступков, нежели к актам собственно административного права. Во-вторых, объективно невозможно отрицать за административными наказаниями свойство правоограничений, тем более что в содержательном отношении ограничения в административно-деликтном и уголовном законе близки вплоть до тождества. В противном случае административное наказание в принципе утрачивают значение меры ответственности виновного лица. Этих обстоятельств, как представляется, уже достаточно для того, чтобы поставить под сомнение легитимность административных наказаний в региональных административно-деликтных законах. **Строгое (а иное недопустимо!) толкование Конституции РФ, с учетом ее положений о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), что права и свободы человека и гражданина определяют смысл,**

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 13.04.2000 № 53-О «По запросу Кировского районного суда города Ростова-на-Дону о проверке конституционности статьи 210 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и Указа Президента Российской Федерации от 20 июля 1994 года № 1504 "Об утверждении Положения о Федеральной инспекции труда при Министерстве труда Российской Федерации (Рострудинспекции)».

² По обоснованному мнению А.П. Шергина, административно-деликтное законодательство не состоит из норм административного права, а административно-деликтные отношения не входят в предмет административного права, которое является управленческим регулятивным правом. См.: Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. – 1994. – № 8-9. – С. 62.

содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18), предписывает, что в спорной ситуации легитимности региональных наказаний надо руководствоваться предписаниями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, которые не предусматривают ограничения прав и свобод человека нормативными правовыми актами субъектов РФ. Следовательно, любое наказание в качестве меры правового воздействия, будь то уголовное или административное, должно быть установлено исключительно федеральным нормативным актом, а еще точнее – федеральным законом (нелегитимность регионального административно-деликтного законодательства с этой точки зрения подтвердили 71% респондентов, опрошенных при подготовке диссертации).

Сам федеральный закон при этом должен отвечать конституционным требованиям качества, в том числе требованиям правовой определенности. Конституционный Суд РФ констатировал: Поскольку принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* распространяется как на признаки криминализируемого деяния, так и на содержание устанавливаемой за его совершение меры реагирования в виде наказания, оценка адекватности последнего также должна производиться в системе нормативных предписаний и с учетом смысла, придаваемого им правоприменительной практикой. При этом должна обеспечиваться возможность предвидения лицом, совершающим преступление, уголовно-правовых последствий своего поведения. **Установление видов уголовных наказаний и возможности их выбора в заданном уголовным законом диапазоне должно во всяком случае отвечать не только принципам соразмерности и справедливости, но и требованиям определенности¹.**

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"»; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации,

В конституционно-правовой практике вопрос об определенности уголовного закона в части установления им уголовных наказаний возник в связи с наличием в системе наказаний таких его видов, которые могут быть назначены в конкретных обстоятельствах по усмотрению суда, при отсутствии непосредственного указания на них в санкции статьи Особенной части УК РФ. Он обсуждался применительно к проблеме такого наказания, как запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Хотя сама проблема актуальная и для наказания в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Признавая правомерность установления в законе наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, Конституционный Суд РФ констатировал:

- введение законодателем в рамках предоставленных ему полномочий основных и дополнительных видов наказаний не выходит за рамки правовых средств, которые законодатель вправе использовать для достижения конституционно оправданных целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления его исправительного воздействия на осужденного, предупреждения новых преступлений, а значит, защиты личности, общества и государства от преступных посягательств;

регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»; Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

- ч. 3 ст. 47 УК РФ имеет по замыслу законодателя отсылочный характер ко всем статьям его Особенной части, санкции которых не включают в себя это наказание, что позволяет на законных основаниях ставить вопрос о его назначении, если характер совершенного виновным преступления предопределен занимаемой им должностью или осуществляемой им деятельностью;

- обязывая законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, принцип правовой определенности вовсе не исключает наличия судебных разъяснений по вопросам их применения, целью которых является устранение неопределенности нормы применительно к конкретной сфере общественных отношений; соответственно, с учетом наличия правовых позиций Верховного Суда РФ о порядке и особенностях применения рассматриваемого вида наказания, положения ч. 3 ст. 47 УК РФ не могут быть признаны неопределенными¹.

Такое решение Конституционного Суда РФ не было единодушным. С ним, в частности, высказал свое несогласие судья К.В. Арановский. В своем Мнении, апеллируя к принципам «*nullum crimen, nulla poena sine lege*», «*nulla poena sine lege certa*», «*nulla poena sine lege stricta*», он указал: «Небесспорно выглядит положение ч. 3 ст. 47 УК РФ в том смысле, что оно позволяет назначать как дополнительное наказание лишение права заниматься определенной деятельностью даже в случаях, когда это наказание не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части названного Кодекса. Можно утверждать, что назначение уголовного наказания, которое прямо не предусмотрено конкретной статьей Особенной части УК РФ, выглядит сомнительно и ставит ряд вопросов, таких, например, как: считать ли «прямо установленным» наказание, если оно лишь общим образом указано и описано в классификации (иерархии и системе) уголовно-правовых санкций, а именно в Общей части УК РФ, но осталось без прямого

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

упоминания в статье его Особенной части; позволяет ли такое упоминание представлять последствия преступного поведения применительно к наказуемости конкретных деяний; позволяет ли оно суду удержаться от произвола в применении уголовной репрессии, когда он назначает наказание за пределами санкции, предусмотренной конкретной статьей Особенной части Кодекса. Очевидно, что нельзя приговаривать к лишению свободы, пока его не предусмотрит статья Особенной части УК РФ. Или это не разумеется само собой и в уголовно-законодательной политике возможно все? ... Надо все же полагать, что даже в дальней перспективе исключены такие изменения в Общей части УК РФ, которые допустят лишение свободы без указания на то в статье Особенной части, т.е. по усмотрению суда, чтобы суд, усматривая в поведении виновного злоупотребления свободой, мог «признать невозможным сохранение за ним» этой свободы «с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности». Конечно, лишение права на определенную деятельность не сравнить с лишением свободы, прежде всего по количеству и разнообразию прав, попадающих под ограничение. Но все же это лишение права, которое отчасти ограничивает свободу, а потому оно должно быть отмерено в наказании, предусмотренном по закону, даже в тех случаях, когда виновный использовал права в преступном деянии»¹.

Развернувшаяся на уровне органа конституционной юстиции дискуссия имеет свои предпосылки и в уголовно-правовой науке, где аргументировано два подхода к решению проблемы: не допускающий применение к осужденному дополнительных наказаний, которые не указаны в санкции статьи Особенной части УК РФ², и признающий существующую

¹ Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского по Определению Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Жидких И.В. Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 18.

нормативную регламентацию проблемы допустимой и оправданной¹. Представляется, что в решении этого вопроса недопустимо основываться на понимании уголовного закона (как источника правоограничений) только как статьи Особенной части УК РФ и тем более, только как санкции этой статьи. **Нормы уголовного закона находятся в системном единстве, а потому в какой именно части закона будет содержаться указание на допускаемое этим законом наказание, по большому счету, не имеет решающего значения. Это во многом вопрос юридической техники.** Напомним, что в литературе уже были представлены идеи реформировать отечественный УК РФ по примеру американских уголовных законов, определяя в статье Особенной части лишь категориальную принадлежность преступления и формулируя развернутую систему наказаний, которая соответствует каждой категории, в статьях Общей части УК РФ². Таким образом, существующая практика описания дополнительных наказаний не в санкции статьи особенной части УК РФ, а в нормах Общей части закона вполне соответствует конституционным стандартам требованиям к наказанию – «быть установленным на уровне закона».

Цели правоограничений в уголовном наказании

Одним из важнейших элементов конституционной доктрины ограничения прав человека является нормативная фиксация целей правоограничительных мер. Этот аспект многократно акцентирован в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека и в практике Конституционного Суда РФ; вопросу о целях наказания посвящен и значительный объем научной литературы. Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что целевые установки уголовного наказания в науке исследуются, по преимуществу, вне контекста конституционных целей ограничения прав человека, изолированно, лишь применительно к тому, как уголовное наказание выполняет свою роль в качестве средства борьбы с

¹ Мирошниченко Н.В. Уголовное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Российское правосудие. – 2014. – № 1. – С. 59 – 66.

² См.: Гаухман Л. Нужен новый УК РФ // Законность. – 1998. – № 7. – С. 22 – 25.

преступлениями. Такое положение вещей не может быть признано в полной мере оправданным. Обращение к вопросу о целях наказания в контексте его понимания как конституционно допустимого ограничения прав и свобод человека позволяет выявить дополнительные оттенки проблемы, внимание к которым ускользает из поля зрения современных специалистов.

Напомним, что согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Ограничение прав и свобод человека, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускается в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Сопоставление этих нормативных положений свидетельствует, что перед уголовным наказанием поставлен значительно более широкий круг целей, и этот момент нуждается в объяснении.

Вопрос о целях наказания в редакции действующей ч. 2 ст. 43 УК РФ (как и вообще о целях наказания) является достаточно сложным. Не углубляясь в его анализ, полагаем необходимым все же высказать некоторые общие суждения по этому поводу, необходимые для развития темы.

Для начала – о такой относительно новой цели, как восстановление социальной справедливости. Некоторые специалисты, оправдывая соответствующее законодательное решение, трактуют восстановление справедливости в контексте реститутивной парадигмы уголовного права, как восстановление нарушенных преступлением прав и свобод потерпевшего¹, возмещение, заглаживание посредством наказания причиненного преступлением вреда личности, обществу, государству². Однако существующая система наказаний лишена реститутивного, компенсаторного начала. Для подтверждения этого достаточно вспомнить ч. 1 ст. 43 УК РФ,

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 529

² Курс уголовного права. В 5 т. Т.2. Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 22.

определяющую наказание как ограничение или лишение прав осужденного, а также проанализировать содержание конкретных видов наказаний, которые не предусматривают в своем содержании ни одного реститутивного элемента. Гораздо более точен в понимании рассматриваемой цели А.Ф. Мицкевич, когда пишет, что «восстановление социальной справедливости заключается в ликвидации внесенной и утверждаемой в общественных отношениях совершенными преступлениями несправедливости путем применения к виновным мер уголовного наказания, соответствующего по тяжести лишений и ограничений тяжести совершенного преступления и личности виновного»¹. Однако такой «восстановительный символизм» также не может быть признан целью наказания. **Наказание как ограничение прав человека само по себе не может быть легитимировано соображениями справедливости. В противном случае целью наказания становится справедливое ограничение прав как демонстрация справедливого воздаяния за проявленную осужденным несправедливость, а такая постановка цели перед наказанием не соответствует конституционным стандартам ограничения прав и свобод человека.** С учетом изложенного, полагаем, что в дискуссии о восстановлении социальной справедливости правда на стороне тех специалистов, которые указывают, что «восстановление социальной справедливости в виду непомерной глубины и многоаспектности этого процесса и объективной ограниченности уголовно-правовых средств в его реализации, не может быть целью собственно уголовного наказания»², что такое законодательное решение «отождествляет цель уголовного наказания и задачу уголовному праву»³.

Теперь – о более привычных, традиционных целях наказания – предупреждение преступлений и исправление осужденного.

¹ Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизму действия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 127.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 127 – 128.

³ Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та, 2003. – С. 293.

Полагаем, не требует специальных доказательств положение о том, что предупреждение преступлений обеспечивает защиту конституционно значимых ценностей. В этом аспекте можно поставить знак равенства между защитной целью правоограничений, указанных в Конституции РФ, и целью превенции преступлений, обозначенной в УК РФ. **Предупреждение преступлений как на уровне угрозы наказанием (со стороны всех граждан, находящихся под юрисдикцией закона), так и на уровне реального применения наказания (со стороны конкретного осужденного лица) в полной мере соответствует конституционной задаче защиты интересов личности, общества и государства.**

Сложнее обстоит дело с целью исправления. С одной стороны, надо признать, что исправлением осужденного в идеале обеспечивается недопущение совершения им в дальнейшем (во время и после отбытия наказания) новых преступлений, тем самым предупреждается риск повторного криминального нарушения конституционно значимых ценностей и их защита. В этом отношении исправление осужденного в качестве цели наказания следует воспринимать через призму отраслевой конкретизации конституционной цели правоограничений, а потому постановка такой цели вполне легитимна. С другой стороны, возникает вопрос уже из области пенитенциарной психологии и педагогики – о возможности исправить осужденного путем ограничения его прав и свобод. Представляется, можно считать доказанной вековой историей педагогики мысль о том, что одними лишь ограничениями и запретами скорректировать поведение личности невозможно. Следовательно, **наказание, если его содержание понимать только как ограничение прав человека, не сможет достичь заявленной цели исправления.** Но несоответствие средства – ограничения прав – его цели – исправлению осужденного – служит одним из конституционных препятствий к применению правоограничений.

Выход из ситуации нам видится в реактуализации относительно давней дискуссии о содержании уголовного наказания. Так, Н.А. Стручков писал,

что единственным содержанием наказания выступают определенные лишения и ограничения, которые способны и карать, и воспитывать¹. В противоположность этой позиции И.С. Ной указывал, что понятие наказания образуется из нескольких элементов: кары (то есть лишения осужденного некоторых его прав и свобод), принуждения, лишенного элементов кары (например, принудительного труда в местах лишения свободы), и убеждения (то есть в воспитательной работе с осужденными)². В наши дни эта идея была развита А.Э. Жалинским, который писал, что уголовно-правовое содержание наказания включает в себя три компонента: уголовно-правовой упрек, т.е. вложенное в наказание осуждение законодателем лица, совершившего преступление; страдание в виде предусмотренного законом лишения или ограничения прав; обеспечительные и исправительные меры органов и лиц, исполняющих наказание, направленные на осуществление его целей³.

Признавая такой многоэлементный состав уголовного наказания, можно констатировать, что **цели уголовного наказания, отраженные в ч. 2 ст. 43 УК РФ, выражают нормативные установки, которые стоят перед всей совокупностью образующих наказание компонентов, а не только перед ограничением прав и свобод человека.** С этой точки зрения цель исправления получает дополнительное обоснование, поскольку она в гораздо большей степени оказывается связанной с воспитательной и реабилитационной практикой, с морально-психологическим воздействием на личность, нежели собственно с ограничением прав. Стоит обратить внимание, что цель исправления осужденных в России не имеет прямых конституционных оснований, как это имеет место в некоторых зарубежных странах. Например, в ст. 28 Конституции Китая, которая предписывается, что государство не только «охраняет общественный порядок, подавляет предательскую и иную преступную деятельность, подрывающую

¹ Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та 1978. – С. 57.

² Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве: понятие и цели наказания: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1963. – С. 25.

³ Уголовное право: учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011. – С. 625 – 626.

безопасность государства, карает за нарушение общественной безопасности, дезорганизацию социалистической экономики и иные преступные действия», но также «наказывает и перевоспитывает преступные элементы»¹. Или в ст. 27 Конституции Италии, согласно которой «наказания не могут состоять в мерах, противных гуманным чувствам, и должны быть направлены на перевоспитание осужденного», или в ст. 25 Конституции Испании, которая установила, что «лишение свободы и иные меры социальной защиты должны быть направлены на перевоспитание». Однако такое положение не является препятствием для постановки задач исправления перед наказанием.

Представленное толкование целей и наказания ставит вопрос о полноте раскрытия содержания уголовного наказания в ч. 1 ст. 43 УК РФ. Очевидной нам видится в данном случае недостаточность существующей дефиниции, в которой отражен только один элемент наказания – карательный, правоограничительный.

В качестве промежуточного итога на данном этапе исследования можно констатировать, что **поскольку содержание наказания не исчерпывается только ограничением или лишением осужденного его прав и свобод, цели наказания не могут быть ограничены лишь положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.** Однако наказание легитимировано конституционными целями защиты конституционных ценностей, которые конкретизированы в цели предупреждения преступлений и, отчасти, в цели исправления осужденного, хотя исправление достигается не только и не столько ограничением прав, сколько иными элементами содержания наказания.

Содержание правоограничений в уголовном наказании

Предшествующее изложение показало, что ограничения прав и свобод человека выступают частью уголовного наказания, наряду с мерами воспитательного и реабилитационного порядка. Вместе с тем, важно

¹ Здесь и далее тексты конституций зарубежных стран приводятся по изданию: Конституции стран мира. Хрестоматия / сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях.– Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. [Электронный ресурс]: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

напомнить, что сами правоограничения, которым подвергается осужденное лицо, не всегда ограничиваются исключительно уголовным наказанием. А потому возникает необходимость дифференцировать правоограничения, выступающие частью наказания, и иные правоограничения, которые, в свою очередь, могут быть разделены с одной стороны, на непосредственно связанные с наказанием (обеспечивающие его исполнение или применение, составляющие часть «режима наказания»), а с другой стороны, на связанные самим фактом осуждения лица (см. рис. 4).

Рисунок 4. Соотношение наказания и правоограничений

Правоограничения, не связанные с фактом осуждения, были отчасти рассмотрены в предыдущем параграфе. Они не выражают собой осуждение и моральный упрек, следуют именно факту осуждения или подтвержденному факту совершения преступления, не зависят собственно от назначенного лицу наказания и ориентированы исключительно на реализацию целей превенции правонарушающего поведения. Правоограничения же, составляющие часть наказания, и непосредственно связанные с наказанием, требуют отдельного дополнительного анализа.

Их разграничение составляет достаточно сложную задачу, необходимость решения которой неоднократно возникала в практике Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ.

В частности, Европейский Суд был вынужден рассматривать вопрос о различии наказания и мер, связанных с исполнением или применением наказания, в контексте обсуждения вопроса о границах действия ст. 7 Европейской конвенции 1950 г.¹ В ряде своих решений Суд констатировал,

¹ См.: Руководство по статье 7 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Наказание исключительно на основании закона: принципы, согласно которому только закон может

что когда те или иные, устанавливаемые законом правоограничения связаны с освобождением, в том числе досрочным, от наказания¹, когда законом или иным актом вводятся различные подходы к применению амнистии в отношении различных лиц², они не являются «частью наказания» с точки зрения материального уголовного права. Следовательно, на такие правоограничения не распространяются гарантии ст. 7 Конвенции, не допускающей придания обратной силы правовым актам, ухудшающим положение лица, совершившего преступление. Суд в тоже время отмечал, что на практике разграничение между мерой, которая составляет «наказание», и мерой, которая относится к «применению» наказания, не всегда является ясным. В частности, он признал, что термин «наложенное судом наказание» не может толковаться как исключаящий из сферы действия Конвенции все меры, примененные после оглашения приговора. Следовательно, когда меры, принятые органами законодательной, исполнительной власти или судами после вынесения окончательного приговора или во время отбывания срока наказания, приводят к пересмотру или изменению содержания «наказания», назначенного судом, такие меры должны подпадать под действие запрета обратной силы, предусматривающего наказание на основании закона. Чтобы определить, влияет ли мера, принятая во время исполнения приговора, только на способ исполнения приговора или, напротив, на сферу его применения, суд должен изучить в каждом случае, что назначенное «наказание» фактически влекло в соответствии с действовавшим в тот момент национальным законодательством, или, иными словами, что составляло его действительный смысл³.

определить состав преступления и предусматривать наказание (обновлено 30 апреля 2017 г.). [Электронный ресурс]: www.echr.coe.int (дата обращения: 2.06.2020).

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.07.2003. Дело «Грава против Италии [Grava v. Italy]» (жалоба № 43522/98); Постановление Европейского Суда по правам человека от 12.02.2008. Дело «Кафкарис против Кипра [Kafkaris v. Cyprus]» (жалоба № 21906/04).

² Решение Европейского Суда по правам человека от 13.05.2003. Дело «Монкорне де Комон против Франции [Montcornet de Caumont v. France]» (жалоба № 59290/00).

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.10.2013. Дело «Дель Рио Прада против Испании [Del Río Prada v. Spain]». (жалоба №. 42750/09).

В практике российского Конституционного Суда также неоднократно обсуждался вопрос о природе правоограничений, которые, не составляя сути и содержания самого уголовного наказания, предусмотрены законом в качестве элемента режима наказания или условий его отбывания и применения. Суд придерживается принципиальной позиции, согласно которой **устанавливая меры уголовного наказания с различным комплексом ограничений, соответствующих тяжести совершенного преступления, а также определяя порядок отбывания этого наказания, законодатель должен исходить из того, что осужденные обладают в целом теми же правами и свободами, что и остальные граждане, с изъятиями, обусловленными особенностями их личности и совершенных ими преступлений.** Условия отбывания наказания индивидуализированы и обеспечивают дифференциацию мер взыскания, создавая тем самым предпосылки для достижения целей наказания¹. Регулируя условия отбывания наказания, законодатель обязан вводить лишь необходимые ограничения, обеспечивая, по возможности, не только правопослушное поведение осужденных в период отбывания наказания и их исправление, но и подготовку к освобождению., а потому как вводимые им ограничения, так и критерии их дифференциации должны отвечать требованиям справедливости, равенства, соразмерности, законности и гуманизма².

Исходя из этого, Конституционный Суд РФ, в частности, подтверждает, что:

- привлечение осужденных к лишению свободы к обязательному труду не может расцениваться как произвольное возложение на них

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой»; Определение Конституционного Суда РФ от 9.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

дополнительных обязанностей, поскольку, назначая осужденному наказание в виде лишения свободы, суд тем самым предопределяет необходимость и возможность использования в качестве одного из основных средств исправления осужденных их привлечение к общественно-полезному труду¹;

- ограничения, которые осужденные претерпевают вследствие своего противоправного поведения, связанного с нарушением установленного порядка отбывания наказания (в том числе ограничения в возможности иметь краткосрочные свидания с родственниками), введены законодателем в целях исправления осужденных, предупреждения совершения ими новых нарушений установленного порядка отбывания наказания и иных правонарушений и не выходит за рамки, определенные ч. 3 ст. 55 Конституции РФ²;

- исполнение наказания в виде лишения свободы изменяет привычный ритм жизни человека, его отношения с окружающими людьми и имеет определенные морально-психологические последствия, ограничивая тем самым не только его права и свободы как гражданина, но и его права как личности. Лицо, совершающее преступление, должно предполагать, что в результате оно может быть лишено свободы и ограничено в правах и свободах, в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, в том числе, в возможности рождения ребенка. Совершая преступление, оно само сознательно обрекает себя и членов своей семьи на такие ограничения. Ограниченность предоставленных осужденному

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 296-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осколкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 29 и частью второй статьи 30 Закона Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы", а также статьями 77.1, 77.2 и 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 246-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Салищева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романенко Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом «г» части второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.03.2009 № 239-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 89, частями первой и второй статьи 118, статьями 115 и 121 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

свиданий по их количеству, продолжительности и условиям проведения является неизбежным следствием изоляции осужденного. И с этой точки зрения закон не устанавливает каких-либо дополнительных ограничений, помимо тех, которые, по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, вытекают из самого существа такой меры наказания, как лишение свободы¹;

- гарантируемое ст. 14 УИК РФ право на свободу совести и свободу вероисповедания не предполагает произвольного выбора осужденными средств и способов его реализации. Такое право может осуществляться в специально установленном уголовно-исполнительным законодательством порядке, а при его осуществлении не должны нарушаться правила внутреннего распорядка учреждения, исполняющего наказания, а также ущемляться права других лиц².

Полный объем правоограничений, которые связаны с исполнением или применением уголовных наказаний, определяется не только (а возможно, и не столько) в уголовном, сколько в уголовно-исполнительном законодательстве. Такая ситуация в целом не вызывает нареканий, не создает неопределенности и не порождает сомнений в конституционности, при условии надлежащего конституционного качества уголовно-исполнительного закона. Однако она предъявляет **особые требования к содержанию норм уголовно-исполнительного права, которые определяя неизбежно связанные с исполнением или применением наказания ограничения, не выходили за пределы ограничений, составляющих суть уголовного**

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

² Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бекмурзина Руслана Ришатовича на нарушение его конституционных прав частями второй и седьмой статьи 14, частью третьей статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и постановлением Правительства Российской Федерации «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время».

наказания, не порождали дополнительных, не предусмотренных природой и целями наказания ограничений прав и свобод осужденного лица. Это обстоятельство предполагает необходимость развертывания в науке специальных масштабных исследований, направленных на уточнение природы каждого вида наказания, содержания и объема ограничиваемых им прав и свобод, а также на дифференциацию правоограничений, относящихся к сути уголовного наказания и относящихся к порядку его исполнения или применения. Смещение этих правоограничений в теоретическом и практическом отношении представляется недопустимым. А потому сложно в полной мере согласиться со специалистами, которые критикуют редакцию ч. 1 ст. 43 УК РФ на том основании, что она не включает в содержание уголовного наказания правоограничения, предусмотренные уголовно-исполнительным или иным законодательством¹.

Необходимым условием исследовательской программы конституционализации уголовного наказания является четкое определение в уголовном праве, с опорой на конституционные нормы, тех прав и свобод человека, ограничение которых может в принципе составить уголовное наказание.

В решении этого вопроса исходными являются нормы гуманитарного права. Так, согласно положениям ст. 4 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах, ограничения прав человека со стороны государства, помимо того, что они должны определяться законом, должны быть совместимы с природой данных прав и устанавливаться исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе; кроме того, ограничения прав человека не могут влечь за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения. Международные документы не содержат перечня прав человека, которые

¹ См.: Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. – М.: Норма, 2002. – С. 49.

могут (или наоборот, не могут) быть ограничены при конструировании уголовно-правового запрета. Нет ответа на этот вопрос и в Конституции РФ.

Вместе с тем, международные документы и Конституция РФ содержат особые предписания относительно ограничения прав человека во время «чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой». Согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, в условиях чрезвычайного положения не могут быть ограничены права на жизнь; охрану достоинства личности и защиту от пыток, насилия, жестокого или унижающего достоинство обращения; на неприкосновенность частной жизни; свободу совести и вероисповедания; свободное использование своих способностей и имущества для занятия экономической деятельностью; на жилище; на судебную защиту прав и свобод (ст.ст. 20, 21, ч. 1 ст. 23, ст.ст. 24, 28, ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 40, ст.ст. 46 – 54 Конституции РФ). Очевидно, что ситуация противодействия преступлениям не относится к числу таких «угрожающих нации» ситуаций, следовательно на нее тем более распространяются отмеченные запреты на ограничение прав.

Это позволяет напомнить важный тезис Конституционного Суда РФ, который в одном из своих решений указал, что «существует некая суть личности, на которую нельзя посягать и которой нельзя пожертвовать, а «во всех случаях, когда возникает сомнение в целесообразности установления ограничений прав и свобод, предпочтение необходимо отдавать правам и свободам, поскольку личность является не объектом государственной деятельности, а полноправным субъектом, что обязывает государство обеспечивать уважение достоинства личности»¹.

В науке было высказано мнение о том, что в силу положений ч. 2 ст. 17 Конституции РФ о неотчуждаемости основных прав свобод, они не могут быть ограничены на основании положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.1996 № 12-П «По делу о проверке конституционности п. «г» ст. 18 Закона РФ «О гражданстве Российской Федерации» в связи с жалобой А.Б. Смирнова»

которая допускает ограничение иных («неосновных») прав и свобод¹. Оно было подвергнуто справедливой критике² на основании того, что, во-первых, неотчуждаемость прав не исключает конституционной возможности их ограничения, во-вторых, что в конституционном измерении не существует принципиальной разницы между основными и «неосновными» правами и свободами.

Принципиально важны лишь три обстоятельства:

а) ограничения прав и свобод в уголовном наказании не должны касаться «сути личности»;

б) ограничения прав и свобод не должны приводит к ситуации, в которой сами эти права и свободы утрачивают смысл. «В тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания»³;

в) существует прямой конституционный запрет на жестокие или унижающие человеческое достоинство наказания (ч. 2 ст. 21 Конституции РФ).

В остальном государство обладает достаточно широкой свободой усмотрения при решении вопроса о том, ограничение каких прав позиционировать в качестве уголовного наказания. При этом есть все основания распространить на сферу уголовных наказаний правовую позицию Конституционного Суда РФ, сформулированную им при обсуждении проблем административных наказаний: практика законодательного регулирования юридической ответственности, показывает, что перечень видов наказаний не рассматривается как закрытый и может дополняться и

¹ Фирсова А.П. Объект уголовно-правового воздействия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 20 – 21.

² Антипов С.А. Конституционные основы общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012. – С. 95.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова»

уточняться федеральным законодателем, обладающим широкой дискрецией в установлении способствующих наиболее эффективному достижению целей ответственности на том или ином конкретно-историческом этапе развития государства мер реагирования на совершение правонарушений¹.

Надо отметить, что российская Конституция содержит крайне мало предписаний, которые прямо касаются уголовных наказаний. Здесь, по сути, упоминается только два вида наказания: ч. 2 ст. 20 допускает применение смертной казни, а ч. 3 ст. 32 упоминает о наказании в виде лишения свободы. Это формально еще более расширяет дискреционные полномочия законодателя по конструированию видов уголовных наказаний и в известной мере усложняет задачу Конституционного Суда по проверке их конституционности. Так, например:

- формулируя вывод о праве законодателя предусмотреть пожизненное лишение свободы как меру наказания, назначаемую осужденному за преступление по приговору суда, а также порядок и условия исполнения данного вида наказания, Суд ссылаясь на ст. 71 (пункты «в», «о») Конституции РФ во взаимосвязи со ст. 22, ч. 3 ст. 32, ч. 1 ст. 49, ч. 3 ст. 50, которые вовсе не упоминают о данном виде наказания и посвящены общим вопросам компетенции законодателя и прав человека в уголовно-правовой сфере²;

- легитимируя наказание в виде обязательных работ, Суд, ссылаясь на ч. 1 ст. 17, ч. 2 ст. 55 и ч. 1 ст. 37 Конституции РФ, констатировал, что этот вид наказания обеспечивает такое реагирование государства на совершение правонарушений, которое, с одной стороны, не связано с вторжением в

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко».

² Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 230-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 и частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2134-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чуняева Василия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 57 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации».

имущественные права граждан и не влечет лишение правонарушителя свободы, а с другой – не противоречит целям ответственности и не является недопустимым способом принуждения к труду¹;

- в подтверждение обоснованности и возможности закрепления исправительных работ в системе видов уголовных наказаний Суд сослался на положения Конвенции Международной организации труда № 29 от 28 июня 1930 года относительно принудительного или обязательного труда, согласно которой работа, требуемая от лица вследствие приговора и проводимая под надзором и контролем государственных органов, не подпадает под понятие принудительного труда²; а также на компетенцию федерального законодателя, гарантированную п. «в», «о» ст. 71 Конституции РФ, согласно которой он вправе предусмотреть в уголовном законе возможность назначения лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания, не связанного с лишением свободы, в том числе в виде исправительных работ³;

- отказывая в жалобе на неконституционность штрафа, Суд апеллировал к общим принципам уголовного права – справедливости и гуманизма⁴;

- обосновывая наличие в системе наказаний такого вида наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.201 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко».

² Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 132-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Неверова Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 50 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части четвертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 300-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевкунова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 46 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1438-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермоловой Раисы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 46, частью третьей статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

определенной деятельностью, Суд ссылаясь на общие принципы соразмерности правоограничений и разумный сдерживающий потенциал наказания, а также на то, что осужденный временно ограничивается в выборе конкретного рода деятельности, но не лишается возможности заниматься любой иной не запрещенной согласно приговору суда и законодательству РФ деятельностью; на отсутствие неопределенности в вопросе о назначении этого наказания, которое связывается законом со спецификой и социальной значимостью совершенного преступления и личностью виновного¹.

Таким образом, общий посыл Конституционного Суда РФ состоит в том, что **законодатель вправе в предусмотренных Конституцией РФ пределах самостоятельно определять содержание положений уголовного закона, в том числе устанавливать наказуемость конкретных общественно опасных деяний и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления.** Конституция, относя принятие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства к ведению РФ, наделила федерального законодателя полномочием устанавливать меры государственного принуждения в отношении лиц, совершивших преступления, осужденных и подвергаемых по приговору суда наказанию, существо которого, как следует из ч. 1 ст. 43 УК РФ, состоит в предусмотренных данным Кодексом лишении или ограничении прав и свобод. Закрепляя в рамках этого полномочия в законе меры уголовного наказания, федеральный законодатель определяет применительно к осужденным изъятия из прав и свобод в сравнении с остальными гражданами, обусловленные, в том числе, особыми условиями исполнения соответствующего вида наказания.

В сравнительно-правовом аспекте интересно заметить, что конституции зарубежных стран в ряде случаев более детально решают вопросы, связанные с конструированием системы наказаний. Так, например,

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

в ст. 102 Конституции Германии, ст. 85 Конституции Австрии, ст. 114 Конституции Нидерландов, ст. 43 Конституции Венесуэлы устанавливается запрет на применение смертной казни. В ст. 17 Конституции Бельгии, ч. 3 ст. 7 Конституции Греции, ст. 17 Конституции Люксембурга, ст. 12 Конституции Кипра закреплен прямой запрет наказания в виде конфискации имущества, тогда как ст. 59 Конституции Кубы, напротив, предписывает осуществление конфискации имущества как наказания, а ст. XLV Конституции Бразилии допускает распространение этого наказания на наследников в пределах передаваемой им доли. В ст. 50 Конституции Венесуэлы установлено, что никакой акт публичной власти не может устанавливать наказание в виде экстрадиции граждан Венесуэлы с территории Республики. В ст. 30 Конституции Португалии запрещены наказания, лишаящие свободы или ограничивающие ее, если они носят постоянный характер либо установлены на неограниченный или неопределенный срок; а также предписывается, что никакое наказание не может иметь в качестве обязательного последствия утрату каких-либо гражданских, профессиональных или политических прав. В ст. 44 Конституции Венесуэлы установлен запрет на назначение наказания в виде пожизненного заключения или наказаний позорящего характера. В § 5 Главы 2 Конституции Швеции провозглашен запрет телесного наказания; ст. 18 Конституции Люксембурга запрещает клеймение; ст. 18 Конституции Бельгии упраздняет наказание в виде гражданской смерти; п. 3а Конституции Мальты закрепляет, что никакой закон не должен предписывать применение коллективных наказаний.

Понятно, что конституционные тексты различных государств во многом обусловлены культурно-историческим контекстом их разработки и утверждения, а потому их прямое сравнение может быть не вполне корректным. Тем не менее, складывается общее впечатление, что российская Конституция в целом содержит лишь самые общие установки, касающиеся допустимых при конструировании системы уголовных наказаний

ограничений прав и свобод человека. Это обстоятельство обуславливает необходимость разработки общего методологического подхода к решению поставленного вопроса.

Его формирование должно, как представляется, осуществляться одновременных в двух встречных направлениях:

- со стороны конституционного права следует определить права и свободы человека, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть ограничены уголовным наказанием;

- со стороны уголовного права необходимо определить те права и свободы, ограничение которых может оказаться наиболее эффективным в плане достижения целей уголовного наказания.

Не имея возможности дать детальный анализ этих направлений, выскажем в самом общем виде, что, с нашей точки зрения, не подлежат ограничению в качестве уголовного наказания право человека на жизнь, равенство, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, право пользования родным языком, свобода убеждений, совести и вероисповедания, свобода мысли и слова, право на образование, государственную защиту и некоторые иные. Их ограничение, в принципе, может быть конституционно допустимым для защиты иных конституционных ценностей, но в качестве кары за совершенное правонарушение они выступать не могут.

Что касается целесообразных с уголовно-правовой точки зрения, правоограничений, то вполне убедительный ответ на этот вопрос был представлен в российской науке еще в конце XIX века. Н.А. Неклюдов верно писал: «Общежитие дает преступнику три блага: а) сношения с людьми; б) имущество; в) политические права. Только лишение этих благ (свободы, собственности и прав) и может быть признано рациональным в современном периоде общественной жизни, тем более, что эти три наказания,

применяемые порознь или в совокупности, в состоянии вполне осуществить ... цель наказания»¹.

В качестве общих выводов из анализа конституционных характеристик уголовного наказания можно представить следующие положения:

- Уголовное наказание есть форма ограничения прав и свобод. Это относящееся к исключительному ведению и усмотрению федерального законодателя, временное, не подлежащее расширительному толкованию и произвольному применению, «позитивное», подлежащее двойному санкционированию на конституционном и законодательном уровне, соразмерное, пропорциональное, минимально необходимое, адекватное, обладающее свойством правовой определенности и преследующее цели достижения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов, ограничение прав и свобод человека, имеющее такое же естественное происхождение, как сами права и свободы.

- Уголовное наказание есть мера, установленная законом. Первое требование здесь состоит в том, что закон, предусматривающий наказание, должен быть федеральным. Второе требование к закону – его правовая определенность. Проблема определенности возникает в связи с наличием в системе наказаний таких его видов, которые могут быть назначены по усмотрению суда, при отсутствии непосредственного указания на них в санкции статьи Особенной части УК РФ.

3) Целью наказания может выступать только предупреждение преступлений как на уровне угрозы наказанием (со стороны всех граждан, находящихся под юрисдикцией закона), так и на уровне реального применения наказания (со стороны конкретного осужденного лица) в полной мере соответствует конституционным стандартам правоограничений. Цель восстановления социальной справедливости не может легитимировать наказание, поскольку превращает его в демонстрацию справедливого

¹ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права: конспект. – СПб.: Тип. И.П. Меркульева, 1875. – С. 90

воздаяния за проявленную осужденным несправедливость, что не соответствует конституционным стандартам ограничения прав и свобод человека. Цель исправления осужденных также не имеет в России прямых конституционных оснований.

4) Ограничения прав и свобод, составляющие сущность уголовного наказания, определяются именно в уголовном законе и имеют свою специфику. Они не должны касаться «сути личности», не должны приводить к ситуации, в которой сами эти права и свободы утрачивают смысл, не должны быть жестокими или унижать человеческое достоинство. В остальном законодатель вправе самостоятельно устанавливать виды и пределы наказаний. Российская Конституция в целом содержит лишь самые общие установки, касающиеся допустимых при конструировании системы уголовных наказаний ограничений прав и свобод.

§ 3. Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания

Уголовное наказание как ограничение прав и свобод человека и гражданина имеет свои содержательные границы, соблюдение которых обеспечивает его конституционную легитимность. Общая формула этих границ определена в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ посредством принципиальной оговорки относительно того, что ограничение прав и свобод допускается «только в той мере, в какой это необходимо». Это требование в полной мере согласуется с подходом Европейского Суда по правам человека, который исходит из того, что ограничение прав и свобод может быть оправданным лишь в случае, когда оно «было необходимым в демократическом обществе». Толкуя понятие «необходимость», Европейский Суд в своих решениях указал, что само прилагательное «необходимый» не является синонимом терминов «обязательный», «абсолютно необходимый» и «строго необходимый» и не обладает гибкостью таких прилагательных, как

«допустимый», «обычный», «полезный», «разумный» или «желательный», а следовательно, его толкование не может быть слишком жестким или слишком мягким¹; по своему смыслу «необходимый» гораздо ближе к термину «пропорциональный» или «соответствующий какой-либо насущной общественной потребности», «соразмерный преследуемой правомерной цели»². С учетом этого, вопросы необходимости ограничения прав человека, имеющие ярко выраженный культурно-исторический аспект, могут и должны решаться государством самостоятельно в достаточно широких пределах усмотрения.

В сфере уголовного права толкование условия необходимости ограничения прав человека как средства предупреждения преступлений приводит специалистов, прежде всего, к известному выводу о том, что само такое ограничение должно рассматриваться в контексте требований крайней необходимости и восприятию уголовного права в качестве «последнего довода власти» при обеспечении общественного и правового порядка³. Этот подход в полной мере разделяет и Конституционный Суд РФ, который указал в своих решениях, что государство вправе устанавливать уголовную ответственность лишь за те общественно опасные деяния, которые не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств⁴.

Наряду с этим общим посылом, в большей степени обращенным к процессам нормативной криминализации общественно опасных деяний, требование необходимости (крайней необходимости) правоограничений приобретает ряд дополнительных содержательных значений, когда речь

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7.12.1976 Дело «Хендисайд против Соединенного Королевства» [Handyside v. United Kingdom]. (жалоба № 5493/72).

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.03.1988. Дело «Олссон против Швеции» [Olsson v. Sweden]. (жалоба № 10465/83).

³ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – С. 10; Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. – М.: Проспект, 2014. – С. 144.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и октябрьского районного суда города Мурманска».

заходит о конструировании и применении уголовного наказания как одной из допустимых форм ограничения прав и свобод человека. **Само содержание уголовного наказания, как установленное в законе, так и реализуемое в конкретной правоприменительной ситуации, должно отвечать условию «необходимости в демократическом обществе» и «пропорциональности».** Вопрос о необходимости, пропорциональности и достаточности наказания составляет важный элемент уголовно-политической концепции государства, а его решение должно основываться, прежде всего, на конституционных нормах и принципах¹.

В самом общем виде конституционное понимание необходимости и пропорциональности уголовного наказания и иных мер уголовно-правового воздействия сформулировано Конституционным Судом РФ, который подчеркивает: ограничительные нормы должны быть формально определенными, четкими, не допускающими расширительного толкования и произвольного применения; государство при этом должно использовать не чрезмерные, а только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры, чтобы исключить несоразмерное ограничение прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации²; в сфере уголовного права это означает недопущение использования средств

¹ В параграфе использованы материалы ранее опубликованных автором работ: Гузеева О.С. Соразмерность ограничения прав и свобод как условие конституционности наказания // Российское правосудие. – 2022. – № 4. – С. 53 – 72; Гузеева О.С. Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3 (91). – С. 73 – 81; Гузеева О.С. К вопросу о недопустимости кары пределами уголовной ответственности // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 4 (155). – С. 234 – 236.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики»; Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2015 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Л. Алборова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна».

уголовного закона для несоразмерного, избыточного ограничения прав и свобод при применении мер уголовной ответственности¹.

Принцип соразмерности справедливо считается важнейшим элементом глобального конституционализма². В самом общем виде под ним понимается *необходимость умеренного осуществления государственной власти в отношении индивидов и их объединений*, которая, как указал Конституционный Суд РФ, обусловлена «природой Российской Федерации как правового государства»³. В науке к структурным элементам конституционного принципа соразмерности традиционно относят следующие требования: 1) легитимность цели (позволяет оценивать важность публичных целей, ради которых вводятся определенные государственные меры); 2) пригодность используемых государством средств по достижению публичных целей (между выбранными средствами и целью должна быть рациональная связь); 3) необходимость (минимальность), предполагающая оценку и выбор наименее обременительных средств; 4) сбалансированность, или соразмерность, в узком смысле, означающая взвешивание конфликтующих между собой индивидуальных и публичных интересов⁴.

Эти положения сформулированы и развиты Конституционным Судом РФ в целом ряде решений применительно к отдельным компонентам конституционной концепции соразмерности мер уголовно-правового воздействия, систематизации и толкованию которых будет посвящено последующее изложение.

Недопустимость кары пределами уголовной ответственности

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой 12 статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

² См.: Klatt M., Meister M. Verhältnismäßigkeit als universelles Verfassungsprinzip // Der Staat. 2012. Bd. 51. S. 159–188; Sweet A.S., Mathews J. Proportionality balancing and global constitutionalism // Columbia Journal of Transnational Law. 2008. Vol. 47. P. 72–164.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова».

⁴ Должиков А.В. Концепция устойчивого развития и конституционный принцип соразмерности // Петербургский юрист. – 2016. – № 1. – С. 81.

Правоограничения, которые государство вправе применить к лицу, совершившему преступление, должны быть содержательно и в целевом отношении связаны либо с самим фактом совершения правонарушения и в этом смысле выступать в качестве меры ответственности, обоснованной прошлым противоправным поведением, либо с теми рисками, которые порождает виновное лицо, и в этом смысле выступать в качестве превентивных правоограничений, призванных обеспечить безопасность конституционных ценностей. Если какое-либо ограничение прав и свобод применяется к лицу, совершившему преступление, за пределами уголовной ответственности или мер индивидуальной профилактики, только на том основании, что это лицо совершило преступление; если такое правоограничение не преследует, соответственно предупредительных или исправительных целей, и тем более если оно следует вне судебного контроля (автоматически или в административном порядке), оно не может рассматриваться в качестве необходимой и соразмерной меры, даже если предусмотрено федеральным законом.

В практике Конституционного Суда дважды имела место конституционная дисквалификация такого рода нормативных правоограничений.

Так, Конституционный Суд РФ признал несоответствующими Конституции РФ положения ст. 60 ЖК РСФСР, на основании которых граждане лишались права пользования жилым помещением в случае их продолжительного отсутствия по месту жительства, в том числе в связи с приведением в исполнение приговора суда. Суд отметил, что ограничение права пользования жилым помещением может повлечь за собой лишь такие действия нанимателя или членов его семьи, которые сопряжены со злоупотреблением ими своими правами или с невыполнением возложенных на них обязанностей и непосредственно нарушают при этом права и законные интересы других лиц. Временное непроживание лица в жилом помещении, в том числе в связи с осуждением его к лишению свободы, само

по себе не может свидетельствовать о ненадлежащем осуществлении нанимателем своих жилищных прав и обязанностей и служить самостоятельным основанием для лишения права пользования жилым помещением. А потому положение п. 8 ч. 2 ст. 60 ЖК РСФСР, фактически вводящее не предусмотренное уголовным законодательством дополнительное наказание в виде лишения жилплощади, приводит к дискриминации в жилищных правах отдельных категорий граждан по признаку наличия у них судимости и в силу этого нарушает гарантируемый государством принцип равенства прав и свобод человека и гражданина. Дискриминационный характер данной нормы, по мнению Суда, проявлялся еще и в том, что по смыслу, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой, ее реализация не предполагала обязательного, как во всех остальных случаях, судебного порядка признания лица утратившим право пользования жилым помещением. Вследствие этого на практике одинокие граждане, осуждаемые к лишению свободы, автоматически лишались жилищными органами жилых помещений, нанимателями которых они являлись¹.

Вторая ситуация, попавшая в поле зрения Конституционного Суда РФ, связана с проверкой конституционности отдельных положений закона РФ «О вынужденных переселенцах», согласно которым федеральный или территориальный орган миграционной службы лишает лицо статуса вынужденного переселенца в случае, если оно осуждено по вступившему в законную силу приговору суда за совершение преступления. Суд признал, что законодатель вправе установить меры юридической ответственности за нарушение законодательства о вынужденных переселенцах, в том числе за злоупотребление вытекающими из указанного статуса правами. Однако лишение гражданина статуса вынужденного переселенца в случае осуждения его за совершение преступления означает, что государство в одностороннем

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.06.1995 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглоблина, А.Н. Вашука».

порядке отказывается от ранее состоявшегося официального признания гражданина вынужденно покинувшим место жительства и как следствие - от исполнения обусловленных этим статусом обязанностей по обустройству такого гражданина и содействию в восстановлении его прав и законных интересов. Тем самым гражданин утрачивает специальную государственную поддержку, права и гарантии, которые могут быть реализованы им в рамках статуса вынужденного переселенца. Лишение гражданина статуса вынужденного переселенца в связи с осуждением за совершенное преступление, т.е. по признаку наличия судимости, не предусмотрено уголовным законодательством, оформляется решением органа миграционной службы, т.е. применяется в административном порядке, а не в порядке уголовного судопроизводства. По сути, оно выступает в качестве дополнительной меры ответственности, которая применяется за сам факт осуждения лица за совершение преступления. Между тем недопустимо связывать с уголовным осуждением такие правовые последствия, которые по своей сути являются дополнительной карой и при этом выходят за рамки наказания, определенные УК РФ. Таким образом, указал Суд, мера воздействия, предусмотренная пп 1 п. 3 ст. 9 Закона РФ «О вынужденных переселенцах»¹, не соответствует конституционно-правовым критериям справедливости и соразмерности уголовной ответственности, представляет собой чрезмерное ограничение прав граждан - вынужденных переселенцев, а также - применительно к данной категории граждан - нарушает принципы юридического равенства и гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина².

Ключевыми, на наш взгляд, факторами, которые послужили основанием к дисквалификации рассмотренных законоположений, выступили, во-первых, отсутствие связи между установленным

¹ Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 (ред. от 27.12.2018) «О вынужденных переселенцах» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 12. – Ст. 427.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2002 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 3 и абзаца первого пункта 6 статьи 9 Закона Российской Федерации "О вынужденных переселенцах" в связи с жалобой гражданина М.А. Мкртычана».

правоограничением, преступлением и криминальными рисками, а во-вторых, отсутствие связи этих правоограничений как с целями уголовного наказания, так и с целями специальных ограничений прав в жилищном и миграционном законодательстве. Именно эти обстоятельства лишают правоограничения важных качества необходимости и целесообразности, делают, по сути, избыточными, а потому и нелегитимными.

Как только и если не предусмотренные непосредственно в уголовном законе правоограничения демонстрируют наличие таких связей, их конституционность, не будучи априори предустановленной, может быть тем не менее вполне оправданной. Хорошей иллюстрацией, дающей к тому же повод для формулировки некоторых общих выводов, может служить ситуация с ограничением и лишением избирательных прав граждан.

Лишение избирательных прав в течение определенного времени предусматривалось уголовным законом в качестве вида наказания (в Руководящих началах по уголовному праву 1919 года – как лишение политических прав, в УК РСФСР 1922 года – как поражение прав). Общие его признаки к середине прошлого века заключались в том, что такой вид наказания: а) применялся в качестве основного или дополнительного; б) состоял в лишении активного и пассивного избирательного права на срок не свыше пяти лет; в) постановка в суде вопроса о поражении прав была обязательной, если суд выносил приговор к наказанию в виде лишения свободы на срок более одного года¹. Лица, осужденные судом с лишением избирательных прав, указывались и в ст. 139 Конституции СССР 1937 года в качестве лишенных права избирать и быть избранными. В 1958 году этот вид наказания был из УК РСФСР исключен² и вопросы лишения избирательных прав в связи с совершением преступления и осуждением приобрели по преимуществу конституционно-правовой (государственно-правовой), а не

¹ Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постановлений-систематизированных материалов. – М.: Госюриздат, 1950.

² " Закон СССР от 25.12.1958 «Об отмене лишения избирательных прав по суду» // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1. – Ст. 7.

уголовно-правовой характер. Однако закрепленная в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ непосредственная связь лишения избирательных прав с фактом осуждения лица за преступление и последующая конкретизация этой нормы в избирательном законодательстве породили целый ряд серьезных правовых вопросов, связанных в том числе с правовой природой данной меры и ее проверкой на предмет необходимости и достаточности.

После ряда разбирательств в Конституционном Суде РФ и рассмотрением проблемы на уровне Европейского Суда по правам человека к настоящему времени сложился дифференцированный, и как представляется, вполне обоснованный подход к восприятию лишения избирательных прав.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ дают основание исследовать отдельно лишение активного и лишение пассивного избирательного права.

В части лишения активного избирательного права (права избирать) Конституционный Суд РФ, решая вопрос о возможности исполнения решения Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладкой против Российской Федерации»¹ фактически признал (хотя и не указал на это прямо), что лишение права быть избранными в отношении граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, представляет собой ограничение, которое, хотя и установлено на уровне Конституции РФ, по природе своей имеет пенитенциарный характер и составляет часть ограничений, которые связаны с «режимом исполнения уголовного наказания» в виде лишения свободы. Подчеркнем два обстоятельства:

- во-первых, именно с «режимом исполнения», а не с природой самого наказания в виде лишения свободы, поскольку такое ограничение не распространяется на лиц, осужденных к лишению свободы, к которым применены нормы об условном осуждении; в связи с этим Суд указал, что законодатель не лишен возможности оптимизировать систему уголовных

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 «Дело Анчугов и Гладков [Anchugov and Gladkov] против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05).

наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав (речь идет, в частности, об отбывании наказания в колониях-поселениях);

- во-вторых, с режимом исполнения лишения свободы именно как самостоятельного вида наказания, отличающегося по ряду параметров от иных ситуаций лишения свободы по суду (в частности, ареста и ограничения свободы как видов наказаний, содержания под стражей как процессуальной меры и т.д.), то есть лишения свободы не в широком конституционно-правовом, а в узком, уголовно-правовом значении¹.

В части лишения пассивного избирательного права (права быть избранным) ситуация обстоит иным образом. Конституционное положение ч. 3 ст. 32 Конституции РФ получило почти дословное воспроизведение в ч. 3 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² и конкретизировано в его последующих нормах. В частности, в 2012 году законодатель установил, что не имеют права быть избранными «осужденные когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, за исключением случаев, когда в соответствии с новым уголовным законом эти деяния не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями». Это предписание закона было обжаловано гражданами РФ в конституционный Суд РФ. Суд тогда признал следующее. По своей природе ограничение пассивного избирательного права непосредственно не относится к мерам уголовной ответственности, поскольку носит не уголовно-правовой, а конституционно-правовой характер. Оно введено законодателем

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

² Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2020) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

в качестве специального конституционно-правового препятствия для занятия выборных публичных должностей, сопряженного с повышенными требованиями к репутации носителей публичной власти, что обусловлено их прямым участием в принятии правовых актов и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий. Такое ограничение, не указываемое в приговоре в качестве наказания, применяется в силу закона как следующее самому факту осуждения к лишению свободы за совершение предусмотренного уголовным законом деяния определенной категории, и, не будучи уголовным наказанием, тем не менее является общеправовым последствием судимости. В силу этого сроки, на которые вводятся такие ограничения, также должны соответствовать срокам судимости. Но поскольку такое ограничение является «автоматическим» последствием приговора, его соразмерность должна обеспечиваться дифференциацией в зависимости не только от категории преступления, но и от характера и степени его общественной опасности, обстоятельств совершения и личности осужденного. На основании этих аргументов Суд признал оспариваемые положения закона не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой ими установлено бессрочное и недифференцированное ограничение пассивного избирательного права в отношении граждан РФ, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений¹. В последующем, как известно, это решение повлекло существенное изменение правового регулирования рассматриваемого вопроса в части дифференциации оснований и срока лишения пассивного избирательного права.

В данном случае, как видим, ограничения в активном избирательном праве не воспринимаются как часть режима отбывания наказания, но оцениваются как общеправовые последствия судимости, как

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 32 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова»

правоограничения общего характера. Полагаем принципиально важным, что такие ограничения, как следует из толкования Конституционного Суда РФ и действующей редакции закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», не имеют целью снижение криминогенных рисков лица, совершившего преступление. Они подчеркнуто направлены на защиту публичных интересов, связанных с процессом формирования органов власти в демократическом обществе и, соответственно, основания и порядок их установления имеют хотя и дифференцированный, но все же общий характер. Они устанавливаются автоматически в том плане, что не требуют индивидуального решения, но дифференцировано в том плане, что зависят от категории и вида совершенного в прошлом лицом преступления. Вопросы необходимости и соразмерности таких ограничений, в виду их направленности, обсуждаются вне связи с проблемой исправления осужденных, их социальной реабилитации и снижения уровня опасности. Они увязаны с иными критериями, вытекающими из требований защиты демократического режима.

Таким образом, лишение пассивного и активного избирательного права имеют различную правовую природу, а следовательно требуют и различных подходов к оценке их допустимости и пропорциональности. С этой точки зрения стоит критически оценить предложения о возврате лишения пассивного избирательного права в качестве самостоятельного вида в систему уголовных наказаний и наделении всех осужденных активным правом избирать¹. Возврат лишения избирательного права в систему наказания не только увеличит объем судебной нагрузки (что немаловажно), он расширит основания и возможности применения этого вида правоограничений, что не вполне согласуется с гуманистическим курсом современной уголовной политики; а наделение всех осужденных

¹ См. Дуксин П.А. Конституционные ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010.

безусловным и неограниченным правом избирать создаст серьезные угрозы для демократии.

В контексте нашей темы, с учетом рассуждений, представленных в предыдущих параграфах о значительном объеме и самых разных формах ограничения прав лица, совершившего преступление, стоит заметить, что все эти **правоограничения могут быть дифференцированы следующим образом:**

а) находящиеся в пределах уголовной ответственности, которые в свою очередь, распадаются на те, что являются частью наказания (или иных мер) и частью режима исполнения (отбывания) наказания;

б) находящиеся за пределами уголовной ответственности, которые в свою очередь, распадаются на меры профилактики, требующие для своей реализации индивидуализированных решений со стороны правоприменительных органов, и меры безопасности, которые предусматриваются законом в общем порядке, хотя и с соблюдением требованием дифференциации.

Исходя из этого, абсолютно недопустимыми (как в описанных выше случаях лишения жилищных прав и статуса вынужденного переселенца) следует признавать те правоограничения, которые не укладываются в описанную схему, не отвечают различающимся критериям уголовной ответственности, мер профилактики и мер безопасности. За пределами которые установлены этими критериями, любое правоограничение, действительно, становится необоснованной и чрезмерной карой, лишенной конституционного основания.

Дифференциация уголовного наказания

Конституционным условием, соблюдение которого призвано обеспечивать соразмерность и пропорциональность применяемых в отношении преступника мер уголовно-правового воздействия, является надлежащая дифференциация уголовной ответственности. Оставляя за рамками рассуждений проблемы, относящиеся к дифференциации оснований

и видов ответственности, обратимся к вопросам дифференциации принимаемых государством мер, направленных на борьбу с преступлениями. Такая дифференциация является многоступенчатой правовой программой, охватывающей решения на законотворческом (собственно «дифференциация») и правоприменительном (в традиционном изложении – «индивидуализация») уровнях. Законодатель: (а) конструирует различные виды наказаний с различным объемом и видом правоограничений; (б) конструирует различающиеся между собой и альтернативные санкции; (в) определяет критерии, позволяющие суду индивидуализировать уголовное наказание. Эта программа предписывается конституционными требованиями справедливости и гуманизма.

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался на этот счет. Его правовые позиции состоят в следующем:

- Разрешение вопроса о размере санкций за предусмотренные УК РФ преступления является прерогативой федерального законодателя¹. При этом должна обеспечиваться соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Соответственно, федеральный законодатель, определяя уголовно-правовые последствия совершения преступления, дифференцирует их в зависимости от общественной опасности содеянного²;

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

² Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 998-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куликова Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 № 2550-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашова Дениса Игоревича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131, статьями 132 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также Административным регламентом исполнения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной функции по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1540-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мизяева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 6 и частью третьей статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1995-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

- Конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ принципам справедливости и гуманизма противоречило бы законодательное установление уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего преступление лица, и применение одинаковых мер ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без учета фактора интенсивности участия конкретного лица в преступлении, его поведения после совершения преступления и после отбытия наказания, если таковое уже назначалось ранее, иных характеризующих личность обстоятельств¹;

- Конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения²;

- Применение одинаковых мер уголовной ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без надлежащего учета характеризующих обвиняемого обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному

жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и частью второй статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 393-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью пятой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2002 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"».

запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ идеям справедливости и гуманизма¹;

- В случаях, когда предусматриваемые уголовным законом меры перестают соответствовать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, федеральный законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями, соблюдая при этом конституционные принципы равенства и справедливости и обеспечивая баланс конституционно значимых целей и ценностей².

Дифференциация уголовной ответственности и уголовного наказания, предполагающая градацию их объемов по отношению к лицам, совершившим преступления, по определению вторгается в область правового регулирования, заданную принципом юридического равенства. Конституционный Суд РФ подчеркивал: «любая дифференциация, приводящая к различиям в правах граждан в той или иной сфере правового регулирования, должна отвечать требованиям Конституции РФ, вытекающим из универсального принципа юридического равенства, в силу которого такие различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а для достижения этих целей используются соразмерные правовые средства»³.

Натяжение между равенством и дифференциацией создает весьма обширное правовое поле, в пространстве которого расположен ряд значимых проблем, уже привлекавших внимание Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

² Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 805-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда».

Так, в практике Конституционного Суда РФ была предпринята попытка оспорить положения ст. 53 и 53.1 УК РФ, поскольку они не применяются к военнослужащим и тем самым ограничивают выбор наказаний в санкции, ставя осужденных военнослужащих в дискриминационное положение по сравнению с иными гражданами. Суд тогда указал: поскольку оспариваемые законоположения в системе уголовно-правового регулирования направлены на реализацию принципов законности, вины, справедливости и гуманизма, являются частью механизма достижения целей наказания и тем самым позволяют обеспечить дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию средств уголовно-правового воздействия на лицо, виновное в совершении преступления, с учетом степени общественной опасности преступного деяния, личности виновного и иных обстоятельств, постольку эти нормы не могут рассматриваться как нарушающие права и свободы человека¹.

Однако наиболее ярким и содержательным в аспекте обеспечения баланса между требованиями дифференциации и равенства стало обсуждение проблемы неприменения к отдельным категориям граждан наказания в виде пожизненного лишения свободы. В силу положений ч. 2 ст. 57 УК РФ этот вид наказания не может назначаться несовершеннолетним, женщинам, а также мужчинам, достигшим 65-летнего возраста.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно признавал неприемлемыми жалобы граждан на предполагаемое нарушение принципа равенства положениями ч. 2 ст. 57 УК РФ, указывая что оспариваемое законодательное решение, обеспечивающее дифференциацию уголовной ответственности, не может рассматриваться как несовместимое с конституционными принципами и нормами и нарушающее гарантируемые Конституцией РФ права и свободы граждан, что запрет назначать пожизненное лишение свободы перечисленным в ней категориям лиц

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 862-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткаченко Павла Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 53 и частью седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

основывается на вытекающей из принципов справедливости и гуманизма необходимости учета в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей различных категорий лиц в целях обеспечения более полного и эффективного решения задач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве¹. Такое толкование распространялось им и на положения ч. 2 ст. 59 УК РФ, устанавливающие запрет на применение смертной казни к отдельным категориям осужденных, поскольку такой запрет обусловлен необходимостью учета в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей таких лиц в целях более полного и эффективного решения задач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве².

Эта позиция Конституционного Суда РФ тщательно была проанализирована и поддержана Европейским Судом по правам человека³, который, прежде всего, указал, что различие в обращении является

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 466-О «По жалобе гражданина Герасимова Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статьями 57 и 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1998 года о его помиловании»; Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голотина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 638-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горлова Игоря Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также его ходатайства о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П»; Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 898-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купцова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1382-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плюхи Альберта Олеговича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1925-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебецкого Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1428-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цурова Адама Муссаевича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь»; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова»

³ Решение Европейского Суда по правам человека от 13.05.2014 «Дело Аслан Хамтоху и Артем Аксенчик [Aslan Khamtokhu and Artyom Aksenchik] против Российской Федерации» (жалобы № 60367/08 и 961/11); Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.01.2017 «Дело Хамтоху и Аксенчик [Aslan Khamtokhu and Artyom Aksenchik] против Российской Федерации» (жалобы № 60367/08 и 961/11).

дискриминационным, если оно не имеет объективного и разумного оправдания, иными словами, если это обращение не преследует законную цель или если отсутствует разумное отношение пропорциональности между применяемыми средствами и целью, которую требуется достичь. Далее последовательно Суд рассмотрел вопросы «объективности и разумности» изъятия несовершеннолетних, лиц старше 65 лет и женщин из сферы действия положений закона о пожизненном лишении свободы и пришел к следующим выводам:

- нормативное освобождение несовершеннолетних от пожизненного лишения свободы является обычным для правовых систем всех государств-участников Конвенции 1950 года без исключения, а его цель заключается в облегчении реабилитации несовершеннолетних преступников;

- пожизненное лишение свободы совместимо с предписаниями Европейской Конвенции, только если имеются перспектива освобождения и возможность пересмотра приговора, а потому смягчаемость пожизненного лишения свободы имеет существенное значение для пожилых преступников, чтобы эти перспективы не стали простой иллюзией возможности;

- существует публичный интерес в освобождении женщин-преступниц от пожизненного лишения свободы в порядке общего правила.

Таким образом, Суд констатировал: представляется затруднительным критиковать законодателя РФ за установление способом, отражающим развитие общества в этой сфере, освобождения определенных групп преступников от пожизненного лишения свободы. Данное освобождение представляет, судя по всему, социальный прогресс в пенологических вопросах и не нарушает применимое международное право.

Стоит отметить, что в уголовно-правовой литературе и до, и после соответствующих решений национального и международного суда, высказываются суждения о необходимости распространения положений о пожизненном лишении свободы и смертной казни на женщин в возрасте 18 –

65 лет¹. Формулируются и иные оригинальные суждения: от нормативного ограничения максимально возможного срока наказания в виде лишения свободы для женщин 15 годами² до распространения на мужчин, имеющих детей, ограничительных предписаний ст. 49, 50, 53 УК РФ³. Не имея возможности детально исследовать эти вопросы, отметим, что основной аргумент в авторских рекомендациях сводится к изолированному толкованию либо принципа гуманизма, либо принципа равенства. Такой подход заведомо не отвечает конституционным требованиям. Дифференциация ответственности основывается на одновременном соблюдении этих принципов, на основе баланса между ними. В этом ее принципиальное отличие, в частности, от индивидуализации наказания, в рамках которой суд не лишен возможности аргументировать различия в наказании преступников приоритетным действием какого-либо одного принципа, например, гуманизма (что объясняет традиционно более мягкое уголовное наказание, применяемое в отношении женщин по сравнению с наказанием мужчин) или справедливости (что детерминирует, например, более суровые наказания, применяемые в отношении лиц, имеющих устойчивую антиобщественную направленность в поведении).

Соразмерность наказания

Нормативная дифференциация ответственности подчинена цели и вместе с тем создает необходимые условия для обеспечения соразмерности уголовного наказания совершенному преступлению. Эта соразмерность, как и любой аспект, относящийся к наказанию, должна проявляться на уровне закона и на уровне правоприменения. При этом очевидно, что **практика индивидуализации наказания в аспекте соразмерности и пропорциональности назначенной судом меры ответственности**

¹ См., например: Дибиров М.Г. Привилегии в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015; Асланян С.Г. Обеспечение гендерного равенства посредством уголовно-правовых норм: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2019.

² Тащилин М.Т. Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2003. – С. 42.

³ Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 18.

конкретному лицу за конкретное преступление сама по себе не подлежит конституционному контролю. Это обстоятельство отмечено в упомянутом постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Хамтоху и Аксенчик против Российской Федерации»: вопросы целесообразности применения наказаний в принципе не относятся к сфере действия Конвенции 1950 года, а в задачу Европейского Суда не входит определение того, какой срок лишения свободы применим за конкретное преступление. На этой же позиции обоснованно стоит и Конституционный Суд РФ, отмечая в своих многочисленных определениях, что вопросы проверки правоприменительных решений с точки зрения обоснованности назначенных судом мер воздействия в отношении преступников не входят в пределы его компетенции.

Другое дело – практика определения возможных уголовных наказаний за преступление на уровне закона. Здесь складывается весьма непростая ситуация. С одной стороны, и это уже отмечалось, Конституционный Суд РФ признает, что вопросы конструирования санкций за то или иное преступление относятся к исключительной компетенции федерального законодателя, который обладает весьма широкой свободой усмотрения в определении того, какое именно наказание в наилучшей степени обеспечит предупреждение таких преступлений и исправление виновных лиц. С другой стороны, конституционное требование «необходимости» и «пропорциональности» любых правоограничений позволяет Конституционному Суду разрабатывать критерии соразмерности уголовных наказаний в качестве обращенных к законодателю конституционных требований уголовно-правового регулирования, на этой основе решать вопросы о том, насколько та или иная санкция этим требованиям соответствует.

В конституционно-правовых исследованиях соблюдение принципа соразмерности правоограничений связывается с проверкой следующих требований: 1) пригодность правового ограничения (связана с проверкой принципиальной возможности достижения желаемой цели посредством

применения конкретного правового ограничения прав и свобод); 2) минимальность правового ограничения (связана с наличием альтернативных средств, которые менее обременительны для ограничиваемых конституционных прав и свобод человека и гражданина); 3) сбалансированность правового ограничения (связана с противопоставлением индивидуальных ценностей ценностям публичным по их важности и значению)¹.

В своих решениях Конституционный Суд РФ сформулировал несколько важных правовых позиций на этот счет:

- недопустимо избыточное государственное принуждение, не адекватное тому вреду, который причинен в результате правонарушения, и нарушающее баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств²;

- характер и содержание устанавливаемых уголовным законом мер должны определяться исходя не только из их обусловленности целями защиты конституционно значимых ценностей, но и из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого эти меры применяются) тому вреду, который был причинен в результате преступных деяний³;

¹ Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2006. – С. 9.

² Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 805-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной»; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2009 № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской

- требование адекватности последствий не исключает учета при их конструировании конституционно оправданной целесообразности и учета фактического состояния общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан¹.

Эти правовые позиции Конституционного суда РФ конкретизируют в сфере уголовного права общие конституционные требования и в этом смысле компенсируют отсутствие в Конституции РФ прямых указаний по рассматриваемому поводу. В этом отношении интересно отметить, что в конституционных актах некоторых зарубежных стран требование соразмерности и пропорциональности выражено непосредственно. Так, принятый парламентом Англии в 1689 году Билль о правах предписывает: «не допускается требование чрезмерных залогов, ни наложение чрезмерных штрафов или жестоких и необычайных наказаний». Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года в ст. 8 провозгласила: «Закон должен устанавливать лишь строго и бесспорно необходимые наказания». В ч. 3 ст. 12 Конституции Кипра закреплено: «Закон не может предусматривать наказание, не соответствующее тяжести преступления». В Конституции Португалии отдельная статья (ст. 30) именуется «Пределы наказаний и мер пресечения». В ней установлено: «1. Запрещены наказания и меры пресечения, лишаящие свободы или ограничивающие ее, если они носят постоянный характер либо установлены на неограниченный или неопределенный срок. 3. Наказание осуществляется в строго индивидуальном порядке. 4. Никакое наказание не может иметь в качестве обязательного последствия утрату каких-либо гражданских, профессиональных или политических прав. 5. Осужденные, которым назначено наказание или мера пресечения, в результате чего они лишены

Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова».

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

свободы, сохраняют основные права, хотя и с ограничениями, вытекающими из смысла приговора и из требований, связанных с его исполнением».

Но даже эти, более конкретизированные, по сравнению с российской Конституцией, а потому и более привлекательные, положения, касающиеся соразмерности наказания, также нуждаются в истолковании и переводе на более прикладной уровень уголовно-правовых рассуждений и рекомендаций. Это крайне сложная задача. А по мнению некоторых авторитетных специалистов и вовсе неразрешимая. Так, в своем Особом мнении по одному из постановлений Конституционного Суда РФ судья К.В. Арановский признал: «Что касается несоразмерности наказания мере общественной опасности деяния, то саму эту меру в конституционном правосудии нельзя уверенно и общим образом определить. Для этого нет метрической шкалы, условных единиц криминальной опасности. ... Общую, нормативно выраженную соразмерность или несоразмерность наказания преступлению можно предполагать, но вряд ли – доказать с проверяемой точностью. А это значит, что судебное исследование в этой части можно завершить не более чем советом заново обдумать и обсудить уголовный закон в законодательной процедуре»¹.

Тем не менее, в отдельных случаях Конституционный Суд РФ брал на себя ответственность в обосновании несоразмерности предусмотренных законом наказаний характеру и степени общественной опасности правонарушений.

Так, Конституционный Суд РФ признал положение ч. 3 ст. 18.8 КоАП РФ, предусматривающее обязательное применение к иностранным гражданам и лицам без гражданства, нарушившим миграционные правила, установленные в п. 6 ст. 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», такого наказания как выдворение за пределы РФ, не соответствующим Конституции РФ в той

¹ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановского по постановлению Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

мере, в какой закон не допускает возможности отказа от назначения административного наказания в этой части даже в том случае, когда суд придет к выводу, что административное выдворение за пределы РФ, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в РФ, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания¹.

В другой ситуации Конституционный Суд РФ признал несоответствующими Конституции РФ положения ч. 1 ст. 19.34 КоАП, в той части, в которой ею устанавливается нижняя граница административного штрафа для должностных лиц в сумме ста тысяч рублей, а для юридических лиц – в сумме трехсот тысяч рублей, притом что применение штрафа предусматривается на безальтернативной основе. Суд указал, что недостатки данной нормы не были бы сопряжены с риском неконституционных издержек, если бы закрепление высоких минимальных размеров административных штрафов сопровождалось установлением более мягких альтернативных административных наказаний, возможностью назначения административного наказания ниже низшего предела, освобождением от административной ответственности или от административного наказания, а также иными законодательными решениями, предоставляющими органам административной юрисдикции действенные средства для справедливого и пропорционального реагирования на совершенное административно-противоправное деяние. Однако поскольку подобные возможности КоАП РФ не предусмотрены, это не исключает превращения административных штрафов, имеющих значительные минимальные размеры, из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, в инструмент чрезмерного ограничения права собственности физических и юридических лиц, несовместимого с

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации", частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана».

конституционной природой административного принуждения в правовом государстве¹.

И хотя цитированные решения относятся к административно-деликатному праву, они в полной мере сохраняют свое значение и для иных норм, предусматривающих публично-правовую ответственность, в том числе уголовно-правовых. При этом заметим, что вопрос о чрезмерности наказания, установленного в санкции соответствующих статей КоАП РФ, обсуждался Конституционным Судом РФ не на основе изолированной оценки санкции и соответствия наказания правонарушению и личности виновного. Он обсуждался сквозь призму предусмотренных в законе правил назначения наказания и специфики юридико-технического строения санкции. Положения КоАП РФ были признаны несоответствующими целям административной ответственности и конституционным гарантиям прав граждан не потому что предусматривали наказания в виде административного выдворения или высокий размер административного штрафа. Сам по себе этот параметр санкции Конституционным Судом даже не обсуждался. Но тот факт, что одно наказание устанавливалось в законе в качестве безусловно обязательного, а при назначении другого суд был лишен возможности выйти за нижнюю границу наказания, вызвало неодобрение со стороны органа конституционной юстиции. Надо сказать, что с этой точки зрения положения

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева».

Аналогичный подход был реализован Конституционным Судом РФ и при оценке отдельных положений гражданского законодательства. «Отсутствие у суда правомочия при наличии определенных обстоятельств снижать размер компенсации за однократное неправомерное использование нескольких результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации ниже установленных законом пределов может привести - вопреки конституционным требованиям справедливости и равенства - к явной несоразмерности налагаемой на ответчика имущественной санкции ущерба, причиненному правообладателю, и тем самым - к нарушению баланса их прав и законных интересов, которые защищаются статьями 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и соблюдение которых гарантируется основанными на этих статьях принципами гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности», см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края».

собственно уголовного закона защищены от критики, так как даже в тех случаях, когда санкция Особенной части УК РФ предусматривает обязательное назначение дополнительного наказания, даже если с учетом установленных в Общей части ограничений относительно отдельных видов наказаний, санкция, которая должна быть применена к подсудимому, превращается фактически в безальтернативную, у суда в уголовном судопроизводстве всегда есть значимый резерв в виде положений ст. 64 УК РФ, позволяющий обеспечить надлежащий уровень индивидуализации наказания, соразмерного конкретной правоприменительной ситуации.

Однако это вовсе не исключает того, что соразмерность санкций уголовного закона не может быть оспорена с точки зрения ее соразмерности общественной опасности преступления. В практике Конституционного Суда РФ имеет место два знаковых решения на этот счет.

Первое связано с проверкой конституционности положений ст. 212.1 УК РФ, санкция которой, среди прочих наказаний, предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет. Конституционный Суд РФ признал, что при наличии альтернативных видов наказания и предусмотренных УК РФ правил индивидуализации наказания, включение в санкцию статьи 212.1 УК РФ лишения свободы нельзя рассматривать как не согласующееся с требованиями дифференциации уголовной ответственности. Вместе с тем, Суд, как представляется, пошел на беспрецедентный шаг, и провел сравнение диспозиции ст. 212.1 УК РФ с иными нормами, устанавливающими ответственность за преступления средней тяжести, и сравнение санкции ст. 212.1 УК РФ с санкциями иных норм, устанавливающих ответственность за деяния с административной преюдицией. И на основе этого сравнения, подчеркнем, без конституционной дисквалификации ст. 212.1 УК РФ, сформулировал фактически особые правила назначения лишения свободы по данной статье закона:

- решая вопрос об уголовном наказании лица, совершившего преступление, предусмотренное статьей 212.1 УК РФ, суды обязаны

основываться исключительно на оценке общественной опасности и противоправности соответствующего деяния, которая не может быть поставлена в зависимость от отношения этого лица – негативного (критического) или позитивного (одобрительного) – к принимаемым органами публичной власти решениям и проводимой ими политике;

- избрание вида уголовного наказания и определение его размера должны быть обусловлены реальной степенью общественной опасности совершенного деяния, что не подразумевает применение лишения свободы в случаях, когда нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия не было сопряжено с утратой им мирного характера, или с причинением либо реальной угрозой причинения существенного вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям.

Иное решение вопроса о назначении лишения свободы за преступление, предусмотренное ст. 212. УК РФ, означало бы, по мнению Конституционного Суда РФ, несоблюдение вытекающих из ч. 1, ч. 2 ст. 19 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ требований необходимости, соразмерности и справедливости, предъявляемых к ограничению прав и свобод человека и гражданина и обращенных, согласно ст. 18 Конституции РФ, не только к федеральному законодателю, но и ко всем правоприменителям, в том числе к судам¹.

Второе дело, в котором обсуждался вопрос об адекватности санкции общественной опасности преступления, касалось ст. 159.4 УК РФ, устанавливающей за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности более мягкое наказание, нежели за «обычное» мошенничество. Суд констатировал: положения ст. 159.4 УК РФ не соответствуют

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

Конституции РФ в той мере, в какой они устанавливают за предусмотренное данной статьей преступление, если оно совершено в особо крупном размере, наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, что в системе уголовно-правовых норм позволяет отнести данное преступление к категории преступлений средней тяжести, в то время как за совершенное также в особо крупном размере такое же деяние, ответственность за которое без определения его специфики по субъекту и способу совершения предусмотрена общей нормой ст. 159 УК РФ, установлено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет, предусмотренный для преступлений, относящихся к категории тяжких, притом что применительно к наступлению уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ особо крупным размером похищенного признается существенно меньший, нежели по ст. 159.4 данного Кодекса¹.

Представляется важным подчеркнуть, что в отличие от постановления, посвященного ст. 212.1 УК РФ, где со ссылками на ст. 19 и ст. 55 Конституции РФ, санкция была оправдана, в постановлении, посвященном ст. 159.4 УК РФ, Конституционный Суд РФ дисквалифицировал обжалуемую норму дополнительно ссылками на ч. 1 ст. 46 Конституции, гарантирующей каждому право на судебную защиту.

Недопустимость жестокого и бесчеловечного наказания

Запрет на негуманное обращение и наказание прямо установлен Конституцией РФ (ч. 2 ст. 21), конституционными актами многих зарубежных государств и международным правом (ст. 2 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года²).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1984.

Право на защиту от пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания носит абсолютный характер, поскольку в силу всех закрепляющих его международно-правовых норм не может быть отменено ни при каких обстоятельствах. При обеспечении этого права государства обладают существенно меньшими возможностями усмотрения, нежели при обеспечении права на справедливое наказание. В силу этого вопросы соответствия наказания требованиям справедливости и запрету жестокости и бесчеловечности всегда рассматриваются отдельно. При этом **признание наказания несоизмеримым не предполагает вывода о его жестокости, в то время как признание наказания жестоким избавляет от исследования вопроса о его соразмерности; хотя в редких случаях явная непропорциональность и может быть оценена как жестокость**, что подтвердил Европейский Суд по правам человека в одном из своих решений¹. Учитывая это обстоятельство, а также тот факт, что требования соразмерности и нежестокости имеют прямое и непосредственное отношение к конструированию наказания и иных мер уголовно-правового характера, полагаем уместным провести исследование проблем жестокости наказания в настоящей части работы.

Понятие жестокости и бесчеловечности весьма сложное для определения², учитывая, что содержательно связанные с ним понятия «боль» и «страдания» являются неотъемлемой частью любого законного наказания. Не случайно Н. Кристи именует наказание «намеренным причинением боли»³, а Конвенция против пыток сделала принципиальную оговорку относительно того, что в понятие пыток и жестокого наказания «не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 9.07.2013. «Дело Винтер и другие против Соединенного Королевства [Vinter and Others v. United Kingdom]» (жалобы № 66069/09, 130/10 и 3896/10).

² См. попытку его доктринального определения: Лосицкая Л.К. Международно-правовое сотрудничество в сфере борьбы с пытками и жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 8.

³ Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я.И. Гилинского. – СПб.: Алетейя, 2011.

законных санкций, неотделимы от этих санкций». Сложность определения состоит также в том, что:

- во-первых, жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение и наказание представляет собой оценочное понятие, которое конкретизируется в индивидуальном юридическом деле правоприменителем¹, его анализ и формулировки *in abstracto* весьма затруднительны;

- во-вторых, границы жестокости и бесчеловечности имеют выраженный культурно-исторический контекст и существенно меняются от одной страны к другой, от одной исторической эпохи к последующей, в связи с чем само понятие жестокости и релятивно, и изменчиво;

- в-третьих, конституционные и международные акты устанавливают единые требования «нежестокости и человечности» по отношению и к наказанию, и к обращению, в то время как само наказание и обращение – это различающиеся понятия, что ставит вопрос об объеме понятия именно «жестокое и бесчеловечное наказание».

Однако эти обстоятельства не являются непреодолимыми препятствиями для того, чтобы сформулировать некоторые наиболее общие и общепринятые на сегодняшний день тезисы, соблюдение которых призвано гарантировать соответствие наказательной системы конституционным и международно-правовым актам.

Прежде всего заметим, что в практике Европейского Суда по правам человека не проводится принципиальных различий между жестоким обращением и жестоким наказанием². Однако такая недифференциация касается лишь содержательной части понятий «жестокое» и «бесчеловечное», а также критериев их установления. Для понимания и развития уголовного права эти различия тем не менее, важны. **Жестокое и**

¹ Гончаренко В.Д. Право человека на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: Теоретико-правовые аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999. – С. 8.

² Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл, Уорбрик. – М.: Развитие правовых систем, 2016. – С. 344.

бесчеловечное обращение с наказанным не предполагает с необходимостью, что само наказание является жестоким и бесчеловечным. Показательной и классической иллюстрацией здесь может служить одно их наиболее распространенных и общепризнанных наказаний – лишение свободы. Само по себе лишение свободы, причем в различных его формах – от более мягких в виде ограничения свободы, предусмотренного ст. 53 УК РФ, до наиболее суровых в виде заключения в тюрьму (ст. 56, 58 УК РФ) или пожизненного лишения свободы (ст. 57 УК РФ) – не признается жестоким, бесчеловечным, унижающим человеческое достоинство наказанием. Однако условия отбывания этого наказания могут свидетельствовать о том, что обращение с осужденным имеет характер жестокости и пытки¹.

Что касается непосредственно наказаний, то существует ограниченное число решений Европейского Суда по правам человека, в которых признаки жестокости, бесчеловечности, унижающего достоинства были прямо установлены.

Ряд решений касался дисциплинарной практики наказаний. Так, в деле «Чембер против России» суд установил признаки бесчеловечного наказания. В этом деле солдата за плохую уборку в военных казармах заставили приседать 350 раз, хотя было известно об имеющихся у него проблемах с коленом. Заявитель упал от слабости, его госпитализировали и впоследствии он был демобилизован с военной службы по медицинским показаниям, с присвоением ему группы инвалидности, поскольку он не мог более нормально ходить². Унижающей человеческое достоинство признается ряде случаев практика телесных наказаний. Они могут быть представлены

¹ Систематизированную информацию относительно оценки условий отбывания наказания в виде лишения свободы с позиций соблюдения требования запрета пытки см.: Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению и наказанию (по состоянию на 1 декабря 2018 г.). Подготовлено Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 03.07.2008. Дело «Чембер против Российской Федерации [Chember v. Russia]» (жалоба № 7188/03).

телесными наказаниями детей в учебных заведениях¹, наказаниями, которые применяются в порядке судебного решения в ряде государств², наказаниями лиц, содержащихся под стражей, в качестве дисциплинарной меры. Во всех этих случаях физическая сила применяется намеренно в отношении какого-то лица, с тем чтобы причинить ему острую боль. Поэтому телесные наказания без каких-либо исключений должны рассматриваться наравне с жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинством наказанием или пыткой в нарушение норм международных договоров и обычного права³.

В сфере собственного уголовных наказаний (в частности, предусмотренных действующим УК РФ) есть два момента, которые оцениваются с позиций жестокости и бесчеловечности.

Первый связан с наказанием в виде пожизненного лишения свободы. Сам по себе этот вид наказания, как уже отмечалось в предыдущем изложении, не вызывает сомнений в собственной легитимности. Однако в деле «Кафкарис против Кипра», а также в ряде последующих решений⁴ Европейский Суд по правам человека признал, что пожизненное лишение свободы без какой-либо перспективы досрочного освобождения, как «неснижаемое наказание», «наказание на всю жизнь без изменений» достигает стандартов жестокости. В обоснование своей позиции Европейский суд сослался также на задачи, которые стоят перед наказанием и пенитенциарной практикой, а также на основания пожизненного лишения свободы. В деле «Винтер против Соединенного Королевства» он указал, в частности, что заключенный не может быть изолирован, если нет обоснованных психологических оснований для этой изоляции. Эти основания

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.03.1993. Дело «Костелло-Робертс против Соединенного Королевства [Costello-Roberts v. United Kingdom]» (жалоба № 13134/87).

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.04.1978. Дело «Тайрер против Соединенного Королевства [Tyger v. United Kingdom]» (жалоба № 5856/72); Постановление Европейского Суда по правам человека от 11.07.2000. дело «Джабари против Турции [Jabari v. Turkey]». (жалоба № 40035/98).

³ Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания (пункт 63). Размещен 9.02.2010. A/HRC/13/39.

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 12.02.2008. Дело «Кафкарис против Кипра [Kafkaris v. Cyprus]» (жалоба № 21906/04); Постановление Европейского Суда по правам человека от 9.07.2013. «Дело Винтер и другие против Соединенного Королевства [Vinter and Others v. United Kingdom]» (жалобы № 66069/09, 130/10 и 3896/10).

будут включать в себя наказание, сдерживание, обеспечение общественной безопасности и исправление. Многие из этих оснований будут присутствовать в момент, когда пожизненный приговор выносится. Тем не менее, баланс между этими обоснованиями изоляции не обязательно статичен и может измениться в ходе отбывания наказания. То, что может быть главным обоснованием для задержания вначале, может не быть таковым после длительного периода отбывания наказания. Только путем проведения пересмотра обоснованности продолжения изоляции в надлежащий момент отбывания наказания эти факторы или изменения могут быть должным образом оценены. Следовательно, когда внутригосударственное законодательство не предусматривает наличия какого-либо механизма или возможности пересмотра пожизненного заключения, несовместимость со статьей 3 Европейской конвенции на этой основе возникает уже в момент назначения пожизненного наказания в виде лишения свободы, а не на более позднем этапе лишения свободы.

Второй момент, касающийся жестоких и бесчеловечных наказаний, касается смертной казни. Значительный массив источников по этой теме избавляет нас от необходимости детального анализа смертной казни как таковой. Отметим только несколько значимых в контексте нашей темы обстоятельств.

Смертная казнь как вид наказания прямо предусматривается в ст. 20 Конституции РФ в качестве временной («вплоть до ее отмены») меры, что создает неоспоримые конституционные основания наличия этого наказания в системе наказаний в УК РФ. Вместе с тем, в силу сформулированных Конституционным Судом правовых позиций, назначение и исполнение смертной казни невозможно, причем как в настоящий момент, так и на будущее. Важно, что формулируя эту позицию, Конституционный Суд РФ не обсуждал вопроса о конституционности самой смертной казни как по причине ее непосредственного упоминания в Конституции РФ, так и по причине того, что вопрос о конституционности данной меры перед ним не

ставился. В основе правовой позиции Конституционного Суда лежало две группы обстоятельств. Первоначальная была связана с необходимостью соблюдения конституционного принципа равенства и обеспечением всем обвиняемым, которым может быть назначена смертная казнь, права на рассмотрение их уголовного дела судом с участием присяжных заседателей¹. В последующем Конституционный Суд РФ обратился к вопросу о роли и месте международных документов, в том числе подписанных, но не ратифицированных Россией, в системе ее правового порядка, а также к вопросу о соблюдении международных обязательств страны, и констатировал, что с учетом состояния правовых норм и практики их применения, в России сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни².

Для российского правопорядка, в принципе, этих установлений, отражающих по преимуществу процессуальный аспект смертной казни и исполнения международных обязательств, достаточно, чтобы по факту делегитимировать смертную казнь. В международном праве, которое выступает в рассматриваемом случае источником российских правовых норм, дело обстояло сложнее. Здесь имела место существенная эволюция содержательного отношения к смертной казни, развивалось его материально-правовое понимание именно как жестокого и бесчеловечного наказания. Итогом этой эволюции стало Постановление Европейского Суда по правам

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях" в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан».

² Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях».

человека по делу Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства, в котором Суд констатировал: смертную казнь, которая подразумевает преднамеренное и умышленное лишение человека жизни органами государственной власти и причиняет физическую боль и сильные душевные страдания, вызванные осознанием скорого наступления смерти, надлежит квалифицировать как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3 Конвенции 1950 года¹. В последующем это мнение было неоднократно подтверждено. Поскольку казнь по судебному приговору предусматривает сознательное и преднамеренное лишение человека жизни государственными органами власти; поскольку каким бы ни был способ казни, лишение жизни предполагает причинение физической боли; поскольку знание того, что ты будешь казнен государством, должно неизбежно причинять сильные психологические страдания; поскольку в европейских странах сложился консенсус относительно недопустимости применения смертной казни и эволюционное толкование права на жизнь, исключаящее допустимость применения смертной казни в любых обстоятельствах, постольку применение смертной казни должно рассматриваться в качестве неприемлемой формы наказания².

Представленные решения Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, таким образом, вполне отчетливо очерчивают сложившийся на сегодняшний день консенсус относительно жестоких, бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство наказаний, безусловно относя к таковым телесные наказания, пожизненное лишение свободы без права досрочного освобождения и смертную казнь.

Подводя итог исследованию вопроса о соразмерности уголовного наказания в аспекте предъявляемых к нему конституционных требований, можно констатировать, что обладая весьма широким полем усмотрения в

¹ Постановлении Европейского Суда по правам человека от 02.03.2010. Дело «Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства [Al-Saadoon и Mufdhi v. United Kingdom] (жалоба № 61498/08).

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 29.10.2015. Дело «А.Л. (Кс.У.) против России [A.L. (KsU) v. Russia]» (жалоба № 44095/14).

обеспечении соразмерности и пропорциональности наказания, государство тем не менее, связано рядом принципов и обязательств, соблюдение которых обеспечивает формальную и содержательную легитимность применяемых им мер уголовно-правового характера. Среди них важное место занимают: запрет жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов наказаний; ограничение карательного воздействия на лицо совершившее преступление, исключительно рамками уголовной ответственности; дифференциация уголовного наказания и правил его назначения; пропорциональность установленного и назначенного наказания основаниям применения мер уголовной ответственности и его способность обеспечить достижение целей уголовно-правового воздействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование актуальных проблем процесса конституционализации уголовного права позволило сформулировать ряд теоретических выводов и прикладных рекомендаций.

Теоретические выводы

1) Конституционализация уголовного права представляет собой подверженный динамичному влиянию эволюции общества, государства, права и конституционных ценностей, процесс воплощения в уголовном праве актуальных конституционных стандартов взаимоотношения государства и личности в сфере регулирования уголовно-правовых отношений, цель которого состоит в достижении оптимального баланса ценностей свободы и безопасности в процессе противодействия преступности.

2) Общий механизм конституционализации, предопределенный принципом разделения властей, презумпцией добросовестности действий государственных органов и современными представлениями о взаимоотношениях личности и государства, предполагает, что парламент воплощает конституционные ценности в законе, суды «сдерживают» возможность применения принятых парламентом уголовно-правовых норм, которые по их мнению, не обладают конституционными свойствами, а граждане оспаривают конституционность результатов деятельности государственных органов, принявших и применивших в конкретном деле уголовно-правовые нормы, по их мнению, не соответствующие Конституции страны.

3) С институциональной точки зрения механизм конституционализации уголовного права представляет собой систему взаимосвязанных и дополняющих друг друга способов и средств воплощения в уголовно-правовых нормах и практике их применения конституционных ценностей, дифференцированных в зависимости от функциональной принадлежности и компетенции субъектов конституционализации. Этот механизм включает в

себя: проведение правовой (в т.ч. на предмет соответствия Конституции РФ) экспертизы проектов уголовных законов в Государственной Думе, проведение правовой экспертизы принятых уголовных законов в Совете Федерации, толкование уголовных законов на предмет их соответствия Конституции РФ судами общей юрисдикции, запрет на применение сомнительных с точки зрения суда уголовных законов и обращение в Конституционный суд с запросом о его конституционной оценке, проверку конституционности уголовного закона в Конституционном Суде РФ и исполнение его решений законодателем и правоприменителем.

4) Совершенствование институционального механизма конституционализации уголовного права требует надлежащего нормативного регулирования правовой экспертизы уголовных законов на этапе их принятия и разработки эффективной методики такой экспертизы; обобщения и систематизации правовых позиций Конституционного Суда РФ по вопросам конституционности уголовного закона; формирование современного, конституционно-ориентированного правопонимания у всех представителей судебского корпуса, развитие навыков применения уголовного закона в его истолковании, данном Конституционным Судом РФ.

5) С функциональной точки зрения механизм конституционализации уголовного права представляет собой одновременно процесс и итог реализации конституционных норм в сфере уголовно-правового регулирования. Реализация конституционных положений в сфере уголовного права гражданами осуществляется посредством любой из классически выделяемых в теории права форм: исполнение, соблюдение, использование; однако с учетом самого процесса конституционализации и публичного характера отрасли уголовного права, возможности граждан в деле конституционализации уголовного права ограничены исключительно индивидуальным уровнем правового регулирования. Среди форм реализации конституционных положений государством как субъектом конституционных и уголовно-правовых отношений особое место занимает применение норм

Конституции; есть все основания рассматривать конституционализацию уголовного права как деятельность уполномоченных субъектов (парламента и судов) по применению норм Конституции РФ для регулирования уголовно-правовых отношений на нормативном и индивидуальном уровне.

6) Конституционализация уголовного права, как особый вид применения Конституции, есть процесс двухстадийный: на первой стадии в процессе реализации конституционных норм создается уголовное законодательство, на второй – соответствующий Конституции уголовный закон применяется для регулирования конкретных правоотношений, при этом в процессе конституционализации уголовного права законодатель дает уголовно-правовую конкретизацию конституционных норм, а правоприменитель – конституционное истолкование презюмируемо конституционных уголовно-правовых предписаний. Процессы отраслевой конкретизации и конституционного толкования уголовно-правовых норм справедливо рассматривать не как линейные, а как циклические. «Замыкает» их между собой система конституционной юстиции. Проверяя конституционность примененных или подлежащих применению в конкретной ситуации уголовно-правовых норм, Конституционный Суд РФ делает обязательный для всех и непреодолимый в политико-правовых процедурах вывод о том, насколько достаточно конкретной является норма уголовного закона и насколько точно эта конкретика соответствует Конституции.

7) Обладая правом на установление правовых запретов и обязанностью их соблюдать под угрозой ответственности, государство и личность вступают в правовые отношения; эти право и обязанность составляют природный, имманентный элемент правосубъектности участников правовых отношений и выступают предпосылкой самих правоотношений; они фиксируются в Конституции РФ в качестве исходного начала правоотношений. Конституционное право определяет основные начала регулирования уголовно-правовых отношений посредством конкретизации для этих целей

правового статуса личности и государства, формирует конституционно-правовой статус участников уголовных правоотношений, который выступает основой для реализации уголовно-правовых отношений. Уголовное право формирует уголовно-правовой статус участников уголовно-правовых отношений, параметры которого не могут выходить за пределы, заданные конституционным правом.

8) В уголовно-правовом статусе личности как наименее защищенного, «слабого» участника уголовно-правовых отношений закономерно преобладают права, в уголовно-правовом статусе государства – обязанности. В тоже время по некоторым параметрам в характеристике правового статуса государства имеет место нормативная недостаточность, приводящая к необходимости активизации толковательной детальности Конституционного Суда РФ. В целях установления более весомых гарантий правовых характеристик отечественного государства полагаем возможным в потенциальной конституционной реформе учесть это обстоятельство и зафиксировать непосредственно на уровне конституционного текста: обязанность и ответственность государства по поддержанию правопорядка и обеспечению безопасности; особые характеристики и возможно особый порядок рассмотрения и принятия законов ограничивающих права и свободы граждан; право государства возбуждать уголовное преследование и отказываться от него при наличии установленных в законе обстоятельств; ограничения в вопросах применения уголовных наказаний.

Прикладные рекомендации

1) Нормативная дефиниция преступления в ч. 1 т. 14 УК РФ может быть изложена следующим образом: «Преступлением признается предусмотренное настоящим кодексом виновно совершенное неправомерное деяние, посягающее на охраняемые интересы личности, общества и государства».

2) Такое определение с необходимостью повлечет за собой:

- необходимость детальной разработки теории правоохраняемых интересов как объекта преступления, определение их номенклатуры и иерархии раскрытие конкретного содержания этих интересов в теории и правоприменительных решениях; коррекцию учения об объекте в части включения в предмет этого учения последствий преступления;

- коррекцию учения об объективной стороне преступления в части исследования деяния как направленного посягательства на правоохраняемые ценности с учетом достижений теории рискологии; доказывание в правоприменительных актах реальной опасности деяния и обоснование его неправомерности;

- уточнение нормативной дефиниции и теоретического учения о вине за счет включения в предмет осознания субъекта деяния свойств его неправомерности.

3) Уточненное определение будет в большей степени согласовано с предписаниями ст. 8 и ст. 9 УК РФ, поскольку основание ответственности – преступление – возникает именно в момент совершения деяния, создающего угрозу наступления вредных последствий, вне зависимости от того, наступят эти последствия или нет. Наступление последствий при таком подходе может рассматриваться лишь нормативный критерий разграничения составов неоконченного и оконченного преступления.

4) Акцент на неправомерности деяния в нормативной дефиниции преступления требует активной разработки в рамках учения о преступлениях теории обстоятельств, исключающих противоправность деяния.

5) В целях оптимизации средств уголовно-правового реагирования на злоупотребления правом целесообразно:

- общей норме о злоупотреблении правом в общении между частными субъектами (самоуправство) противопоставить такую же общую норму об ответственности за злоупотребление правом во взаимодействии с государственными структурами;

- содержание общих норм об ответственности за злоупотребление правом предметно ограничить лишь нарушением установленного порядка реализации имеющегося у лица субъективного права, не поглощая ими ситуаций, в которых злоупотребление правом выражается в выходе за пределы его допустимого объема;

- в тех случаях, когда опасность наступивших в результате злоупотребления правом последствий превышает опасность самого злоупотребления правом, оценивать такие действия по правилам совокупности преступлений.

6) Понимание опасности деяния в контексте учения о рисках предполагает модернизацию правотворческих аспектов криминализации в направлении выявления и оценки реальной угрозы конституционным ценностям и обеспечения адекватности применяемых для минимизации этой угрозы, что требует внедрения технологий риск-менеджмента в законотворческую деятельность.

7) Уточненное понимание общественной опасности позволяет предложить новую редакцию ч. 2 ст. 14 УК РФ: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и предусмотренное настоящим Кодексом, но не представляющее общественной опасности». Исключением указания на наличие в малозначительном деянии признаков состава преступления, решается один принципиальных вопросов теории, ограничивается ли опасность рамками состава или же обнаруживает себя в иных характеристиках преступления, подчеркивается факт несоответствия реальной общественной опасности ее типовой нормативной оценке.

8) С учетом конституционной значимости признака общественной опасности представляется необходимым дополнить п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» после первого предложения абзаца первого фразой «На основании установленных обстоятельств суд должен аргументировать наличие в содеянном признаков общественной опасности деяния и в случае отсутствия

такой рассмотреть вопрос о возможности применения ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации».

9) В теоретическом и практическом отношении важно различать правоограничительные меры безопасности, которые государство вправе установить на уровне закона в качестве общих мер, применяемых в административном порядке без учета данных о личности конкретного человека, и превентивные правоограничительные меры, которые государство вправе применять к лицам, демонстрирующим повышенные риски совершения или повторного совершения преступления, должны быть строго индивидуализированными и применяться только на основании судебного решения, вынесенного на основе учета всех фактических обстоятельств, характеризующих личность, ее предшествующее поведение и ситуацию, в которой она находится.

10) В уголовном праве важно последовательно различать наказание и меры уголовно-правового характера. В отличие от наказания, меры уголовно-правового характера не определяются содержанием вины субъекта правонарушения, они не выражают отрицательной оценки содеянного и личности, не выступают карой, а потому могут применяться и при отсутствии вины, и при условии отказа в установлении вины. В отличие от превентивных правоограничительных мер меры уголовно-правового характера применяются вслед и по причине совершенного общественно опасного деяния, но как и превентивные меры и в отличие от наказания имеют подчеркнуто исправительный и превентивный характер, а потому решающее значение в их применении приобретают характеристики личности, отражающие присущие ей риски повторного причинения вреда.

11) Уголовное наказание, будучи мерой публично-правовой ответственности, качественно отличается от иных правоохранительных мер тем, что выражает собой осуждение, морально-политическое порицание лица, совершившего преступление, содержит в себе моральный упрек, в силу чего его предназначение служить средством предупреждения преступлений

дополняется важным качеством исправления и социальной реабилитации и реинтеграции лица, совершившего преступления.

12) В содержании уголовного наказания следует различать (а) правоограничения, составляющие суть и содержание наказания, (б) правоограничения, свойственные режиму исполнения или отбывания наказания, (в) не являющиеся правоограничением меры исправительного и реабилитационного порядка. Это содержание и корреспондирующие ему цели разумно отразить в нормативной дефиниции наказания. Представляется, что ст. 43 УК РФ могла бы иметь следующую редакцию: «1. Наказание есть форма государственного осуждения. Наказание назначается по приговору суда лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица, а также в воспитательной работе с осужденным и подготовке его к освобождению. 2. Наказание применяется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений».

13) Поскольку частью содержания уголовного наказания выступают ограничения или лишения человека его прав и свободы, любое наказание, в том числе и наказание, следующее за совершение административного правонарушения, должно быть установлены исключительно федеральным законом, обладающим конституционными признаками легитимности, при этом предусмотренность наказания законом не предполагает с необходимостью закрепления наказания исключительно в санкции статьи особенной части УК РФ.

14) Законодатель, конструируя уголовные наказания, обладает широкой свободой усмотрения, которая тем не менее, ограничена: (а) запретом применения жестоких и бесчеловечных наказаний (что предполагает, в частности, исключение смертной казни из системы наказаний), (б) запретом наказаний, которые лишают ограничиваемого права человека самого его смысла, (в) требованием установления

дифференцированных и пропорциональных наказаний, (г) запретом установления карательных правоограничений за пределами уголовного закона.

Представленные теоретические рассуждения и прикладные рекомендации, с одной стороны, итожат результаты проведенного анализа, а с другой стороны, могут служить отправной точкой в последующих исследованиях теории уголовно-правовых отношений, уголовного закона, преступления и наказания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950; с изм. от 13.05.2004. Вместе с Протоколом №1 (подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984).
3. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1984.
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
5. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
6. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 18.06.2017) «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25.
8. Закон СССР от 10.07.1991 № 2328-1 «О промышленных образцах» // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 32. – Ст. 908.
9. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 01.03.2020) «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 7. – Ст. 300.
10. Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 23.05.2016) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 2. – Ст. 62.
11. Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 (ред. от 07.03.2018, с изм. от 10.12.2019) «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1428.
12. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1455.
13. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О животном мире» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1462.

14. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об экологической экспертизе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4556.
15. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
16. Федеральный закон от 18.06.2001 № 77-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 26. – Ст. 2581.
17. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
18. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.
20. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
21. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2037.
22. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
23. Федеральный закон от 20.07.2012 № 125-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О донорстве крови и ее компонентов» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 30. – Ст. 4176.
24. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (Часть I). – Ст. 3851.
25. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.03.1988. Дело «Олссон против Швеции» [Olsson v. Sweden]. (жалоба № 10465/83).
26. Постановление Европейского Суда по правам человека от 08.06.1976. Дело «Энгель [Engel] и другие против Нидерландов» (жалобы № 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72 и 5370/72).

27. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7.12.1976 Дело «Хендисайд против Соединенного Королевства» [Handyside v. United Kingdom]». (жалоба № 5493/72).
28. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.04.1978. Дело «Тайрер против Соединенного Королевства [Tyrer v. United Kingdom]» (жалоба № 5856/72).
29. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.03.1993. Дело « Костелло-Робертс против Соединенного Королевства [Costello-Roberts v. United Kingdom]» (жалоба № 13134/87).
30. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30.01.1998 Дело «Объединенная коммунистическая партия Турции (United Communist Party of Turkey) и другие против Турции». (жалоба № 19392/92).
31. Постановление Европейского Суда по правам человека от 11.07.2000. Дело «Джабари против Турции [Jabari v. Turkey]». (жалоба № 40035/98).
32. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.07.2002. Дело «Яносевиц против Швеции [Janosevic – Sweden]. (жалоба № 34619/97).
33. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10.07.2003. Дело «Грава против Италии [Grava v. Italy]» (жалоба № 43522/98).
34. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12.02.2008. Дело «Кафкарис против Кипра [Kafkaris v. Cyprus]» (жалоба № 21906/04).
35. Постановление Европейского Суда по правам человека от 03.07.2008. Дело «Чембер против Российской Федерации [Chember v. Russia]» (жалоба № 7188/03).
36. Постановление Европейского Суда по правам человека от 02.03.2010. Дело «Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства [Al-Saadoon и Mufdhi v. United Kingdom]» (жалоба № 61498/08).
37. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20.09.2011. Дело «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» [ОАО Neftyanaya Kompaniya «YUKOS»] против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04).
38. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 Дело «Анчугов и Гладков [Anchugov and Gladkov] против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04, 15162/05).
39. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9.07.2013. Дело «Винтер и другие против Соединенного Королевства [Vinter and Others v. United Kingdom]» (жалобы № 66069/09, 130/10 и 3896/10).
40. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.10.2013. Дело «Дель Рио Прада против Испании [Del Río Prada v. Spain]». (жалоба №. 42750/09).

41. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29.10.2015. Дело «А.Л. (Кс.У.) против России [A.L. (KsU) v. Russia]» (жалоба № 44095/14).
42. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19.11.2015. Дело «Михайлова [Mikhaýlova] против Российской Федерации» (жалоба № 46998/08).
43. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20.09.2016. Дело «Власов [Vlasov] и Беньяш [Benyash] против Российской Федерации» (жалобы № 51279/09 и 32098/13).
44. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.01.2017. Дело «Хамтоху и Аксенчик [Aslan Khamtokhu and Artyom Aksenchik] против Российской Федерации» (жалобы № 60367/08 и 961/11).
45. Решение Европейского Суда по правам человека от 13.05.2003. Дело «Монкорне де Комон против Франции [Montcornet de Caumont v. France]» (жалоба № 59290/00).
46. Решение Европейского Суда по правам человека от 13.05.2014. Дело «Аслан Хамтоху и Артем Аксенчик [Aslan Khamtokhu and Artyom Aksenchik] против Российской Федерации» (жалобы № 60367/08 и 961/11).
47. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 15.10.2019) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 801.
48. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30.01.2002 № 33-СФ (ред. от 06.11.2019) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 7. – Ст. 635.
49. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 года № 79 "О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР", от 25 августа 1991 года № 90 "Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР" и от 6 ноября 1991 года № 169 "О деятельности КПСС и КП РСФСР", а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».
50. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы».
51. Постановление Конституционного Суда РФ от 3.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна».

52. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.06.1995 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е.Р. Такновой, Е.А. Оглоблина, А.Н. Ващука».
53. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова».
54. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина».
55. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1997 № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД "О некоторых вопросах применения Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД "О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации».
56. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».
57. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.1998 № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений абзаца шестого статьи 6 и абзаца второй части первой статьи 7 Закона Российской Федерации от 18 июня 1993 года "О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением" в связи с запросом Дмитровского районного суда Московской области и жалобами граждан».
58. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации».
59. Постановление Конституционного Суда РФ от 6.07.1998 № 21-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Шаглия».
60. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О

порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях" в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан».

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.1999 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 131 и части первой статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества "Сибирское агентство "Экспресс" и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы "Y. & G. Reliable Services, Inc." ».
62. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР "О Государственной налоговой службе РСФСР" и Законов Российской Федерации "Об основах налоговой системы в Российской Федерации" и "О федеральных органах налоговой полиции"».
63. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год" и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год" в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов».
64. Постановления Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации».
65. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана».
66. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова».

67. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2001 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко».
68. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Шевякова».
69. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова».
70. Постановление Конституционного Суда РФ от 5.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года N 492-III ГД "О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан».
71. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2001 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 16 Закона Российской Федерации "О сертификации продукции и услуг" в связи с жалобой гражданина В.П. Редкопа».
72. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2002 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».
73. Постановление Конституционного Суда РФ от 2.04.2002 № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления" и Закона Корякского автономного

округа "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе" в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева».

74. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 № 13-П «по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан».
75. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2002 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 3 и абзаца первого пункта 6 статьи 9 Закона Российской Федерации "О вынужденных переселенцах" в связи с жалобой гражданина М.А. Мкртычана».
76. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2002 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова».
77. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан».
78. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец».
79. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова».
80. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в

- связи с запросами группы депутатов Государственной Думы по жалобам граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова».
81. Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан».
 82. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.2004 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации».
 83. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».
 84. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан».
 85. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан».
 86. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска».
 87. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».

88. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».
89. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.2006 № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона "О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации", Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А.К. Айжанова, Ю.Н. Александрова и других».
90. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью "Агентство корпоративной безопасности" и гражданина В.В. Макеева».
91. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда».
92. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева».
93. Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2007 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева».
94. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

95. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова».
96. Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2009 № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова».
97. Постановление Конституционного Суда РФ от 2.03.2010 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».
98. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова».
99. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других».
100. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина».
101. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко».
102. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 17-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ю. Какуева».
103. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2011 № 18-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи

- 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.С. Шашарина».
104. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и статей 19, 21 и 22 Федерального закона "Об органах судейского сообщества в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки А.В. Матюшенко».
105. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22- П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко».
106. Постановление Конституционного Суда РФ от 7.06.2012 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" и статьи 24 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко».
107. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой».
108. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2012 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения части десятой статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина».
109. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2012 № 26-П «По делу о проверке конституционности положения части 2 статьи 10 Федерального закона "О государственной гражданской службе Российской Федерации" в связи с запросом Законодательного Собрания Камчатского края».
110. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2013 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт»».
111. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко».

112. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П «"По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта "з" пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобами граждан А.В. Андропова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области».
113. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана».
114. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2013 № 14-П «"По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок", частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Е. Поповой».
115. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы».
116. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 32 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова».
117. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.11.2013 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212

- Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.А. Боровкова и Н.И. Морозова».
118. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона "О некоммерческих организациях", части шестой статьи 29 Федерального закона "Об общественных объединениях" и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда "Костромской центр поддержки общественных инициатив", граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкчева».
 119. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1² статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».
 120. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова»
 121. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 № 18-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной».
 122. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики».
 123. Постановление Конституционного Суда РФ от 6.11.2014 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева».
 124. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2014 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок" и части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.В. Курочкина, А.Б. Михайлова и А.С. Русинова».
 125. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4

Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

126. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «АГОРА», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной».
127. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества "Газпром нефть"».
128. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области"».
129. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».
130. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами

- граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева».
131. Постановление Конституционного Суда РФ от 8.12.2015 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Л. Алборова».
 132. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2016 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации", частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана».
 133. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь».
 134. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».
 135. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.10.2016 года № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.»
 136. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой».
 137. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан».
 138. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края»

139. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2017 № 35-П «По делу о проверке конституционности части 1.3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Ю.А. Рейнхimmelя».
140. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».
141. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова».
142. Постановление Конституционного Суда РФ от 7.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 4016 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера».
143. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.С. Аринушенко, Г.С. Бересневой и других».
144. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапанова».
145. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда».
146. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко».
147. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».
148. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2018 № 20-П «По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.».
149. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.06.2018 № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи

4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и пункта 4 статьи 1 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" в связи с жалобами граждан А.И. Заляутдинова, Н.Я. Исмагилова и О.В. Чередняк».

150. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.».
151. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой».
152. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2018 № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 25 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Инкар", акционерных обществ "Лизинговая компания "КАМАЗ" и "Новая перевозочная компания"».
153. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.01.2019 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 19.1 Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации" в связи с жалобой гражданина Е.Г. Финкельштейна».
154. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2019 № 9-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 13 Федерального закона "Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации - городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с жалобами граждан А.К. Качковского и А.Г. Федосова».
155. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2019 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 и пункта 4 статьи 25 Федерального закона "О государственном регулировании

производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции" в связи с жалобой гражданина О.В. Довлатли».

156. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова».
157. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2019 № 26-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 4 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и части 10 статьи 85 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" в связи с жалобой администрации городского округа Верхняя Пышма».
158. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова».
159. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2019 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 24.1 Федерального закона "Об отходах производства и потребления" в связи с запросом Арбитражного суда Республики Карелия».
160. Постановление Конституционного Суда РФ от 1.11. 2019 № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми» в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой».
161. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2019 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.».
162. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2019 № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 13 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», пунктов 3 и 5 статьи 7, пункта 1 части 1 и части 2 статьи 8 Закона города Москвы «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» в связи с жалобами граждан А.Л. Мейсснер, Е.С. Михайловой и Е.Б. Шашевой».
163. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьшиной».

164. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2020 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 98.1 Лесного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Горизонт"».
165. Определение Конституционного Суда РФ от 14.07.1998 № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" по жалобе гражданки И. Г. Черновой».
166. Определение Конституционного Суда РФ от 9.04.1998 № 48-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Лесосибирского городского суда Красноярского края о проверке конституционности статьи 228 УК Российской Федерации и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами"».
167. Определение Конституционного Суда РФ от 1.10.1998 № 145-О «По запросу Законодательного Собрания Нижегородской области о проверке конституционности части первой ст. 6 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях».
168. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.1999 № 1807-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
169. Определение Конституционного Суда РФ от 13.04.2000 № 53-О «По запросу Кировского районного суда города Ростова-на-Дону о проверке конституционности статьи 210 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях и Указа Президента Российской Федерации от 20 июля 1994 года № 1504 "Об утверждении Положения о Федеральной инспекции труда при Министерстве труда Российской Федерации (Рострудинспекции)"».
170. Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2001 № 65-О «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Поволжском федеральном округе об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республики Татарстан».
171. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2003 № 43-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями частей первой и второй статьи 200 и части первой статьи 218 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР».

172. Определение Конституционного Суда РФ от 8.04.2004 № 137-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности статей 15.14, 15.15, 15.16 и 23.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
173. Определение Конституционного Суда РФ от 14.10.2004 № 321-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голотина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».
174. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 466-О «По жалобе гражданина Герасимова Андрея Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, статьями 57 и 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1998 года о его помиловании».
175. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 131-О «По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
176. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 91-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Котенко Евдокии Титовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
177. Определение Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
178. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2004 № 186-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Заровнятных Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьями 297 и 298 Уголовного кодекса Российской Федерации».
179. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом "б" части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
180. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 № 299-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанца Владимира Андреевича на нарушение его конституционных прав статьей 29, частью третьей статьи 125, частями первой и второй статьи

- 127, статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
181. Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2005 № 431-О «По жалобе гражданина Саблина Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 182. Определение Конституционного Суда РФ от 1.12.2005 № 429-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Томской области о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 1.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
 183. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 № 478-О «О б отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лебедева Алексея Вячеславовича и Шепелева Игоря Вениаминовича на нарушение их конституционных прав статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 184. Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 № 62-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Северского городского суда Томской области о проверке конституционности части четвертой статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 185. Определение Конституционного Суда РФ от 18.04.2006 № 114-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кехмана Бориса Абрамовича и Кехман Аллы Иосифовны на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 186. Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 195-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Ивукова Константина Александровича положением части 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
 187. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 406-О «По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 79 УК Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 188. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 189. Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец

- Ларисы Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
190. Определение Конституционного Суда РФ от 2.11.2006 № 488-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 191. Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 № 476-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бородий Елены Николаевны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетнего сына положениями статей 69 и 71 Семейного кодекса Российской Федерации».
 192. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2007 № 136-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Ильи Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 11, частью первой и пунктом 2 части второй статьи 133 и частью первой статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 193. Определение Конституционного Суда РФ от 8.02.2007 № 290-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малютина Андрея Мартемьяновича на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».
 194. Определение Конституционного Суда РФ от 8.02.2007 № 292-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чугурова Павла Николаевича на нарушение его конституционных прав положением списка I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».
 195. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2007 № 515-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трехсвоякова Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 293 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 196. Определение Конституционного Суда РФ от 4.06.2007 № 519-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинского районного суда города Махачкалы о проверке конституционности статьи 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 197. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2007 № 591-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фирсовой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом «а» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 198. Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 112-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харитоновой Натальи Владимировны на нарушение ее

- конституционных прав частью второй статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
199. Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 92-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Храповицкого Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 359 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 200. Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 296-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осколкова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 29 и частью второй статьи 30 Закона Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы", а также статьями 77.1, 77.2 и 106 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
 201. Определение Конституционного Суда РФ от 3.07.2008 № 612-О-П «По жалобе гражданина Тимченко Степана Степановича на нарушение его конституционных прав положением абзаца второй части второй статьи 44 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».
 202. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 638-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горлова Игоря Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также его ходатайства о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П».
 203. Определение Конституционного Суда РФ от 25.12.2008 № 941-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захарова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 204. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 41-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капцуговича Севастьяна Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 205. Определение Конституционного Суд РФ от 29.01.2009 № 61-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Сухарева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 147 Уголовного кодекса РСФСР и статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 206. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 16-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Костюка Игоря Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьей 64 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 207. Определение Конституционного Суда РФ от 19.03.2009 № 239-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева

- Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 89, частями первой и второй статьи 118, статьями 115 и 121 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
208. Определение Конституционного Суда РФ от 16.04.2009 № 389-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 242 Уголовного кодекса Российской Федерации».
209. Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 576-О-П «По жалобам граждан Великанова Вадима Владимировича, Виноградова Александра Сергеевича и других на нарушение их конституционных прав статьей 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
210. Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2009 № 1005-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Уния" на нарушение конституционных прав и свобод статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации».
211. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 № 898-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купцова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».
212. Определение Конституционного Суд РФ от 2.07.2009 № 1037- О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации».
213. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях».
214. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2009 № 1488-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лосева Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 198 Уголовного кодекса Российской Федерации».
215. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2010 № 132-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Неверова

- Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 50 Уголовного кодекса Российской Федерации».
216. Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 841-О-П «По жалобе закрытого акционерного общества «Вегас» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 3.5 Закона Архангельской области «Об административных правонарушениях».
 217. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1382-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плюхи Альберта Олеговича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 218. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 860-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зяблина Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 219. Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2011 № 1581-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кипы Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью десятой статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
 220. Определение Конституционного Суда РФ от 8.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 221. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 475-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бибко Михаила Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 222. Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3, 4, 5, 6, 10, 12 и 13 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», части первой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 261⁸ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
 223. Определение Конституционного Суд РФ от 29.05.2012 № 1049-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Вадима Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частями первой, третьей и четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 224. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1179-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Судакова Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 69 Семейного кодекса Российской Федерации и статьей 575 Гражданского кодекса Российской Федерации».

225. Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1220-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вихманн Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
226. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».
227. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чередниченко Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»».
228. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1672-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарана Константина Павловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
229. Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1925-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебецкого Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».
230. Определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1976-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маслова Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 155 статьи 1 Федерального закона от 8 декабря 2003 года N 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»».
231. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 2342-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кожемякина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «з» части первой статьи 61 и частью первой статьи 64 Уголовного кодекса Российской Федерации».
232. Определение Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 № 474-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоглазова Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10, статьями 44 и 73 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

233. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2013 № 862-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткаченко Павла Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 53 и частью седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
234. Определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 № 998-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куликова Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
235. Определение Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 1058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Морозовой Лидии Викторовны на нарушение ее конституционных прав абзацем третьим статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации».
236. Определение Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 № 1059-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Беляевой Татьяны Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 1 части второй статьи 381 и статьей 391.11 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».
237. Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации».
238. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1428-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цурова Адама Муссаевича на нарушение его конституционных прав статьей 57 Уголовного кодекса Российской Федерации».
239. Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2013 № 1834-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Брусликова Бориса Васильевича на нарушение его конституционных прав положением статьи 69 Семейного кодекса Российской Федерации».
240. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Завитаева Руслана Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 60, 63, частью третьей статьи 69, частью первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом «г» части второй статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
241. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2125-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малкова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 29.9, 30.7 и 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

242. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1190-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Евгения Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 139 и пунктом «а» части третьей статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации».
243. Определение Конституционного Суда РФ от 5.06.2014 № 1309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
244. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1313-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беньяша Михаила Михайловича на нарушение его конституционных прав подпунктом 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».
245. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2014 № 1808-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шуклина Александра Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем первым пункта 1 и пунктом 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации».
246. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации».
247. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1992-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каткова Андрея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 64 и частями первой и второй статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».
248. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».
249. Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2513-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габдрахманова Рамиля Равилевича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».
250. Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 № 2521-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Алехиной Марии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации».
251. Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 143-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Уткина Сергея

- Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 170.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
252. Определение Конституционного Суда РФ от 5.02.2015 № 236-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Михайловой Валентины Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 25.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
 253. Определение Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 645-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Терешина Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 37, частью первой статьи 126, частью первой статьи 163 и частью второй статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 254. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1237-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зырянова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части двадцатой статьи 13 и пунктом 3 части первой статьи 26 Федерального закона "Об оружии».
 255. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2015 № 1970-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тангиева Бекхана Тавсултановича на нарушение его конституционных прав статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 256. Определение Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2444-О «По жалобе гражданина Дворяка Владимира Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53, статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 257. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2016 № 4-О «По жалобе гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии».
 258. Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 393-О «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Смирнова Алексея Константиновича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью пятой статьи 134 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 259. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 571-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Чебаркульская птица» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем четвертым пункта 8 статьи 101 Налогового кодекса Российской Федерации».
 260. Определение Конституционного Суда РФ от 7.07.2016 № 1426-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гомзина

- Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».
261. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1638-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давлетшина Рената Равилевича на нарушение его конституционных прав примечаниями к статье 228, статьями 228.1 и 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 262. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1918-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Земскова Дмитрия Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 263. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 1927-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жукова Михаила Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации».
 264. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 2147-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шефлера Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии».
 265. Определение Конституционного Суда РФ от 24.11.2016 № 2550-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукашова Дениса Игоревича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131, статьями 132 и 135 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а также Административным регламентом исполнения Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной функции по осуществлению государственного контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию».
 266. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2632-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вялова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации».
 267. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2016 № 2777-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мирзояна Ваагна Тафтгоевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 160 Уголовного кодекса Российской Федерации».

268. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 № 78-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вишневого Андрея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 примечаний к статье 158 и статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 4 статьи 218 Гражданского кодекса Российской Федерации».
269. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашапова Рафиса Рафаиловича на нарушение его конституционных прав статьей 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
270. Определение Конституционного Суда РФ от 25.05.2017 № 976-О Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казанцева Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 50, части пятой статьи 69 и статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации».
271. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1359-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Короткова Михаила Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 15, пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 27 Налогового кодекса Российской Федерации и статьей 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
272. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1411-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Носика Антона Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации».
273. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1438-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермоловой Раисы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 46, частью третьей статьи 290 Уголовного кодекса Российской Федерации и положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».
274. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1497-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Князева Игоря Петровича на нарушение его конституционных прав статьей 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».
275. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1503-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корта Евгения Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации».
276. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1540-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мизяева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью

- первой статьи 6 и частью третьей статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».
277. Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».
278. Определение Конституционного Суда РФ от 23.11.2017 № 2769-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Деканского Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
279. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 418-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бадалова Иосифа Яковлевича на нарушение его конституционных прав статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 27 Налогового кодекса Российской Федерации».
280. Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 830-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фрумкиной Ирины Львовны на нарушение ее конституционных прав статьей 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
281. Определение Конституционного Суда РФ от 24.04.2018 № 1078-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Салимова Илдара Ангамовича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 30.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также частью 3 статьи 13.7 Кодекса Республики Башкортостан об административных правонарушениях».
282. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 1387-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хабирова Салавата Байегитовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 205.5 и 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статей 3 и 25 Федерального закона «О борьбе с терроризмом»».
283. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1452-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ярмандеева Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 318 Уголовного кодекса Российской Федерации».
284. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2018 № 1453-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Кучина Ивана Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 12, 167 и пунктом 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации».

285. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1995-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 131 и частью второй статьи 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».
286. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2134-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чуняева Василия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 57 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации».
287. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2221-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерманова Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации».
288. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2304-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гитера Вячеслава Яковлевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 183 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 857 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»».
289. Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2772-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гаевского Романа Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации».
290. Определение Конституционного Суда РФ от 8.11.2018 № 2790-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Огиевской Ольги Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав статьей 8.25 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях».
291. Определение Конституционного Суда РФ от 26.11. 2018 № 2855-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жукова Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и подпунктом «а» пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции».
292. Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2868-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тихомирова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 73 и частью второй статьи 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

293. Определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 2875-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Меркулова Андрея Олеговича на нарушение его конституционных прав статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
294. Определение Конституционного Суда РФ от 20.12.2018 № 3301-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 31, частью первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частью третьей статьи 46 Уголовного кодекса Российской Федерации».
295. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 548-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тагирова Михаила Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 8 и 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
296. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 539-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агзамова Марата Халяфовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации».
297. Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
298. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 625-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гареева Станислава Филарусовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 70 Уголовного кодекса Российской Федерации».
299. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 631-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Горохова Геннадия Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации».
300. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 650-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вилисова Романа Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 251 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».
301. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».
302. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2019 № 1164-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Санникова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 10 и 79 Уголовного кодекса Российской Федерации».

303. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1237 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Арманшина Тимерхана Тимершиновича на нарушение его конституционных прав статьей 80 Уголовного кодекса Российской Федерации».
304. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1239-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бойцова Павла Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации».
305. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шварцберга Вадима Михайловича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации».
306. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1254-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михеева Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации».
307. Определение Конституционного Суда РФ от 2.06.2019 № 1037-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации».
308. Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2019 № 1509-О «По запросу мирового судьи судебного участка № 23 Елизовского судебного района в Камчатском крае о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 157 Уголовного кодекса Российской Федерации».
309. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1774-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Игоря Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации».
310. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1807-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
311. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1818-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Назаренко Максима Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 72 Уголовного кодекса Российской Федерации».
312. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1823-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родионова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 64, 132, 134 и 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».

313. Определение Конституционного Суда РФ от 09.07.2019 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.Н. Алганова»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1807-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цветкова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации».
314. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мухортова Сергея Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации».
315. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1913-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Палиониса Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 9 Уголовного кодекса Российской Федерации».
316. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2019 № 1913-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Рош Диагностика Рус» на нарушение конституционных прав и свобод частью первой статьи 10 и частью третьей статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации».
317. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2019 № 1241-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Соснина Александра Вячеславовича на нарушение его конституционных прав статьей 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
318. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Семенова Михаила Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 131 Уголовного кодекса Российской Федерации».
319. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2312-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Насирова Рината Расилевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью второй статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
320. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2314-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 242 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 401.16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
321. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исмакаева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации».

- Федерации и статьи 4018 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
322. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2319-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравченко Максима Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации, Указа Президента Российской Федерации «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена», постановлений Правительства Российской Федерации «О поставках продукции и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» и «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации», постановлений Главного государственного санитарного врача Российской Федерации «О прекращении использования метилового спирта в средствах по уходу за автотранспортом» и «Об утверждении СП 2.3.3.2892-11 «Санитарно-гигиенические требования к организации и проведению работ с метанолом».
323. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2357-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Братковского Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации».
324. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2365-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Утегенова Джумабека Ильяшовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 и примечанием к статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации».
325. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2374-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шадринцева Андрея Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 222 и частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
326. Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2647-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
327. Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2685-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Юрия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 171 Уголовного кодекса Российской Федерации».
328. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2716-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хромова

- Максима Афанасьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации».
329. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2722-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яковлева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации».
330. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2738-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Абдираимова Мансура Зарифовича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации».
331. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2740-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляблина Евгения Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 64 и 96 Уголовного кодекса Российской Федерации».
332. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2745-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родина Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 271, пунктом 1 части второй статьи 401.8, статьей 401.17 и пунктом 1 части второй статьи 412.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».
333. Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3015-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гогберашвили Ирины Алексеевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 4.5 Областного закона Ростовской области «Об административных правонарушениях».
334. Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3245-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Наплавкова Сергея Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».
335. Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
336. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романенко Юрия Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом

- «г» части второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
337. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3325-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шохина Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации».
338. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3326-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шиловой Оксаны Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьей 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
339. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2019 № 3356-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Понькина Джемалия Давидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации».
340. Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2020 № 7-О «По жалобе гражданина Котова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
341. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 230-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 57 и частью второй статьи 80 Уголовного кодекса Российской Федерации».
342. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 246-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Салищева Павла Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».
343. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бекмурзина Руслана Ришатовича на нарушение его конституционных прав частями второй и седьмой статьи 14, частью третьей статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и постановлением Правительства Российской Федерации «О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время».

344. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 256-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каверина Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 30 и частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».
345. Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2020 № 264-О-Р «По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П».
346. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 300-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевкунова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 46 Уголовного кодекса Российской Федерации».
347. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Киреева Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».
348. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 790-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Германова Дениса Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 Уголовного кодекса Российской Федерации».
349. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 792-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Огородниковой Валерии Валерьевны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации».
350. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 793-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Меркулова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
351. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 798-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Патешкина Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав статьей 23, частью первой статьи 63 и частью четвертой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьями 179 и 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
352. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 805-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации».
353. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».

354. Особое мнение Судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по определению Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 1485-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Борохова Олега Викторовича, Кауца Вячеслава Артуровича и Федотова Андрея Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью 2 статьи 1.7 и пунктом 5 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
355. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».
356. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области "О транспортном налоге" в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области».
357. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».
358. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондаря по определению Конституционного Суда РФ от 4.10.2012 № 178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коршуновой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».
359. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 (ред. от 06.02.2007) «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 3.
360. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.
361. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2.

362. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 6.
363. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12.
364. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.
365. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 10.
366. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.
367. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.
368. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 1.
369. Доклад Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. – М., 2000.
370. Доклад Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий об исполнении Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2013–2014 годах. – М., 2015.
371. Доклад об исполнении Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» в 2006–2008 годах. – М., 2009.

Монографии, научные статьи, учебные издания

372. Авакьян С.А. Методы конституционно-правового регулирования и их специфика // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 1.
373. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособ. : в 2 т Т.1. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, ИНФРА-М., 2014.
374. Авдеев Д.А. Конституционализация правовой политики в современной России // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 4.
375. Агапов А.Б. Административная ответственность. – М.: Статут, 2004.
376. Агилар П. Соучастие судебных органов в репрессиях авторитарных режимов и правосудие переходного периода // Отечественные записки. – 2013. – № 6.
377. Алексеев С.С. Общая теория права. Учебник. 2-е изд. – М: Проспект, 2009.
378. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 2. — М.: Юридическая литература, 1981.
379. Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. – М.: Проспект, 2012.
380. Антонов А.Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // Государство и право. – 2019. – № 11.
381. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. – М.: Юрлитинформ, 2020.
382. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. – М.: Юрлитинформ, 2017.
383. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 1999.
384. Баранов В.М., Ромашов Р.А. Достоинство (честь) человека в фокусе злоупотребления правом (доктрина, практика, техника) // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49).
385. Баулин Ю.В. Конституционные основы уголовно-правового регулирования общественных отношений // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всерос. Конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006.
386. Безверхов А.Г. О действии уголовного закона в условиях межотраслевых связей // Lex Russica. – 2015. – № 10.
387. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев: Типолит. И.И. Чоколова, 1903.
388. Беляев В.Г. Применение уголовного закона. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998.
389. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительного Н. Неклюдова Т.1. Часть Общая. – СПб.: Изд. Н. Неклюдова, 1867.

390. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2006.
391. Бобринский Н. Ответственность судей за политические репрессии. [Электронный ресурс]: https://zakon.ru/blog/2017/06/20/otvetstvennost_sudej_za_politicheskie_repressii_kak_eto_moglo_byt_v_rossii_i_bylo_v_germanii (дата обращения: 13.06.2020).
392. Бобринский Н. Постсоветское переходное правосудие: достижения и упущенные возможности // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 1 (122).
393. Бобринский Н.А. Правовые основания правосудия переходного периода в документах Организации Объединенных Наций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5.
394. Бондарь Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11.
395. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юрист, 2013.
396. Борзенков Г.Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика. – М.: Зерцало-М, 2008.
397. Борисов В.И. Решение вопросов Особенной части в новом Уголовном Кодексе Украины // Уголовное право в XXI веке: материалы Международ. науч.-практ. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая – 1 июня 2001 г.). – М.: ЛексЭст, 2002.
398. Борчавшвили И.Ш. Реализация конституционных норм в отраслевом законодательстве Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2010. – № 4 (20).
399. Братко А.Г. Запреты в советском праве / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1979.
400. Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4.
401. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000.
402. Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2015.
403. Витушкин В.А. Определения Конституционного Суда Российской Федерации: особенности юридической природы. – М.: Норма, 2005.
404. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал Российского права. – 2014. – № 7.
405. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.
406. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб.: СПБЮИ ГП РФ, 1998.

407. Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. – Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та, 1971. – Вып 2.
408. Габиева С.М. Конституционная культура как основа государства // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 4.
409. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: АО «Центр ЮрИнформ», 2005.
410. Генрих Н., Пудовочкин Ю. К вопросу о статусе потерпевшего в уголовно-правовых отношениях // Уголовное право. – 2009. – № 6.
411. Генрих Н.В. Предмет уголовного права: генезис научной мысли и проблемы современной интерпретации: – М.: Юрлитинформ, 2010.
412. Генрих Н.В.. Метод регулирования уголовно-правового отношения. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2011.
413. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Объект и квалификация преступлений. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1979.
414. Голик Ю.В. Метод уголовного права // Журнал Российского права. – 2000. – № 1.
415. Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права. – М.: Высшее образование, 2002.
416. Головки Л.В. Конституционализация российского уголовного процесса: между лозунгами и реальностью // Государство и право. – 2013. – № 12.
417. Головненков П. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. 2-е изд. – М.: Проспект, 2014.
418. Грачева Ю.В. Виды уголовно-правовых отношений // Lex Russica. – 2008. – № 6.
419. Греков К.А. Соотношение категорий «злоупотребление должностными полномочиями» и «превышение должностных полномочий» в уголовном праве России // Юрист-Правоведъ. – 2007. – № 2.
420. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
421. Гурин Д.В. Децентрализация уголовного законодательства: pro и contra // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 3 (106).
422. Гурин Д.В. Концепция «уголовной сферы» в новейшей практике Европейского суда по правам человека // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 4 (27).
423. Гурин Д.В. Право государства на уголовное наказание в свете принципа разделения властей и его реализации в Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2 (19).
424. Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018.

425. Данилюк И.А. Правовой статус личности: понятие, юридическая конструкция // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – № 2 (78).
426. Дворянсков И.В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель). – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
427. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1975.
428. Демидов Ю.А. Юридическая и моральная оценка преступления // Советское государство и право. – 1970. – № 2.
429. Денисова А.В. Системность Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2018.
430. Дмитриев Ю.А., Мухачев И.В. Понятие, предмет и метод конституционного права Российской Федерации - от исторических истоков к современности. – М.: Манускрипт, 1998.
431. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. – М. - Л.: Издательство АН СССР, 1948.
432. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1967.
433. Дуюнов В.К. Наказание в уголовном праве России – принуждение или кара? // Государство и право. – 1997. – № 11.
434. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. – М.: Научная книга, 2003.
435. Елинский А.В. Конституционно обусловленные требования, предъявляемые к уголовному закону (практика Конституционного Суда России) // Российская юстиция. 2011. № 5.
436. Елинский А.В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3 (88).
437. Елинский А.В. Конституционные основания криминализации общественно опасных деяний в свете решений Конституционного Суда России // Российский следователь. – 2010. – № 17.
438. Елинский А.В. Некоторые направления конституционализации российского уголовного законодательства с точки зрения разработки проекта нового Уголовного кодекса // Юридический мир. – 2012. – № 4 (184).
439. Елинский А.В. О критериях ограничения пределов усмотрения федерального законодателя в сфере уголовно-правового регулирования: практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 5.
440. Елинский А.В. Проблемы уголовного права в конституционном измерении. – М.: Юрлитинформ, 2012.
441. Еременко Ю.П. Предмет российского конституционного права. – Ростов н/Д : РВШ МВД РФ, 1996.
442. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2017.

443. Есаков Г.А. Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
444. Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1 (6).
445. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби, Изд. Проспект, 2004. – С. 127 – 132.
446. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009.
447. Жевлаков Э.Н. Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (комментарий к ст. 234.1 УК РФ) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 7.
448. Загородников Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. – 1963. – № 11.
449. Загородников Н.И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовной политики и уголовного права: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МВШМ, 1994.
450. Закупень Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками // Банковское право. – 2015. – № 1.
451. Звечаровский И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, системы, вины // Законность. – 1999. – № 3.
452. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
453. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12.
454. Зорькин В.Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. – 2018. – № 4 (64).
455. Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. – М.: Норма, 2002.
456. Ибрагимов М.А., Ображиев К.В. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права. – Ставрополь: Сервисшкола, 2005.
457. Иванов Н.Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. – М.: Проспект, 2016.
458. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Госюридиздат, 1961.
459. Калмыков П.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. – СПб.: Тип. «Общественная польза», 1866.
460. Кандрашев А.А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник

- Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 25.
461. Карасев М.Н. Институт совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации: необходимы серьезные изменения // Журнал российского права. – 2001. – № 9.
462. Квалификация преступлений / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикрова. – М.: Юрлитинформ, 2019.
463. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.
464. Кибальник А.Г. Конституционное правило «толкования сомнений» и применение норм уголовного закона // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всерос. Конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006.
465. Киреев В.В., Щипачев Б.М. Конституционное развитие современной России: ценности и риски // Проблемы права. – 2014. – № 3 (46).
466. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. – Самара: Самарский ун-т, 2001.
467. Клепицкий И.А. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. – 2000. – № 3.
468. Ковалев М.И. Советское уголовное право. Курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974.
469. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – М.: Юрист, 1995.
470. Козырева Л.Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда на правоприменительную практику в экономической сфере // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. – 2012. – № 3.
471. Кокотов А.Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. – 1998. – № 1.
472. Комаров С.А., Попова А.В. Предмет конституционного права: взгляд теоретиков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95).
473. Конституции стран мира. Хрестоматия / сост. Д.В. Кузнецов. В 7 частях. [Электронный ресурс]. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. URL: <http://istfil.bgpu.ru/>
474. Конституционное право России: учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. – М.: Юристъ, 2003.
475. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. – 1992. – № 8.
476. Коняхин В. Конституция как источник Общей части уголовного права // Российская юстиция. – 2002. – № 4.

477. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
478. Копшева К.О. Уголовное законодательство Российской Федерации и его основания (теоретический аспект). – Саратов: ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2007.
479. Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1976.
480. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). – М.-Новосибирск: ООО «Изд-во ЮКЭА», 2002.
481. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я.И. Гилинского. – СПб.: Алетейя, 2011.
482. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. – СПб. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999.
483. Крусс В.И. Диалектика конституционализации и взаимодействие правовых систем в контексте глобализации // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5 (98).
484. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2017.
485. Крусс В.И. Конституционная судебная дискреция в механизме конституционализации правовой системы России // Российская юстиция. – 2012. – № 9.
486. Крусс В.И. Перспективы и проблемы конституционализации российского законодательства // Юридический вестник ДГУ. – 2013. – № 4.
487. Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ: серия «Право». – 2012. – № 19.
488. Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2.
489. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. – М.: Норма, 2007.
490. Крылова Н.Е. О понятии объекта преступления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2013. – № 6.
491. Кряжков В.А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2007. – № 3.
492. Кудрявцев В.Н. О соотношении объекта и предмета преступления // Советское государство и право. – 1951. – № 8.
493. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
494. Кузнецова Н.Ф. Определение понятия преступления // Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 3. Понятие преступления. – СПб.: Изд.

- Проф. Малинина, 2005.
495. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969 // Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
496. Кузьмин А.Г. Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий // Российский судья. – 2014. – № 9.
497. Кукушкин А.А. Правовая позиция Конституционного Суда РФ: сущность, юридические признаки и процессуальные формы // Актуальные проблемы Российского права. – 2009. – № 1.
498. Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008.
499. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002.
500. Курс уголовного права. В 5 т. Т. 2. Общая часть. Учение о наказании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало-М, 2002.
501. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001.
502. Ларина Л.Ю. Государство как субъект уголовно-правовых отношений // Юридическая наука. – 2017.
503. Ледях И.А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ. – М.: Юридическая литература, 1973.
504. Летута Т.В., Летута С.С. Доктрина «доминирования существа над формой» при оспаривании решения общего собрания акционеров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 1.
505. Липинский Д.А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность// Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 4 (64).
506. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право. Учеб. пособ. – М.: Волтерс Клувер, 2009.
507. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
508. Лунеев В.В. Права человека и преступность в глобализирующемся мире // Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2005.
509. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. – М.: Норма, 2007.
510. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. – М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989.
511. Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3 (27).
512. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М.: Манускрипт, 1992.
513. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к

- теоретическому // Правоведение. – 1993. – № 5.
514. Мальцев В.В. Введение в уголовное право. – Волгоград: ВА МВД России, 2000.
515. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. Т.1. Введение в уголовное право. Научное исследование. – М.: Юрлитинформ, 2015.
516. Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. – Волгоград: ВА МВД России, 2007.
517. Мальцев В.В. Учение об объекте преступления. В 2 т. Т. 1. Объект преступления: концептуальные проблемы. – Волгоград: ВА МВД России, 2010.
518. Мартыненко Н.Э. Правовой статус личности и место в структуре уголовно-правового статуса потерпевшего // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 3 (23).
519. Марцев А.И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – № 4.
520. Масленников М.Я. Региональные законы об административной ответственности: легитимация и перспективы // Актуальные вопросы административно-деликтного права: материалы Междунар. науч.-практ. конф.. – М.: ВНИИ МВД России, 2005.
521. Масловская Т.С. Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму или укреплению национальных интересов? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6.
522. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2015.
523. Меркурьев В.В., Соколов Д.А. Реализация ответственности за злоупотребления правом на выражение мнения и свободой на проведение собраний и объединений // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4 (33).
524. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1983.
525. Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С.. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999.
526. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. – М.: Госюриздат, 1962.
527. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизму действия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
528. Мицкевич Л.А. Соотношение федерального и регионального законодательства об административной ответственности // Вестник ВГУ. Сер. Право. – 2018. – № 2.
529. Надыгина Е.В., Лесникова А.М. Законодательство субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях:

- актуальные проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (2).
530. Нарутто С. В. Профессор Е.И. Козлова о предмете конституционного права // Lex Russica. – 2016. – № 3.
531. Наумов А.В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Проспект, 2006.
532. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т.1. Общая часть. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
533. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права: конспект. – СПб.: Тип. И.П. Меркульева, 1875.
534. Нерсесянц В.С. Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. – М.: Рос. право, 1992.
535. Нерсесянц В.С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юристь, 1996.
536. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – М.: Норма, Инфра-М., 2002.
537. Несмеянова С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 4.
538. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний. – М.: Юрлитинформ, 2018.
539. Никифоров А.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002.
540. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960.
541. Новикова Ю.С. О концепции общерегулятивных правоотношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25 (380). Право. Вып. 45.
542. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления: методологические аспекты. – М.: Норма, 2001.
543. Ображиев К.В. Предмет уголовно-правового регулирования // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2.
544. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников Российского уголовного права. – М.: Юрлитинформ, 2015.
545. Огурцов Н.А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. – Рязань: РВИИ МВД СССР, 1976.
546. Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты: сборник материалов Всероссийской научно-практической интернет-конференции (г. Москва, 24 октября 2016 г.) / ред. колл.: А.И. Ковлер, Ю.В. Трунцевский, О.И. Семькина, О.А. Терновая. – М.: ИЗИСП: РИОР, 2017.

547. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1982.
548. Основные институты административно-деликтного права / под общ. ред. А.П. Шергина. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1999.
549. Ошибки в квалификации преступлений / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2020.
550. Петрова Г.О. Субъекты уголовно-правового отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Власть и право. – 2003. – Вып. 2 (7).
551. Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование в России на рубеже веков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – № 1.
552. Пикина Т.В., Евтюшкина К.И. Уголовно-правовой статус личности: попытка разработки концепции // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 1(42).
553. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. – М.: РАП, 2009.
554. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. – М.: Юрайт, 2009.
555. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998.
556. Подорожная Т.С. Конституционализация системы законодательства Украины: основные требования принципа конституционности и обеспечение правового порядка // Веснік БДУ. Сер. 3. – 2015. – № 1.
557. Попаденко Е.В., Силкин В.П. От карательного подхода к восстановительному // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 4 (48).
558. Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О'Бойл, Уорбрик. – М.: Развитие правовых систем, 2016.
559. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
560. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. – Красноярск: изд. Красноярск. ун-та, 1989.
561. Пудовочкин Ю.Е. Основания, принципы и правила криминализации общественно опасных деяний в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие. – 2008. – № 5.
562. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления. – М.: РГУП, 2019.
563. Пудовочкин Ю.Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 1.

564. Пудовочкин Ю.Е. Содержание уголовно-правовых отношений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 2.
565. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012.
566. Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2014.
567. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
568. Рахманова Е.Н. Защита прав человека от криминальных угроз в условиях глобализации: криминологический и уголовно-правовой анализ. – М.: Университетская книга, 2008.
569. Ривлин А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. – 1959. – № 2.
570. Ровнейко В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки патентного троллинга // Вестник Удмуртского университета – 2020. – Т. 30. Вып. 2 Экономика и право.
571. Рогов И.И. Общая характеристика Уголовного кодекса Республики Казахстан // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сборник науч. ст. – М.: ЛексЭст, 2002.
572. Ромашов Р.А. Теория конституционно-правового отношения // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9.
573. Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. А.В. Наумова. – М.: МВШМВД России, 1994.
574. Рупчев Г. Сравнительный анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности. Технический документ ЕС. ECCU-PRECOR-TR-5/2015.
575. Самощенко И.С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. – М. Юрид. лит., 1963.
576. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев: Наукова думка, 1978.
577. Сидоренко Э.Л. Конституционные и уголовно-правовые основы признания потерпевшего участником охранительных правоотношений // Конституционные основы уголовного права. Материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Проспект, 2006
578. Синицына А.М. Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в обеспечении конституционализации нормотворчества и правоприменения // Вестник Полоцкого Государственного Университета. Серия D. – 2018. – № 6.

579. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории (конференция в ИГП РАН) // Государство и право. – 1994. – № 6.
580. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т.1. Вып. второй. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863.
581. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд. Саратов. ун-та 1978.
582. Стумбина Э.Я., Кузнецов А.В., Эглитис В.В. Механизм реализации конституции: государственно-правовой аспект. – Рига: Зинатне, 1984.
583. Суханова А.А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 23 (378). – Право. Вып. 44.
584. Сухинина И.В. Регулирование конституционного судопроизводства определениями Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 19.
585. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994.
586. Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 5.
587. Татаринов С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в укреплении и развитии конституционных ценностей // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432.
588. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Харьков: Вища школа, 1988.
589. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве – М.: Юркнига, 2003.
590. Тимофеев Е.В. Приоритет существа над формой в налоговом праве и институт недействительности сделок в гражданском праве // Закон. – 2010. – № 2.
591. Углов А.С. Некоторые аспекты конституционализации трудового законодательства Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2013. – Выпуск 36.
592. Уголовная и административная ответственность юридических лиц в России и во Франции / под ред. А.В. Федорова. – М.: ИЗИСП, 2018.
593. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением специальных правил / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. – М.: РГУП, 2018.
594. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В.П. Ревина. – 2-е изд., испр и доп. – М.: Юстицинформ, 2010.
595. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского университета, 2006.
596. Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Кно Рус, 1997.

597. Уголовное право. Общая часть. Учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – М.: Норма, Инфра-М, 1998.
598. Уголовное право: учебник. В 3 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011.
599. Уманский Я.Н. Советское государственное право. – М.: Высш. шк., 1970.
600. Фатхутдинов Р.С. Существо и форма в налоговых отношениях // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 9.
601. Федоров А.В. Правовая составляющая определения новых потенциально опасных психоактивных веществ для целей уголовного законодательства и экспертной деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – № 8.
602. Филант Г.К., Хазанов С.Д. К проблеме конституционной легитимности регионального законодательства об административных правонарушениях // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9.
603. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
604. Фоменко А.Н. Теоретические аспекты определения уголовно-правового статуса потерпевшего // Бизнес в законе. – 2013. – № 1.
605. Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. – 5-е изд. – М.: Инфотропик Медиа, 2013.
606. Хабриева Т.Я. Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 6.
607. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974.
608. Червонюк В.И. Имплементация конституционно-правовых понятий в отраслевое (действующее) законодательство (позитивное право) как форма его конституционализации // Государственная служба и кадры. – 2014. – № 4.
609. Червонюк В.И., Калинин И.В. Пределы избирательных прав и свобод и злоупотребление ими в конституционной практике (сравнительно-правовой анализ) // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2018. – № 2.
610. Чернобель Г.Т. Конституция и ее конкретизация // Журнал российского права. – 2013. – № 3.
611. Шарапов Р.Д. Альтернативные теории объекта преступления в современном уголовном праве России // Lex Russica. – 2015. – № 12 (Том СІХ).
612. Шергин А.П. Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. – 1994. – № 8-9. – С. 62.
613. Шигина Н.В. Интерес и его отражение в уголовном законе. – М.: Юрлитинформ, 2009.

614. Шупицкая О.Н. Конституционализация права и правовая система // Юридический вестник ДГУ. – Т. 28. – 2018. – № 4.
615. Щербак Е.Н., Голенев В.В. Приоритет существа над формой в отношении налоговых последствий сделок физических лиц // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности. – 2017. – № 3.
616. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1996.
617. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 2005.
618. Югов А.А., Белых С.В. Механизм реализации Конституции Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 4
619. Яни П.С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. – 2011. – № 12.

Диссертации, авторефераты диссертаций

620. Агеев В.Н. Конституционные ограничения основных прав и свобод личности в российской федерации: теория, история, практика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006.
621. Адылханов М.Г. Уголовно-правовые гарантии свободы слова: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2020.
622. Алакаев А.М. Понятие преступления: формы и виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1992.
623. Альференко А.В. Метод регулирования в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013.
624. Андриенко В.А. Равенство граждан по признаку пола в уголовном праве и его соблюдение при реализации уголовной ответственности и наказания женщин: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
625. Анисимова И.А. Уголовно-правовое значение преступного вреда: дисс. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2008.
626. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Владивосток, 2011.
627. Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование): автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
628. Асланян С.Г. Обеспечение гендерного равенства посредством уголовно-правовых норм: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2019.
629. Ашимхина А.В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.

630. Барбин В.В. Конституционно-правовые основания ограничений основных прав и свобод человека и гражданина и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
631. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты: дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2017.
632. Беликов А.Н. Современные проблемы реализации конституционных норм в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
633. Белов М.Н. Правоотношения в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002.
634. Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина (теоретический аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
635. Богомолов А.Б. Применение судами общей юрисдикции норм Конституции Российской Федерации (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
636. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006.
637. Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005.
638. Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ульяновск, 2006.
639. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010.
640. Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011.
641. Гончаренко В.Д. Право человека на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: Теоретико-правовые аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999.
642. Дедюхина И.Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков потерпевшего: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
643. Деев Д.И. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008.
644. Демин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014.
645. Денисова А.В. Выявление и преодоление рассогласования положений УК РФ и предписаний уголовно-правового характера, содержащихся в

- федеральных законах иной отраслевой принадлежности: дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004.
646. Дибиров М.Г. Привилегии в уголовном праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015.
647. Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовое регулирование экономических отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
648. Емельянов В.И. Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российскому законодательству: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.
649. Жидких И.В. Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
650. Журкина Е.В. Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
651. Закиров И.А. Правовая экспертиза: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2008.
652. Затулина Т.Н. Конституционно-правовые основы регулирования налоговых отношений в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2008.
653. Ибрагимова М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: Понятие, сущность, виды и последствия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2005.
654. Иглин А.В. Личность как субъект уголовного права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2008.
655. Казимирская Ю.В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) нрав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.
656. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
657. Карасева И.А. Конкуренция конституционных ценностей в практике Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
658. Ким В. А. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов в территориальных органах Министерства юстиции Российской Федерации (административно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.
659. Кистенев К.И. Система субъектов российского права в условиях рыночных отношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.
660. Клишкин В.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения, и их квалификация: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.

661. Клочко Е.И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018.
662. Ковалева Е.Л. Правомерное и противоправное поведение, их соотношение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
663. Ковалева Н.А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
664. Колосова Н.М. Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006.
665. Кондрашов А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011.
666. Корнукова Е.В. Конституционные основы правосудия по уголовным делам в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003.
667. Короткова О.А. Экспертиза законопроектов и законодательных актов: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
668. Кострицкая М.В. Экспертная законопроектная деятельность: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2009.
669. Кропачев Н.М. Уголовные правоотношения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984.
670. Крымова Е.Н. Злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти в Российской Федерации: содержание и формирование концепции противодействия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2009.
671. Кузьмин А.Г. Конституционализация правосудия и арбитражная судебная практика в Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2016.
672. Лосицкая Л.К. Международно-правовое сотрудничество в сфере борьбы с пытками и жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением или наказанием: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
673. Львова Е.Ю. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
674. Лялякин Ю.А. Конституционно-правовые основы регулирования миграционных отношений в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
675. Макиенко А.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения криминогенного информационного воздействия преступных сообществ: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.
676. Малиновская В.М. Правомерное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

677. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009.
678. Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1993.
679. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015.
680. Москаленко Т.О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
681. Мухачев И.В. Проблемы гомеостаза в теории и практике российского конституционного права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.
682. Мухортова М.В. Преступления, связанные с нарушением специальных правил: природа и особенности элементов состава: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.
683. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретический аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.
684. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве: понятие и цели наказания: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1963.
685. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2009.
686. Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2006.
687. Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование и его средства: норма и правоотношение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003.
688. Пинаева О.В. Государство как субъект правоотношения в современном обществе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.
689. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1997.
690. Пшипий Р.М. Бланкетная диспозиция уголовно-правовой нормы: доктринальное понимание, законодательные подходы к конструированию и проблемы применения (на примере главы 22 УК РФ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015.
691. Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
692. Родионова Ю.С. Конституционно-правовое регулирование трудовых отношений в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009.

693. Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2012.
694. Романовский В.Г. Конституционные ограничения прав человека в целях противодействия терроризму в России и за рубежом: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2019.
695. Рудт Ю.А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2019.
696. Сазанова И.В. Квалификация поведения субъектов как злоупотребление гражданским правом: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2010.
697. Сапий А.В. Методы уголовно-правового регулирования и их классификация: дисс. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2009.
698. Сигнатов Н.В. Ответственность Российской Федерации за нарушение прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
699. Слепнев А.В. Государство как субъект правоотношений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
700. Смирнова А.А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. – Тверь, 2008.
701. Солодков И.А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013.
702. Сорокин Ю.А. Конституционные основы правового регулирования земельных отношений в современной России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Орел, 2009.
703. Сундурова О.Ф. Усиление (отягчение) уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2007.
704. Тащилин М.Т. Назначение наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2003.
705. Титова А.А. Конституция в системе российского законодательства (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013.
706. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2002.
707. Троицкая А.А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
708. Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.

709. Фатхудинов А.И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003.
710. Фирсова А.П. Объект уголовно-правового воздействия: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
711. Фролова Н.Ю. Правомерное и неправомерное поведение как парные юридические категории (общетеоретический аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2010.
712. Цись Н.И. Имплементация норм международного права в национальном уголовном законодательстве Украины (общая часть): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1994.
713. Шахунянц Е.А. Преступление и проступок по уголовному праву Англии и США: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1976.
714. Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2001.

Приложение.**Результаты анкетирования работников научных и образовательных организаций высшего образования**

1. Верным ли будет утверждение, что конституционализация уголовного закона есть обеспечение правовых свойств и признаков этого закона?

А) да – 74%

Б) нет – 26%

2. Какое из утверждений, по Вашему мнению, наиболее точно характеризует цель конституционализации уголовного права (выберите один ответ)?

А) обеспечение баланса свободы и безопасности – 43%

Б) обеспечение баланса законодательной и судебной власти – 19%

В) обеспечение баланса прав и свобод лица, совершившего преступление – 38%

3. Можно ли утверждать, что конституционализация уголовного права является «конечным» процессом?

А) да, у него есть финальная точка – 9%

Б) нет, это перманентный процесс – 91%

4. Объектом конституционализации выступает:

А) только уголовный кодекс – 30%

Б) любой источник уголовного права – 60%

5. Как Вы оцениваете нормативные изменения, предоставившие Президенту право обращаться с запросом о проверке конституционности принятого закона до момента его подписания:

А) это важное и принципиальное дополнение – 29%

Б) это излишнее правомочие – 38%

В) нет оценки – 33%

6. Является ли суд общей юрисдикции субъектом конституционализации уголовного права?

А) категорически да – 82%

Б) скорее, нет – 18%

7. *Считаете ли Вы необходимым принятие специального закона, регламентирующего процесс правовой (в том числе, конституционно) экспертизы законопроектов и проектов иных нормативных правовых актов?*

А) да – 79%

Б) нет – 21%

8. *Как Вы оцениваете нормативный запрет судам общей юрисдикции самостоятельно решать вопрос о конституционности подлежащего применению закона и применять в спорных случаях непосредственно нормы Конституции РФ?*

А) безусловно положительно – 83%

Б) скорее, негативно – 17%

9. *Допустимо ли изменение практики применения уголовного закона в случае признания его Конституционным Судом РФ соответствующим Конституции страны?*

А) да – 95%

Б) нет – 5%

10. *Возможна ли реализация норм Конституции РФ непосредственно гражданами РФ?*

А) да, в любой форме реализации права – 59%

Б) только в форме соблюдения – 29%

В) в форме соблюдения и использования – 9%

Г) в форме соблюдения и исполнения – 3%

11. *Можно ли считать деятельность граждан в сфере реализации конституционных норм формой конституционализации уголовного права?*

А) да – 13%

Б) нет – 87%

12. Верным ли будет утверждение, что конституционализация уголовного права есть процесс применения Конституции РФ уполномоченными органами при создании и применении уголовно-правовых норм?

А) да – 98%

Б) нет – 2%

13. С юридико-технической точки зрения конституционализация уголовного права представляет собой процесс:

А) имплементации конституционных норм в уголовном законе – 14%

Б) конкретизации конституционных норм в уголовном законе – 82%

В) рецепции конституционных норм в уголовном законе – 4%

14. Отношения, которые возникают в связи с изданием уголовного закона и в рамках которых государство наделено правом формулировать запрет, а граждане – обязанностью его соблюдать:

А) составляют часть предмета уголовного права – 78%

Б) не составляют предмета уголовного права – 22%

15. Целесообразно ли в структуре предмета уголовного права выделять особую группу базисных, основополагающих отношений, урегулированных непосредственно Конституцией РФ?

А) да – 43%

Б) нет – 57%

16. Считаете ли Вы, что обязанности государства в области регулирования уголовно-правовых отношений установлены в Конституции РФ неполно?

А) да – 63%

Б) нет – 37%

17. Является ли потерпевший участником уголовно-правовых отношений?

А) да – 57%

Б) нет – 43%

18. Следует ли признать лиц, не способных нести уголовную ответственность в силу возраста, субъектами уголовно-правового отношения?

А) да – 49%

Б) нет – 51%

19. Верно ли утверждение, что деяние, подлежащее криминализации, должно быть изначально неправовым, или же его противоправность может вытекать непосредственно из предписаний уголовного закона?

А) должно быть изначально неправомерным – 68%

Б) его неправомерность может быть установлена самим уголовным законом – 32%

20. Злоупотребление правом, по Вашему мнению:

А) предполагает, что субъект всегда действует в пределах предоставленного ему права – 22%

Б) предполагает, что субъект может превышать пределы предоставленного ему права – 78%

21. Злоупотребление правом может признаваться преступлением, если в процессе действий виновного лица:

А) вред причиняется только правам и свободам человека – 15%

Б) вред причиняется только общественным или государственным интересам – 0%

В) вред причиняется любым интересам, охраняемым уголовным законом – 85%

22. Следует ли ввести в уголовный закон норму об ответственности за злоупотребление гражданами своим правом на обращение в государственные органы?

А) да – 31%

Б) нет – 69%

23. Если в регулятивном законе установлена норма, предполагающая установление уголовной ответственности за то или иное деяние, а в УК РФ соответствующий запрет отсутствует, то это следует оценивать:

А) как пробельность уголовного закона – 48%

Б) как допустимое явление – 52%

24. *Нормы уголовного закона, которые описывают преступление как «незаконное деяние», при условии, что регулятивное законодательство не знает законных, легальных форм такого поведения:*

- А) не являются бланкетными – 89%
- Б) сохраняют качество бланкетных – 21%

25. *Бланкетная диспозиция уголовного закона:*

- А) категорически не может содержать отсылки к нормам регионального права – 13%
- Б) принципиально допускает отсылки к нормам регионального права – 87%

26. *Преступление, в отличие от иных правонарушений:*

- А) обладает общественной опасностью – 26%
- Б) обладает повышенным уровнем общественной опасности – 74%

27. *Общественная опасность преступления – это, прежде всего:*

- А) причиненный преступлением вред – 28%
- Б) потенциальная возможность причинения вреда – 82%

28. *Можно ли ранжировать охраняемые уголовным законом объекты по степени их важности?*

- А) да – 75%
- Б) нет – 25%

29. *Допустимо ли считать преступление нарушением прав человека?*

- А) да – 40%
- Б) нет – 25%
- В) не всегда – 35%

30. *Можно ли рассматривать уголовно-правовой запрет на те или иные виды поведения в качестве ограничения прав человека?*

- А) да- 51%
- Б) нет – 49%

31. Верным ли будет утверждение, что специфическое свойство наказания, отличающее его от иных мер уголовно-правового характера, состоит в том, что оно сущностно связано с виной лица?

А) категорически да – 63%

Б) категорически нет – 12%

В) вероятнее всего – 15%

32. Допустимо ли с точки зрения конституционного правила об ограничении прав человека только федеральным законом существование региональных законов об административной ответственности?

А) да – 29%

Б) нет – 71%